

Правда побеждает

Правда побеждает

**Материалы чехословацкой печати,
разоблачающие подрывную деятельность
антисоциалистических
и правооппортунистических сил в ЧССР
в 1968 году — начале 1969 года**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1971**

П68 **Правда побеждает. Материалы чехословацкой печати, разоблачающие подрывную деятельность антисоциалистических и правооппортунистических сил в ЧССР в 1968 году — начале 1969 года.** М., Политиздат, 1971.

440 с.

Материалы, включенные в книгу, помогают понять корни и сущность кризисных событий в Чехословакии 1968—1969 гг. Особый интерес представляют выступления и интервью видных партийных и государственных деятелей тт. Г. Гусака, Л. Свободы, В. Биляка, А. Индры, О. Швестки, Д. Кольдера и др. Приведенные факты разоблачают истинное лицо тех, кто организовывал атаку на социалистический строй в Чехословакии, рассказывают о причинах, по которым А. Дубчек, О. Черник и другие были исключены из рядов КПЧ. Многие материалы переведены на русский язык впервые.

Книга представляет интерес для самых широких кругов читателей.

1—11—3

9—БЗ—18—71

ЗКИ + ЗКИ

В настоящее время печать Чехословакии продолжает анализировать события 1968—1969 гг. Да это и понятно. То, что произошло в эти годы в ЧССР, было одной из наиболее напряженных послевоенных классовых схваток между миром социализма и объединенными силами внутренней и международной реакции и наглядно свидетельствовало о непрекращающихся попытках империализма пробить брешь в содружестве социалистических государств.

Новые материалы, публикуемые на страницах чехословацких газет и журналов, проливают свет на события тех дней. Только теперь стали известны многие факты закулисной деятельности враждебных социализму сил, показывающие серьезную опасность контрреволюционного заговора для судеб социалистической Чехословакии. Именно в этих фактах скрывается правда, осмысливание их дает ключ к пониманию истоков недавних событий.

В период кризисного развития в партии и обществе правые и антисоциалистические силы, овладев средствами массовой информации, односторонне и лживо освещали события. Они всячески чернили, охаивали двадцатилетний период строительства социализма в ЧССР, дискредитировали людей, идеи, дела Компартии Чехословакии, ее внутреннюю и внешнюю политику, оживляли мелкобуржуазные идеалы периода буржуазной Чехословакии, разворачивали широкую кампанию против Советского Союза и других братских стран.

Центральный Комитет КПЧ, руководство ЦК КПЧ, избранное на апрельском (1969 г.) пленуме, совместно с партийным активом приложили много усилий для того, чтобы объяснить чехословацким коммунистам, рабочему

классу и всем гражданам истинные причины охватившего общество кризиса.

Выступая на сентябрьском (1969 г.) пленуме ЦК КПЧ, Первый секретарь ЦК КПЧ т. Густав Гусак сказал: «Мы должны позаботиться о том, чтобы каждый честный член партии был правильно информирован, чтобы он уяснил все проблемы, чтобы он смог понять нас, ЦК, партию. Мы должны позаботиться о том, чтобы ни один честный член партии не считал, что люди совершают повороты на 180 градусов — сегодня говорят одно, а вчера говорили другое»¹.

Выступления, статьи, свидетельства видных чехословацких партийных и государственных деятелей, тт. Г. Гусака, Л. Свободы, В. Биляка, А. Индры, Д. Кольдера и др., включенные в данный сборник, воссоздают полную картину того, как правые и антисоциалистические силы в Чехословакии, поддерживаемые международным империализмом, вели целеустремленную атаку против руководящего положения рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии Чехословакии, как вместо исправления допущенных ошибок руководство партии во главе с А. Дубчеком принимало неклассовые, немарксистские и в своей основе неправильные решения, грубо нарушая интернациональные принципы КПЧ.

Сегодня на основе имеющихся данных в ЧССР констатируют, что руководство КПЧ, избранное на январском (1968 г.) пленуме ЦК КПЧ, своими нерешительными, беспринципными действиями открыло путь ревизионистскому оппортунистическому течению в партии, не противодействовало атакам против самих основ чехословацкого общественного строя, атакам, вылившимся в угрозу контрреволюции. Часть партийного руководства перешла на позиции правого оппортунизма и национализма. Правые ревизионистские силы оказались в большинстве в руководстве КПЧ. Им удалось на время парализовать руководящую роль КПЧ в обществе.

Характеризуя обстановку, сложившуюся в Президиуме ЦК КПЧ, т. А. Индра отмечает: «Это был не руководящий исполнительный орган, а какой-то свободный дискуссионный клуб... А ведь речь шла о судьбе партии. Одни под-

¹ Густав Гусак. Избранные статьи и речи. М., Политиздат, 1969, стр. 376.

черкивали серьезность ситуации, настаивали на решительных шагах, другие умягчали опасность, говорили в лучшем случае о незначительных признаках негативных явлений...»

Далее т. А. Индра показывает, какую лицемерную и неискреннюю позицию занимало бывшее руководство партии и какую пагубную роль это сыграло в отношениях с братскими странами. «Сколько раз мы в своих документах и официальных заявлениях клялись в верности союзническим обязательствам в отношении Советского Союза и других социалистических стран! Но был открыт путь антисоветской пропаганде, и она, прикрываясь лозунгом «свободы слова», в летние месяцы вылилась в истерию, которая поддерживалась и некоторыми членами прежнего состава Президиума ЦК».

«Главные принципы демократического централизма,— пишет т. Д. Кольдер,— нарушались самими членами Президиума ЦК КПЧ. По моему мнению, это был основной мотив растущих опасений братских партий, и история с «2000 слов» лишь подтвердила неспособность нашего руководства обеспечить выполнение своих же решений... Оппортунистическая практика в руководстве партии деморализовала ее ряды, объективно играла на руку мелкобуржуазным тенденциям, сопутствовавшим политическому развитию... В июле (1968 г.) возникло уже такое положение, когда ЦК КПЧ был фактически отстранен от политики. Постепенно некоторые члены Президиума перешли в оппортунистический лагерь».

В принятом декабрьским (1970 г.) пленумом ЦК КПЧ важном политическом документе «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», который наряду с другими материалами включен в сборник, подробно вскрываются причины кризиса в партии и обществе, обнажаются корни правого оппортунизма и ревизионизма, разоблачаются цели контрреволюции.

В «Уроках» дается подробный анализ того, как в ходе чехословацких событий ревизионисты, правые оппортунисты готовили почву и расчищали путь контрреволюции. Как отмечается в документе, антисоциалистические силы в ЧССР, действовавшие в соответствии с планами международного империализма, ориентировались прежде всего на использование методов политического и идеологиче-

ского разложения и постепенное осуществление контрреволюционных замыслов в течение более продолжительного периода, чем это было в Венгрии в 1956 г. Но и в ЧССР антисоциалистические силы рассчитывали на то, что в подходящий момент, в случае если их планы натолкнутся на сопротивление, они развяжут физический террор против марксистско-ленинских кадров и граждан, преданных делу социализма.

На политической арене появились организации с явной антисоциалистической контрреволюционной направленностью, как К-231 и КАН, которые были непосредственно связаны с западными антикоммунистическими центрами. Это — еще одно доказательство того, что процесс разрушения политической системы ЧССР приобретал ярко выраженные контрреволюционные черты. Обе эти реакционные организации открыто заявили, что их ближайшей целью является «возмездие» за февраль 1948 г. Они не скрывали того, что хотят установить буржуазно-демократический строй и расправиться с коммунистами и всеми активными строителями социализма. Руководство партии и правительство во главе с А. Дубчеком и О. Черником не приняло мер против этих явно антисоциалистических и контрреволюционных организаций и группировок.

Один из тех, кто «идейно» и практически направлял правые силы и долгое время оставался в тени, хотя именно к нему тянулись тайные нити от многих очагов контрреволюции, был профессор В. Черный, подпольная деятельность которого предстает в полном свете в статьях С. Оборского «О профессоре В. Черном и других». Этот человек предпочитал оставаться за кулисами. Но именно к нему приходили писатели Я. Прохазка, В. Гавел, А. Климент, философ И. Свитака, журналист И. Черный, академик О. Вихтерле, студент Пинц и др., которые являлись или по крайней мере называли себя главными организаторами «процесса возрождения». Они приносили ему подробные сообщения о ситуации и проделанной «работе», информировали о беседах с политическими деятелями вроде бывшего секретаря ЦК КПЧ Ч. Цисаржа или министра культуры и информации М. Галушки, обсуждали с профессором свои планы и получали от него «добро». Кроме того, им было известно, что Вацлав Черный поддерживает связи с чехословацкими эмигрантами, бежавшими за границу после февраля 1948 г.

Вацлав Черный многим был известен лишь как профессор Карлова университета, критик, философ. В 1968 г. В. Черный старался не шуметь. Даже под «2000 слов» не было его подписи. Но В. Черный имел привычку записывать свои private разговоры на магнитофонную ленту. «Неожиданно на столах руководителей двух важных органов массовой информации Чехословакии оказались красиво упакованные посылки. Лишь марки и почтовый штемпель указывали, что свертки пришли из города на Сене. Внутри оказалась магнитофонная лента. Так всплыло то, что навсегда должно было остаться тайной», — пишет С. Оборский.

Магнитофонные документы достоверно и убедительно подтверждают, что социалистическая власть находилась под серьезной угрозой. Наступление контрреволюции проводилось тихо, ползком. Неслышно, под прикрытием дымовой завесы средств массовой информации осуществлялись перестановки в органах власти. «Если бы процесс продолжался до полного упадка, страна была бы свидетелем крепкого политического переворота», — откровенно признается теперь представитель крайне реакционных сил И. Свитак, выступая на страницах американского журнала. Логика событий привела на одну платформу таких идеологов контрреволюции, как И. Свитак, Л. Вацулик, И. Пеликан, и лидеров правых Й. Смирковского, Ф. Кригеля, А. Дубчека, О. Черника. Вдохновители и идейные руководители правых, те кто демагогически провозглашал идеи «туманного социализма», «социализма с человеческим лицом», стремились к захвату власти. Они отрицали руководящую роль рабочего класса, выступали против его авангарда — коммунистической партии. Средства массовой информации разворачивали широкие кампании против честных членов партии, клеймили их как догматиков и консерваторов. Добиваясь своих целей, правые расчищали путь контрреволюционным силам.

Серия статей, опубликованная в газете «Руде право», подробно освещает процесс постепенного сближения позиций правого оппортунизма с позициями явно антисоциалистических сил. Отравленным оружием правых оппортунистов внутри партии и базой их фактического объединения с антисоциалистическими силами становятся антисоветизм и национализм. В этих статьях приводятся фактические данные о том, как формировался так называемый

мый второй центр, раскрываются закулисные стороны деятельности правых на «высочанском съезде» и после него, вплоть до апрельского пленума ЦК КПЧ 1969 г. Статьи еще раз свидетельствуют о том, что кризис, начавшийся в 1968 г., не был случайностью как для правых, так и антисоциалистических сил. Общая тактика и скоординированные действия контрреволюционных и правых сил были направлены на подрыв всех устоев общественной и политической жизни Чехословакии.

В борьбе за свои цели блок правых и контрреволюционных сил делал особый упор на ликвидацию руководящей роли партии в экономике, на отказ от принципов планового управления народным хозяйством и на ревизионистское толкование экономической реформы. Усилиями таких правых авантюристов, как Ота Шик, был открыт путь мелкобуржуазной стихийности, для ликвидации основного завоевания социалистического общества — всенародной собственности, станового хребта социалистического строя в ЧССР. В конечном итоге этот путь привел бы к ликвидации социалистических производственных отношений.

Таким образом, в теории и на практике постепенно дело велось к преобразованию социалистической экономики в систему буржуазного типа, к лишению рабочего класса и всего трудового народа всех революционных завоеваний.

В идеологической области подрывная деятельность враждебных сил проявлялась в искажении, игнорировании, а впоследствии в открытом отрицании основных принципов марксистско-ленинского мировоззрения в философии, социологии, истории, экономике, в области партийного строительства, государства и права, а также в области культуры и искусства, где повсюду наблюдалась открытая капитуляция перед буржуазной идеологией.

Внешнеполитическая концепция правых сил, которая была следствием контрреволюционного развития в ЧССР, вела в итоге не только к тому, что были поставлены под угрозу внутренняя стабильность и безопасность государства, его суверенитет и мирные условия спокойного труда людей, но и к тому, что была обнажена западная граница лагеря социализма, прочным бастионом которого должна быть Чехословакия, находящаяся на рубеже социалистической и капиталистической систем в Европе. Защита и сохранение социализма в ЧССР касались не только непосредственных интересов Коммунистической партии Чехо-

словакии и трудового народа, но неизбежно стали общим делом социалистических государств, братских партий этих стран и всего коммунистического движения.

В августе 1968 г. в Чехословакии сложилась обостренная контрреволюционная обстановка, страна очутилась на грани гражданской войны. На повестку дня со всей остротой встал вопрос «кто — кого»: либо контрреволюция, опирающаяся на поддержку международной реакции, завершит свое черное дело, либо социалистическим силам удастся отразить контрреволюцию и отстоять дело социализма.

Ввиду того что правая часть руководства партии не хотела принимать никаких мер, которые вели бы к срыву контрреволюционного переворота и к предотвращению гражданской войны, тысячи коммунистов, отдельные граждане, представители всех слоев населения и разных организаций, в том числе члены ЦК КПЧ, члены правительства и депутаты Национального собрания и Словацкого национального совета обратились к руководящим органам братских партий с просьбой оказать чехословацкому народу интернациональную помощь в деле защиты социализма.

Вступление союзнических войск пяти социалистических стран в Чехословакию явилось актом интернациональной солидарности, который отвечал как общим интересам чехословацких трудящихся, так и интересам международного рабочего класса, социалистического содружества и интересам мирового коммунистического движения. Этот акт укрепил западные границы социалистического лагеря и опрокинул надежды империалистов на пересмотр итогов второй мировой войны.

«Всестороннее изучение фактов о положении в нашей партии и во всей стране до августа 1968 г. и в более поздний период подтверждает, что любое другое решение, которое не предусматривало бы оказание внешней непосредственной помощи со стороны СССР и других наших союзников в условиях, когда деятельность партии была парализована, а государственный строй в Чехословакии оказался на грани разложения, не имело бы никаких шансов на успех, так как оно не привело бы к спасению социализма в ЧССР»¹.

¹ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ». М., 1971, стр. 45.

Целенаправленные усилия марксистско-ленинских сил, избрание в апреле 1969 г. нового руководства КПЧ во главе с Густавом Гусаком, очищение партии от оппортунистических и ревизионистских элементов создали необходимые условия для политической и экономической консолидации в стране, обеспечили дальнейшее развитие социалистического общества.

Уроки чехословацких событий подтверждают правильность выводов международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. в Москве о том, что «становление социалистического мира — составная часть классовых битв на мировой арене. Враги социализма не оставляют попыток подорвать основы социалистической государственной власти, сорвать дело социалистического преобразования общества и восстановить свое господство. Решительный отпор таким попыткам — необходимая функция социалистического государства, опирающегося на широкие народные массы, руководимые рабочим классом и его коммунистическим авангардом»¹.

Компартия Чехословакии, очистившись от правых оппортунистов, укрепляет свои ряды на основе ленинских норм и принципов внутрипартийной жизни, ведет борьбу за дальнейшее развитие социализма в стране, за укрепление всестороннего сотрудничества с КПСС.

«Правда победит» — эти простые и мудрые слова начертаны на гербе Чехословацкой Социалистической Республики.

Правда в Чехословакии побеждает, и гарантией этого является руководящая роль коммунистической партии, ее неутомимая деятельность на благо трудового народа.

Крупным событием в жизни партии явился XIV съезд КПЧ, состоявшийся в конце мая 1971 г., который, как сказал т. Л. И. Брежнев, выступая на этом съезде, «по праву можно назвать съездом победы над врагами социализма в ЧССР, съездом торжества социализма»²,

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.». М., 1969, стр. 303.

² «Правда», 27/V 1971 г.

УРОКИ КРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ В КОМПАРТИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ И ОБЩЕСТВЕ ПОСЛЕ XIII СЪЕЗДА КПЧ

*Документ, принятый на пленуме ЦК КПЧ
в декабре 1970 г.*

С апреля 1969 г. Центральный Комитет КПЧ, его Президиум совместно с активом партии приложили большие усилия для того, чтобы объяснить партии, рабочему классу и всем гражданам причины охватившего наше общество кризиса, который завершился в 1968 г. контрреволюцией.

В соответствии с оценками и выводами, сделанными ЦК КПЧ, особенно на пленумах в сентябре 1969 г. и январе 1970 г., в партийных органах и организациях был проведен анализ их собственной деятельности, что наряду с беседами, состоявшимися с полутора миллионами членов партии в ходе обмена партийных билетов, помогло дальнейшему разоблачению правых и антисоциалистических сил в партии и обществе.

Накопленные данные позволяют нам перейти к обобщению этого коллективного опыта партии. Центральный Комитет КПЧ убежден, что этот документ послужит руководством для партии и будет способствовать ее дальнейшему политико-идеологическому и организационному сплочению, укреплению ее марксистско-ленинского характера, усилению ее руководящей роли и успешному социалистическому развитию всего нашего общества.

I

Для новейшей истории чешского и словацкого народов были характерны два основных течения: борьба за социальное освобождение трудящихся и борьба за существование наших народов, за их свободу. Классовые и национальные, внутренние и международные аспекты этой борьбы взаимно переплетались и влияли друг на друга.

Мюнхен и расчленение Чехословацкой Республики показали, что правящие круги чешской и тесно связанной с ней словацкой буржуазии продали ради своих классовых эксплуататорских интересов само существование Чехословакии как самостоятельного государства.

Этот трагический опыт вызвал глубокие изменения в сознании широких народных масс и в их политической позиции. Результатом этого был рост авторитета КПЧ, которая в борьбе против фашизма и в деле защиты республики показала, что она является единственным последовательным борцом за классовые, социальные и национальные интересы трудящихся. Своей принципиальной политикой, героизмом и самоотверженностью коммунистов *в национально-освободительной борьбе в стране и за границей, в которой большую роль сыграл наш армейский корпус, сформированный в СССР, и которая завершилась Словацким национальным восстанием и восстанием чешского народа, КПЧ завоевала всеобщее признание как руководящая политическая сила.* Вместе с тем не бывало возрос авторитет СССР, углубилось традиционное сердечное отношение наших народов к советскому народу, который в критический для них период мюнхенского сговора показал себя единственным верным союзником Чехословакии, вынес на себе главное бремя второй мировой войны и сыграл решающую роль в деле разгрома нацистской Германии.

Это развитие в Чехословакии наряду с изменением соотношения классовых сил на мировой арене, происшедшим под влиянием победы Советского Союза, создало в нашей стране условия для национально-демократической революции. После освобождения нашей родины Советской Армией перед рабочим классом открылась возможность завершить в союзе с другими слоями трудящихся борьбу за социальное освобождение чехословацкого народа.

Последовательное осуществление целей национально-демократической революции и ее постепенное перерастание в революцию социалистическую вызывали все большее сопротивление со стороны буржуазии. Решение вопроса о власти, вопроса «кто — кого» между буржуазией и рабочим классом стало главным вопросом дальнейшего развития: идти к социализму или вспять, к господству буржуазии. Попытка буржуазии осуществить открытый

контрреволюционный путч в феврале 1948 г. была составной частью далеко идущих планов международного империализма, направленных на то, чтобы пересмотреть итоги второй мировой войны и сформировать антикоммунистический, антисоветский фронт. Однако КПЧ быстро и эффективно организовала под своим руководством силы рабочего класса, крестьянства и остальных слоев трудящихся для контрнаступления. В результате ее действий, в которых выдающуюся роль сыграла Народная милиция, контрреволюционные силы буржуазии были разгромлены.

Февральская победа была кульминационным пунктом национально-демократической революции, завершением революционной борьбы рабочего класса за окончательное принятие социалистического пути. Внутренней предпосылкой этой победы была сильная, закаленная в борьбе, идейно и организационно сплоченная коммунистическая партия, во главе которой стоял К. Готвальд. Партия сумела принципиально и творчески применить ленинскую стратегию и тактику борьбы за власть в конкретных исторических условиях нашей страны. Внешняя предпосылка успеха состояла в том, что союзнические узы с Советским Союзом сделали невозможной империалистическую интервенцию.

В феврале 1948 г. был полностью открыт путь для строительства социализма в нашей стране. Основной предпосылкой социалистического строительства было укрепление власти трудового народа во главе с рабочим классом и коммунистической партией, с тем чтобы новая власть выполняла все функции диктатуры пролетариата. Это требовало ликвидации остатков позиций буржуазии и создания нового типа социалистического государства, нового типа социалистической демократии. Важнейшая задача партии в период диктатуры пролетариата состояла в том, чтобы обеспечить строительство материально-технической базы социализма и систематическое повышение культурного и материального уровня жизни народа; хранить единство партии и чистоту марксистско-ленинского учения; постоянно вести политическую и идейную борьбу против влияния разгромленной буржуазии, против колебаний мелкобуржуазных слоев и давления со стороны империалистического лагеря; неустанно углублять союз с Советским Союзом и другими странами

пародной демократии. Таковы были заветы февральской победы, которые нашли свое отражение в генеральной линии строительства социализма в Чехословакии, утвержденной на IX съезде КПЧ в 1949 г.

Генеральная линия исходила из общих закономерностей построения социализма, из ленинских идей и обобщенного опыта КПСС и творчески осуществлялась в конкретных условиях нашей страны. Она отвечала достигнутой ступени развития, условиям и нуждам нашего общества, целям революционной борьбы рабочего класса и интересам широких слоев трудящихся. Она вызвала большой революционный подъем, пробудила политическую и трудовую инициативу широких масс.

Строительство социализма в Чехословакии привело к историческим преобразованиям в социальной и экономической структуре нашего общества, к замечательным успехам в политической, экономической и культурной жизни нашего народа.

Угнетенный и эксплуатируемый рабочий класс стал правящим классом. И в Чехословакии осуществилась вековая мечта трудящихся — была устранена эксплуатация человека человеком. Наш народ под руководством КПЧ стал сознательным творцом своей собственной судьбы.

В экономической области полностью победили социалистические производственные отношения. В целях их укрепления и дальнейшего развития была создана мощная материально техническая база социализма. В 1969 г. национальный доход увеличился по сравнению с довоенным уровнем на 350 процентов.

Выражением революционных преобразований был прежде всего бурный рост промышленного производства, объем которого увеличился по сравнению с довоенным уровнем более чем в шесть раз. Индустриализация Словакии привела к коренным изменениям в этой части страны, превратив ее из аграрной в промышленно развитую. Были ликвидированы отсталость и нищета, прекратилась эмиграция. Одна Словакия выпускает ныне больше продукции, чем вся домюнхенская республика.

Коренным образом изменились облик и жизнь нашей деревни. И в области сельского хозяйства восторжествовали социалистические производственные отношения. Родился новый класс — класс кооперированного крестьянства.

яинства, материальное положение которого, культурный уровень и социальная уверенность не идут ни в какое сравнение с неудовлетворительным положением крестьян-единоличников. Тем самым была выполнена одна из самых трудных задач социалистической революции.

На этой основе совершенно изменились условия жизни нашего трудового народа, его перспективы. Была ликвидирована безработица, каждому гражданину страны гарантируется право на труд, всестороннее медицинское обслуживание и пенсия по старости. В нашей социалистической стране была достигнута социальная уверенность трудового народа, что является одной из главных предпосылок счастливой жизни человека.

За время существования социалистического строя в нашей стране значительно повысился жизненный уровень всех классов и слоев общества. Продолжительность рабочей недели была сокращена до пяти дней.

Повысился общеобразовательный и культурный уровень наших народов и национальных меньшинств; и у нас начала осуществляться давняя мечта рабочего класса и всех трудящихся — обеспечить всем право на образование. Систематическая и всесторонняя забота социалистического государства о развитии науки позволила развернуть научно-исследовательские работы во многих отраслях на высоком, а часто и на мировом уровне. Широкие массы трудящихся получили доступ к самым лучшим и самым прогрессивным культурным ценностям.

По своему экономическому потенциалу, росту производства, жизненному уровню, развитию культуры, науки и образования, социальным завоеваниям трудящихся наша страна заняла одно из первых мест среди стран с высокоразвитой экономикой.

Народ все более активно принимает участие в управлении и руководстве социалистическим государством. Были осуществлены коренные изменения и созданы всесторонние предпосылки для марксистско-ленинского решения национального вопроса. Чехи и словаки превратились в развитые социалистические нации и стали составной частью передовых сил мирового прогресса и мира. Марксизм-ленинизм, как самая прогрессивная идеология современности, стал определяющей идеологией в обществе.

Результаты, достигнутые в строительстве социализма, являются доказательством того, что наши трудящиеся, руководимые Коммунистической партией Чехословакии, успешно справились со сложной революционной задачей социалистического строительства. Самоотверженным упорным трудом рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, старшего и последующих поколений было воплощено в жизнь то, что относится к самым славным достижениям в истории наших народов, служит гарантией, основой и исходной базой дальнейшего развития нашего социалистического общества.

Союз и сотрудничество с социалистическими странами, и в первую очередь с Советским Союзом, не только дают нашему народу гарантию перед угрозой агрессии и шантажа со стороны империализма, но и обеспечивают нашим народам государственную и национальную уверенность и суверенитет, создают всесторонние предпосылки для их политического, экономического и культурного развития. Они охраняют наше народное хозяйство от кризисных потрясений капиталистического рынка. Советский Союз обеспечивает не только поставки необходимого сырья и оборудования, но и постоянный и надежный сбыт нашей продукции, бескорыстно помогает своими специалистами и опытом. Без этого сотрудничества и помощи строительство социализма в Чехословакии было бы неосуществимо.

Опыт, приобретенный нашим народом под руководством КПЧ в строительстве социализма, подтвердил, что принципы социализма действительны в полном объеме и для стран, которые вступили на путь социализма в стадии промышленно развитой экономики. И в этих странах социализм предоставляет рабочему классу и всем трудящимся качественно высшие, недостижимые в других условиях, возможности развития.

Путь строительства социализма не был легким, встречались препятствия и трудности. В процессе бурного и сложного развития нашего общества, в ходе которого наша партия и рабочий класс еще только осваивали умение руководить и управлять, были допущены ошибки и трагические заблуждения. Наряду с трудностями, вытекающими из новизны характера и сложности задач, строительство социализма сопровождалось и некоторыми субъективными ошибками. Они выражались в самоуспо-

коенности, в непоследовательном осуществлении ленинских принципов в жизни и работе партии, в неудовлетворительном обобщении практики и накопленного опыта масс, в пренебрежении классовым подходом к общественным проблемам, в попытках опередить развитие, в нарушении принципов демократического централизма и внутрипартийной демократии. В результате ослабления политической и идеологической работы борьба против буржуазной идеологии, против мелкобуржуазных тенденций и идеологических диверсий утратила свою остроту. Это неизбежно привело к ослаблению связи партии с трудящимися массами.

Ошибки и недостатки повлекли у нас тем более серьезные последствия, что в социальном составе нашего общества имели большой вес многочисленные мелкобуржуазные слои как в деревне, так и среди городского населения. Эти слои представляли собой оформленное политическое течение со старыми традициями, сильной организацией и четко выраженной мелкобуржуазной идеологией национализма, масарикизма и социал-демократизма, которая глубоко укоренилась и проникла в сознание некоторой части рабочего класса. В Словакии определенную роль играли религиозные пережитки, используемые «людацтвом» (словацким клерикало-фашизмом). На протяжении целых десятилетий эти слои в политическом и культурном отношении ориентировались на Запад. Все это создавало живительную почву для проникновения и осуществления оппортунистических и ревизионистских тенденций.

Дискуссия перед XIII съездом КПЧ вскрыла многие недостатки и ошибки, которые необходимо было устранить, но руководству партии не удалось последовательно обобщить опыт деятельности партии в предыдущий период и сделать такие политические и кадровые выводы, которые позволили бы ликвидировать эти недостатки. Все же решения XIII съезда КПЧ в 1966 г. в общем ориентировали партию в правильном направлении. Выводы съезда создавали широкие возможности для последовательного осуществления руководящей роли партии, ленинских методов руководства партией и обществом.

Однако решения XIII съезда КПЧ не осуществлялись последовательно на практике, наоборот, во многих случаях от них отошли. Это обстоятельство использовали

правые и ревизионистские силы. Они оформились в постепенно усиливающееся течение, создававшееся задолго до XIII съезда из мелкобуржуазных элементов, из представителей разгромленной буржуазии. Эти элементы проникли и в партию, особенно в идеологическую область, и в средства массовой информации. К ним присоединились люди, растерявшиеся перед трудностями и утратившие веру в революционную перспективу, различные «теоретики», перешедшие от крайнего догматизма к ревизионизму.

Внутреннее наступление правых сил было тесно связано с идейными центрами мирового антикоммунизма. Их длительное воздействие и применяемые ими методы идеологической диверсии и различные психологические операции были целеустремленно направлены на постепенный подрыв всех основных ценностей социализма в ЧССР и на усиление влияния ревизионизма внутри партии. Эти центры проводили против ЧССР единую тактику, используя при этом ослабление внутреннего положения КПЧ, вызванное нарастанием некоторых кризисных явлений внутри партии.

Антикоммунистические круги стремились возродить буржуазные взгляды, сеять иллюзии о капитализме, насаждать национализм и антисоветские настроения, ставить под сомнение руководящую роль партии и положение рабочего класса как ведущей силы, классовое толкование революционной борьбы и принципы социализма вообще.

Партия не была в достаточной степени вооружена и подготовлена к этому концентрированному, хорошо организованному, координированному и руководимому наступлению внутренних и внешних ревизионистских и правооппортунистических сил. Недооценивалась опасность проникновения правого оппортунизма и ревизионизма, в идеологической работе проявлялась недопустимая пассивность и терпимое отношение к ним. На словах часто говорилось об опасности идеологической диверсии, но конкретных шагов не предпринималось. Было ослаблено воспитание членов партии и остальных трудящихся в духе марксизма-ленинизма. Партия постепенно идейно разоружалась. На протяжении многих лет теоретическая работа в партии была запущена и страдала поверхностным, формальным подходом к вопросу идейного воздей-

ствия на членов партии. Даже такие теоретические учреждения партии, как Институт истории КПЧ, Высшая партийная школа, Институт политических наук, задолго до 1968 г. стали активными носителями многих ревизионистских концепций. Свою долю вины за это положение несут И. Гендрих, В. Коуцкий, отвечавшие в истекшем периоде за этот участок партийной работы. Особенно большой вред нанесли на этом участке В. Славик и Ч. Цисарж, которые настежь распахнули двери перед правым оппортунизмом.

Ярко выраженной, открытой попыткой создать ревизионистскую антипартийную, антисоциалистическую платформу, с тем чтобы получить поддержку общественности, были выступления на IV съезде писателей правой группы писателей, объединившихся вокруг А. Лима, П. Когоута, М. Куйдеры, К. Косика, Л. Вацулика и Я. Прехазки.

Здоровое марксистско-ленинское течение в партии сознавало всю серьезность положения. Оно искренне стремилось к решению возникших проблем, требовало устранения недостатков и готово было отдать этому все силы. Указанное течение выражало взгляды решающего большинства партии. Однако руководство партии не поняло и не поддержало искренние стремления этого течения и не возглавило его.

Несмотря на то что и в самом руководстве проходил процесс дифференциации взглядов, политический курс определялся прежде всего позицией А. Новотного, у которого не было склонности работать в соответствии с твердой концепцией; он огульно отвергал критические голоса и не делал различия между здоровой критикой и нападками правых. Часто он более остро выступал против тех сил, которые стремились к оздоровлению положения в партии, чем против правых элементов. Вместо того чтобы возглавить марксистско-ленинское направление, он объективно тормозил деятельность партии, направленную на творческое осуществление решений XIII съезда, борьбу за идейное единство и единство действий, за укрепление руководящей роли партии. Многие решения Центрального Комитета КПЧ и Президиума ЦК ослаблялись непоследовательным и односторонним толкованием их А. Новотным, который эти решения ставил под сомнение, хотя ранее соглашался с ними. Ошибки

А. Новотного вытекали из некоторых его личных качеств, из нарушения принципа коллективности руководства, из запосчивости, субъективизма, мании величия и подозрительного отношения к людям; нет сомнения, что этому способствовала и некритическая позиция некоторых его ближайших сотрудников. Поэтому усилия найти выход из положения и активизировать партию концентрировались на вопросе об уходе А. Новотного с руководящего партийного поста.

Разногласия, назревавшие до тех пор подспудно, проявились в открытой форме на высшем партийном форуме в ходе работы февральского, майского, сентябрьского и октябрьского пленумов ЦК КПЧ в 1967 г. Однако в этих разногласиях к обоснованной критике создавшегося положения и отчасти его причин уже примешивались оппортунистические высказывания некоторых членов ЦК против основных принципов партии и социализма.

Знаменательным этапом стал пленум ЦК КПЧ в октябре 1967 г., посвященный положению и роли партии. Большую роль в подготовке к этому пленуму имело широкое изучение мнений партийной общественности, в ходе которого около 600 первичных организаций высказались по актуальным вопросам работы партии. Итоги этого изучения серьезно предупреждали о наличии противоречий между поставленными целями и достигнутыми результатами, проявлений бюрократизма, подавления внутрипартийной демократии, низкого уровня дисциплины и возраставшей пассивности коммунистов, неудовлетворительных связей руководящих органов с первичными организациями, непоследовательного решения экономических вопросов. Это изучение показало также, что коммунисты выступали против очернения истории и деятельности партии, против мелкобуржуазного негативизма и антисоветских выпадов, против ревизионизма. Это была открытая и острая критика партийного руководства и одновременно выражение воли и решимости партии преодолеть накопившиеся трудности.

На октябрьском пленуме в 1967 г. открыто проявились разногласия внутри Центрального Комитета в оценке положения и определении путей выхода из него. Своим выступлением на пленуме А. Новотный восстановил против себя большинство членов ЦК и обострил положение настолько, что изменения в руководстве стали неизбежными.

ЦК поставил в повестку дня, но не довел до конца решение основных вопросов политики партии, деятельности Центрального Комитета и его органов.

На декабрьском пленуме (1967 г.) большая часть членов ЦК выступила с критикой методов работы и способов руководства А. Новотного и потребовала, чтобы был сделан критический и самокритичный анализ политики и работы Центрального Комитета, Президиума и Секретариата ЦК КПЧ.

Центром дискуссии стали положение в партии, необходимость принятия принципиальных мер для устранения недостатков в выполнении решений XIII съезда, в том числе уход А. Новотного с поста Первого секретаря ЦК.

Упорство, с которым А. Новотный отстаивал свою личную позицию, вело к тому, что силы и внимание Центрального Комитета сосредоточились прежде всего на решении вопроса о руководстве партией. Этим, в частности, объяснялось, что на пленуме не была своевременно разоблачена платформа тех членов ЦК, которые в дискуссии о положении и дальнейших действиях партии исходили, по существу, из антипартийных, ревизионистских позиций (О. Шик, В. Славик, Ф. Водслонь, Й. Смирковский и др.).

Перерыв в работе декабрьского пленума без принятия конкретных решений и его перенос на начало января 1968 г. крайне обострили напряженность не только в ЦК и партийном активе, но и во всей партии и обществе.

Только после того как А. Новотный убедился в том, что, несмотря на все маневрирование и попытки, он не может заручиться поддержкой большинства членов ЦК, после широкой, открытой и зачастую противоречивой шестидневной дискуссии он принял на январском пленуме предлагаемое решение и в соответствии с Уставом партии был освобожден с поста Первого секретаря ЦК КПЧ.

После длительного обсуждения и противоречивых предложений на пост Первого секретаря ЦК был единогласно избран А. Дубчек. Этот выбор был компромиссным решением. Правда, многим были известны некоторые недостатки А. Дубчека, однако на выбор этой кандидатуры повлияли существовавшие тогда отношения в руководстве партии и стремление избрать такого кандидата, при выборах которого будет достигнуто единство. От имени Прези-

диума, от имени консультативной группы (которую пленум создал из представителей областных организаций, так как сам Президиум не мог прийти ни к какому выводу по этому вопросу) и от своего имени предложение об избрании А. Дубчека внес А. Новотный. Центральный Комитет ввел в состав Президиума некоторых новых членов.

На пленуме была принята политическая резолюция, в которой члены ЦК единодушно выразили свое согласие с решениями XIII съезда и вновь подчеркнули принадлежность нашей страны к мировой социалистической системе и ее прочное единство с Советским Союзом. Была подчеркнута необходимость углубить единство партии, устранить ошибки и недостатки, укрепить руководящую роль партии и соблюдение ленинских норм, упрочить союз чехов и словаков путем последовательного осуществления ленинских принципов национальной политики, решать вопросы развития народного хозяйства и выполнения других задач, направленных на реализацию решений XIII съезда КПЧ.

Однако наряду с этим на январском пленуме (1968 г.) выявились и серьезные противоречивые тенденции. Силы, исходящие в своей деятельности из принципов марксизма-ленинизма, опирающиеся на решения XIII съезда и отстаивающие необходимость продолжать намеченную линию, стремились найти ответ на актуальные вопросы, устранить недостатки и ошибки прошлого, мобилизовать всю партию на активные действия, отвечающие назревшим проблемам. Но с другой стороны, как подтверждало дальнейшее развитие событий, еще на январском пленуме начала формироваться праворевизионистская группа, которая под предлогом исправления ошибок пыталась ревизовать генеральную линию партии, подорвать идейные и организационные принципы строительства партии, разложить политическую структуру социалистического общества с целью развязать мелкобуржуазную стихию и изменить внешнеполитическую ориентацию ЧССР.

Перед новым руководством КПЧ стояла исключительно серьезная задача, на него была возложена историческая ответственность перед партией, народом и международным коммунистическим движением:

— опираясь и используя стихийно выраженную поддержку партией и народом решений январского пленума,

развернуть широкую активность в борьбе за преодоление препятствий, стоящих на пути дальнейшего развития социализма в ЧССР;

— не допустить злоупотребления усилиями партии, направленными на устранение недостатков, и вести наступательную идеологическую и политическую борьбу с оппортунистическими, ревизионистскими и антисоциалистическими взглядами, тенденциями и силами. Необходимость принятия этой принципиальной ориентации определялась опасностью того, что преодоление серьезных недостатков руководства Новотного, если оно не будет сопровождаться решительной борьбой против ревизионизма, приведет к нарастанию правой угрозы, о которой свидетельствовали уже некоторые выступления на январском пленуме;

— еще более укрепить наш союз с социалистическими странами, особенно с Советским Союзом, чтобы Чехословакия была прочным и надежным звеном мировой социалистической системы.

По своему основному значению итоги январского пленума были выражением необходимости решить назревший кризис в КПЧ и устранить из деятельности партии, особенно ее руководства, все, что мешало партии и обществу развивать новую активность, препятствовало новому подъему. В первую очередь это касалось последовательного осуществления ленинских принципов руководства партией и обществом, необходимости своевременно реагировать на новые явления во всех областях общественной жизни, возникавшие по мере развития. В этом духе итоги январского пленума были приняты подавляющим большинством партии и народа,

II

Однако после января 1968 г. стало ясно, что новое руководство партии во главе с А. Дубчеком в силу своей неоднородности, отсутствия политического единства и общей слабости не было способно выполнить эту задачу. Позицию Президиума ЦК КПЧ с самого начала ослабляло то, что среди его членов остались некоторые товарищи, которые несли ответственность за недостатки и деформации прошлого, и что в его состав были избраны

И. Шпачек и И. Боровка, которые очень скоро проявили себя как представители правых сил. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, решающим было то, что особенно у А. Дубчека не было предпосылок для того, чтобы понять всю сложность положения и риск, связанные со сменой руководства в таких политических и экономических условиях, в которых находились партия и общество.

Его нерешительность и колебания привели к тому, что руководство не смогло опереться на доверие подавляющего большинства членов ЦК КПЧ, поддержку большинства коммунистов и не возглавило марксистско-ленинские силы, которые на протяжении многих лет стремились улучшить работу партии. Большой потенциальный источник энергии для развития социализма, который представляли инициатива и надежды людей, вызванные к жизни январским пленумом, был растрочен впустую и даже использован правыми силами в своих интересах. Вместо того чтобы взять инициативу в свои руки и решительно направлять развитие событий, руководство партии отдало ее с самого начала на волю стихийности и тем самым сделало возможным организованное наступление правых сил.

Партия не имела ясного курса и четких директив для дальнейших действий в решающих областях. Характерно, что руководство не дало никаких директив даже для подготовки к отчетно-выборным собраниям и к районным конференциям. Это постепенно вело к тому, что руководящие органы партии и в кадровой политике перестали осуществлять принципы демократического централизма. Они не руководили нижестоящими партийными органами и аппаратом партии, наоборот, они допустили ослабление партийной дисциплины и общей организаторской работы партии и государства.

В течение первых недель после январского пленума правые силы прощупывали почву и изучали возможности, накапливали силы и искали союзников, действовали осторожно и разрабатывали свою тактику. Убедившись в нерешительности руководства и в том, что А. Дубчека можно с помощью различных методов давления и подхалимства превратить в свой щит, правые силы начали создавать вокруг него атмосферу мессианства и перешли в широко организованное наступление. Уже в феврале и

марте они провели, не встретив решительного противодействия и отпора руководящих органов партии, целый ряд публичных мероприятий и пытались дезориентировать партию и остальных трудящихся с помощью искаженной информации об итогах январского пленума. При этом они особенно использовали то обстоятельство, что решение январского пленума ЦК КПЧ не было опубликовано.

Самые активные в то время представители правых сил в ЦК КПЧ О. Шик, Ф. Кригель, Й. Шпачек, В. Славик, Й. Смирковский, Ф. Водслонь, Й. Борувка, В. Прхлик и др. начали выступать перед общественностью с ревизионистским толкованием смысла январского пленума и окружать себя фальшивым ореолом «людей января». Эти выступления, являвшиеся нарушением принципов демократического централизма, послужили одновременно толчком для организации кампании в средствах массовой информации. В средствах массовой информации правые силы и до января занимали важные позиции, которые они еще больше укрепили, превратив их в главное орудие наступления против партии и социалистического государства. Это стало возможно также и потому, что партийное и государственное руководство, по существу, отказалось от руководства и контроля над средствами массовой информации.

Овладев решающими средствами массовой информации, правые силы добились фактически монопольного положения в толковании смысла и целей январского пленума в своем духе. Одновременно они придали своей кампании видимость поддержки «новой» политики КПЧ, будто речь шла о борьбе за «новый», «лучший» социализм. Таким образом, получилось, что под этими лозунгами вокруг тех, кто никогда не имел ничего общего с социализмом, и явных врагов нашего строя сгруппировалось значительное число честных граждан.

Правые силы использовали в своих целях большую непопулярность А. Новотного и то, что на нем лежала главная ответственность за ошибки прошлого периода. Они искусно использовали и то обстоятельство, что подавляющее большинство в партии и обществе принципиально было против возврата к методам А. Новотного. Его попытки защищать свою точку зрения правые силы использовали для того, чтобы создать психоз угрозы со стороны

«консерваторов» как главной опасности для послеянварского развития. При этом консерватором называли каждого, кто отстаивал принципы марксизма-ленинизма.

Такое развитие событий вызывало все большее беспокойство не только в партии, но и среди широкой общественности. Многочисленные письма членов партии и их выступления на партийных собраниях, а также резолюции партийных органов и организаций, которые посылались в то время Центральному Комитету партии, свидетельствовали о том, что коммунисты и многие беспартийные не соглашались с кампанией дискредитации партии, с тем, что умалялись достигнутые результаты, с нараставшими антисоветскими выпадами. Они требовали от партийного руководства ясных слов и действий, которые положили бы конец усиливавшемуся антипартийным и антисоциалистическим выступлениям.

Открытое столкновение с правооппортунистическими силами в партии произошло на мартовских районных конференциях. Соппротивление здоровых сил сорвало попытку правых овладеть ключевыми позициями в районных комитетах партии. Однако правые силы немедленно организовали кампанию с помощью средств массовой информации, в ходе которой каждому, кто выступал против них, наклеивали ярлык «консерватора», противника январского пленума и усиливали атмосферу запугивания. Под лозунгом «новую политику можно делать только с новыми людьми» с руководящих постов отстранялись честные и испытанные руководящие работники, а вместо них эти посты занимали люди, которые, как правило, стояли в стороне от строительства социализма. Некоторые руководящие работники в доянварский период оказались неспособными справиться с задачами и справедливо были заменены другими, но под нажимом правых сил все чаще дело доходило до «отстрела» руководящих работников только за то, что они выступили в защиту партии и социализма.

Вокруг фракционного ядра ревизионистских правых сил в партии группировалось оппозиционное течение, которое постепенно проникало во все большее количество организаций и создавало свою собственную политическую платформу и организационную структуру. Постепенно правые силы на всех ступенях занимали важные позиции, насаждая своих людей или тех, кто по разным

причинам примыкал к ним и капитулировал перед ними. Они искусно использовали комбинированный пажим сверху — со стороны руководящих партийных и государственных органов и снизу — путем использования средств массовой информации, организации митингов, принятия различных резолюций, проведения кампаний по сбору подписей и т. д., которые они объявляли отражающими позицию партии и трудящихся, хотя часто их инициатива исходила от небольших групп или отдельных лиц. Вследствие того что руководство партии не направляло деятельность партийных органов, часть партийных работников не разгадала подлинные замыслы правых сил, а часть уступила поле боя. Все это позволило правым силам на втором этапе районных конференций с помощью грубого нарушения устава захватить важные посты в районных звеньях партии. Вследствие того что силы партии, верные марксизму-ленинизму, не получили поддержки со стороны руководящих органов партии и за небольшим исключением уже не имели возможности публично высказывать свои взгляды, они постепенно переходили к обороне и окаялись в изоляции.

Ввиду того что руководящие органы КПЧ фактически переставали руководить партией и средствами массовой информации, направление политического развития в стране все более отчетливо определялось не руководством партии, а правыми силами. То обстоятельство, что основы социализма подвергались нападкам со стороны людей, большинство которых носило партийный билет, выглядело в глазах общественности так, будто речь шла о столкновении между сторонниками и противниками января, между «прогрессивными» и «консервативными» коммунистами, между теми, кто хотел улучшить ход развития общества, и теми, кто отстаивал отжившие методы. Средства массовой информации непрерывно вносили в сознание людей эти ложные представления. Вот почему правым постепенно удалось обмануть довольно широкий круг общественности и скрыть, что в действительности речь шла о классовой борьбе, о посягательстве на социализм. Таким образом правой пропаганде удалось ввести в заблуждение и многочисленные группы честных трудящихся нашей страны. Значительных успехов эта пропаганда достигла у относительно большей части интеллигенции, особенно гуманитарной.

Логика политической борьбы вела правые силы к тому, что они все агрессивнее старались привлечь на свою сторону в качестве союзника в борьбе против партии политические силы из рядов бывшей мелкой буржуазии, которые балансировали на краю социалистического общества, и даже явно антикоммунистические силы. Сформировался политический блок правых ревизионистских и антисоциалистических сил. Правда, идеология и тактика его отдельных частей была различной, но их объединяла борьба против партии и союза с Советским Союзом.

Таким образом, империализму представилась возможность осуществить в ЧССР цели, которые он длительное время разрабатывал по отношению к социалистическим странам в соответствии со своей глобальной стратегией и тактикой. Поэтому правый блок, под общим натиском которого началось постепенное разложение руководящей структуры партии, социалистического государства и общества, нашел всестороннюю политическую, моральную и материальную поддержку со стороны империалистических сил.

Еще с февраля 1948 г. Чехословакия была объектом широко задуманной политической и идеологической диверсии со стороны империализма, которая, однако, не давала ощутимого результата в условиях, когда партия прочно владела положением. После того как правооппортунистические и антисоциалистические силы в нашей стране повели открытую атаку на главные принципы партии и социализма, а их разлагающая деятельность перестала встречать активное сопротивление, империализм, действовавший извне, также мог перейти в решительное наступление. В этом, в частности, заключалась сущность острой классовой борьбы, которая отнюдь не определялась только историческими особенностями нашего общества, но являлась прежде всего выражением постоянного интереса и интенсивных усилий мировой реакции, направленных на то, чтобы завладеть Чехословакией. В эту деятельность включилась и послефевральская эмиграция, сгруппировавшаяся вокруг небезызвестного Павла Тигрида. В его концепциях «постепенного ослабления» взаимосвязей социалистической системы и в других «теориях» о необходимости внутреннего разложения партии как руководящей силы общества блок правых ревизионистских и антисоциалистических сил нашел идейное оружие, которое он принял и которое целеустремленно использовал на практике.

На апрельском пленуме ЦК КПЧ в 1968 г. уже открыто проявились как слабость и отсутствие единства послеянварского руководства, так и изменение соотношения сил в пользу правых.

В дискуссии на пленуме марксистско-ленинские силы Центрального Комитета КПЧ указали на негативное развитие событий. Они сумели добиться того, чтобы на пост президента был выдвинут большой патриот, герой антифашистской борьбы и выдающийся поборник дружбы и союза с СССР Людвик Свобода, а не кандидаты правых сил Й. Смирковский и Ч. Цисарж. Но во время реорганизации Президиума и Секретариата ЦК, правительства и других государственных органов на решающие позиции в органах власти, на посты председателя правительства, председателей Национального фронта и Национального собрания были выдвинуты и утверждены люди, которые затем проявили себя как представители правых сил.

Хотя резолюция апрельского пленума предупреждала об опасности, которую несла стихийность послеянварского развития, главные вопросы — единство и боеспособность партии, разоблачение правой опасности, а также объявление решительной борьбы с этой опасностью — остались нерешенными. В «Программе действий», утвержденной апрельским пленумом, уже пашла свое отражение активизировавшаяся подрывная деятельность правых сил в партии. В ней содержатся немарксистские формулировки о роли партии и государства, а также о социалистическом обществе, о так называемом партнерском понимании Национального фронта, о руководстве экономикой и культурой и другие тезисы, носившие оппортунистический и ревизионистский характер. «Программа действий» представляет собой документ, который в теоретической, политической и организационной областях является большим шагом назад по сравнению с подобными партийными документами программного характера, принятыми партией ранее. *Поэтому Центральный Комитет КПЧ считает «Программу действий» неправильным и недействительным документом, из которого нельзя исходить ни в теоретической, ни в практической политике партии.*

На апрельском пленуме и в публичных выступлениях правые силы попытались выразить недоверие ЦК КПЧ. Одновременно они выступили с требованием созыва чрезвычайного, так называемого кадрового съезда с целью

овладеть высшим органом партии. Значительное большинство членов Центрального Комитета решительно отклонило это требование.

После апрельского пленума центром политической борьбы стали областные конференции партии. Президиуму ЦК снова представилась возможность сформировать на этих конференциях силы партии и взять инициативу в свои руки. Однако по вине правой группировки в руководстве эта возможность не была использована. Для тогдашней обстановки было типичным, что не было дано единой и ясной директивы ни для подготовки областных конференций, ни для докладов руководителей делегаций ЦК. На этих конференциях правые силы хотели завоевать новые позиции и добиться большинства в поддержку своего требования о созыве чрезвычайного съезда. Однако, несмотря на все их усилия, требование о созыве чрезвычайного съезда прямо поддержала лишь Пражская городская конференция, на которой А. Дубчек, О. Черник и Й. Смрковский выступали неубедительно и не сумели отстоять решение пленума ЦК, а также областная конференция Южноморавской области, делегатов которой Шпачек обманул, искаженно толковал позицию ЦК. Особенно решительно выступили против позиции правых сил областные конференции в Словакии.

Поэтому правые силы продолжали расширять свое наступление на партийные органы, на решающие звенья партийного и государственного аппарата, на общественные организации и на идеологическом фронте. Оппозиционный, так называемый второй центр в партии, сформировавшийся на базе Пражского городского комитета КПЧ, в организационном, политическом и идейном отношении координировал и объединял деятельность разных оппозиционных групп, определял единую тактику и способы антипартийной борьбы. Представителями этого центра были или стали позднее некоторые члены Президиума, Секретариата и Центрального Комитета партии, как, например, Ф. Кригель, Й. Смрковский, Й. Шпачек, Ч. Цисарж, В. Славик, О. Шик, В. Прхлик, З. Млынарж, Ф. Водслонь, Б. Шимон; Й. Боровка, М. Вацулик. Правые группировки возникали и в областях и в районах. При этом их структура была построена таким образом, чтобы охватить важные партийные органы и звенья партийного аппарата, решающие центры общественных наук, средства массовой информации,

область просвещения, науки и культуры и важные звенья государственного аппарата и создать возможности оказывать на них влияние.

Конечные цели правых и антисоциалистических сил в Словакии были такими же, как намерения правых сил в чешских областях. Но в руководстве ЦК КПСС, в областных и районных комитетах Коммунистической партии Словакии и среди интеллигенции сформировались силы, самоотверженно боровшиеся против деятельности правого и антисоциалистического блока. Правым силам в Словакии не удалось до августа 1968 г. полностью сформировать свои ряды на организованной и законченной платформе. В этом сыграло свою роль здоровое ядро в руководстве партии во главе с т. Василем Биляком, который, занимая пост Первого секретаря ЦК КПС, решительно выступал с позиций марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, открыто разоблачал цели правых и антисоциалистических сил, защищал позиции партии и наши союзнические отношения с Советским Союзом.

Тем не менее и в Словакии постепенно создавалось опасное положение, которое так же, как и в других частях республики, характеризовалось деятельностью правых и антисоциалистических сил.

Все эти глубокие политические сдвиги во всей республике нашли отражение в том, как прошло празднование 1 Мая, которое в ряде городов утратило классовый интернационалистский характер и превратилось в безбрежное смешение самых различных политических течений правых и антисоциалистических сил. На первомайских демонстрациях, особенно в Праге, со своими лозунгами выступили уже явные антикоммунистические силы, представленные прежде всего контрреволюционными организациями типа Клуба активных беспартийных (КАН) и К-231.

В начале мая нарастающая опасность была уже настолько очевидной, что во время обсуждения на заседании Президиума ЦК КПЧ 7 и 8 мая вопроса о политическом положении в стране под давлением аргументов марксистско-ленинского ядра даже правая часть Президиума вынуждена была признать, что вследствие деятельности правых, антисоциалистических и антисоветских сил партии и социализму грозит серьезная опасность. Общегосударственное совещание первых секретарей

областных и районных комитетов, созданное в целях проверки этих выводов, не только подтвердило их, но и показало положение в стране в еще более резком свете. В том же духе несколько дней спустя была принята резолюция пленума ЦК КПС, которую, однако, А. Дубчек не разрешил опубликовать.

В ходе подготовки майского пленума ЦК КПЧ правые силы развернули активную деятельность, направленную на то, чтобы пленум не достиг своих целей. Группировка пражского центра разработала общую правую концепцию, которая противоречила оценке и выводам Президиума; таким образом, она перешла к фракционной деятельности. На совещании первых секретарей областных и районных комитетов с этой концепцией от имени Пражского городского комитета выступил Б. Шимон. Выдвигая требование создать чешскую коммунистическую партию и Чешский национальный совет, которыми управляли бы правые силы, авторы этой концепции пытались полностью захватить власть в партии и государстве.

Для того чтобы обмануть и временно привлечь на свою сторону рабочий класс, который до этого времени в своем большинстве не поддавался правой демагогии, О. Шик без ведома и согласия партийных и государственных органов выступил с требованием создать советы трудящихся (на предприятиях.— *Прим. ред.*). Это предложение было составной частью концепции, направленной на разрушение системы руководства экономикой и ликвидацию социалистической системы планирования, на создание противовеса партийным организациям на предприятиях и ослабление их позиций. Одновременно инспирировалась волна социальной демагогии, стихийного давления в поддержку требований о повышении заработной платы, навязывавшихся без учета результатов производства, зачастую под угрозой «диких» забастовок. Все это вызвало волну инфляции и угрозу развала экономики. При этом демагогически провозглашалось, что единственным спасением от экономической катастрофы может стать крупный кредит в долларах.

На майском пленуме ЦК КПЧ в 1968 г. серьезность положения нашла свое отражение даже во вступительном докладе А. Дубчека. Хотя он и искажил выводы Президиума Центрального Комитета КПЧ, он все же вынужден был признать наличие стремлений морально дис-

кредитировать всю партию и предостеречь от опасности, «чтобы не открывать простора для действий антисоциалистических или же даже антиреволюционных сил».

В резолюции майского пленума констатировалось, что главной опасностью для партии стала правая опасность, которая, однако, была сведена только к угрозе антисоциалистических и антикоммунистических сил, действующих вне партии. Несмотря на то что в ходе дискуссии на пленуме произошло столкновение с правыми оппортунистами, ни в заключительном слове А. Дубчека, ни в резолюции не была разоблачена роль правых сил в партии. И все же, несмотря на эти недостатки, решения пленума смогли бы привести к положительным результатам, если бы руководство партии последовательно осуществляло их.

На майском пленуме была изменена также позиция в отношении созыва чрезвычайного съезда. Изменение этой позиции явилось следствием стремлений марксистско-ленинских сил путем ускоренного созыва съезда взять инициативу в свои руки. Но для этого требовались единые и принципиальные действия всего руководства партии, чего не было достигнуто.

После майского пленума возросла активность марксистско-ленинских сил. На активах и собраниях сотни тысяч членов и активистов партии поддерживали решения майского пленума и потребовали принятия энергичных мер в защиту социализма. Завершением попыток добиться положительного поворота в развитии явился общегосударственный актив Народной милиции в Праге, на котором присутствовало более 11 000 бойцов Народной милиции. Актив подтвердил, что в то время Народная милиция как целое не поддавалась напору правых, осталась верна принципам марксизма-ленинизма и дружбе с Советским Союзом и была полна решимости защищать дело социализма.

В период подготовки XIV чрезвычайного съезда партии, характеризовавшийся атмосферой истерии, запугивания и террора, велась решительная борьба за партию между марксистско-ленинскими силами и правыми.

Проявлением открытого и координированного наступления реакции было опубликование «2000 слов» — контрреволюционной платформы, служившей прямым руководством к насильственным действиям и разрушению социа-

листического строя. Это контрреволюционное воззвание зашло особенно далеко в разжигании ненависти к Советскому Союзу и даже открыто угрожало нашим союзникам вооруженным конфликтом.

Преднамеренное опубликование этого контрреволюционного памфлета накануне районных конференций оказало влияние на их ход и итоги выборов делегатов на областные конференции. Вопреки отрицательной позиции Президиума ЦК, которую, однако, саботировали сами его правые члены — А. Дубчек, Й. Смирковский, Ф. Кригель и О. Черник, приблизительно половина районных конференций в чешских областях выступила в поддержку «2000 слов».

В период чрезвычайных областных партийных конференций уже полностью выявился переход правых сил к открытой фракционной деятельности. Второй центр в партии стремился изолировать левые силы в Центральном Комитете и путем посылки инструкций в области предопределить итоги выборов делегатов на съезд и состав нового Центрального Комитета. Ему удалось добиться того, что среди делегатов на XIV чрезвычайный съезд было много правых оппортунистов, националистов и колеблющихся членов партии. Только 17,4 процента делегатов было из рядов рабочих — факт, беспрецедентный в истории КПЧ. Таким образом, правые силы создали условия для захвата на съезде власти и легализации своих целей и планов.

Антикоммунистические и антисоциалистические силы открыто организовывали демонстрации, провокации и другие действия чисто анархистского характера. Все выше поднималась националистическая, антисоветская волна, особенно в связи со штабными учениями союзнических войск в Чехословакии. Эти силы стремились добиться роспуска Народной милиции.

Шовинистическая кампания против письма Народной милиции советскому народу и особенно бешеные нападки на 99 рабочих и служащих завода «Авто-Прага», которые в своем письме выражали верность делу социализма и дружбе с Советским Союзом, явились наглядным доказательством зарождавшегося белого террора. Антисоветизм и связанное с ним злоупотребление национальными чувствами были платформой, объединявшей правые силы с контрреволюцией.

Борьба за власть стала также борьбой за изменение внешнеполитической ориентации ЧССР. Правооппортунистический и антисоциалистический блок стремился к ликвидации основной гарантии национального и государственного существования социалистической Чехословакии, заключающейся в союзе и дружбе с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Таким образом должны были быть созданы внешние условия для ликвидации социализма в Чехословакии.

Эти и многие другие факты свидетельствуют о связи событий в Чехословакии с борьбой международного империализма против социалистического содружества. Стратеги центров мирового антикоммунизма имели в социалистической Чехословакии своих прямых пособников. Устами одного из них — И. Свитака говорили крайне реакционные силы, которые формировались в таких организациях, как К-231 и КАН. Их программой была ликвидация завоеваний Февраля 1948 г. и фактическая ликвидация социализма. Во главе центра К-231 стояли К. Нигрин, Я. Бродский, В. Палечек, О. Рамбоусек и др., которые в своем большинстве были прямыми агентами западных разведок. Основателями КАН кроме И. Свитака были писатель В. Гавел и профессор В. Черный, который поддерживал тесную связь с послефевральской эмиграцией. КАН и К-231 поддерживали тесные контакты с западными разведками и получали не только политическую, но и материальную помощь.

Значительное влияние в борьбе против социализма в ЧССР оказывали силы, активно выступавшие с позиции сионизма — одного из инструментов международного империализма и антикоммунизма. Их видными представителями у нас были Ф. Кригель, И. Пеликан, А. Лустиг, Э. Гольдштюккер, А. Лим, Э. Лебл, К. Винтер и ряд других.

В антикоммунистических планах, основанных на демагогии о так называемом демократическом социализме, важная роль отводилась возрождавшейся социал-демократии. Она готовилась выступить в качестве самостоятельной политической силы, используя пережитки социал-демократизма в сознании части членов КПЧ, которых стремилась привлечь на свою сторону. Расчет строился на том, что социал-демократия, «не обремененная периодом строительства социализма», будет притяга-

тельной силой для дезориентированной и в политическом отношении неустойчивой части общества. С согласия и при поддержке правых деятелей КПЧ Ф. Кригеля, Й. Смрковского, З. Млынаржа, Я. Литеры, Л. Лиса и др. был создан нелегальный подготовительный центральный комитет, в состав которого наряду с другими вошли З. Бехине, Й. Мунзар, О. Яныр, Ф. Шупка. Одновременно были созданы подготовительные комитеты в областях, районах, а в некоторых местах и первичные организации. Задачей этой деятельности, проводимой в тесном взаимодействии с лидерами Социалистического интернационала, было осуществление политического раскола рабочего класса. И в остальных партиях, входящих в состав Национального фронта, — Чехословацкой социалистической партии, Чехословацкой народной партии, Партии словацкого возрождения и Партии свободы — были разработаны программы дальнейшей деятельности, направленной на отрицание руководящей роли КПЧ и восстановление прежней буржуазно-демократической и клерикальной базы.

Немалая роль в антисоциалистической игре вокруг Чехословакии выпала на долю реакционных представителей католического клира, которым католическая эмиграция за границей оказывала существенную поддержку.

Объединенные действия внутренней и внешней реакции углубляли внутривнутриполитический кризис, который все больше сказывался на отношениях с нашими ближайшими союзниками.

Братские партии, прежде всего КПСС, стремились с большой терпеливостью устранить напряженность, возникшую во взаимных отношениях, и убедить руководство нашей партии в необходимости противостоять угрозе контрреволюции в ЧССР. Они использовали для этого все возможности, которые предоставлялись официальными и личными контактами. На совещаниях в Дрездене, Софии, Москве в первом полугодии 1968 г. их представители на конкретных фактах показывали А. Дубчеку, что положение в ЧССР развивается в опасном направлении, которое ставит одновременно под угрозу общие интересы социалистического лагеря. Заверения А. Дубчека, что руководство КПЧ также сознает серьезность положения и само чувствует необходимость исправить его, внутри страны замалчивались, обходились и не выполнялись. Из матери-

алов переговоров с т. Л. И. Брежневым, т. Я. Кадаром и другими товарищами, из целого ряда писем, которые направил Генеральный секретарь ЦК КПСС и первые секретари других братских партий А. Дубчеку и руководству нашей партии, и из телефонных разговоров ясно видно, как искренне и глубоко переживали партии и народы братских социалистических стран трудности в нашей внутриполитической жизни и опасность, которая угрожала существованию социализма в Чехословакии. Они предлагали товарищескую поддержку и помощь для овладения положением и исчерпали все возможные политические средства, чтобы побудить А. Дубчека и его сторонников действовать с коммунистической ответственностью.

Хотя руководящие представители правооппортунистических сил официально провозглашали политику дружбы с социалистическими странами, они лицемерно маскировали свои цели, а на деле поддерживали стремления заглушить и притупить чувства традиционной и глубокой дружбы наших народов к народу Советского Союза. В стремлении блокировать любые попытки добиться взаимопонимания и восстановления доверия между КПЧ и братскими партиями социалистических стран правые силы добились неучастия делегации КПЧ в Варшавской встрече братских партий в июле 1968 г. и взяли, таким образом, курс на разрыв с союзниками.

Президиум ЦК КПЧ, вопреки сопротивлению некоторых своих членов, легкомысленно отверг варшавское письмо и избрал путь, направленный против самых жизненных интересов нашей партии и социализма. В ответе Президиума затушевывалась серьезность правой и контрреволюционной опасности, на которую по-товарищески в своем письме обращали внимание наши союзники. В противоречии с резолюцией майского пленума в ответе Президиума даже заявлялось, что главной опасностью для нашего общества является «консерватизм».

В напряженной ситуации, сложившейся в партии и обществе, был созван июльский пленум ЦК КПЧ, который, однако, не нашел достаточно сил и мужества для того, чтобы выступить против неправильных действий Президиума ЦК КПЧ, и даже подтвердил его позицию. Это в значительной мере способствовало усилению дезориентации коммунистов и всего нашего общества, Только

пленум ЦК КПЧ в сентябре 1969 г. аннулировал в корне неправильную резолюцию июльского пленума.

Братские партии терпеливо стремились к переговорам с представителями КПЧ, на которых были бы решены сложные проблемы взаимных отношений, возникшие в результате нарастания контрреволюционной ситуации в Чехословакии и угрозы делу социализма. Во время переговоров в Чиерне-над-Тисой Политбюро ЦК КПСС призывало руководство нашей партии осознать свою коммунистическую, интернациональную ответственность и исправить опасное положение в ЧССР собственными силами.

Позиции отдельных членов Президиума ЦК КПЧ принципиально расходились. Представители правых шли на переговоры в Чиерне не с честными намерениями. Между собой они вовсе не скрывали желания вновь обмануть наших самых верных союзников с целью выиграть время, оставшееся до XIV съезда КПЧ, который должен был принести им окончательную победу. Они лицемерно заявляли о готовности принять необходимые меры против антисоциалистических сил и контрреволюционных организаций. Такую же роль они сыграли и в Братиславе на совещании представителей шести социалистических стран.

После переговоров в Чиерне-над-Тисой и в Братиславе А. Дубчек и его сторонники в руководстве КПЧ избрали тактику проволочек и оттягивания мероприятий, которые на переговорах с союзниками они обещали осуществить. Более того, они искажали результаты переговоров и толковали их как свою победу. А. Дубчек не только игнорировал, но и скрывал от руководства КПЧ обоснованные опасения братских партий за судьбу социализма в Чехословакии и мира в Европе. Вместе с другими представителями правых в руководстве партии он воспрепятствовал созыву пленума ЦК КПЧ, который был необходим в этот тяжелый и сложный период. Он лицемерно изменил принципу, который вместе с другими торжественно подписал в Братиславе и в соответствии с которым «поддержка, укрепление и защита этих (социалистических.— *Прим. ред.*) завоеваний, доставшихся ценой героических усилий, самоотверженного труда каждого народа, является общим интернациональным долгом всех социалистических стран».

Планы и цели контрреволюции в Чехословакии были те же, что и в Венгрии в 1956 г., только ее тактика ввиду различий в условиях и во времени была иной. Антисоциалистические силы в нашей стране, действовавшие в соответствии с замыслами современного империализма, ориентировались прежде всего на использование методов политического, идеологического разложения и разрушения органов власти, а также на постепенное осуществление контрреволюционных целей в течение более продолжительного периода, чем это было в Венгрии. Однако и у нас эти силы рассчитывали на то, что в подходящий момент, в случае если их планы натолкнутся на сопротивление, они развяжут и физический террор против марксистско-ленинских кадров и граждан, преданных делу социализма.

Сегодня на основе имеющихся данных можно ответить на вопрос, как нарастала угроза революционным завоеваниям нашего народа и почему не удалось остановить контрреволюционное развитие событий и защитить дело социализма в ЧССР собственными силами, путем политической борьбы или с помощью средств власти.

Процесс развития социалистической революции в условиях существования мировой системы социализма имеет свои объективные закономерности и обязательные критерии, которые при соблюдении национальных особенностей определяют характер социалистической власти и обуславливают систематическое революционное развитие общества. Нарушение этих закономерностей наносит серьезный вред интересам социализма, и если их вообще игнорируют и отменяют, то подобные действия являются по существу антисоциалистическими и контрреволюционными. К постоянным и неизменным принципам социализма относятся:

- руководящее положение рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии;
- роль социалистического государства как орудия диктатуры пролетариата;
- марксистско-ленинская идеология и ее распространение при помощи всех средств массового воздействия;
- социалистическая общественная собственность на средства производства и принцип планового руководства народным хозяйством;

— принципы пролетарского интернационализма и их последовательное воплощение во внешней политике, особенно по отношению к Советскому Союзу.

Развитие событий после января 1968 г. подтверждает, что правые вели целеустремленную атаку против всех основных принципов и норм социализма, систематически разлагали партию и всю политическую социалистическую систему. Осуществление этого широкого наступления им облегчало то, что А. Дубчек, который пользовался вначале доверием в партии и стране, постепенно отступал от марксистско-ленинских позиций, все больше шел на поводу у правооппортунистических и антисоциалистических сил и, наконец, стал их символом.

1. *Коммунистическая партия Чехословакии постепенно перестала в 1968 г. быть руководящим центром социалистического общественного строя.* Под влиянием наслоений ревизионизма она теряла характер марксистско-ленинской партии, что делало невозможным осуществление ее руководящей роли в обществе. Вследствие того что попирались принципы демократического централизма, партия постепенно утрачивала боеспособность. Центральный Комитет КПЧ как целое был лишен возможности выносить решения по ключевым вопросам, которые по Уставу партии относятся исключительно к его компетенции.

Действия правых и колеблющейся части Президиума и Секретариата ЦК КПЧ способствовали тому, что подавляющее большинство областных и районных комитетов партии и партийные организации на многих крупных предприятиях оказались в конце концов в руках агрессивных правых групп. Правые представители Президиума и Секретариата ЦК КПЧ и некоторые заведующие отделами ЦК КПЧ стали глашатаями блока ревизионистских и националистических сил, умерщвляли политическую активность рабочего класса и парализовали его способность к отпору нараставшему контрреволюционному заговору в стране. Освобождалось поле для разлагающей деятельности правых и антисоциалистических сил, что содействовало созданию атмосферы давления и страха.

Правая часть руководства КПЧ не только допускала, но и подстрекала к генеральному наступлению против партийного аппарата, умерщвляла его деятельность и работу выборных органов. Партийный аппарат при этом

подменялся разными комиссиями и активами, которые в действительности были группами давления правых элементов. Партийные органы не решали вопроса о составе этих комиссий и активов. В аппарате и других местах на передний план прорывались различные оппортунисты и карьеристы, которые, стремясь снискать расположение правых, порочили деятельность партии и ее славную революционную историю, клеветали на нее.

О степени разложения в КПЧ свидетельствует и тот факт, что за активную правооппортунистическую и анти-социалистическую деятельность из ее рядов были исключены четыре секретаря ЦК КПЧ, девять первых секретарей обкомов и 59 первых секретарей райкомов партии. Более одной трети членов ЦК, обкомов и райкомов должны были либо подать в отставку, либо были исключены из партии.

Центральный Комитет КПЧ, как высший орган партии в период между съездами, и его исполнительные органы перестали выполнять роль руководящего штаба в деле развития социалистического общества и защиты его революционных завоеваний. А. Дубчек и его сторонники, монополизировавшие принятие решений в руководстве партии, парализовали деятельность Президиума и всего Центрального Комитета КПЧ. Они препятствовали осуществлению действенных мер в период, когда эти меры еще были возможны, и в результате их действий враждебным и реакционным силам сдавалась одна позиция за другой. В результате этого росла и усиливалась наглость и агрессивность контрреволюции, в то время как постепенно ослабевала, пока практически не исчезла, возможность подавить ее с помощью внутренних политических средств и средств власти.

2. Значительной степени достигло также разложение социалистической власти. Действия А. Дубчека во главе партии и О. Черника на посту председателя правительства в большой степени способствовали тому, что постепенно была подорвана деятельность органов власти социалистического государства, органов безопасности, юстиции, армии, что полностью использовали внутренние и внешние враги нашего строя.

Деятельность и действия правительства помимо О. Черника определяли и другие правые деятели, ослаблявшие государственное руководство социалистическим

обществом, искажавшие цели экономической реформы и создававшие все условия для осуществления ревизионистских и антисоциалистических концепций во всех основных областях политики государства. К ним прежде всего относился О. Шик, который от своих ревизионистских концепций в экономической области и «теоретических» предложений об изменении политической системы постепенно дошел до прямого предательства социализма и в конце концов оказался мелким прислужником антикоммунистических центров на Западе.

Будучи председателем правительства, О. Черник игнорировал многие критические замечания и рекомендации товарищей из правительства и выборных работников национальных комитетов. По существу, он умерщвлял инициативу, направленную на устранение негативных явлений. Он не информировал объективно членов правительства и особенно его Президиум ни о действительной обстановке в стране, ни о серьезных проблемах, возникших в наших взаимоотношениях с СССР и другими союзниками, несмотря на то что эти вопросы были постоянно в повестке дня заседаний Президиума ЦК КПЧ. Таким образом изолировались те заместители председателя правительства и министры, которые были обеспокоены создавшимся положением и настаивали на решительных мерах против нараставшей опасности.

Правые очень обдуманно, как тайно, так и явно, постепенно парализовали саму роль и деятельность органов власти. Они хотели достигнуть того, чтобы в случае необходимости эти органы не были способны решительно выступить против контрреволюции и защитить власть рабочего класса, а, напротив, чтобы в нужный момент их могли использовать в своих целях правые круги, стремившиеся к политическому перевороту. Одновременно они выдвигали вопрос о возмещении за все революционные акты классовой справедливости после Февраля 1948 г., причем нагло использовали в своих целях тот факт, что партия признала и критиковала случаи нарушения социалистической законности в 50-х годах.

Постепенно создалось такое положение, когда честные работники государственных органов власти были политически разоружены и изолированы, в то время как вызывающие и наглые выступления контрреволюционеров и явно уголовных элементов не встречали сопротивления

и не пресекались со стороны государственной власти. Честных работников органов безопасности дезориентировал уже тот факт, что министр внутренних дел Й. Павел несколько не скрывал своего намерения ликвидировать органы государственной безопасности. Он заявил об этом публично и осуществлял это на практике. Он также не скрывал, что соглашается с программой ревизионистских и антисоциалистических сил.

Руководство партии и государства не только не привлекло министра внутренних дел Й. Павела к партийной и служебной ответственности, но своей полной бездеятельностью помогало безграничной либерализации в органах безопасности и юстиции, что в итоге неизбежно вело к потере политической и правовой уверенности граждан чехословацкого социалистического государства.

Общее развитие положения в партии и во всем обществе, естественно, сказывалось отрицательно и на деятельности и морально-политическом состоянии чехословацкой армии. Новое командование армии начало формироваться в апреле 1968 г. уже в атмосфере неуверенности и растущего давления со стороны правых, когда политическое разложение в армии сопровождалось всесторонним ослаблением дисциплины и нарушением принципов единоначалия в степени, немыслимой в социалистической стране.

Одним из политических и идеологических центров правых была Военно-политическая академия, которая летом 1968 г. даже приняла официальный меморандум с требованием пересмотра принципов военной политики партии и государства, утвержденных XIII съездом КПЧ, и изменения чехословацкой военной доктрины на основе пересмотра нашего отношения к Варшавскому договору.

Усилению негативных явлений в армии в значительной мере способствовал генерал В. Прхлик, который после января 1968 г. перешел с поста начальника Главного политического управления на должность заведующего отделом ЦК КПЧ по руководству партийной работой в армии, органах безопасности, суде и прокуратуре. В. Прхлик стал активным проводником оппортунистического курса в отношении армии, органов безопасности, суда и прокуратуры.

Положение, создавшееся в армии и органах безопасности, требовало принятия решительных мер для усиления

партийного влияния. Однако происходит прямо противоположное. Вместо решения кадрового вопроса отдел ЦК КПЧ по вопросам безопасности и обороны был по предложению А. Дубчека ликвидирован. Таким образом, высший партийный орган лишился важного инструмента для руководства коммунистами в армии и органах безопасности.

Эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что политическое состояние и боеготовность чехословацкой армии были значительно ослаблены. В нашу армию глубоко проник правый оппортунизм; это подтверждается тем, что за антисоциалистическую деятельность и грубое нарушение воинских уставов значительное число членов партии в воинских частях было исключено из КПЧ и многие из них должны были уйти из армии.

И в высшем законодательном органе — Национальном собрании группа правых депутатов во главе с председателем Национального собрания Й. Смирковским захватила все решающие позиции. Вокруг Й. Смирковского искусственно создавался культ так называемого народного трибуна, которому во всем должно было принадлежать решающее слово. Й. Смирковский и его пособники в парламенте и в средствах массовой информации с помощью продуманной демагогии глушили каждый голос тех депутатов, которые били тревогу, заботясь о подлинных интересах партии и народа, и требовали решительных действий против враждебных сил. С одной стороны, Й. Смирковский добивался принятия в законоположениях некоторых неправильных изменений, игравших на руку правым, а с другой стороны, вместе с Ф. Кригелем всемерно оттягивал принятие законодательных актов, направленных против реакции и контрреволюции.

О махинациях правых сил в сфере государственной власти свидетельствует также подбор кандидатур депутатов Чешского национального совета в июле 1968 г. В ходе выборов дело дошло даже до подлогов. Правые силы превращали Чешский национальный совет, во главе которого был Ч. Цисарж, в еще одно важное орудие для осуществления политического переворота в стране.

Таким образом, решающие звенья исполнительной и законодательной власти в Чехословакии постепенно перестали выполнять свою классовую роль в политической системе социалистического государства. Правооппорту-

нистические и антисоциалистические силы захватили в них ключевые позиции, используя их для того, чтобы в зародыше подавить каждую попытку, направленную на прекращение и предотвращение катастрофического развития.

Органы государственной безопасности, юстиции и армии были парализованы, не управлялись руководящими органами партии и государства и не были способны противостоять стремительному наступлению контрреволюционного подполья и диверсиям внешних врагов. Боеспособность и морально-политическое состояние Чехословацкой народной армии значительно упали, и, таким образом, обоснованно возникал вопрос, способна ли наша армия без ясных указаний руководства партии и правительства обеспечить защиту наших западных границ, являющихся одновременно границами всей мировой социалистической системы.

3. В рамках политической системы Чехословацкой Социалистической Республики важное место в строительстве и защите социализма принадлежит Национальному фронту как политическому союзу трудящихся, города и деревни, общественных организаций и обществ, признающих руководящую роль КПЧ. Правооппортунистические силы после января 1968 г. направили свои усилия на превращение Национального фронта в такое политическое объединение, которое отвергло бы руководящую роль КПЧ в нашем обществе. Главным подстрекателем этих устремлений был председатель ЦК Национального фронта и член Президиума Центрального Комитета КПЧ Ф. Кригель, ставший одной из руководящих фигур националистического, антисоветского и явно контрреволюционного течения.

Особенно сильная борьба велась за профсоюзы, которых правые хотели лишить их классового содержания и роли. Подрыв единства профсоюзного движения был выражением концентрированного наступления правых против классового единства трудящихся. Это наступлению одновременно преследовало цель подорвать и ликвидировать ведущее положение рабочего класса в социалистическом обществе. Рабочий класс как целое не дал контрреволюции вовлечь себя в антисоветские выступления.

Принципиальных профсоюзных работников, прежде всего честных коммунистов, шельмовали и снимали с

постов, причем органы партии не выступили в их защиту. Вместо них правые насаждали сторонников так называемого процесса возрождения, а зачастую и деклассированные элементы, при подборе которых главным критерием было их отрицательное отношение к руководящей роли партии, к марксистско-ленинскому пониманию социалистического строительства и к союзу с СССР.

Под лозунгом «новой профсоюзной политики» был разработан и широко распространялся «Проект программы деятельности революционного профсоюзного движения», носивший явно оппортунистический и ревизионистский характер. В нем отрицались ленинские принципы организаторской и воспитательной деятельности профсоюзов при социализме и их ответственность за развитие социалистической экономики. На многих предприятиях при выборах профсоюзных органов был осуществлен лозунг «профсоюзы без коммунистов». Были и случаи, когда создавались различные так называемые организации трудящихся вне «Революционного профсоюзного движения» (РПД), как, например, федерация локомотивных бригад, руководство которой было в руках явно контрреволюционных элементов.

Процесс, подобный тому, который происходил в профсоюзах, протекал, с некоторыми отличиями, и в других общественных организациях, входящих в состав Национального фронта. Большой вред был нанесен правыми прежде всего нашей молодежи. Под предлогом критики недостатков был ликвидирован Чехословацкий союз молодежи как единая организация, проводившая идейно-политическое воспитание молодежи в духе марксизма-ленинизма. Вследствие нерешительных действий Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии молодежные организации были отданы на разгребание правым и контрреволюционным силам.

В то же время в политическую жизнь вступили новые политические организации с явной антисоциалистической программой, такие, как К-231 и КАН, которые были непосредственно связаны с западными антикоммунистическими центрами. Это было еще одним доказательством того, что процесс разрушения нашей политической системы уже приобрел ярко выраженные контрреволюционные черты. Обе эти реакционные организации открыто заявили, что их ближайшей целью является возмездие за

Февраль 1948 г., и не скрывали того, что хотят установить буржуазно-демократический строй и жестоко расправиться с коммунистами и всеми честными строителями социализма. Руководство партии и правительства не приняло мер и даже против таких явно антисоциалистических и контрреволюционных группировок.

В Чехословацкой социалистической партии и Чехословацкой народной партии все большее влияние приобретали силы, стремившиеся вернуть этим партиям старую, антикоммунистическую роль, которую они играли до Февраля 1948 г. Этим целям был подчинен массовый набор новых членов и принятие новых программ. Широкую деятельность развернуло также «Дело возрождения церковного собора», которое, находясь на службе воинствующего политического клерикализма, приобретало довольно большую массовую базу, особенно в Словакии.

С программой открытой ревизии результатов Февраля 1948 г. и нового раскола политического единства рабочего класса выступила и социал-демократия, заявившая о своей поддержке антикоммунистической линии Социалистического интернационала.

Многочисленные факты подтверждают, что в 1968 г. у нас образовалась широкая антикоммунистическая коалиция и формировалась новая структура политической системы, которая фактически возрождала положение, существовавшее до Февраля 1948 г. и в которой отчетливо проявлялись даже элементы домюнхенской буржуазной республики. В то время как Коммунистическая партия Чехословакии разлагалась правыми оппортунистами, ее деятельность и боеспособность были парализованы, мелкобуржуазная контрреволюция создавала все большие резервы, которые по мере необходимости вводила в политическую борьбу. Правооппортунистическая часть руководства КПЧ выдавала это антисоциалистическое движение за позитивную политическую активность наших граждан. При этом на всех тех, кто выступал против указанных опасных явлений, правые наклеивали ярлык сектантов и консервативных противников «социалистического возрождения». В действительности правооппортунистические деятели открыли простор явно реакционным и контрреволюционным элементам, равшимся вперед и не скрывавшим намерения устранить от власти А. Дубчека, О. Черника и др., как только

они перестанут нуждаться в охране и защите со стороны последних.

4. В борьбе за свои цели правые и антисоциалистические силы делали особый упор на ликвидацию руководящей роли партии в экономике, на отказ от принципов централизованного планового управления народным хозяйством и протаскивали ревизионистскую трактовку экономической реформы. Чехословацкая экономика должна была быть постепенно оторвана от социалистического содружества и как можно теснее привязана к экономике капиталистического Запада.

Правооппортунистическая практика и трактовка экономической реформы были направлены на упразднение всех центральных руководящих хозяйственных органов, на полное отрицание роли плана, на отрыв экономического руководства от политических решений и на постепенную ликвидацию общенародной собственности. По существу, речь шла о том, чтобы лишить социалистическое государство, партию и профсоюзы возможности разрабатывать и осуществлять экономическую политику и чтобы возобладала рыночная стихия со всеми вытекающими из этого отрицательными последствиями для общественного и материального положения трудящихся. Под предлогом необходимости пойти навстречу потребителю правые добивались частного предпринимательства, стремясь к тому, чтобы мелкобуржуазные элементы получили и собственную экономическую базу для разложения социализма. Контрреволюционные планы в области народного хозяйства сегодня уже открыто признают и сам О. Шик и его друзья на Западе.

Таким образом, в теории и на практике постепенно подготавливалось и поэтапно осуществлялось превращение социалистической экономики в систему, которая лишила бы рабочий класс и весь трудовой народ не только всех революционных завоеваний, но и основных политической и экономической гарантий. Правые рассчитывали, что постепенное ухудшение экономического положения вызовет стихийное недовольство чехословацких трудящихся, которое они используют затем в борьбе против социалистической власти.

5. Серьезные проблемы и кризисные явления в идеологической области, возникавшие и нараставшие в нашем обществе уже в течение продолжительного времени, после

января 1968 г. вылились в извращение, игнорирование, а впоследствии в прямое отрицание основных принципов марксистско-ленинского мировоззрения в философии, социологии, истории, экономике, в области государства, права и партийного строительства, в области культуры и искусства, где наблюдалась открытая капитуляция перед буржуазной идеологией. Идеологическая борьба переросла в открытый бой за власть, в котором правые полностью использовали средства массовой информации.

Вследствие капитулянтской позиции правой части дубчековского руководства правые силы целиком захватили радио, телевидение, кинохронику и большинство органов печати и превратили их в главное средство давления и орудие власти для осуществления своих целей. По своей общей направленности деятельность средств информации, по существу, слилась с идеологической диверсией империалистического Запада.

Агрессивные группы так называемых прогрессистов не позволяли выступать честным редакторам и журналистам, которые хотели правдиво и объективно анализировать положение в нашей стране, и терроризировали их. Они всеми средствами запугивали каждого, кто защищал принципы марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, союза с СССР и нашу принадлежность к мировому социалистическому содружеству, каждого, кто выражал несогласие или выступал против поднимавшейся волны антисоциалистической и антисоветской истерии, требуя исключения его из жизни нашего общества.

Чехословацкие события подтверждают, что в идеологической области ни в коем случае нельзя допускать никаких уступок буржуазной идеологии, с которой не может быть компромисса. Они подтверждают, что партия не может поддаваться практицизму, ослаблять идеологическую работу, сводить ее только к пропаганде политики, к абстрактному разъяснению марксистско-ленинского учения. Идеологическая работа партии всегда была, есть и должна быть неотъемлемой составной частью политической борьбы партии и рабочего класса. Любое принижение массово-политической и идеологической работы партии и ее ослабление, любое нарушение ее теоретических, классовых и интернациональных основ использует идейный противник. Это закономерно ведет сначала к попыткам «улучшить» или «усовершенствовать» социализм, к подмене интернациона-

лизма национализмом, а затем переходит в культивирование идеалов мелкобуржуазного потребительского социализма, к созданию ложных мифов о социалистической действительности, выливаясь, наконец, в отрицание и попрание социализма вообще. Коммунистическая партия и социалистическое государство должны владеть всеми инструментами, необходимыми для достижения своих политических, классовых и идейных целей. Средства массовой информации — печать, радио, телевидение, кино — представляют исключительно важное орудие власти и массово-политического воспитания, руководство и контроль над которым никогда нельзя упускать марксистско-ленинской партии и социалистическому государству, чтобы дело социализма не подверглось серьезной опасности.

6. За время существования Чехословацкой Республики рабочий класс и все трудящиеся во главе с Коммунистической партией Чехословакии вели борьбу за главную внешнеполитическую ориентацию государства, которая обеспечивала бы его самостоятельность, суверенитет и свободное развитие. Чехословацко-советский договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве от 12 декабря 1943 г. был выражением воли народа, который на трагическом опыте 1938—1939 гг. и в ходе национально-освободительной борьбы убедился в том, что жизненные интересы наших народов, внутренняя и международная устойчивость чехословацкого государства неразрывно связаны с нерушимым интернациональным братством с Советским Союзом. Эта непоколебимая воля народа была закреплена Конституцией правительственной программой и окончательно утверждена победоносным Февралем 1948 г. В Конституции ЧССР, во всех решениях съездов КПЧ, в Уставе партии и программных заявлениях чехословацких правительств после 1948 г. ясно и со всей определенностью сказано, что наша дружба и союз с Советским Союзом, с которым нас связывают общие классовые интересы, является главной защитой самого существования чешского и словацкого народов и высшей гарантией нашего успешного пути к социализму.

Но после января 1968 г. правые стали все больше подвергать сомнению эту основную истину и, наконец, перешли на открыто антисоветские позиции, сознательно нарушая наши интернациональные обязательства, вытекающие из принадлежности ЧССР к Варшавскому договору.

Под вывеской так называемого собственного лица чехословацкой внешней политики шаг за шагом проводился курс на разрыв с нашими социалистическими союзниками и братскими партиями. Эта пагубная линия проводилась в период, когда наша страна стала объектом главного интереса со стороны империализма, который хотел использовать наше внутривнутриполитическое развитие для того, чтобы нанести удар не только по делу социализма в нашей стране, но посредством Чехословакии и по жизненным интересам всего социалистического содружества. Антисоветская ориентация правых сил в КПЧ стала также составной частью международного ревизионистского течения, для которого так называемый чехословацкий эксперимент стал подкрепляющей инъекцией и новым аргументом для требования ревизии основных принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма в коммунистическом движении.

Внешнестрановая концепция правых сил, которая была следствием контрреволюционного развития в ЧССР, вела в итоге не только к тому, что под угрозу были поставлены внутренняя стабильность и безопасность государства и его суверенитет и мирные условия спокойного труда людей, но и к тому, что была оголена западная граница лагеря социализма, прочным бастионом которого должна быть Чехословакия, находящаяся на рубеже социалистической и капиталистической систем в Европе. Следовательно, защита и сохранение социализма в нашей стране касались не только непосредственных интересов Коммунистической партии Чехословакии и нашего трудового народа, но неизбежно стали общим делом социалистических государств, братских партий этих стран и всего коммунистического движения.

Эта общая характеристика кризисного развития в партии и в обществе в ЧССР подтверждает, что процесс разложения, начатый правыми и антисоциалистическими силами, охватил все области общественной и политической жизни — экономику, идеологию, внешнюю политику. В августе 1968 г. в Чехословакии сложилась обостренная контрреволюционная обстановка, наша страна очутилась на грани гражданской войны. На повестку дня со всей остротой встал вопрос «кто кого?». Либо контрреволюция, опирающаяся на поддержку международной реакции, завершит свое черное дело, либо социалистическим силам

удастся отразить контрреволюцию и отстоять дело социализма.

Коммунисты и некоммунисты, сознававшие смертельную опасность, угрожавшую нашему социалистическому строю, требовали от руководства партии и государства энергично выступить против контрреволюционных сил, в защиту завоеваний социализма. Эти настоятельные призывы содержались во многих резолюциях и письмах, адресованных Центральному Комитету Коммунистической партии Чехословакии, но они остались без ответа. В период, когда контрреволюционные силы в Праге и в других местах, стремясь захватить власть, переходили в открытое паступление, представители правых сил в руководстве партии заверяли общественность в том, что «все в порядке» и что «процесс возрождения и демократизации развивается успешно».

Тысячи коммунистов, отдельные граждане и целые коллективы трудящихся, представители всех слоев населения и разных организаций, в том числе члены Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии и Центрального Комитета Коммунистической партии Словакии, члены правительства ЧССР и депутаты Национального собрания и Словацкого национального совета, сознавая свою классовую, национальную и интернациональную ответственность за судьбу социализма в Чехословакии, усиленно искали выход из тяжелого, критического положения. Ввиду того что правая часть руководства партии не хотела принимать никаких мер, которые вели бы к срыву контрреволюционного переворота и к предотвращению гражданской войны, они начали обращаться к руководящим органам братских партий и к правительствам наших союзников с просьбой в этот исторически важный момент оказать чехословацкому народу интернациональную помощь в деле защиты социализма. Они действовали так с твердым убеждением, что их братья по классу не оставят Чехословакию на произвол контрреволюции, которая грозила кровопролитием, что они не позволят, чтобы наша страна была отторгнута от социалистического содружества.

Объективная оценка и объяснение причин и взаимосвязей глубокого кризиса, в котором оказались КПЧ и все наше общество в 1968 г., неопровержимо доказывают, что внутренние силы, парализованные политикой представи-

телей правых сил в партийном руководстве, были не в состоянии мобилизовать себя и остановить фронтальное наступление контрреволюции. В таких условиях необходимо было принять решение — либо ждать, пока контрреволюция развяжет братоубийственную борьбу, в ходе которой погибнут тысячи людей, и лишь потом оказать интернациональную помощь, либо прийти вовремя и предотвратить кровавую трагедию даже ценой того, что сначала это не будет понято как внутри страны, так и за границей. Вступление союзнических войск в Чехословакию 21 августа 1968 г. предотвратило такое кровопролитие, и, следовательно, оно было необходимым и единственно правильным решением.

Всестороннее изучение фактов о положении в нашей партии и во всей стране до августа 1968 г. и в более поздний период подтверждает, что любое другое решение, которое не предусматривало бы оказание внешней непосредственной помощи со стороны СССР и других наших союзников в условиях, когда деятельность партии была парализована, а государственный строй в Чехословакии оказался на грани разложения, не имело бы никаких шансов на успех, так как оно не привело бы к спасению социализма в ЧССР.

Вступление союзнических войск пяти социалистических стран в Чехословакию было актом интернациональной солидарности, отвечавшим как общим интересам чехословацких трудящихся, так и интересам международного рабочего класса, социалистического содружества и классовым интересам международного коммунистического движения. Этот интернациональный акт спас жизнь тысяч людей, обеспечил внутренние и внешние условия для мирного и спокойного труда, укрепил западные границы социалистического лагеря и разрушил надежды империалистических кругов на пересмотр результатов второй мировой войны.

Центральный Комитет КПЧ отвергает абстрактное толкование суверенитета социалистического государства, проповедуемое буржуазной пропагандой в целях обмана масс, и стоит на позициях, которые и в вопросе суверенитета отвечают классовой и интернациональной сущности социалистического государства. Поэтому ЦК КПЧ считает вступление союзнических войск в ЧССР братской интернациональной помощью чехословацкому народу.

Августовская интернациональная акция в защиту социализма в ЧССР создала необходимые условия для чехословацких коммунистов, которые благодаря этой помощи смогли полностью развернуть собственную политическую борьбу против контрреволюционных, антисоциалистических и правооппортунистических сил и политическими средствами преодолеть контрреволюционную угрозу делу социализма в ЧССР.

Правильное понимание всей скрытой стороны действительного положения в 1968 г. и всех мотивов вступления союзнических войск в ЧССР показывает в истинном свете ложь, клевету, сознательное искажение фактов — все то, что конструировалось и распространялось нашей внутренней реакцией, правыми оппортунистами и зарубежной буржуазной пропагандой об августовских событиях. Глубокое и правильное понимание подлинного смысла этих событий одновременно является решающей предпосылкой создания здоровой политической обстановки в нашей стране, укрепления идейного единства КПЧ и единства ее действий на марксистско-ленинской и интернационалистической основе.

* * *

После вступления союзнических войск А. Дубчек, О. Черпик, Й. Смирковский, Ф. Кригель, Й. Шпачек, З. Млынарж, Ш. Садовский, Ч. Цисарж, В. Славик все больше предавали интересы партии, чехословацкого народа и международного коммунистического движения и предприняли новый авантюристический шаг. В ночь с 20 на 21 августа 1968 г., вопреки принципиальному сопротивлению и несогласию марксистско-ленинской части руководства партии, они добились принятия неклассового, антиинтернационалистического заявления Президиума ЦК КПЧ, опубликование которого имело катастрофические последствия.

После этого вероломного акта А. Дубчек закрыл заседание Президиума ЦК КПЧ. С его ведома и за спиной ЦК КПЧ Президиум и часть членов Пражского городского комитета КПЧ, известные как оплот правых, созвали нелегальный чрезвычайный съезд КПЧ, на котором правые оппортунисты хотели полностью захватить руководство партией и в первую очередь объявить всестороннюю

борьбу против Советского Союза, мобилизовать против него не только все внутренние, но и внешние антисоветские и антикоммунистические силы.

После 21 августа 1968 г. антисоциалистические силы прикрылись, как щитом, заявлением Президиума ЦК КПЧ, которое по своей сущности было беспрецедентным антипартийным актом. Правые силы шантажировали тысячи рядовых членов КПЧ и партийных работников, заставляя их руководствоваться этим заявлением. Они ссылались на то, что коммунисты должны дисциплинированно выполнять решение Президиума ЦК своей партии. С помощью этого заявления они широко открыли шлюзы антисоветской истерии и привели в движение лавину шовинизма, проявлявшегося в псевдопатриотических призывах и лозунгах. Наступил период невиданной по своим масштабам дезориентации, поскольку контрреволюция продуманно, с помощью средств массовой информации вызвала невероятную панику. Она перевернула наизнанку все основные понятия и ценности. Все законное объявлялось незаконным, в то время как всем незаконным действиям контрреволюции придавалась видимость законности.

На основе заявления Президиума ЦК КПЧ правые заставили правительство, Национальное собрание и другие государственные и общественные организации принять подобные же заявления. Правооппортунистические и контрреволюционные силы принуждали соглашаться с националистическим и антисоветским содержанием этих заявлений с помощью морального террора и даже под угрозой физического насилия.

Контрреволюционная роль средств массовой информации после 21 августа 1968 г. выразилась в потоке шовинистической демагогии, которая должна была помешать чехословацким гражданам распознать правильный водораздел классовой борьбы. Одновременно эта демагогия должна была создать в нашей стране и государстве впечатление, что речь идет о «всенародном патриотическом движении». В атмосфере, которая была создана общей дезинформацией и глубоко ошибочным заявлением Президиума ЦК КПЧ, даже многие честные коммунисты и честные граждане нашей республики не в состоянии были быстро распознать, где настоящая правда. Многие из них допустили действия, противоречившие их подлинным

убеждениям. Но постепенно они сами убедились и убеждаются в правильности интернациональной помощи союзников, искренне раскаиваются в своих тогдашних позициях и поступках и честным трудом выражают свою преданность делу социализма.

В создавшейся тогда сложной обстановке государственную мудрость и прозорливость проявил т. Л. Свобода. Еще в ночь с 20 на 21 августа 1968 г. и в последующие дни Президент республики и министр национальной обороны отдали приказы, в которых Чехословацкой народной армии предписывалось сохранять спокойствие, не вызывать столкновений с войсками союзников. Эти приказы, по существу, были выполнены, благодаря чему стало возможным предотвратить события, которые могли иметь непредвиденные последствия.

После 21 августа 1968 г. контрреволюционные элементы вызвали в Чехословакии хаос, разложение, постоянную напряженность и тревогу. Правые оппортунисты тоже развивали лихорадочную деятельность, чтобы любой ценой помешать нормализации положения в партии и в отношениях ее с братскими партиями. Такие люди, как В. Шилгап, Я. Литера, Я. Шабата, Л. Лис, З. Гейзлар, И. Пеликан, Б. Раттингер, М. Вацулик, П. Махонин, К. Каплан, М. Гаек, Р. Горак, Д. Гавличек, И. Румл и др., которые раньше вместе с главными представителями правых в партийном и государственном руководстве проводили опасную деятельность, помогали создавать контрреволюционную ситуацию, разлагали партию, государственные органы и общественные организации, теперь всеми средствами стремились постоянно поддерживать в стране крайнюю напряженность. Подавляющее большинство этих людей относится к главным организаторам нелегального высочанского съезда, состоявшегося 22 августа 1968 г. Большинство делегатов этого съезда, в числе которых не было делегатов из Словакии, являлись только фоном при провозглашении заранее подготовленной платформы, которая полностью противоречила целям, программе и всей революционной и интернационалистской истории нашей партии. Нелегальный высочанский съезд ставил перед собой следующие цели:

— принять законченную антисоветскую платформу, которая содержала различные ультимативные требования по отношению к КПСС и Советскому Союзу. При этом

правые становились в позу, так сказать, победителей, хотя в действительности они уже обанкротились;

— открыто провозгласить разрыв с КПСС и другими братскими партиями. Организаторы нелегального съезда спесиво присваивали себе право отлучить эти партии от международного коммунистического движения;

— отвергнуть все революционные традиции партии и ее марксистско-ленинские программные принципы и превратить ее в какую-то националистическую, шовинистическую и антисоветскую группировку под названием КПЧ.

Попытка правых завершить переворот в КПЧ проявилась и во время инсценированных выборов так называемого высочанского центрального комитета, большинство участников которого стояло на антипартийных позициях. Правые захватили в свои руки также центральный орган партии газету «Руде право», отдельные номера которой, особенно с 21 августа по 3 сентября, всем своим провокационным националистическим и антисоветским содержанием дискредитировали интернациональные традиции «Руде право» и не имели ничего общего ни с партией, ни с марксизмом-ленинизмом.

Высочанский правый центр всячески дезинформировал и обманывал братские коммунистические партии, особенно на Западе, стремясь найти поддержку своему ревизионистскому, антисоветскому курсу и в рамках международного коммунистического движения. Вместе с тем он активно способствовал тому, чтобы так называемый чехословацкий вопрос превратился в узловой пункт кампании ненависти, развернутой империалистическими кругами. О. Шик, находившийся 21 августа 1968 г. с группой министров — главных представителей правых — в Белграде, незаконно уполномочил И. Гаека выехать в ООН. И. Гаск действительно принял участие в обсуждении так называемого чехословацкого вопроса в Совете Безопасности, связанного Совету западными державами. На этом форуме он выступил с весьма изощренной антисоветской речью, хотя Президент республики, правительство и ЦК КПЧ категорически предписали ему не выезжать в Нью-Йорк и не выступать в Совете Безопасности.

Вопреки сопротивлению правых представителей, 23 августа 1968 г. в Москву отбыли Президент республики т. Л. Свобода и чехословацкая делегация в составе тт. Г. Гусака, В. Биляка, А. Индры, Я. Пиллера, М. Дзура и

Б. Кучеры. В Москве к ней присоединились А. Дубчек, О. Черник, Й. Смирковский, Й. Шпачек и Б. Шимон, а 25 августа и другие члены руководства партии — О. Швештка, Э. Риго, Ф. Барбирек, М. Якеш, Й. Ленарт и З. Млынарж.

Результаты четырехдневных переговоров чехословацких и советских руководящих деятелей были отражены в совместном протоколе, подписанном всеми участниками. Чехословацкие представители в этом документе выразили свою готовность добиться нормализации положения в нашей стране на основе марксизма-ленинизма, восстановить руководящую роль партии и авторитет государственной власти рабочего класса, исключить контрреволюционные организации из политической жизни и укрепить международные связи ЧССР с Советским Союзом и другими социалистическими союзниками. Этот документ был исходным пунктом для конструктивной работы. Достижению общих положительных результатов московских переговоров с чехословацкой стороны активно способствовали гг. Л. Свобода, Г. Гусак, В. Биляк и другие товарищи, занимающие ясную классовую интернационалистскую позицию.

В это время в Словакии также происходит быстрое развитие событий, которые, хотя и с некоторыми отличиями, носили такой же, как и в чешских областях, характер. 21, 22 и 23 августа здоровая часть Президиума ЦК КП Словакии при участии т. Г. Гусака стремилась сохранить необходимое благоразумие и чувство ответственности. После прибытия уполномоченных так называемого высочанского центрального комитета (Ф. Водслопя, Л. Грдиновой, Ш. Садовского) правооппортунистические деятели КП Словакии В. Павленда, Й. Зрак, А. Тяжкий, С. Фалтяц, Р. Гаренчар созвали 26 августа 1968 г. через представителей правой части Братиславского горкома КПС чрезвычайный съезд Коммунистической партии Словакии. Вначале этот съезд проходил в обостренной националистической и антисоветской атмосфере. Он заявил о своей поддержке результатов нелегального высочанского съезда и по его примеру принял провокационное обращение, адресованное коммунистическим и рабочим партиям пяти социалистических стран.

После перерыва в работе чрезвычайный съезд Компартии Словакии вновь собрался 28 августа. На этот раз в его заседаниях принял участие возвратившийся из Мо-

сквы т. Г. Гусак, выступление которого привело к принципиальному повороту в работе съезда. Чрезвычайный съезд КПС принял резолюцию, в которой отверг законность так называемого высочанского съезда, полностью аннулировал выводы первой части съезда КПС, единодушно одобрил московский протокол и избрал Г. Гусака Первым секретарем ЦК КП Словакии. Влияние и нажим правооппортунистических сил были, разумеется, еще значительными, что проявилось прежде всего в ходе выборов в новый Центральный Комитет КПС, в который не был избран ряд марксистов-ленинцев, постоянно подвергавшихся нападкам правых.

После возвращения членов Президиума ЦК КПЧ из Москвы в Праге проходила полная противоречий работа по подготовке пленума ЦК КПЧ, который должен был обсудить московский протокол и сделать из него выводы. А. Дубчек, О. Черник, Й. Смирковский и другие представители правых подходили к выполнению московского протокола безответственно и вероломно. В сущности, они поддерживали итоги нелегального высочанского съезда, хотя в ходе переговоров в Москве заявляли, что не признают его законным. Одновременно они скоординировали свои действия с организаторами этого съезда, из которых многие были кооптированы в состав ЦК КПЧ, где они значительно усилили влияние правых. В пользу правых изменился также состав Президиума ЦК КПЧ, в котором, хотя из него был выведен Ф. Кригель, были в результате закулисных махинаций лишены своих постов тт. О. Швештка, Д. Кольдер, Э. Риго и А. Канек. Большая ошибка ЦК КПЧ состояла в том, что на этом заседании он одобрил кооптацию в члены ЦК многих представителей правооппортунистических сил, равно как и расширение состава Президиума ЦК, в который попал целый ряд представителей правых.

В своем выступлении на августовском пленуме ЦК КПЧ А. Дубчек всячески оправдывал свой оппортунистический курс, затуменовывал содержание московского протокола и обходил обязательства, вытекавшие из него для наших партийных и государственных органов. Он занимал примиренческую позицию в отношении нелегального высочанского съезда.

Пленум ЦК КПЧ, состоявшийся 25—26 сентября 1969 г., объявил этот съезд недействительным, охаракте-

ризовал его как результат недопустимой фракционной деятельности некоторых членов ЦК КПЧ, правого большинства Пражского горкома КПЧ и других правоопортунистических сил. Своим постановлением пленум подтвердил недействительность этого фракционного съезда и аннулировал неклассовое, антиинтернационалистское и антипартийное заявление Президиума ЦК КПЧ от 21 августа 1968 г.

Тот факт, что ЦК КПЧ на своем пленуме 31 августа 1968 г. одобрил московский протокол, имел далеко идущее значение. Положительная черта августовского пленума ЦК КПЧ состояла в том, что он кооптировал т. Г. Гусака и т. Л. Свободу в члены ЦК и избрал их в состав Президиума ЦК КПЧ. Принципиальные выступления обоих товарищей на пленуме в решающей степени способствовали тому, что ЦК одобрил московский протокол и выступил в поддержку программы нормализации жизни в стране.

В целях достижения нормализации необходимо было прежде всего сформировать все здоровые силы в партии и вне партии для решительного удара по реакции, разоблачить правых оппортунистов и их подлинные планы, разгромить правые силы в открытой политической борьбе, лишить их решающих позиций и инструментов власти, особенно средств массовой информации, и вывести широкие слои трудящихся из-под их влияния. Условия, в которых происходила эта борьба, были чрезвычайно трудными и сложными.

Многие люди поддались идейному хаосу и были не способны освободиться от эмоций, которые у них по-прежнему разжигали и распространяли средства массовой информации. Лозунг «национального единства» стал заклином, которое использовалось для морального и политического террора в отношении честных коммунистов и трудящихся, стоящих на интернационалистских позициях. Правые силы, оказывая нажим и ведя националистическое подстрекательство, интенсивность которого становилась невыносимой, нанесли огромный вред. Таким образом, они несут ответственность за несчастье многих семей, члены которых поддались волне национализма и антисоветизма, а некоторые из них даже покинули родину.

В первые недели после 21 августа правые и антисоциалистические силы вели себя еще весьма дерзко и нагло. Они надеялись, что в лице А. Дубчека, О. Черника и дру-

гих правых в руководстве партии и государства и других звеньях политической системы, которые проводили двуличную политику, они имеют защиту и могут с помощью средств информации воздействовать на общественное мнение, в сущности, в доавгустовском духе, не встречая должного организованного отпора.

Однако контрреволюционным элементам не было суждено долго радоваться некоторым успехам, достигнутым ими вскоре после августа 1968 г. Большим ударом по их расчетам явилось одобрение 18 октября 1968 г. Национальным собранием Договора о временном пребывании советских войск в ЧССР. Принятие этого Договора было важным политическим и психологическим фактором, который придавал всем подлинным коммунистам и честным приверженцам социализма уверенность, поддерживал и вдохновлял их на дальнейшую борьбу за очищение и укрепление всех социалистических ценностей.

Так же обстояло дело и с дальнейшей эффективной помощью Советского Союза, носившей всесторонний характер и имевшей жизненно важное значение для нашей страны. Внеочередные поставки зерна, нефти, ценных цветных металлов и другого сырья обеспечивали ход нашего народного хозяйства и наносили удар по различного рода спекуляциям правых и антисоциалистических сил, основанным на политических и других последствиях экономического развала и хаоса, которые они преднамеренно вызывали. Неоценимой была и идеологическая помощь КПСС здоровому ядру нашей партии, которое могло на основе правдивой информации и ленинской позиции советских коммунистов правильно ориентироваться в сложной обстановке и укреплять свои принципиальные интернационалистские позиции.

Вновь формирующиеся марксистско-ленинские, левые силы и их представители в Президиуме и Секретариате ЦК КПЧ, в ЦК КПЧ и в партийном аппарате ставили целью очистить партию и всю нашу общественную жизнь от наносов ревизионизма, оппортунизма и национализма, лишить антисоциалистические и контрреволюционные силы их влияния, полностью восстановить и продолжать укреплять наш социалистический строй. Эти здоровые силы, которые постоянно были объектом нападок правых и контрреволюционных сил, выступили против мелкобуржуазного лозунга «единства нации», противопоставили ему

свою единственно классовую концепцию революционного союза трудящихся во главе с рабочим классом. При этом они должны были терпеливо преодолевать недоверие, непонимание и постепенно привлекать на свою сторону тех честных товарищей и граждан, которые в августовские дни временно заколебались и ныне искали правду.

Однако осуществление этой концепции было весьма трудным делом, ибо правооппортунистические силы и после 21 августа сохранили за собой почти все свои позиции и в некотором отношении даже их укрепили. В связи с этим здоровое ядро партии вынуждено было прибегнуть к чрезвычайным формам политической борьбы, тем более что печать, радио и телевидение оставались еще в руках правых. В послеавгустовский период важную роль сыграла газета «Зправы», которая не только была значительным фактором идеологического воздействия, но и стала важным средством организационного сплочения всех здоровых сил. В период, когда официальная партийная печать не выполняла своей роли и находилась под влиянием двуличной политической линии Дубчека, газета «Зправы» поднимала революционное и классовое сознание подлинных коммунистов, помогала им формировать марксистско-ленинское течение в партии.

Интернационалистские левые силы начали все больше переходить от личной агитации к открытым политическим выступлениям и действиям. В связи с этим необходимо было подчеркнуть мужество и беспредельную инициативу прежде всего членов партии с довоенным стажем, которые не щадили своих сил в борьбе за то, чтобы вернуть революционную честь Коммунистической партии Чехословакии.

Серьезная проба сил между правыми и левыми произошла в связи с 51-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. После многих месяцев, в ходе которых правые и антисоциалистические элементы душили любое публичное проявление чувств дружбы к Советскому Союзу, вновь состоялись манифестации в честь Великого Октября. Однако, с другой стороны, подтвердилось, что контрреволюция еще далеко не капитулировала. Это она доказала различными актами вандализма, уничтожением памятников, сожжением советских флагов и т. д.

Первым крупным успехом марксистско-ленинских, левых сил, на который могла опираться их дальнейшая иници-

циатива и деятельность, явился пленум ЦК КПЧ в ноябре 1968 г. Его результаты позволили значительно сузить поле деятельности правых элементов.

Большое значение для дальнейшего развития в КПЧ и во всем обществе имел тот факт, что удалось принять резолюцию, в которой разоблачалась роль антисоциалистических сил в период до августа, а правый оппортунизм открыто квалифицировался как главная опасность в партии. Обсуждение резолюции в органах и организациях КПЧ ускорило процесс политической дифференциации и помогло левым силам защищать и развивать на партийном форуме марксистско-ленинский курс партии.

Положительным вкладом явились и другие решения ноябрьского пленума. Учреждение Исполнительного комитета Президиума ЦК КПЧ ограничивало влияние правых в руководстве партии и затрудняло их дальнейшее маневрирование. Созданием Бюро ЦК КПЧ по руководству партийной работой в чешских областях были сорваны планы правых оппортунистов созвать так называемый съезд чешских коммунистов и расколоть КПЧ по национальному признаку. Председатель Бюро ЦК КПЧ т. Л. Штроугал в этом партийном органе и многие товарищи в областях, районах и первичных организациях предприняли в это время большие усилия, с тем чтобы постепенно вытеснить правых из руководства низовых партийных органов и чтобы восстановить в чешских областях работу партии на коммунистических принципах. Положительную роль в борьбе с правооппортунистическими силами сыграли в целом контрольно-ревизионные комиссии партии. Подрывом монополии правых в средствах массовой информации было создание в качестве органа Бюро ЦК КПЧ еженедельника «Трибуна», который в то трудное время продолжил революционные и интернационалистские традиции чехословацкой коммунистической печати.

Весьма активную роль в деле парализации влияния и деятельности представителей правых в руководстве партии сыграл т. Г. Гусак, которого ноябрьский пленум ЦК КПЧ в 1968 г. утвердил в должности Первого секретаря ЦК КПС и избрал его также членом Исполкома Президиума ЦК КПЧ. В сознание здорового ядра партии и всех честных граждан нашего социалистического государства Г. Гусак прочно вошел своими твердыми и смелыми действиями в отношении контрреволюции и своей

последовательно интернационалистской позицией при решении всех вопросов, связанных с восстановлением товарищеского сотрудничества и идейного единства с КПСС и другими братскими партиями. В связи с этим положительная роль т. Г. Гусака особенно проявилась в ходе переговоров между делегацией ЦК КПЧ и руководителями КПСС в Москве (октябрь 1968 г.) и Киеве (декабрь 1968 г.), где вместе с Президентом республики т. Людвигом Свободой он значительно способствовал восстановлению и укреплению взаимного доверия.

После ноябрьского пленума ЦК КПЧ правые начали понимать, что будут все больше терять почву под ногами и что дело идет к постепенному разоблачению хитросплетений их заговорщицких интриг, что приведет к ликвидации их позиций и влияния в общественной жизни. Поэтому они пустили в ход все рычаги, чтобы как можно больше отдалить свое падение и осуждение чехословацким народом. Их платформой стала двуличная политика. Внешне они лицемерно признавали необходимость крепить и развивать наш социалистический строй и союзнические узы ЧССР с нашими союзниками, но в действительности оставались на своих прежних позициях. Они всячески оберегали и укрепляли свои кадры в средствах массовой информации, усиленно протаскивали своих людей во вновь сформированные правительства ЧСР и ССР, в Чешский национальный совет, в Палату национальностей и в другие органы и учреждения. Они использовали любую возможность для организации кампаний давления и для создания перманентного кризиса как внутри страны, так и во взаимоотношениях с союзниками. Их главным стремлением было постоянно удерживать ситуацию на точке кипения и держать все общество в состоянии напряжения и нервозности.

Как и до августа 1968 г., так и позже правые оппортунисты, стремясь к осуществлению своих целей, без стеснения поставили на карту все то, что имело важное значение для республики и ее народа и что должно было стать прочной основой стабилизации социалистического государства. Это относилось и к справедливому упорядочению национальных отношений в рамках федеративного устройства ЧССР, создававшего основу для подлинно равноправного сотрудничества чехов и словаков. Об этом свидетельствует, кроме того, и шумная кампания

вокруг выборов председателя нового Федерального собрания.

После того как правым авантюристам не удалось проташить И. Смирковского на пост председателя Федерального собрания, они сосредоточили свое внимание на профсоюзах, стремясь превратить их в антипартийную и оппозиционную силу. Они окончательно расчленили профсоюзное движение и протасили на руководящие посты различных авантюристов, не имеющих ничего общего с интересами рабочего класса. На рубеже 1968—1969 гг. ревизионистские круги использовали трибуны многочисленных съездов и собраний профессиональных союзов для того, чтобы создать сильное давление, с помощью которого они хотели добиться принятия закона о предприятии и советах трудящихся на предприятиях. На основе этого закона должно было быть ликвидировано централизованное руководство народным хозяйством и под вывеской «прямой производственной демократии» осуществлялась возможно большая самостоятельность предприятий, игнорирующая интересы всего общества, и вытеснение КПЧ с заводов и фабрик.

Разумеется, раскольническая деятельность правых и антисоциалистических сил продолжалась после августа 1968 г. на всем экономическом фронте. Она вела к дальнейшему углублению существовавших экономических трудностей. Происходило, например, постоянное и неконтролируемое повышение оптовых и розничных цен. Положение еще более осложнила преднамеренно вызванная покупательная горячка. Последствия продолжающейся инфляционной волны чувствительно задела прежде всего те слои населения, у которых не произошло повышения доходов.

После ноябрьского пленума ЦК КПЧ в 1968 г. правые вовлекали в новый тур кампаний нажима, направленных против процесса нормализации, прежде всего молодежь и студенчество. Они организовывали студенческие забастовки, демонстрации, составление различных меморандумов и другие акции, в которых пахотили отражение ультимативные требования правооппортунистического и антисоветского фронта. Следствием психоза, вызванного среди студентов высших учебных заведений, была и личная трагедия студента Яна Палаха, за смерть которого несут полную политическую и моральную ответственность

представители правых. Это событие послужило поводом к новому разжиганию антипартийного и антисоветского психоза, который должен был перед всем миром символизировать сопротивление стремлению восстановить порядок и спокойствие в нашей стране. Известные события в связи с чемпионатом мира по хоккею в конце марта 1969 г. подтвердили, что контрреволюция готова пойти на все, чтобы воспрепятствовать консолидации положения в нашей стране, и что необходимо, наконец, вывести наше общество из состояния непрерывных кризисов, перерастающих в катастрофические ситуации.

Для достижения принципиального поворота во всем развитии необходимо было в первую очередь начать с радикального изменения и исправления положения, сложившегося в руководстве Коммунистической партии Чехословакии. Уход А. Дубчека был абсолютно необходим, если партия и все общество не хотели и в дальнейшем оставаться в заколдованном кругу постоянных кризисных ситуаций.

Целенаправленные усилия марксистско-ленинских сил в партии создали предпосылки к тому, чтобы на пленуме ЦК КПЧ в апреле 1969 г., результаты которого большинство чехословацких коммунистов приняло с удовлетворением и одобрением, были проведены коренные изменения в руководстве и политике партии. Отзыв А. Дубчека с высшего партийного поста и избрание Г. Гусака на пост Первого секретаря ЦК КПЧ открыли новый этап, в котором процесс изменений в соотношении сил в партии достиг качественно новой ступени. Несмотря на то что во вновь избранном Президиуме правые сохраняли еще важные позиции в лице А. Дубчека, О. Черника, они уже потеряли определяющее влияние в руководстве партии. Решающая инициатива и активность в Коммунистической партии Чехословакии бесповоротно перешла к марксистско-ленинскому левому крылу.

Александр Дубчек и в дальнейшем не помог партии в преодолении тяжелого положения, не оценил самокритично свои проступки, противоречившие интересам партии и ее интернациональным обязательствам. За свою антипартийную позицию и фракционную деятельность, несовместимые с Уставом партии, он в июне 1970 г. был исключен из рядов Коммунистической партии Чехословакии.

Кадровые изменения в составе Президиума и Секретариата ЦК КПЧ после апрельского пленума ЦК КПЧ,

состоявшегося в 1969 г., создали решающие предпосылки для преодоления затяжного кризиса в партии и обществе и для отпора давлению правооппортунистических и анти-социалистических сил. Соответствующими методами и мерами были укреплены органы власти социалистического государства, которые начали энергично выступать против контрреволюционных элементов и нарушителей социалистической законности. Партийные и государственные органы начали оказывать влияние и руководить средствами массовой информации, которые постепенно очищались от главных представителей правых.

Майский пленум ЦК КПЧ в 1969 г. обсудил и принял директиву, в которой содержалась программа деятельности на ближайший период. Были поставлены следующие цели:

- идейно и организационно разгромить правые силы, восстановить единство партии на основе принципов марксизма-ленинизма и полностью ликвидировать позиции антисоциалистических сил в обществе;

- возобновить и укрепить интернациональные узы с Советским Союзом и другими социалистическими странами и восстановить авторитет КПЧ в международном коммунистическом движении;

- повысить роль социалистического государства и укрепить его органы;

- обеспечить руководящую роль партии в политической системе Национального фронта и вернуть ему социалистический характер;

- приостановить инфляцию и достичь постепенной консолидации народного хозяйства.

Для достижения этих целей было необходимо определить правильную тактику, которая позволила бы избежать как излишней осторожности, так и радикалистских построений. Только это могло стать предпосылкой для укрепления марксистско-ленинского левого крыла и повышения его влияния. Одновременно это создавало оптимальные условия для того, чтобы самые широкие массы постепенно убедились в двуличной политике Дубчека и в искреннем стремлении нового руководства добиться удовлетворения жизненных интересов народа и вывести партию и общество из кризисных потрясений.

Выполняя задачи, определенные в директивах, марксистско-ленинские силы завоевывали и расширяли свои

позиции в партийных органах, в то время как многие представители правых, потерпев поражение, должны были уйти со своих постов или были освобождены от них. Благодаря товарищам, которые пришли на руководящие посты в органах массовой информации, менялись их топ и направленность. Общественность постепенно начала узнавать об истинном характере так называемого процесса возрождения и демократизации и убеждаться в том, что нечистая политика правых лидеров вела к пагубным последствиям.

В связи с первой годовщиной августовских событий правые и контрреволюционные элементы в Праге и других городах вновь организовали беспорядки на улицах и враждебные акции против партии, ее политического курса и наших социалистических союзников. Однако это столкновение закончилось для реакции и правых катастрофой, так как они потерпели сокрушительное поражение. Не удалась попытка вызвать открытое массовое сопротивление, так как большинство людей, которых им раньше удалось обмануть, уже распознало их авантюристическую игру, и, таким образом, главной силой, на которую они могли рассчитывать, были уголовные элементы. Тот факт, что августовские беспорядки в 1969 г. были прекращены благодаря решительным действиям партийных и правительственных органов и собственными средствами власти, явился свидетельством не только усиления процесса консолидации нашей общественной жизни, но одновременно укрепил чувство уверенности у коммунистов и всех честных сторонников социализма. Решительные действия Народной милиции, органов безопасности и нашей армии доказали, что, если руководство партии поступает твердо и уверенно, оно может опереться на силу этих вооруженных формирований.

Центральный Комитет Коммунистической партии Чехословакии на пленумах в сентябре 1969 г., в январе и июне 1970 г. очистил свои ряды от правых деятелей и одобрил ряд мероприятий, создавших необходимую базу для дальнейшего развития политической и идейной борьбы, направленной на преодоление ревизионистского и оппортунистического наследия и обеспечение дальнейшего здорового развития нашего социалистического общества.

За относительно короткое время снова укрепилось плановое руководство народным хозяйством, стабилизиро-

вался рынок, была предотвращена перспектива экономического упадка и созданы основные предпосылки для всестороннего развития народного хозяйства. В ответ на призыв Центрального Комитета КПЧ развернулась широкая активность и инициатива трудящихся, направленная на рост производства и увеличение производительности труда. Большой вклад в стабилизацию чехословацкого народного хозяйства внес своей новой помощью Советский Союз.

Огромное значение имело решение пленума ЦК КПЧ в январе 1970 г. об обмене партбилетов. Упорная борьба в защиту социализма в ЧССР, против всех попыток ликвидировать партию как марксистско-ленинскую и интернационалистскую силу была испытанием для каждого чехословацкого коммуниста. То, как член партии выдержал это испытание, стало главным при индивидуальной оценке его общей позиции в ходе партийных собеседований. Коммунистическая партия Чехословакии разошлась более чем с 20 процентами своих бывших членов, которые не выдержали испытаний критического периода и позиция которых не отвечала требованиям, предъявляемым к коммунистам. Проверка вела к организационному укреплению и идейному усилению всей партии и создала условия для выполнения ее исторической миссии как авангарда социалистического общества.

Наряду с продолжающейся консолидацией внутренней жизни партии и государства произошло укрепление международно-политических позиций ЧССР и восстановление интернационального авторитета Коммунистической партии Чехословакии в коммунистическом движении. Выступление делегации нашей партии на московском международном Совещании коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г. ни у кого не оставило сомнений в том, что КПЧ будет в соответствии со своими традициями активно помогать укреплению марксистско-ленинского единства и боеспособности мирового коммунизма.

В течение 1969—1970 гг. были полностью восстановлены и углублены товарищеские отношения между ЧССР и КПЧ с другими социалистическими странами и братскими партиями. Теперь эти отношения более крепки и прочны, чем когда-либо прежде.

Основой интернациональных связей нашей партии и чехословацкого государства является наша братская общность с Коммунистической партией Советского Союза и

СССР. Выражением этого ленинского единства интересов и целей обеих наших партий и государств стал и новый союзнический Договор с Советским Союзом от 6 мая 1970 г., подтверждающий решимость наших народов всегда идти с советскими товарищами по общему пути и никогда иначе.

В истекшем периоде тысячи рядовых членов КПЧ и партийных работников вели стойкую и самоотверженную борьбу, в ходе которой они не жалели своих сил, чтобы очистить щит своей партии и восстановить ее марксистско-ленинскую сущность. Они по праву заслужили за это признание. Однако опасность правого оппортунизма, несмотря на то что он был организационно разгромлен, еще далеко не миновала, и потребуются еще много времени и сил для полного преодоления его влияния.

* * *

Центральный Комитет Коммунистической партии Чехословакии подвел итог периода развития нашей партии и всего социалистического общества. Это был период, характеризующийся самоотверженными усилиями партии и всех трудящихся, направленными на обеспечение всесторонне богатой и счастливой жизни всех граждан нашей родины. Одновременно это был период, когда наша партия и общество, каждый коммунист, каждый гражданин, стар и млад, прошел историческую проверку твердости и силы своих социалистических убеждений. В острой политической борьбе с ревизионистскими, оппортунистическими и контрреволюционными силами мы учились отличать друга от недруга, чтобы отделить плевелы от зерен и разгромить попытку контрреволюционного переворота, смертельного объятия которого мы избежали только благодаря интернациональной помощи братских социалистических стран.

Уроки, извлеченные из больших испытаний, борьбы и упорных боев, обязывают нашу партию, каждого коммуниста, каждого честного, верного социализму гражданина нашей страны оберегать и развивать социализм и уже никогда и ни с чьей стороны не допустить возникновения угрозы для него, какими бы прекрасными словами и лозунгами она ни прикрывалась. Это наш революционный, национальный, классовый и интернациональный долг.

Гарантией этого может быть только коммунистическая партия, твердо стоящая на принципах марксизма-лени-

низма, партия, закаленная в классовой борьбе с врагом, очищенная от всех влияний оппортунизма и ревизионизма, партия, которая своей ясной и реальной политикой выражает благороднейшие чаяния и цели трудового человека. Мы глубоко осознаем ленинский принцип: сила нашей партии в ее связи с народом. Мы добровольно вступили в ряды Коммунистической партии Чехословакии и взяли на себя ответственность перед своим народом и перед всеми прогрессивными силами во всем мире. Эту высокую задачу коммунистов мы хотим с честью выполнить. В этом мы видим свой святой долг — бороться и трудиться с народом во имя народа, во имя его блага и мирной жизни. Это заветы революционных и интернационалистских традиций Коммунистической партии Чехословакии, заветы лучших сынов партии, К. Готвальда, представляющие неприкосновенную основу существования и силы нашей партии во всей ее пятидесятилетней истории. На этих принципах основывался курс, взятый Центральным Комитетом КПЧ после апреля 1969 г. и последовательно воплощаемый им в своей политике.

Мы являемся прочной составной частью мирового социалистического содружества. Наши успехи в прошлом и наш путь вперед тесно связаны с первой страной социалистической революции — Советским Союзом. Без его помощи мы не могли бы решить такие сложные и большие задачи, которые ставило и ставит развитие социализма в нашей стране. Наученные горьким опытом прошлого, мы как зеницу ока будем беречь святыне заветы прогрессивных сил наших народов и союз с Советским Союзом, как гарантию нашей национальной, социальной и государственной уверенности.

Центральный Комитет Коммунистической партии Чехословакии глубоко убежден, что все коммунисты будут и впредь непоколебимыми борцами за реализацию нынешней политики партии, что к ее осуществлению они привлекут всех честных граждан — рабочих, крестьян и представителей интеллигенции.

Пройдут годы, время залечит многое и заслонит другими событиями. Но сохранятся результаты героического и самоотверженного труда народа, останется великое дело строительства социализма, созданное под руководством Коммунистической партии Чехословакии, останется партия, которая поведет народы к еще лучшему будущему.

Каждый честный гражданин нашей республики должен стремиться к тому, чтобы наши дети, внуки, все будущие поколения гордились трудом своих отцов и матерей, чтобы они хранили и развивали их заветы. Это путь не легкий, и он не будет легким. Это путь первооткрывателей, путь, требующий героизма, самоотверженности и самоотречения. Но это путь чести, славы и будущего, ведущий к осуществлению мечты каждого гражданина жить спокойно и счастливо.

Во главе с Коммунистической партией Чехословакии вперед, за дальнейшее строительство социализма в нашей родине!

Печатается по тексту брошюры «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ». М., Политиздат, 1970

**ГЛАВНЫЕ ЗАДАЧИ КПЧ
ПОСЛЕ ОБМЕНА ПАРТИЙНЫХ БИЛЕТОВ**

*Из доклада на пленуме ЦК КПЧ
10 декабря 1970 г.*

Уважаемые товарищи! Президиум ЦК выносит на обсуждение уже врученный вам в письменной форме доклад о своей деятельности, о том, как мы осуществляли линию Центрального Комитета в период после последнего пленума ЦК КПЧ.

Анализируя развитие у нас за период после последнего пленума ЦК, мы можем констатировать, что линия ЦК КПЧ осуществляется успешно. Процесс преодоления кризисных явлений и процесс консолидации внутри партии, так же как в обществе, в политической жизни и в области нашей экономики, проходит всесторонне и успешно. На всех участках мы можем отметить поступательное прогрессивное развитие, которое благоприятно сказывается на всей жизни трудового народа.

Шаг за шагом, из месяца в месяц, в каждой области мы целеустремленно преодолеваем последствия кризиса истекших лет, элементы разложения, апархии, стихийности и неуверенности, результаты действия оппортунистических, ревизионистских сил. Устанавливается законный порядок, налаживается организованный спокойный труд, планомерное развитие, восстанавливается политическая, правовая и социальная уверенность и открываются перспективы. Это развитие, естественно, еще не завершено. Много уже сделано, но есть еще немало задач.

Вывести нашу партию и общество из кризиса, к чему обязывали апрельский и майский пленумы ЦК КПЧ, состоявшиеся в 1969 г., можно было лишь путем большой политической борьбы в партии и в обществе. Цель этой борьбы состояла в том, чтобы защитить революционные завоевания нашего народа после второй мировой войны,

защитить и сохранить победу рабочего класса и его власть в нашем государстве, сохранить и углубить результаты социалистического строительства в Чехословакии, интернациональное единство с братскими партиями, социалистическими государствами, и прежде всего с Советским Союзом.

Речь шла о грандиозной перспективе строительства самого прогрессивного общественного строя без эксплуататоров и паразитов, в котором рабочий класс, кооперативное крестьянство и другие прослойки трудящихся создают самые оптимальные условия для подъема производства, культуры и жизненного уровня, для развития социалистической демократии и свободной жизни трудящегося человека.

Речь шла о том, чтобы восстановить и укрепить руководящую роль авангарда рабочего класса — Коммунистической партии Чехословакии как организатора победы рабочего класса и трудового народа. За все это наша партия вела революционную борьбу в течение всех 50 лет своего существования. И все это было поставлено под угрозу в результате натиска правых, ревизионистских, антисоциалистических сил в период 1968—1969 гг.

Отдельные люди совершают ошибки, их можно за это критиковать, можно также снимать с ответственных должностей. Но рабочий класс и его политический авангард — коммунистическая партия не могут отступить от своих основных классовых позиций, от своих революционных традиций, идеалов и целей без катастрофических последствий для своей политики и существования.

Истекший период с апреля 1969 г. мы можем характеризовать как период упорной борьбы марксистско-ленинских, левых сил в нашей партии с правым оппортунизмом, как полную победу этих сил в нашем обществе. В этой борьбе снова подтвердился тот принцип, что мы можем быть терпеливыми и чуткими в отношении отдельных заблуждающихся людей, однако мы не можем мириться с оппортунистическими, ревизионистскими взглядами и группировками внутри партии, с деятельностью антисоциалистических сил в обществе, так как это могло бы стать зародышем новых проблем и новых кризисов. В идеологии и в политике марксистско-ленинской партии и рабочего класса нельзя сидеть на двух стульях: провозглашать себя сторонником марксизма-ленинизма и одно-

временно допускать ревизионистский подрыв его под любым «реформаторским» соусом.

Наш Центральный Комитет с апреля 1969 г. своими решениями полностью восстановил классовый подход и классовый анализ общественных явлений и категорий внутри нашего государства и в подходе к международным проблемам. ЦК при этом исходил из наилучших революционных традиций нашей партии периода классовой борьбы во время существования довоенной буржуазной республики, периода национально-освободительной борьбы, периода победоносного шествия нашего рабочего класса и трудового народа после освобождения нашего государства, периода победы трудящихся в феврале 1948 г. и революционных преобразований в нашем обществе в годы строительства социализма.

Я считаю, можно сказать, что ЦК КПЧ выполнил, таким образом, незадолго до 50-й годовщины нашей партии свой классовый, политический и моральный долг перед сотнями тысяч революционных борцов коммунистического и рабочего движения в нашем государстве, которые жили и умирали за победу рабочего класса, за построение социалистического общества. Этим самым Центральный Комитет выполняет также свой исторический долг перед нашим рабочим классом, миллионами трудящихся, создает предпосылки для их свободной и спокойной жизни, для удовлетворения их материальных, социальных и культурных нужд, для будущего молодого поколения.

Наша партия как руководящая политическая сила в обществе наряду с борьбой против подрывных сил должна была решать все проблемы нашего общества. Наряду с продолжающимся разгромом правых и антисоциалистических сил, одновременно с преодолением кризисных явлений и их причин в разных областях на передний план все больше выдвигается необходимость основательного и кардинального решения накопившихся политических, общественных и экономических проблем, необходимость сосредоточить силы для планомерного развития нашего социалистического общества.

Между прошлым, настоящим и будущим нельзя провести никакой точной грани. Из прошлого мы черпаем уроки для своей сегодняшней работы. Перенимая все положительное, мы хотим избежать ошибок прошлого. Своим

сегодняшним трудом мы закладываем фундамент всего будущего развития.

Сегодня мы все больше ориентируем партийные, общественные и государственные органы на разработку программы будущего развития нашего общества, на перспективное развитие. Из разлада и хаоса, из кризиса, через которые прошли наша партия и общество, все яснее начинает вырисовываться светлая перспектива жизни нашего народа и общества. Успех нового курса Центрального Комитета на всех участках в широком объеме восстанавливает доверие рабочего класса, кооперативного крестьянства и остальных слоев трудового народа к политике партии, к принципам социализма, укрепляет их уверенность и гордость за итоги пятидесятилетней работы нашей партии, за итоги двадцатипятилетнего строительства социализма в Чехословакии.

За последние полтора года миллионы наших рабочих, крестьян и остальных трудящихся на практике, в повседневной жизни, на собственном опыте проверили, что политический курс, взятый Центральным Комитетом КПЧ в апреле 1969 г., является реальным, правильным и что нет никакой иной, лучшей альтернативы. Они убедились в том, что решения Центрального Комитета претворяются в жизнь, что между словами и делами нет расхождений.

Все это укрепляет социалистический строй в нашем государстве, укрепляет положение Коммунистической партии Чехословакии, чехословацкого народа и нашего государства в социалистическом лагере и среди остальных стран мира. Это развитие мы считаем главной характерной чертой периода от апреля 1969 г., еще сильнее проявившейся после последнего пленума ЦК КПЧ.

I

Стабильность социалистического общества и его дальнейшее развитие тесно связаны с положением внутри политического авангарда рабочего класса — коммунистической партии. Вывести нашу партию из состояния идейного и организационного разложения можно было лишь с помощью разгрома правых и ревизионистских сил внутри партии. Только таким путем и можно было восстанавливать идейное, организационное единство и единство дей-

ствий партии на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, восстанавливать ее руководящую роль в нашем обществе.

После первых шагов, когда мы уяснили, как искать выход из кризиса и разложения, когда мы аннулировали неправильные решения и постановления, когда мы показали рабочему классу и остальным трудящимся подлинные цели и облик правых и антисоциалистических сил, необходимо было очистить ряды нашей партии от тех, кто разошелся с марксистско-ленинской политикой партии и кто предал ее идейные и организационные принципы.

Мы приступили к делу в условиях, когда партия находилась в состоянии идейного и организационного разложения, когда ее расшатывали различные идеологические течения и платформы, когда ее способность действовать была небольшой, а доверие общественности к партии сильно подорвано. Постепенно главные представители правых сил устранились с решающих постов в партийных, государственных и общественных органах и организациях. Расширилось влияние, воздействие и численность тех людей, которые стояли на позициях марксистско-ленинской политики, формировался и рос актив решительных борцов за такую политику партии. Постепенно в результате принципиальной и терпеливой политической работы в партии и в обществе созрели условия, необходимые для того, чтобы партия могла в политическом и организационном отношении отмежеваться от людей, отказавшихся от марксистско-ленинских принципов ее политики и способствовавших кризисному положению.

Решающим мероприятием в деле чистки партии было постановление ЦК КПЧ от января с. г. об обмене партийных билетов на основе принципов, содержащихся в письме, адресованном всем первичным организациям и членам партии.

Сегодня мы можем предложить Центральному Комитету общие выводы этого важного политического мероприятия нашей партии. Это был исключительно важный и сложный экзамен для всей партии, проверка ее политических, идеологических и организационных способностей. Сегодня можно сказать, что наша партия с успехом выдержала этот экзамен. Опыт, приобретенный в ходе обмена партийных билетов, имеет исключительно важное значение для нашей работы.

На январском пленуме Центральный Комитет поставил следующие задачи, которые нужно было решить при обмене партийных билетов:

— очистить партию от людей, которые разошлись с марксистско-ленинской политикой и систематически нарушали или не выполняли Устав партии;

— восстановить идейное и организационное единство партии на принципах марксистско-ленинского учения, повысить ее боеспособность, революционный боевой дух и активность.

Проведение собеседований более чем с 1500 тысячами членов партии с коммунистической принципиальностью и чуткостью предъявляло высокие требования к руководству всем мероприятием со стороны партийных органов всех ступеней, к его кадровому обеспечению, к политико-организаторской работе и контролю. Ход этого мероприятия показал, что на всех ступенях у партии есть достаточно стойких, стоящих на позициях марксизма-ленинизма товарищей, которые были полны решимости выполнить эту сложную задачу вопреки всем маневрам и преградам, возводимым правыми силами.

Мы придерживаемся того взгляда, что обмен партбилетов в этом году выполнил свою миссию. Были достигнуты цели, намеченные январским пленумом ЦК КПЧ...

Наиболее важным результатом этого мероприятия является очищение партии, разгром центров и гнезд правого оппортунизма и ревизионизма внутри партии. Партия в организационном отношении разошлась с людьми, отступившими от принципов марксизма-ленинизма. В значительной мере она избавилась и от тех, кто длительное время был пассивным и равнодушным и составлял потенциальный резерв оппортунизма в партии.

Вследствие очищения партии от правых оппортунистов и части пассивных членов были созданы условия для строительства партии и единства партии на качественно более высокой ступени, для необходимого восстановления полнокровной внутрипартийной жизни. Были созданы условия для более последовательного применения ленинских норм в партийной жизни, для повышения дееспособности партии. Удалось восстановить связь между районными комитетами и первичными организациями, которая на протяжении долгих лет была нарушена или существовала формально. Повысилась требовательность к полити-

ческой активности руководящих работников на всех участках. Повысилась ответственность перед партией за вверенные участки.

Положительным явлением, вытекающим из процесса обмена партбилетов, можно считать и изменение, происшедшее в общественном мнении, повышение доверия к политике партии, повышение активности трудящихся, особенно на экономическом участке.

Партия глубже познала и причины недостатков и ошибок в своей внутренней жизни, причины кризисных явлений в своей деятельности. Собеседования с членами партии показали, что долголетняя пассивность является следствием низкого уровня политико-организаторской и воспитательной работы. На многих местах проявились недостаточное знание общей политики партии, низкий идейный уровень некоторых членов партии и даже незнание основных вопросов марксизма-ленинизма. Выявилось слабое знание Устава партии как основного закона внутренней жизни партийных организаций и членов партии. В некоторых местах проявились и тенденции либерализма, и нежелание активно поддерживать политику партии, в том числе и у некоторых руководящих работников.

Форма собеседований позволила партийным органам глубже познать каждого коммуниста, его политический и моральный облик и ознакомить каждого члена партии с ее политикой, положением в нашем обществе и с ленинскими принципами строительства и деятельности партии.

В ходе собеседований было решено не выдавать новый партийный билет 326 817 членам партии, т. е. 21,67 процента общего числа членов перед началом этого мероприятия. Из этого числа 67 147 лиц было исключено из партии и у 259 670 лиц членство в партии было приостановлено. Путем этой дифференциации (исключение из партии или приостановление членства) комиссии, проводившие собеседования, и партийные органы различали степень вины, колебания и равнодушия в отношении учения и задач нашей партии.

Если мы прибавим к этому убыль членов партии за 1968—1969 гг., то сегодняшнее число членов Коммунистической партии Чехословакии по сравнению с положением к 1 января 1968 г. уменьшилось на 473 731 человека, т. е. на 28 процентов.

Наша партия остается и впредь массовой организацией. После окончания обмена партийных билетов в партии насчитывается приблизительно 1 200 000 членов.

Кампания обмена партийных билетов проведена в духе постановления Центрального Комитета — правильно, принципиально и с чутким подходом к людям. Не произошло серьезных нарушений принципов, установленных для обмена партийных билетов. При такой огромной кампании нельзя исключить в отдельных случаях ошибок и неправильных решений. Поэтому была дана возможность обжаловать решение в партийные органы. Обжалования против исключения из партии и возражения против приостановления членства рассматривают контрольно-ревизионные комиссии и соответствующие органы партии на основе нашего Устава.

После завершения собеседований и обмена партбилетов в партии возникло новое положение, новые условия для ее дальнейшей жизни и работы. Высшая ступень идейного и организационного единства позволяет партии гораздо лучше выполнять задачи, вытекающие из ее руководящей роли в социалистическом обществе.

Можно констатировать, что Коммунистическая партия Чехословакии сегодня является вновь марксистско-ленинской партией, является политической силой, способной выполнять в нашем обществе свою руководящую роль, является идеологическим центром, познавательным и руководящим центром нашего общества. Партия приобрела веру в свои собственные силы и пользуется все более широким доверием в массах трудящихся.

Исходя из этих предпосылок и опыта, приобретенного в ходе обмена партийных билетов, Президиум ЦК КПЧ своим решением от 18 сентября 1970 г. считал нужным:

— упразднить чрезвычайные формы, связанные с обменом партбилетов, и перейти во всей партии к нормальному способу и обычным методам партийной работы и жизни партии;

— ориентировать работу всех партийных органов и организаций на развитие партийной жизни, дальнейшее укрепление марксистско-ленинского характера партии, на целенаправленное и организованное осуществление роли партии в отдельных областях жизни общества, и прежде всего на политико-массовую работу, на привлечение трудящихся к политике партии.

Решение Президиума ЦК КПЧ обсуждалось всеми партийными органами, организациями и партийными активами; оно было принято как директива, которая исходит из сегодняшних потребностей партии и ориентирует на дальнейшую работу. Мы убеждены, что Центральный Комитет утвердит эту директиву.

О некоторых выводах, вытекающих из обмена партийных билетов, я буду говорить в связи с дальнейшими задачами нашей партии.

Президиум ЦК КПЧ рекомендует, чтобы Центральный Комитет одобрил предложенный доклад о ходе обмена партийных билетов и тем самым завершил это крупное партийное мероприятие.

II

Товарищи! Наши успехи в деле консолидации партии, общества и государства соразмерны тому, насколько нам удастся преодолевать ошибки и кризисные явления прошлого в политике и экономике и их отражение в сознании людей. В процессе анализа будущих задач, которые нас ожидают, на передний план выдвигаются новые проблемы, повышенная требовательность к уровню руководящей работы в партии и государстве, к фундаментальности и программности этой работы, к воспитанию коммунистов, к упрочению единства партии, к связи партии с массами трудящихся. Сегодняшние и предстоящие задачи повелевают нам ускорять процесс консолидации во всех областях, быстрее покончить с прошлым и посвятить все внимание и энергию сегодняшним и будущим задачам.

Поражение правых и ревизионистских сил мы должны связывать и с преодолением ошибок и недостатков, которые позволили этим силам сформироваться, действовать и пойти в наступление, с преодолением методов, которые были препятствием в работе нашей партии в прошлом. Ускорение этого процесса требует познания источников, корней и причин кризиса у нас, оно требует вооружить партию не только против повторения кризисного развития, но прежде всего в целях марксистско-ленинской критической оценки каждого общественного явления в настоящем и будущем.

Поэтому почти на каждом пленуме Центрального Комитета начиная с апреля прошлого года мы возвращаемся

и к недавнему прошлому, с тем чтобы извлечь обязательный урок из хорошего и плохого, что было в нашем истекшем развитии, для дальнейшей работы. Выводы, извлекаемые нами из прошлого развития, касаются не только оценки позиции и деятельности некоторых отдельных лиц. Какой бы ни была мера их ответственности за развитие, мы заинтересованы в раскрытии корней тех тенденций и ошибок, которые привели партию и общество к кризисным положениям и, наконец, на грань катастрофы.

Вся партия и все наше общество должны знать, что все положительное в наших революционных традициях и в строительстве социализма мы можем развивать и впредь лишь при условии, если мы со всей последовательностью покончим с тем, что партию как руководящую общественную силу в социалистическом обществе обезоруживало и дезорганизовывало в политическом, идейном и организационном отношении, что дало возможность для нарастания ревизионистских и антисоциалистических сил, что им позволило создавать контрреволюционную угрозу для всего нашего общественного строя.

Со времени апреля 1969 г. Центральный Комитет, его Президиум вместе с активом партии приложили большие усилия, чтобы разъяснить партии, рабочему классу и всем трудящимся причины кризиса в нашем обществе, вылившегося в 1968 г. в непосредственную угрозу контрреволюции.

На основе анализа и выводов, принятых ЦК КПЧ, прежде всего на пленумах в сентябре 1969 г. и в январе 1970 г., в партийных органах и организациях были сделаны свои анализы кризисного развития. Собеседования, проводившиеся в процессе обмена партбилетов с 1500 тысячами членов партии, помогли разоблачить и конкретизировать действия правых и антисоциалистических сил в партии и обществе.

Накопленный опыт и приобретенные уроки позволяют нам сегодня приступить к обобщению этого коллективного опыта партии.

Поэтому Президиум ЦК КПЧ выносит на обсуждение и одобрение Центральному Комитету политический документ, названный «Уроки кризисного развития в партии и обществе в период после XIII съезда КПЧ». Этот документ должен служить уроком для нашей партии и способствовать ее дальнейшему политико-идейному и организа-

ционному объединению, укреплению ее марксистско-ленинского характера, упрочению ее руководящей роли и успешному развитию нашего социалистического общества.

Он может принести пользу и братским коммунистическим и рабочим партиям, демократическим и миролюбивым силам в мире для понимания и осознания развития в Чехословакии и некоторых более широких взаимосвязей классовой борьбы трудящихся за строительство социалистического общества.

Мы отнюдь не заинтересованы в возвращении к прошлому, в том, чтобы бередить раны и больные места в нашем развитии. Мы заинтересованы в ленинском подходе к собственным ошибкам, в их познании, в их исправлении. Известны слова В. И. Ленина, который после победы Советской власти сказал, что ничто нас не может погубить, кроме наших собственных ошибок.

Поэтому мы считаем своей обязанностью, своим долгом перед партией, рабочим классом и другими слоями трудящихся с ленинской принципиальностью проанализировать разные этапы и основные периоды этого кризисного развития у нас в период после XIII съезда партии, извлечь из них урок и сделать выводы для преодоления всех отрицательных тенденций, ошибок, заблуждений, деформаций.

Враги пытались сделать из наших ошибок и кризисного развития ложные выводы в отношении социалистической общественной системы. Естественно, что внутренние или внешние враги всегда стремятся злоупотребить нашими ошибками. Предложенный документ и весь наш опыт ясно подтверждают преимущества и успехи социалистического строительства в Чехословакии. Ошибки, которые существовали у нас, допускали люди, и они были вызваны системой их работы. Люди, которые не справились с работой на ответственных постах, должны были уйти из политической и общественной жизни,— такой закон будет определенно действовать и в будущем. Мы последовательно разрабатываем ленинский стиль и систему работы, требовательную, критическую и самокритическую.

Мы должны устремить внимание всей партии вперед, на дальнейшее развитие общества, укреплять черты его социалистического характера, развивать экономику и повышать жизненный уровень народа. Только таким образом,

конкретной работой во имя настоящего и будущего мы можем преодолеть ошибки прошлого и претворить в жизнь приобретенный нами опыт. Урок прошлого должен помочь всей партии более решительно и сплоченно идти по пути, на который мы встали в апреле 1969 г.

III

Товарищи! Разрешите ныне обратить внимание на главные задачи нашей партии в решающих областях общества.

Необходимо далее углублять единство партии, начиная с Центрального Комитета вплоть до первичных организаций. Мы ставим эту задачу на первое место не случайно. Правые силы не могли бы зайти в своей раскольнической политике столь далеко, если бы партия продолжительное время не страдала формализмом, если бы она последовательно действовала против всех стремлений нарушать единство партии...

Итоги собеседований и приобретенный опыт показали, насколько необходимо последовательно соблюдать Устав партии. Необходимо в полном объеме восстановить ленинские принципы партийной работы, развивать демократический централизм и внутрипартийную демократию, создать простор для критики и самокритики и целеустремленно осуществлять принцип коллективности в руководстве. В партии необходимо закрепить требовательность к оценке итогов работы каждого члена партии и делать необходимые выводы, если некоторые коммунисты пытаются уклоняться от своих обязанностей. Все коммунисты должны подчиниться принципу, вытекающему из Устава партии, согласно которому внутрипартийные вопросы обсуждаются и решаются в партийных органах, на партийных собраниях, а принятые решения обязаны соблюдать все...

Главным звеном являются прежде всего районные комитеты партии. В ходе обмена партийных билетов высшие партийные органы, особенно районные комитеты, установили более тесные контакты с первичными организациями и уделяли им больше внимания...

С этим тесно связан вопрос активизации первичных организаций и членов партии, их постоянного активного воздействия, деятельности в коммунистическом духе...

Член партии как коммунист обязан активно воздействовать и выступать на своем рабочем участке, по месту своего жительства и повсюду. В этом у нас были значительные недостатки...

Одной из основных предпосылок формирования партии является последовательное руководство ростом ее рядов. Путем роста и обновления своих рядов партия должна укрепить классовый, революционный, марксистско-ленинский характер, обеспечить, чтобы на высоком уровне воплощалась руководящая роль партии во всех областях жизни общества.

Развитие последних лет и обмен партбилетов вскрыли серьезные недостатки в социальной и возрастной структуре состава партии.

В процессе дальнейшего роста партии необходимо поэтому будет при приеме новых членов ориентироваться:

- на рабочих и кооперативных крестьян, которые в последнее время подтвердили свое политическое доверие к партии и социализму, и у них есть все предпосылки стать активными членами партии;

- на представителей молодежи, которые выступают за идеи коммунизма и пролетарского интернационализма, причем ориентироваться прежде всего на молодежь на заводах и в единых сельхозкооперативах, на членов Социалистического союза молодежи;

- прежде всего на те отрасли и участки экономической деятельности, где партия еще не имеет достаточного влияния и соответствующего социального состава...

Партия — авангард рабочего класса. Поэтому она должна целеустремленно крепить свой рабочий характер. Это предполагает необходимость уделять гораздо большее внимание укреплению рабочего ядра партии, очень конкретно заботиться об эффективном марксистско-ленинском воспитании, равно как и о том, чтобы талант и опыт испытанных рабочих кадров нашли себе полное применение на деле...

Лишь на основе принципиальной кадровой политики партия может во всей своей работе достичь высшего уровня, добиться того, чтобы на ответственных местах находились люди идейно стойкие, принципиальные, пользующиеся уважением и авторитетом в своей окружающей среде за стойкость своего социалистического убеждения и моральные качества, а также за необходимое умение руководить и за знания. В этом деле у нас имеется большой

долг, оставшийся от прошлого, и погасить его будет нелегко...

Разложение, имевшее место в истекшие годы, в значительной мере отразилось также на всех участках кадровой работы партии. Поэтому необходима систематическая, последовательная, перспективная кадровая политика. После длительной подготовки Президиум ЦК КПЧ одобрил 6 ноября текущего года принципиальное постановление о кадровой и персональной работе. Это постановление создает единую систему подбора, подготовки кадров и заботы о них как в партийных, так и в общественных, государственных и хозяйственных органах.

Постановление о кадровой политике необходимо последовательно проводить в жизнь.

В процессе обмена партийных билетов было приостановлено членство многим лицам, допустившим серьезные ошибки, но которые хотят в будущем вновь вступить в партию. Многие из них готовы активно принимать участие в осуществлении политики партии и постепенно исправляют свои неправильные взгляды и позиции, которых они придерживались в прошлом.

К этим бывшим членам партии нужно подходить дифференцированно и индивидуально. Нужно поддерживать развитие их трудовой активности и постепенно на основе результатов их работы давать им возможность включиться в общественную жизнь.

В настоящее время на передний план мы выдвигаем значение массово-политической работы. Существенным критерием эффективности политического руководства на всех ступенях являются результаты работы, то, как изменяется положение к лучшему, как осуществляются мероприятия по устранению различных бесчинств в жизни, как удовлетворяются законные интересы граждан... Мы должны терпеливо и упорно стремиться привлекать тех, кто колеблется или находится еще в плену различных иллюзий и представлений.

Но найдутся и люди, которые стоят на берегу ревизионизма и антисоциализма. Против них мы будем вести решительную борьбу, не допустим того, чтобы они вносили в наше общество новый хаос, того, чтобы своей деятельностью и своим влиянием они разлагали наше социалистическое общество. В этой борьбе мы должны быть последовательными и принципиальными. Мы должны быть после-

довательными и принципиальными в политике вообще и в подходе к отдельным лицам...

Основой основ всей нашей политики является рабочий класс. Своим положением на производстве, своими революционными традициями, своей объективной заинтересованностью в развитии социализма рабочий класс является руководящим классом социалистического общества. В целях укрепления и развития социализма у нас ныне особенно важно добиться того, чтобы рабочий класс, главным образом в крупных промышленных центрах, твердо поддерживал политику партии и своим трудом, дисциплинированностью, своей позицией и взглядами в социалистическом духе оказывал влияние на все общество...

Ближайшим союзником рабочего класса является класс кооперативного крестьянства, который перешел на путь строительства социализма и существенно способствует, таким образом, политической консолидации, равно как и расцвету социалистической экономики. Необходимо неустанно крепить союз рабочего класса с кооперативным крестьянством как классовую основу политической власти в нашем государстве...

Мы должны сделать все для того, чтобы привлечь к осуществлению политики нашего рабочего, социалистического государства всех честных представителей интеллигенции. В последнее время Президиум ЦК КПЧ уделял особое внимание этому вопросу и принял некоторые меры. Нам хорошо известно, что относительно большая часть интеллигенции находилась под влиянием разных радикальных, агрессивных групп правых сил, которые в большинстве своем рекрутировались из ее рядов. Тем труднее и сложнее борьба на этом участке. Часть интеллигенции осталась верной марксистско-ленинской линии партии и работает в ее рядах. Значительная часть сориентировалась и поддерживает политику партии...

Таким образом, конкретные задачи экономического и общественного развития, организаторской и культурно-воспитательной работы начинают приобретать ярко выраженный классовый, политический характер. Активное решение актуальных вопросов общественного развития, эффективное развитие социалистической демократии для широких масс трудящихся, постоянный подъем экономики и удовлетворение нужд трудящихся, поддержка научно-технического развития — все это является важной состав-

ной частью борьбы с правыми силами. Это — средство для ликвидации остатков их влияния, а на будущее — средство предотвратить возрождение социальных, политических, экономических и идеологических факторов, на которые опирались правые силы в своем паступлении. Это — средство для достижения того, чтобы широкие массы на собственном опыте убедились в том, что политика партии отвечает их интересам и нуждам.

IV

Мы уже неоднократно заявляли, что мы строим в нашей стране социалистическое общество для всех трудящихся. Политическим выражением союза рабочих, крестьян и остальных слоев трудящихся является Национальный фронт, в котором при руководящей роли коммунистической партии объединены остальные политические партии и крупные массовые организации, насчитывающие миллионы политически неорганизованных трудящихся. Посредством органов Национального фронта, политических партий и массовых организаций трудящиеся участвуют в формировании и реализации политики в нашей стране, в управлении общественной жизнью, обществом, экономикой и всем государством, что является составной частью нашей социалистической демократии. Необходимо уделять больше внимания работе Национального фронта, его составных частей, и в первую очередь массовых организаций. Если мы говорим о массово-политической работе коммунистов, то это касается прежде всего работы в крупных массовых организациях.

Наша партия должна уделять особенно много внимания работе революционного профсоюзного движения и новой организации нашей молодежи — Социалистическому союзу молодежи и пионерской организации.

Влияние правых ревизионистских и антисоциалистических сил в профсоюзном движении и в молодежной организации нанесло исключительно большой вред, наследие этой подрывной деятельности трудно преодолевается в политическом и организационном отношении.

С апреля 1969 г. в революционном профсоюзном движении была проделана большая работа, особенно в деле чистки руководящих органов и в деле восстановления

ленинского понимания профсоюзов в социалистическом государстве. Но мы не можем довольствоваться этими результатами...

Наша партия уделяет чрезвычайное внимание молодежи и стремится его усилить. В политической и профессиональной подготовке молодого поколения социалистическое общество обеспечивает свое будущее. Доверием молодого поколения грубо злоупотребили правые оппортунисты и антисоциалистические силы с помощью демагогических лозунгов и кампаний. Поэтому мы должны разработать комплекс мероприятий, направленных на то, чтобы помочь молодому поколению правильно ориентироваться в нашем развитии и его перспективах, чтобы помочь ему также в профессиональном отношении лучше подготовиться к трудовой деятельности.

Мы считаем важным политическим успехом тот факт, что у нас вновь построена единая организация молодежи — Социалистический союз молодежи и пионерская организация, которые заявляют о своей принадлежности к социалистическим идеалам и хотят в этом духе оказывать воздействие на молодых людей и воспитывать их.

В борьбе с правыми и антисоциалистическими силами в процессе консолидации позитивную роль сыграл союз чехословацко-советской дружбы, а именно прежде всего в деле укрепления братских отношений между нашими народами и народами Советского Союза. Позитивный поворот, происшедший в общественном мнении в смысле укрепления нашей дружбы, был в определенной мере также заслугой союза чехословацко-советской дружбы. Мы высоко ценим эту работу и будем поддерживать деятельность союза чехословацко-советской дружбы в целях углубления чехословацко-советской дружбы среди широких слоев народа, и особенно среди беспартийных.

И я хотел бы сказать хотя бы несколько слов о работе и позиции наших женщин. Мы высоко ценим их трудовой вклад в общее дело на разных участках нашей экономики и в обществе, их жертвы и вклад в дело воспитания молодого поколения и не в последнюю очередь их поддержку усилий нашей партии, направленных на консолидацию жизни...

Позитивную оценку можно дать политической и трудовой консолидации нашей народной армии и органов безопасности. Эти важные органы власти были очищены от

оппортунистических сил и являются в настоящее время прочной опорой нашего социалистического строя...

Общая главная и первоочередная задача всех государственных органов — всемерно бороться против разлагающих тенденций, стихийности и анархии, которые были и являются живительной почвой для оппортунизма. Государственные органы, национальные комитеты и особенно комиссии народного контроля должны существенно улучшить качество и интенсивность своей работы в борьбе за социалистический порядок, против мелкобуржуазных пережитков.

Ныне речь идет о том, чтобы шаг за шагом рационализировать государственный аппарат, устранять из его работы бюрократизм, повышать его производительность. Коммунисты в соответствующих органах обязаны проводить в жизнь эту задачу, следить за тем, чтобы государственный аппарат выполнял свои задачи на службе рабочего класса и всех трудящихся.

Чехословацкая Социалистическая Республика является общим государством чешского и словацкого народов, и на его территории проживают граждане других национальностей — украинской, венгерской, польской и немецкой. Двухлетний опыт федеративного устройства нашего государства является положительным. Можно сказать, что федерация оправдала себя на практике.

Этот опыт, однако, указал на некоторые частичные недостатки. Поэтому Президиум Центрального Комитета партии после длительной и тщательной подготовки, после обсуждения в Президиуме ЦК КПС, в Бюро ЦК КПЧ по руководству партийной работой в чешских областях, в федеральном и национальных правительствах одобрил некоторые упорядочения закона о федерации и связанные с ним законы, которые должны укрепить единое руководство государством, укрепить положение федерального правительства прежде всего в области экономики.

Центральному Комитету в письменной форме предложена информация об этих изменениях, которые Федеральное собрание обсудит во второй половине этого месяца. Эти изменения не касаются сущности федерации, которая сохраняется как правильная ленинская идея и которую наша партия в будущем хочет сохранить и совершенствовать в нашем общественном строе...

Главная задача партии в области экономики состоит

сегодня, по существу, в следующем: всесторонне и энергично углублять результаты, достигнутые в процессе консолидации, целеустремленно решать накапливавшиеся длительное время проблемы нашей экономики и разрабатывать долгосрочную стратегию экономического роста...

Перед нами стоят огромные задачи в идеологической области. Большая политическая борьба, которую в настоящее время ведет партия за массы трудящихся, является прежде всего борьбой за их мышление, за то, чтобы политику партии, ее программу консолидации и дальнейшего строительства развитого социалистического общества они считали своим делом. Вновь подтвердилось и было проверено на опыте, насколько политика и идеология неотделимы.

Полное поражение правых сил предусматривает ведение систематической борьбы против всех форм оппортунизма, против ревизионистских теорий, против мелкобуржуазной и буржуазной идеологии. Политическое поражение правых оппортунистов мы должны завершить полным идеологическим поражением, преодолением их идеологического влияния.

Однако в целях этого необходимо не только разоблачить деятельность отдельных представителей правых сил, необходимо также раскрыть корни оппортунизма, его историческую, философскую и общественно-экономическую основу, теоретические источники ревизионизма. Для такой работы нам потребуется создать специализированные коллективы, перестроить теоретические научные учреждения. Центральный Комитет будет предъявлять высокие требования к нашим партийным школам, в первую очередь к Высшей политической школе ЦК КПЧ и к новому Институту марксизма-ленинизма...

Сущностью нашего современного внешнеполитического курса остается усилие по политическому преодолению последствий действия антисоциалистических и правооппортунистических сил в области международных отношений. На этом пленуме Центрального Комитета мы обсуждаем также выводы и уроки, извлеченные из кризисного развития последних лет, в частности и в области международных отношений. Позвольте мне в связи с этим привести цитату из предложенного документа:

«Наша страна является прочной составной частью мирового социалистического содружества. Наши успехи в

прошлом и наш путь вперед тесно связаны с первой странной социалистической революцией — с Советским Союзом. Без его помощи мы не могли бы решить и справиться с такими сложными и большими задачами, выполнения которых требовало и требует социалистическое развитие в нашей стране. Наученные горьким опытом прошлого, как зеницу ока мы будем хранить заветы прогрессивных сил наших народов и союз с Советским Союзом — гарантию нашей национальной, социальной и государственной уверенности».

В этом духе мы проводили в международных отношениях политику Центрального Комитета, и можно сказать, что мы добились полного восстановления братских и союзнических отношений с Коммунистической партией Советского Союза и другими братскими партиями, с Советским Союзом и другими союзническими государствами. В течение последних шести месяцев этот процесс с успехом развивался.

Чехословацкая Социалистическая Республика является сегодня прочным звеном Варшавского договора, и государства — члены этого договора, как показало несколько дней назад Берлинское заседание, в полном единстве и всем своим авторитетом выступают за ее кровные внешнеполитические интересы...

Товарищи! Если мы вкратце обобщим результаты работы, проделанной с апреля 1969 г., то мы можем сказать, что мы не только ликвидировали главные позиции правооппортунистических сил, но что мы добились и большого прогресса в консолидации общества. Правооппортунистические и антисоциалистические силы сегодня уже не имеют реальной возможности ни публично выступать, ни действовать в государственных массовых средствах информации, в государственных органах, а тем более на партийной платформе.

Разумеется, они не исчезли из нашей жизни. Главные представители правых сил продолжают жить здесь, а вместе с ними живут и разные антисоциалистические и антикоммунистические тенденции. Мы должны тщательно следить за всеми формами их действий и их тактики и анализировать их. Мы должны решительно выступать повсюду, где они попытаются вмешаться, где они попытаются предпринять действия, и применять санкции в случае, если они нарушат наши законы. В настоящее время правым си-

лам очень важно вызывать напряженность в коммунистической партии, вызывать недоверие, нервозность, чтобы ослабить единство наших рядов. В этом отношении их намерения и стремления полностью сходятся со стремлениями и действиями зарубежной антикоммунистической пропаганды. Им любой ценой хочется сохранить свои силы, и они выжидают нового случая. Но такой случай им никогда больше не представится. Мы завершим разгром правых сил также и в идеологической области. Правая опасность и впредь остается главной, а борьба с этой опасностью — главным фронтом нашей политической борьбы.

Исход нашей борьбы за мышление и чувства миллионов людей, за полное восстановление союза между партией и массами решит систематическая сложная работа всей партии.

Товарищи! Наш Центральный Комитет в завершение сложного и полного напряженного труда 1970 года может с полной ответственностью констатировать, что наша партия, рабочий класс и трудовой народ достигли в течение этого года ценных побед и успехов в политической и экономической областях, что мы успешно продолжаем преодолевать кризисные явления, укреплять партию и социалистическое общество.

Приобретенный опыт дает нам уверенность в том, что и в дальнейшем мы справимся со стоящими перед нами задачами так, чтобы в течение будущего года мы смогли осуществить очередной XIV съезд партии.

Опираясь на братский союз и дружбу с Советским Союзом и с социалистическими странами, на единство нашей партии, доверие и поддержку рабочего класса и трудового народа, мы неуклонно будем двигаться вперед по пути дальнейшего развития социалистического общества во имя благополучия и счастливой жизни нашего народа.

Я глубоко уверен, что этот пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии подтвердит единство нашего высшего органа в период между съездами в оценке главных вопросов и явится знаменательным этапом в развитии курса, взятого партией в апреле 1969 г.

Л. Свобода, член Президиума ЦК КПЧ,
Президент ЧССР

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОМ АКТИВЕ КПЧ В ПРАГЕ 19 АВГУСТА 1969 ГОДА

Товарищи!

Прежде всего я хотел бы искренне приветствовать ваш актив, всех его участников.

Вы собрались со всей республики, представители заводских организаций Коммунистической партии Чехословакии, революционного профсоюзного движения, народной милиции. Поэтому я хотел бы обратиться не только к вам лично, а одновременно ко всем членам ваших организаций, ко всем коллективам ваших заводов, ко всем трудящимся. И не только как член руководства партии, но и как президент республики.

Через несколько дней мы отметим 25-ю годовщину Словацкого национального восстания. Тем самым мы открываем юбилейный год 25-летия со дня освобождения нашей родины Советской Армией.

Можно было бы сказать, что в такой сложной ситуации, как сейчас, учитывая стоящие перед нами неотложные задачи, у нас нет времени праздновать юбилей. Речь, однако, идет не только о том, чтобы вспоминать события прошлого. Прежде всего мы должны сегодня воспользоваться извлеченными из них уроками, чтобы они помогли решить сложные задачи, стоящие перед нами сейчас.

Исторический опыт ясно говорит о том, что путь социализма для нашей республики стал единственно возможным выходом из дорого оплаченного прошлого.

Буржуазия как правящий класс потерпела полное поражение. Она не сумела решить внутренних проблем государства и обеспечить его безопасность. Наш народ свободно, по собственной воле избрал путь социализма.

Опыт, подтвержденный совместно пролитой кровью в годы второй мировой войны, убедительно говорит также

о том, что независимость и безопасность нашей страны, расположенной в этой части Европы, и само существование наших народов неразрывно связаны с нашим союзом и сотрудничеством с Советским Союзом.

Сегодня мне хотелось бы напомнить еще об одном принципиальном уроке: вся современная история наших народов неразрывно и в решающей мере связана с миссией Коммунистической партии Чехословакии. Она возглавила борьбу за права трудящихся в первой республике. В годы наступления гитлеровского фашизма она была главным организатором всенародной борьбы против его угрозы, а в годы войны коммунисты в первых рядах всенародного фронта боролись против гитлеровской оккупации, за возрождение независимой Чехословакии, за строительство новой, справедливой в социальном отношении и независимой в международном отношении республики.

После войны Коммунистическая партия Чехословакии стала руководящей политической силой в государстве. Она стала такой силой в результате того, что завоевала это положение своей борьбой и деятельностью, в результате того, что ее программа, ее планы и цели отвечали опыту, потребностям и пожеланиям большинства народа. Сама жизнь, логика истории предопределили для Коммунистической партии такое место и такую ответственность.

Коммунисты возглавили большие общественные преобразования и развитие социализма в нашей стране, промышленное строительство, социалистическое преобразование деревни, развитие науки и культуры. К одной из этих значительных сторон работы партии относится и то, что сама коммунистическая партия находила в себе силы раскрыть недостатки в собственной работе, стать на путь исправления ошибок и заблуждений прошлых лет, развернуть движение за восстановление ленинских принципов, за возрождение общества и за новое развитие нашей страны последовательно, на принципах социализма.

Сегодня Коммунистическая партия Чехословакии и вся наша страна переживают один из самых сложных периодов своего развития. Партия не без трудностей борется за восстановление своего идеологического и политического единства. Общество переживает болезненный кризис в политической и экономической областях. Возможно, никогда у нас не накапливалось столько трудных проблем, никогда

не было так сложно отыскивать и находить правильные пути для их решения.

Эта задача вновь выпала на долю коммунистической партии. Коммунисты сегодня вновь несут на своих плечах эту ответственность перед всем обществом, перед будущим нашей родины. Отдельный человек может стать зрителем, партия же не может и не смеет этого сделать.

Чехословацкие коммунисты прошли уже через многие тяжелые испытания. Ленинские принципы всегда надежно указывали им путь вперед. Поэтому я твердо убежден, что и сегодня Коммунистическая партия Чехословакии сумеет с честью выполнить свою миссию.

Мы не потерпим никаких подрывных действий

Работы и забот у нас у всех с избытком, взять хотя бы то, что приносит сегодняшний день. У врагов социализма внутри страны и за границей сегодня нет других забот, кроме как выдумывать и организовывать, как осложнять и углублять наши проблемы, препятствовать консолидации положения, препятствовать позитивному решению открытых вопросов во внутривластных и внешних отношениях.

Их усилия нельзя недооценивать. Я снова хотел бы, как и прежде, выразить полное доверие рассудительности и мудрости нашего народа. Я уверен, что он сможет правильно разобраться в ситуации, что он поймет, кто к нему относится хорошо, а кто нет, что он не даст спровоцировать себя различными призывами к необдуманным поступкам, что он не допустит беспорядков.

Это относится особенно к предстоящим дням, когда некоторые, часто прикрываясь патриотическими фразами и играя на национальных чувствах, хотели бы обострить кризисное положение на заводах, на транспорте, в снабжении. Просто повсюду. Я хотел бы сказать по их адресу, что мы не допустим того, чтобы последствия их авантюристических действий легли на весь народ. Пусть они сами несут их.

Тот, кто решится на вредительские действия, должен получить веский и решительный отпор в интересах нашей страны и ее будущего. На это направлены все мероприятия

тия, предпринятые в эти дни руководящими партийными органами и правительством. Подробно я отмечал это позавчера в Бржецлаве.

Сила КПЧ — в ее связи с народом

При всей неотложности современных забот я хотел бы обратить внимание на некоторые вопросы большого значения, прежде всего в области развития нашей экономики. Нам нужно в первую очередь привести в порядок народное хозяйство, энергично решать и решить проблемы снабжения, жилищного строительства, городского транспорта, услуг и т. п.

Эти задачи мы должны решить быстро, но в то же время обдуманно. Без ошибок и заблуждений прошлого, используя опыт других стран. Прежде всего социалистических.

Все это предъявит огромные требования к организационной работе партии, государства, людей наверху и внизу, к зрелости и моральным качествам людей, к их профессиональному уровню и трудолюбию, к хорошему отношению друг к другу.

Ни одну из этих задач наша партия не может решать и решить сама. Как всегда было в прошлом, так тем более будет в будущем действительно положение о том, что сила партии зависит от того, в какой мере она сумеет привлечь к своей программе людей, насколько сумеет опираться на неисчерпаемые источники их ума, таланта и трудолюбия.

Я вспоминаю прошедшие годы, например то, как мы в годы войны, будучи в Советском Союзе, и после войны тесно сотрудничали с т. Готвальдом. Как партия сумела на платформе Национального фронта привлечь, объединить и вести прогрессивные и патриотические силы наших народов.

Таким же образом и сейчас со всей неотложностью перед всей партией будет стоять задача привлекать к дальнейшей социалистической программе строительства страны все здоровые, прогрессивные силы наших народов, обобщать не только их согласия, но и их поддержки, их творческого участия.

Правда, существуют люди, которые занимают враждебную позицию по отношению к нашим усилиям. Они руко-

водствуются лозунгом: «Чем хуже, тем лучше». Их интересы — это стремление нарушить нашу экономику и дезорганизовать все общество, разбить республику. Мы должны бороться против таких людей открыто, принципиально и последовательно.

Однако подавляющее большинство честных людей, которые действительно любят свою страну, связано с ее социалистическим прошлым и будущим. Они наши друзья и союзники.

Против них мы не ведем и не можем вести борьбу. Мы должны терпеливо разъяснять им наши принципиальные позиции, дать им возможность самим убедиться, в чем они заблуждались и в чем были дезориентированы, убеждать откровенностью и правдой и привлекать их на свою сторону. Это — нелегкое дело, но только такой путь ведет к будущему.

Высокая ответственность означает и высокую требовательность

Чтобы с честью выдержать эту борьбу, необходимо предъявлять к каждому коммунисту, ко всей партии особенно высокие требования.

Начать мы должны фактически уже сейчас. Мы должны проявлять большую требовательность к партийным, государственным и хозяйственным работникам и к работникам аппарата. Как вам известно, Центральный Комитет КПЧ намерен предложить осенью основательный анализ и конкретную программу решения экономических проблем. Особенно же подготовка XIV съезда партии должна стать паступлением в деле ясного формирования и реализации позитивных целей партии на широком фронте.

Разрешите мне в связи с этим выразить твердое убеждение, что руководство партии во главе с т. Гусакom с успехом справится с этими задачами, что оно представит XIV съезду партии программу, которая мобилизует как партию, так и здоровые силы всего народа на борьбу за новый расцвет нашей страны.

Год назад в своих выступлениях я подчеркивал перед всеми гражданами нашей страны, что мы должны найти выход из сложного положения. Уже тогда мы говорили, на какой основе это делать, а именно на основе социализма

и его кардинальных принципов, на основе восстановления наших союзов с другими социалистическими странами. На этом нужно основывать наши усилия по решению всех наших открытых проблем, по их решению, отвечающему потребностям развития нашей страны.

Это путь, по которому обязалось идти руководство партии и государства. Я и впредь буду всеми силами стремиться к этому.

Поэтому я призываю вас и всех наших граждан не допустить нарушения этих усилий. Давайте окажем им всю нашу поддержку!

«Руде право», 20 августа 1969 г.

МЫ ОТВЕРГАЕМ ПОЛИТИКУ АВАНТЮРИЗМА

Почему Ф. Кригелю не место в партии

На майском пленуме ЦК КПЧ (1969 г.) было принято решение о выводе некоторых деятелей из состава ЦК КПЧ. Пленум вывел из состава ЦК КПЧ и исключил из рядов партии Ф. Кригеля. Вокруг этого факта поднялась страшная шумиха. Повсюду распространялись слухи о «мужественном» поведении Ф. Кригеля и несправедливых мерах против него.

Этим фактом пытаются воспользоваться самые различные силы как внутри страны, так и за границей для того, чтобы скомпрометировать руководство партии. В капиталистических странах это послужило поводом для очередной кампании против Советского Союза. Разумеется венское радио, западногерманское радио и радиостанция «Свободная Европа» старались обыграть этот факт.

Предложение о выводе Ф. Кригеля из состава Центрального Комитета было сделано потому, что он, в противоречии с обязательным для него решением Центрального Комитета, голосовал в Национальном собрании против ратификации Договора о временном пребывании советских войск на нашей территории. Этим он грубо нарушил дисциплину члена ЦК КПЧ. На последнем пленуме ЦК КПЧ он имел полную возможность самокритично объяснить свои действия и нынешнюю позицию. Но Ф. Кригель не сделал этого. Он использовал трибуну ЦК для нападок на партию и ее политику дружбы с СССР и другими социалистическими странами. Его выступление нельзя расценить иначе как попытку сорвать нормализацию обстановки, которой партия после апреля 1969 г. серьезно добивается, и в немалой степени успешно.

ЦК КПЧ квалифицировал это выступление как открыто антипартийную, антисоветскую и антисоциалистическую платформу, как позицию человека, для которого безраз-

личны безопасность и свобода народа нашей страны, который не выдержал испытаний в сложных условиях, занимая при этом ответственные должности. По этой причине Президиум ЦК КПЧ решил дополнить первоначальное решение о выводе Ф. Кригеля из состава Центрального Комитета КПЧ предложением об исключении его и из партии, которое было принято более чем 85 процентами голосов присутствующих членов.

КПЧ является сознательным отрядом рабочего класса и трудящихся, организацией тех, кто добровольно объединился на основе марксистско-ленинских идей на борьбу за социализм и коммунизм. Нельзя признать программу партии, которая на практике находит выражение в решениях высших партийных органов, обязательных для каждого ее члена, признавать ее руководящую роль и в то же время делать все для того, чтобы подорвать и ослабить партию. Нельзя провозглашать идеи социализма, наделять социализм поэтическими эпитетами, а на деле всячески подрывать власть рабочего класса, завоевания социалистической революции, активизировать антисоциалистические силы, подрывать дружбу с СССР и социалистическими странами, торпедировать отношения между нашей страной и этими странами, вызывать к жизни националистические явления и т. д. И уж ни в коем случае нельзя заявлять о приверженности к партии, и тем более занимать видное положение в ее руководстве, и втягивать партию в авантюры, создавать напряженное положение внутри партии и в обществе, создавать условия для дальнейшего развития кризиса, за который пришлось бы, видимо, заплатить кровью и который мог бы привести к утрате всего, что завоевали коммунисты и народ нашей страны.

Высшей степенью лицемерия и антипартийности являются попытки прикрыть расхождение между словами и конкретными делами мнимой борьбой за свободу, демократию и социализм «с человеческим лицом».

Ф. Кригель своим выступлением на майском пленуме ЦК КПЧ откровенно продемонстрировал так ловко маскируемый, свойственный ему еще задолго до августа 1968 г. махровый антисоветизм, безответственное и фактически враждебное отношение к партии и социализму.

Августовские события были тяжелым испытанием для нашей партии. В кризисные моменты позиция людей в значительной степени зависит от того, в какой степени

информированы они о происходящем вокруг, о причинах, вызвавших неожиданную напряженную обстановку и конфликты. Ф. Кригель принадлежит к таким людям, которые знали больше, чем другие, и несли свою долю ответственности за решение важных вопросов. От них зависела судьба партии и страны. Никто не является непогрешимым. Но если кто-либо настаивает на ошибках, рьяно продолжает деятельность, явно противоречащую интересам партии и народа, и если при этом занимает весьма ответственный пост, то партия должна извлечь из этого все необходимые выводы.

Ф. Кригель, как член ЦК КПЧ, знал резолюцию ноябрьского пленума ЦК КПЧ (1968 г.), он знал, как в этой резолюции оценивалось развитие обстановки в стране перед августом и после августа 1968 г., он должен был знать и то, что ноябрьская резолюция ЦК КПЧ предусматривала как единственную возможность выхода из создавшегося положения нормализацию и консолидацию жизни республики, нормализацию наших отношений с союзниками, со странами Варшавского договора. Он не мог не знать и то, что снова поднимают голову те силы, которые хотели воспрепятствовать проведению этой политики партии, организовывали кампанию подрыва доверия по отношению к руководителям партии и государства, создавали напряженное положение, используя средства массовой информации и другие пути. Когда же новое руководство партии начинает реализовать решения ноябрьского (1968 г.) и апрельского (1969 г.) пленумов ЦК КПЧ, Ф. Кригель выступает с провокационной речью на пленуме ЦК КПЧ. Из этого выступления со всей ясностью вытекает то, что он не только не хотел извлечь уроки из развития последних событий, а, наоборот, имел намерения привести партию к такому положению, которое неумолимо бы завершилось катастрофой.

Перед членами Центрального Комитета партии, которые хорошо знают факты, Ф. Кригель выступил с лживым и лицемерным утверждением о том, что Московский протокол от августа прошлого года и вытекающий из него Договор о временном пребывании советских войск на территории ЧССР не имеют законного основания и даже не обсуждались соответствующим партийным органом. Но, как известно, Московский протокол подписали: Президент республики Л. Свобода, Председатель Национального со-

брения И. Смрковский, Председатель правительства О. Черник и Первый секретарь ЦК КПЧ А. Дубчек, а также другие члены Президиума ЦК КПЧ и некоторые деятели Национального фронта. Действия этих официальных деятелей были одобрены и утверждены Национальным собранием. Известно также, что на пленуме ЦК КПЧ, состоявшемся в конце августа 1968 г., обсуждался Московский протокол, что этот протокол повлек за собой заключение Договора о временном пребывании советских войск на территории нашей страны. Действия Президиума ЦК КПЧ были одобрены пленумом. Для депутата-коммуниста является обязательным и решение партийной группы депутатов-коммунистов. Собрание этой группы состоялось перед заседанием Национального собрания, в повестке дня которого стоял вопрос о ратификации упомянутого Договора. Но Ф. Кригель ищет какие-то другие законные органы. Совершенно очевидно, что он не чувствовал себя связанным решением ЦК КПЧ, его Президиума, решением группы коммунистов-депутатов. Чьи же решения, указания и директивы были для него обязательными? В своем выступлении на майском пленуме ЦК КПЧ он явно отмежевывался от ЦК КПЧ, от политики партии и поэтому с полным основанием был выведен из состава ЦК КПЧ и исключен из партии.

Ф. Кригель выступил в свою защиту, заявив, что его уход из ЦК КПЧ символизирует отход партии от послеянварской политики. Если он считает послеянварской политикой политику разложения партии и государства, создание невыносимой напряженной обстановки и предоставление свободного пути для антисоциалистических сил, политику, которая отказывается от естественных связей нашей страны с СССР и социалистическими странами, то с такой политикой руководство партии и партия в целом не имеют и не хотят иметь ничего общего. Нет никаких оснований оставлять без ответа попытку Ф. Кригеля ввести в заблуждение партию, попытку выдавать авантюристическую позицию за политику, находящуюся «в соответствии с чувствами и пожеланиями граждан нашей страны». Положительные элементы послеянварской политики находятся в резком противоречии со всем тем, с чем Ф. Кригель выступил на пленуме ЦК КПЧ.

Следует также со всей остротой отвергнуть демагогическое утверждение Ф. Кригеля о том, что партия ныне

вступает на путь, который приведет к возврату 50-х годов, к новым репрессиям и процессам. Но в защиту такого утверждения, которое не является ни оригинальным, ни новым и сейчас умышленно распространяется различными антипартийными элементами, он не может привести ни одного доказательства. Речь идет о преднамеренном распространении паники, о том, чтобы возбудить недоверие к руководству партии и государства, вызвать у членов партии пассивность, изолировать партию от трудящихся, создать атмосферу взаимного подозрения и страха, умышленно раздувать антисоветизм. Эта демагогическая и лицемерная забота о так называемой свободе и законности, при которой не принимаются во внимание усилия партии, направленные на создание условий для действительной свободы и незыблемого конституционного порядка, объективно содействует силам, которые хотят разложить нашу страну, помогают империализму.

Решение майского пленума ЦК КПЧ о выводе некоторых деятелей из состава ЦК КПЧ, а в отношении Ф. Кригеля и решение об исключении из партии было мотивировано одним стремлением: создать условия для восстановления ленинских норм партийной жизни, покончить с оппортунистической практикой, восстановить боеспособность партии, укрепить ее единство на основах марксизма-ленинизма. Порядок в партии зависит от дисциплинированного поведения всех членов партии, и прежде всего тех, кто работает в ее высшем органе.

Речь не идет о самоцели, а о жизненно важном условии успешной реализации решений апрельского и майского пленумов ЦК КПЧ (1969 г.), которые являются конкретным развитием идей резолюции ноябрьского пленума ЦК КПЧ. В этом гарантия того, что наше общество будет жить в атмосфере спокойного и творческого труда.

«Руде право», 7 июня 1969 г.

КОМУ МЕШАЕТ НАШ СОЮЗ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Тяжелый кризис, который пережили в последнее время Коммунистическая партия Чехословакии и все наше общество, является результатом не только ошибок прошлого, но прежде всего деятельности правооппортунистических сил. Эти силы после января 1968 г. использовали нерешительность руководства нашей партии для ослабления государственного руководства социалистическим обществом и экономикой. Правые силы стремились разрушить политическую систему ЧССР. Свои замыслы они ясно сформулировали в контрреволюционной платформе «2000 слов». Однако серьезным препятствием на пути ее осуществления оказались дружеские чувства нашего народа к советскому народу, тесное сотрудничество между КПЧ и КПСС.

Трудящиеся Чехословакии всегда помнят об освобождении нашей страны Советской Армией от фашистских оккупантов в мае 1945 г. Тесное, плодотворное и взаимовыгодное сотрудничество между ЧССР и СССР в послевоенный период еще более укрепляло и углубляло дружбу и братские отношения. Народы нашей страны на своем опыте убедились в том, что безопасность и суверенитет ЧССР могут быть обеспечены только в тесном союзе с СССР и другими социалистическими странами. Общие цели строительства социалистического общества и полное сходство точек зрения, вытекающее из основных принципов марксизма-ленинизма, объединяли их действия по главным и решающим направлениям как в области внутренней политики, в вопросах их взаимоотношений, так и при решении международных проблем. Каждый честный чех или словак в нашей стране сердцем и разумом понимал, что в классово разделенном мире наше место может

быть только на стороне социализма, мира и прогресса. В том лагере, значение которого усиливается решительной и твердой позицией Советского Союза, его экономическим и военным потенциалом, его политическим авторитетом.

Советский Союз всегда был серьезным препятствием на пути осуществления намерений антисоциалистических сил в Чехословакии. Попытаться ликвидировать завоевания социализма в Чехословакии они могли лишь при условии, если удалось бы дискредитировать авторитет Советского Союза в глазах трудящихся Чехословакии. Поэтому-то и проводилась такая подлая, бесчестная и лживая кампания всевозможного опорочивания Советского Союза. Антисоциалистические силы не жалели на это усилий. Они преуменьшали роль Советской Армии в деле освобождения Чехословакии, умышленно извращали значение помощи Советского Союза нашей республике в послевоенный период, усиленно старались доказать невыгодность экономического сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами, скрывали или преуменьшали успехи Советского Союза в области науки, техники, культуры и т. д.

Антисоветизм был и остается одним из главных орудий антисоциалистических сил. Представители этих сил позаимствовали свою аргументацию на Западе, они взяли на вооружение даже клевету прошлых времен. Близость взглядов антисоветских сил в Чехословакии и на Западе была настолько явной, что ее не могли замаскировать различные лозунги о «демократическом» или «гуманном социализме». Правые не изобрели ничего нового по сравнению с тем, что делали разные стржибрны и им подобные.

Антисоветизм проявился особенно паглядно после августа 1968 г. Но его корни гораздо глубже. Он возник в наши дни как целеустремленная, планомерно организованная кампания. Доказательств такого утверждения более чем достаточно. Стоит только внимательно изучить нашу печать в недавний прошедший период. А что передавало радио, что показывало телевидение? Сколько всяких «остряков» выступало на наших сценах и т. д.! Некоторые политические деятели стремились заслужить благосклонность и похвалу Запада, они нуждались для обеспечения своей карьеры в поддержке правооппортунистических сил, вносили в это дело свой вклад. В течение многих месяцев народные массы находились под целеустремленным воз-

действием антисоветской пропаганды, которая должна была создать иллюзию того, что якобы основным противоречием в современный период является противоречие между нашими народами и народами Советского Союза, и таким образом столкнуть массы с классовых позиций и отвлечь от классовой борьбы на международной арене, обеспечить проникновение буржуазной идеологии в Чехословакию. Националистические страсти были накалены почти до предела.

После августа 1968 г. из антисоветского арсенала было вытаскано орудие особого калибра. Несмотря на известные принципы политики Советского Союза по отношению к другим странам, которые проводились в течение всего существования СССР, враги первого социалистического государства сфабриковали теорию об «ограниченном суверенитете» и эту теорию приписали Советскому Союзу. При этом они утверждали, что Советский Союз проводит политику «сфер интересов». Эти фальсификаторы, не колеблясь, использовали ложь для того, чтобы оправдать действительные агрессивные действия империалистических держав, которые не остановились перед нарушением суверенитета ДРВ, КНДР, ОАР, Кубы и т. д. Сами они толкуют понятие суверенитета со своих классовых позиций. Они готовы считать «суверенным» лишь такое социалистическое государство, которое отказывается от солидарности с Советским Союзом.

Социалистические страны, которые твердо стоят на позициях марксизма-ленинизма, при проведении своей политики последовательно руководствуются принципами пролетарского интернационализма, не фетишизируют суверенитет, но и не переоценивают национальные особенности и национальные интересы. Социализм как международное явление развивается в национальных рамках. Это значит, что марксистские партии при осуществлении целей, которые являются в принципе интернациональными, учитывают конкретные условия, в которых осуществляются эти цели. Поэтому для марксистов суверенитет и интернационализм не противоречат друг другу. В каждом государстве суверенитет является достоянием правящего класса, и он защищает его в своих интересах. Суверенитет не является внеклассовой категорией, как нас хотели в этом убедить многие приверженцы буржуазных теорий. Точно так же как государство по своему существу

является инструментом классовых интересов, так и его суверенитет опирается на классовые интересы. Такова реальность. Поэтому необходимо решительно отвергнуть все утверждения о том, что мы якобы в интересах суверенитета ЧССР должны были бы вступить в противоречие с Советским Союзом или с другими социалистическими странами.

Западные радиостанции и печать будут клеветать на нас. Пусть клеветают, это лучше, чем когда они нас в недалеком прошлом каждый день хвалили! Чем острее была в Чехословакии антисоветская кампания, тем больше похвал мы слышали от «Свободной Европы». Такие похвалы, возможно, радовали чешского мелкого буржуа, который думал, что мы становимся центром мира. В противовес всем этим злобным выпадам Запада, мы заявляем и будем заявлять, что суверенитет любого социалистического государства может быть защищен от угрозы империалистической агрессии только при условии тесного сотрудничества с другими социалистическими странами, и прежде всего с Советским Союзом.

В этом состоит ценность и основной смысл Братиславского заявления, подписанного 3 августа 1968 г. представителями Коммунистических партий Советского Союза, ПНР, ВНР, НРБ, ГДР и ЧССР (от имени КПЧ это заявление было подписано Дубчеком, Черником, Смирковским, Биляком и Ленартом). В этом заявлении, в частности, говорится: «Поддержка, укрепление и защита этих завоеваний, доставшихся ценой героических усилий, самоотверженного труда каждого народа, являются общим интернациональным долгом всех социалистических стран. Таково единодушное мнение всех участников Совещания, которые выразили непреклонную решимость развивать и защищать социалистические завоевания в своих странах, добиваться новых успехов в строительстве социализма».

Как развивались события в Чехословакии после принятия этого Заявления, какие силы продолжали стремиться к власти — это в настоящее время хорошо известно. Эти внутренние враждебные силы не были изолированными, они имели своих союзников за границей, и с ними они координировали свои действия. Эти связи многих «последователей» подтверждаются западными радиостанциями или другими организациями, где сейчас они за доллары клеветают на ЧССР в интересах своих капитали-

стических хозяев. Но наш народ не позволит обмануть себя. Он знает, что для защиты своего социалистического суверенитета от опасности империалистической агрессии он должен обеспечить свои западные границы, за которыми стоят вооруженные силы НАТО.

У Чехословацкой Социалистической Республики протяженность границ с несоциалистическими странами составляет 934 километра. На Запад от наших границ находится ФРГ, определенные круги которой проводят милитаристскую и реваншистскую кампанию, являющуюся постоянным источником напряженности обстановки в Европе. У ФРГ в настоящее время находятся под ружьем 455 000 солдат, располагающих самым современным оружием. Соединенные Штаты Америки имеют на территории ФРГ значительные вооруженные силы, численность которых составляет приблизительно 220 000 человек. Мы не можем не обращать внимание и на постоянное усиление вооруженных сил НАТО в Европе. Часто у нас утверждали, что активизация военной организации НАТО началась после августа 1968 г. Августовские события в Чехословакии были якобы больше всего использованы главной и решающей силой НАТО — Соединенными Штатами Америки для навязывания своей новой концепции по отношению к Европе. Но это совершенно лживое утверждение. Еще 7 октября 1966 г. президент Джонсон определил три главные цели: 1. Укрепить НАТО как военное и политическое связующее звено западного альянса и стремиться преодолеть кризис, возникший в связи с позицией Франции. 2. Поддерживать все формы интеграции Западной Европы, которая включала бы также Великобританию. 3. Улучшить связи с европейскими социалистическими странами путем «наведения мостов». Такая политика должна была создать новые отношения с теми из этих стран, которые, заявляя о своем «независимом курсе», на деле в большей или меньшей степени проявили бы готовность подчиниться диктату США.

В военной области новая концепция политики Соединенных Штатов в Европе нашла свое выражение в военно-стратегической концепции «гибкой реакции», которая придает важное значение совершенствованию оперативно-тактических сил, используемых в ограниченной войне и требующих производства необходимого оружия. Все это требовало новых значительных военных расходов.

Факты свидетельствуют: укрепление НАТО и требования о повышении расходов на перевооружение начались в 1966 г., а не в августе 1968 г., т. е. гораздо раньше, чем антисоциалистические силы в Чехословакии попытались столкнуть ее с социалистического пути. Этот факт нельзя скрыть самой изощренной ложью. У лжи короткие ноги. При осуществлении внешней политики нам нельзя фантазировать или же вводить себя в заблуждение. Мы должны исходить из реальности, а реальность такова, что разделяющей чертой между социалистическими и капиталистическими странами в Европе является наша граница с ФРГ. Чехословакия, хотя она и расположена в центре Европы, принадлежит социализму, и только ему, а не чему-то еще. Мюнхен многому научил нас, и мы не можем проводить политику, не учитывая его уроков...

Наши противники пытаются ставить США и СССР на одну плоскость. Обе великие державы одинаково обвиняются в стремлении к гегемонии, в империализме, и поэтому небольшим и средним странам рекомендуют объединиться, чтобы защитить себя от великих держав и заставить их считаться с интересами небольших и средних стран.

Теория об особой миссии небольших и средних стран, а также утверждение, что существует известный антагонизм между их интересами и интересами больших стран, является теорией, игнорирующей социально-политическую точку зрения. Логика этой теории состоит в стремлении оторвать социалистические страны Европы от Советского Союза и связать их со странами капиталистической Европы. Таким образом, не борьба за социализм, которая требует объединения всех социалистических стран, а раскол социалистических стран, противопоставление одной социалистической страны другой. Что общего с марксизмом при таком подходе? Кому служит такая теория? Где же здесь единство социалистических стран, которое служит одной из важнейших предпосылок эффективной борьбы против империализма, борьбы против колониализма, борьбы за прогресс и социализм?

Принимая во внимание ответственность перед нашим народом, чехословацкая внешняя политика не может в своей конкретной деятельности опираться на такую псевдопрогрессивную теорию, которая ослабляет положение социалистических стран, а тем самым положение Чехословакии и ее безопасность.

Мы не можем и не будем проводить внешнюю политику, которая только выглядела бы социалистической, а в действительности была бы антисоветской. Точно так же как социализм не может быть антисоветским, так и социалистическая внешняя политика не может быть антисоветской.

Поэтому в духе директив ЦК КПЧ характерным для чехословацкой внешней политики будет не что иное как тесное сотрудничество с социалистическими странами, особенно в рамках Варшавского договора, СЭВ, и прежде всего с Советским Союзом. Мы знаем, кто является нашими друзьями, мы знаем, на кого можем опереться, мы знаем, кто поможет нам защитить социалистические завоевания нашей страны. Только в тесном единстве социалистических стран гарантия нашей безопасности, и это единство мы будем хранить и укреплять.

«Руде право», 24 июля 1969 г.

ЧТО ПРОИЗОШЛО В НОЧЬ С 20 НА 21 АВГУСТА 1968 г.¹

Введение

22 августа 1968 г. по чехословацкому радио, а также 23 и 24 августа почти во всей «легальной» чехословацкой печати был опубликован репортаж, который часто называют «Свидетель предательства» и в котором описывается заседание Президиума ЦК КПЧ в роковую ночь с 20 на 21 августа 1968 г.²

До сегодняшнего дня не опубликовано никакой другой информации об этой ночи и никакой другой версии разыгравшихся тогда событий. Поэтому я решил рассказать, что же произошло в действительности, так как не хочу краснеть перед историей. Однако прежде я хотел бы вернуться к некоторым доавгустовским событиям, без правдивого освещения которых нельзя в полной мере понять фатальность принятых в ту ночь решений.

¹ Статья была написана и опубликована более двух лет тому назад, т. е. в то время, когда А. Дубчек, О. Черник были членами Президиума ЦК КПЧ и занимали весьма видные государственные должности и когда процесс консолидации в нашей партии и стране по существу лишь начинался. За этот период были преданы гласности новые важные факты, в первую очередь тот факт, что Советский Союз и другие социалистические страны откликнулись на просьбу ряда членов ЦК КПЧ, правительства, Национального собрания и многих коммунистов и оказали нашей партии и стране международную помощь, без которой контрреволюция в Чехословакии не была бы разбита и не был бы защищен социализм.— *Прим. авт.*

² Автор репортажа «Информация о роковой ночи» Д. Гавличек, бывший заведующий отделом печати ЦК КПЧ, присутствовавший на заседании Президиума. Свое авторство он признал в письменном заявлении, которое передал для включения в протокол ноябрьского пленума ЦК КПЧ 1968 г.

Я не всегда могу подкрепить свои слова письменными документами и прямыми доказательствами. Так, например, решающий вопрос повестки дня заседания Президиума ЦК КПЧ в ночь с 20 на 21 августа не зафиксирован ни одной строчкой документа. Однако я располагаю достаточным количеством фактов, проливающих свет на развитие событий в нашей стране после января прошлого года, которые привели к 21 августа.

Репортаж Гавличека содержит определенный фактический материал о заседании Президиума ЦК КПЧ, однако в целом он грубо искажает действительность и весьма тенденциозно излагает ход заседания.

Речь идет далеко не только о дискредитации отдельных лиц, которым в ту ночь некоторые наши политики и все средства массовой информации вынесли самый тяжелый моральный приговор и даже смертный приговор. Речь не идет также и не может идти только о подлинной роли тех руководителей, которые в ту ночь вообразили себя великими «героями». История немилосердна, часто более немилосердна, чем современники событий, но она справедлива, когда ищет правду.

Необъективность и тенденциозность так называемого «участника тогдашнего заседания», касающиеся главным образом заявления Президиума ЦК КПЧ от 21 августа, оказали неблагоприятное влияние на общественное мнение, порождали вредные иллюзии и формировали с помощью лжи и искаженных фактов отношение к этим событиям многих людей, вводили их в заблуждение.

Изложение, опубликованное 23 августа в газете «Руде право» под заголовком «Информация о роковой ночи», я буду сопоставлять с подлинными фактами той ночи, чтобы каждый читатель мог самостоятельно делать выводы.

Программа рокового заседания Президиума ЦК КПЧ

На заседании должны были обсуждаться 16 вопросов. Однако обсуждены были только два, как и пишет автор «Информации о роковой ночи»: проект отчета Центрального Комитета КПЧ XIV чрезвычайному съезду партии и проект резолюции съезда. Обсуждение этих документов было завершено, но обсуждение «Сообщения о современном политическом положении в Чехословацкой Социали-

стической Республике и условиях деятельности Коммунистической партии Чехословакии» закончено не было. В протоколе лишь кратко упоминается, что «Сообщение» было принято к сведению.

В упоминавшейся «Информации» говорится: «Когда товарищ Дубчек закончил свое выступление, относящееся к пункту «Отчет ЦК КПЧ чрезвычайному съезду», слово взял т. Кольдер, предложивший не обсуждать этот пункт повестки заседания, а сразу же перейти ко второму вопросу. Его предложение было отклонено, и Президиум продолжил обсуждение вопроса о подготовке доклада и проекта резолюции XIV чрезвычайного съезда».

В общих чертах так это и было. Но т. Д. Кольдер требовал изменить порядок обсуждения вопросов и вполне обоснованно и логично рекомендовал начать с «Сообщения о современном политическом положении», что должно было в значительной мере повлиять на обсуждение двух предыдущих материалов. «Сообщение» содержало гораздо более глубокий и реалистический анализ тогдашнего положения, чем доклад, с которым должен был выступить на съезде А. Дубчек, и чем проект резолюции съезда.

«Сообщение», опираясь на ряд фактов и исследований, вскрывало отрицательные тенденции в нашем общественном развитии и приподнимало покров над ходом подготовки к съезду; главное, в нем указывалось на очень неблагоприятный состав делегатов XIV чрезвычайного съезда и на весьма значительное сокращение числа делегатов от рабочих.

Кроме того, «Сообщение о современном политическом положении» было предложено для обсуждения еще на предыдущем заседании Президиума ЦК КПЧ, которое состоялось 13 августа прошлого года. Тогда рассмотрение этого документа было снято с повестки дня, потому что А. Дубчек не имел достаточно времени для того, чтобы его прочесть. По настоянию некоторых членов Президиума, обративших внимание на чрезвычайную важность документа, в конце концов было решено, что тт. Д. Кольдер и А. Индра подготовят к следующему заседанию Президиума проект мероприятий, которые следовало бы предпринять в связи с некоторыми общими выводами «Сообщения о современном политическом положении». Выбор этих товарищей не был случайным или своевольным, как, возможно, кто-нибудь мог подумать, читая «Информацию»

о роковой ночи». Исходили из тех функций, которые выполняли тогда эти товарищи; например, т. А. Индра отвечал в то время за деятельность партийных органов.

По отчету ЦК КПЧ XIV чрезвычайному съезду партии и проекту резолюции съезда было сделано много замечаний и предложений. Обсуждение продолжалось долго, но не было достаточно глубоким, тем не менее оно предопределило ход обсуждения «Сообщения о современном политическом положении». Атмосфера на Президиуме была напряженной, чреватой взрывом.

О документе, который уже известен нашей общественности

Теперь о документе, о котором говорится только в «Информации о роковой ночи».

В первом случае читатель имеет полную возможность сопоставить мою точку зрения с документом, во втором ему остается только положиться на мою честность. Однако решающим является первый документ — «Сообщение о современном политическом положении», первая часть которого была опубликована в 4-м номере «Трибуны» и 2 июля 1939 г. в газете «Руде право», а вторая часть — в «Трибуне».

В предыдущей главе я говорил о напряженной атмосфере в Президиуме ЦК КПЧ перед обсуждением «Сообщения о современном политическом положении». Я хочу остановиться на *главной причине этой напряженности*, о другой расскажу в последующей главе своего повествования, долгое время я не знал о ней.

Недавно т. Г. Гусак сказал, что в Президиуме ЦК КПЧ перед 21 августа не было единства, существовали серьезные противоречия как в оценке ситуации, так и при определении дальнейшей политики партии и конкретных мероприятий.

Это абсолютная правда.

Все члены Президиума, разделявшие ту или иную точку зрения, уже заранее знали, что при обсуждении «Сообщения о современном политическом положении» мы *разойдемся во взглядах, как это уже неоднократно случалось*. Так было всегда, когда речь шла об анализе сложившейся ситуации. *Одни стремились значительно приу-*

красить действительность, другие реалистически смотрели на положение в партии и в стране. Таковы были две основные группы в Президиуме. При этом у отдельных товарищей взгляды менялись в зависимости от конкретных обстоятельств и различных давлений. Был и такой член Президиума, который в течение одной или двух недель менял свою точку зрения на 180 градусов. Одну неделю он призывал к принятию неотложных мер, т. к. «иначе мы не справимся с контрреволюцией», а через несколько дней заявлял, что у нас все в порядке, и «забывал» о том, что говорил вчера. При этом он отваживался утверждать, что в стране нет никаких антисоциалистических сил, не говоря уже о правых силах в партии. Это — И. Смирковский.

В последние месяцы дискуссии в Президиуме о положении в стране становились все более напряженными и обостренными. В конце концов согласились в принципе с тем анализом положения, который был дан перед майским пленумом 1968 г.

Естественно, что напряженность на этом заседании Президиума заранее была предопределена. Поэтому автор «Информации» неправ, когда говорит:

«Этот материал сам по себе не мог бы вызвать никакого кризиса».

Кризис и отсутствие единства существовали уже на протяжении нескольких месяцев, и обсуждение «Сообщения о современном политическом положении» могло их только углубить и прояснить.

В конце концов это подтверждает и оценка данного документа автором «Информации о роковой ночи». Не случайно Президиум ЦК КПЧ в начале текущего года запретил редакции «Трибуны» закончить публикацию «Сообщения».

«Это была информация, предложенная товарищем Кашпаром. Материал был неточен и представлял собой полунаучную попытку дать анализ внутриполитического положения... Материал содержал целый ряд правильных положений и тенденций, но вместе с тем в нем была и определенная тенденциозность... В нем имели место тенденции, которые играли на руку консервативному развитию...»

Дискуссия по «Сообщению о современном политическом развитии», и особенно по материалу, предложенному

т. Д. Кольдером и А. Индрой, была бурной и нервной. Автор «Информации о роковой ночи» приводит мнения некоторых членов Президиума и Секретариата ЦК КПЧ по поводу этого материала. Здесь он пытается быть «объективным», по крайней мере тогда, когда перечисляет имена тех, кто был «за» и «против». Однако перед этим автор осудил «Сообщение о современном политическом положении», и сделал это таким образом, чтобы всем читателям стало ясно, что товарищи, которые согласились с «Сообщением», были так называемыми консерваторами, а в тот момент даже и изменниками. Между тем мы в праве упрекать авторов «Сообщения» лишь в том, что они могли быть еще более реалистичны.

В ходе дискуссии некоторые члены Президиума вели себя истерично. Например, Ф. Кригель. Это он охарактеризовал точку зрения тт. Д. Кольдера и А. Индры как «предательство». Однако это высказывание Д. Гавличек неправильно приписывает другому товарищу. Очень раздражен был и Й. Смирковский, который, в сущности, солидаризировался с Ф. Кригелем. Против «Сообщения» и предложения тт. Д. Кольдера и А. Индры выступили еще два или три участника заседания Президиума.

С «Сообщением о современном политическом положении» в принципе согласились тт. Д. Кольдер, В. Биляк, Я. Пиллер и А. Капек. Остальные уже не получили слова. Но об этом мы расскажем в другой части нашего свидетельства, самой важной.

Но прежде чем перейти к ней, следует упомянуть еще о проекте документа, который предложили Президиуму тт. Д. Кольдер и А. Индра.

Они предлагали, чтобы Президиум ЦК КПЧ принял заявление, которое правдиво отражало бы положение в нашей партии и стране. Проект этого заявления последовательно исходил из «Сообщения о современном политическом положении». Наша общественность рано или поздно будет иметь возможность проверить это мое утверждение. Небезынтересно, что этот факт должен был косвенно признать и Ф. Кригель, который, выступая в качестве оппонента по данному материалу, выкрикивал, что «Сообщением о современном политическом положении» злоупотребили; таким образом из этого вытекает, пусть на основе негативных суждений, что *проект «Заявления» исходил из предложенного документа.* А «Сообще-

ние о современном политическом положении» сегодня нашей общественности уже известно. Материал, который предложили тт. Д. Кольдер и А. Индра, имеет только один недостаток: он содержит мало указаний на конкретные меры, которые помогли бы выйти из тогдашней ситуации. Но и эта констатация сегодня относится уже только к истории.

Наступала решающая минута.

Исторический момент испытания партии

Эту часть изложения мы могли бы также назвать испытанием социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма или испытанием политического реализма и классового подхода, а также проверкой политической честности. Все, кто присутствовал тогда на заседании Президиума, решали судьбу нашей страны, судьбу каждого ее гражданина. О том, как решалась эта судьба, вы можете сегодня судить уже непредвзято.

В 23 часа 35 минут в помещение, где заседал Президиум, вошел О. Черник и сообщил, что крупные соединения войск пяти социалистических стран перешли границы нашей республики.

Автор «Информации» писал:

«Члены Президиума были шокированы, по крайней мере некоторые члены Президиума, и особенно А. Дубчек, который заявил: «Это трагедия, я не ожидал, что такое произойдет»».

Вероятно, в тот момент на заседании Президиума ЦК КПЧ никто не чувствовал себя хорошо, хотя мотивы были разные.

Однако пусть говорят факты

Некоторые члены Президиума (речь идет о тех, которые, по утверждению Д. Гавличека, были «шокированы»), как нам было сообщено позднее, могли предполагать, что уже в 10 часов вечера войска социалистических стран пришли в движение. Просматривая архивы, я убедился, что они могли об этом узнать и, вероятно, знали еще до 8 часов вечера того дня. Это явилось второй причиной на-

пряженности в Президиуме в ту ночь. Однако они ничего и никому не сообщили...(!)

Что же говорит об этом автор «Информации»?

«Из телефонного разговора было ясно, что собираются сведения о положении на наших границах, поскольку уже имелись соответствующие сообщения».

Комментарии, пожалуй, не требуются.

Я не хочу останавливаться на реакции отдельных членов Президиума и секретарей ЦК КПЧ на это сообщение. Автор «Информации» видел, что было в душе и в глазах у каждого в ту минуту, хотя он сидел от т. В. Биляка, например, на расстоянии добрых десяти метров и даже на той же стороне стола, от т. Д. Кольдера — на таком же расстоянии и несколько ближе — ко мне. К сожалению, многие люди поверили этому «ясновидцу» и подготавливали для некоторых членов руководства виселицы, не зная при этом правды.

Решающее значение для судеб наших народов будут иметь не ощущения или гримасы отдельных политиков, их слезы или истерические выкрики, а та позиция, которую они в тот момент занимали. Возможно, некоторые люди сегодня с удовольствием посмаковали бы описание той или иной детали, но завтра или послезавтра это их уже не удовлетворило бы, и справедливо. Правда требует большего(!). Ведь она выражена в однозначном акте!

Что, однако, необходимо запомнить?

Факты! Факты, которые освещают тот ответственный момент.

Были внесены предложения, чтобы Президиум принял заявление по поводу ситуации, которая возникла вследствие вступления войск пяти социалистических стран в нашу страну. Одновременно было решено созвать на следующий день пленум ЦК КПЧ.

Мы решаем судьбы наших народов

Над проектом «Заявления» работают трое. Однако прежде чем мы перейдем к информации об обсуждении «Заявления Президиума ЦК КПЧ», я хотел бы остановиться на некоторых обстоятельствах.

А. Дубчек вскоре после получения сообщения о вступлении войск пяти социалистических стран, в частности, за-

явил, что должен уйти с поста Первого секретаря ЦК КПЧ и что он подает в отставку. На эти его слова никто не реагирует.

Только после этого он знакомит Президиум ЦК КПЧ с письмом Политбюро ЦК КПСС Президиуму ЦК КПЧ, которое было ему передано, по его словам, 19 августа. В письме обращалось серьезное внимание на то, что руководство нашей партии не выполняет соглашения, которые мы заключили при переговорах в Чиерне-над-Тисой.

Это несерьезно, но факт, что с содержанием такого важного письма Президиум ЦК КПЧ не был ознакомлен немедленно, т. е. еще 19 августа, по крайней мере сразу же в начале заседания 20 августа.

Был ли это героизм или крайняя безответственность? Подумай, разумный человек!

Я верю, что со временем с согласия советских руководителей это письмо будет опубликовано.

Но это еще не все. За неделю до этого А. Дубчек получил от Л. И. Брежнева личное письмо, в котором сообщалось о беспокойстве советского руководства по поводу развития событий в Чехословакии после переговоров в Чиерне-над-Тисой и невыполнения соглашений, которые мы там заключили. Президиум ЦК КПЧ с этим письмом не был ознакомлен. Президиум не был также ознакомлен с разговором Л. И. Брежнева с А. Дубчеком по телефону 13 августа прошлого года, содержание которого было аналогично содержанию двух предыдущих писем. (При этом телефонном разговоре присутствовал Й. Смирковский.) Так же обстояло дело и с содержанием очень важного, более чем 10-часового разговора Я. Кадара с А. Дубчеком в субботу 17 августа.

Президиуму был предложен проект «Заявления». Я уже не помню, на каком этапе обсуждения это произошло, но именно Ф. Кригель, Й. Смирковский и некоторые другие настоятельно добивались, чтобы в «Заявлении» был включен пресловутый третий абзац, который квалифицирует решение пяти социалистических стран фактически как агрессию, как оккупацию. Этот абзац был сформулирован и опубликован в следующем виде:

«Президиум ЦК КПЧ рассматривает этот акт как противоречащий не только всем принципам взаимоотношений между социалистическими государствами, но и попирающий основные нормы международного права».

Думаю, что в интересах достоверности следует процитировать свое мнение по этому вопросу в том виде, как оно запротоколировано в материалах ноябрьского пленума ЦК КПЧ прошлого года:

«Вместе с тремя другими членами Президиума я голосовал против этого абзаца. Свою позицию мы мотивировали тем, что видели в этом абзаце призыв к сопротивлению и борьбе, которые могли привести к трагическим последствиям. Мы придерживались мнения, что необходимо вести переговоры с советским руководством. Если бы со мной в дальнейшем произошли гораздо худшие перипетии, чем те, через которые я прошел после 21 августа и которые все еще испытываю, и я бы знал об этом, то все равно голосовал бы так же, как и тогда».

Нашим аргументам, которые исходили из интересов рабочего класса и всего нашего народа и из интернациональных чувств, не уделили внимания.

Были внесены предложения, чтобы по третьему абзацу голосование провести отдельно.

Однако еще до этого те, кто высказывался против этой части «Заявления», были названы в первую очередь Ф. Кригелем и Й. Смирковским предателями.

Это результат не только большой человеческой злобы, нечистой совести, но и политического авантюризма, крупной политической азартной игры судьбами страны. Раздавались угрозы, что имена тех, кто будет голосовать против, должны узнать наши народы, поскольку, мол, эти люди — предатели и об этом нельзя забывать в течение 100 лет. Однако главное состоит в том, что при этом не думали о судьбе наших народов, о судьбе нашей партии... А. Дубчек на этом этапе заседания проявил большую нерешительность и неуверенность.

Остается, однако, фактом, как проголосовали тогдашние члены Президиума. Партия и наш народ будут, безусловно, справедливы и объективно оценят всех членов руководства и их действия.

Разум проиграл!

Началось голосование по третьему пункту «Заявления» Президиума. Ф. Кригель вновь кричал (что и до этого делал довольно часто) и требовал, чтобы голосо-

ние по этому пункту означало голосование всего «Заявления» Президиума ЦК КПЧ.

Председательствующий объявил голосование по третьему пункту, а возможно, всего «Заявления». Мы, вероятно, этого никогда точно не узнаем: в протоколе же говорится, что речь шла о голосовании по вопросу, следует ли третий пункт включить в Заявление! Об этом ведь тоже говорилось, однако автор «Информации» недвусмысленно заявляет, что четыре члена Президиума голосовали против принятия «Заявления Президиума ЦК КПЧ».

Против третьего пункта, а значит, и против всего «Заявления» голосовали следующие товарищи: В. Биляк, Д. Кольдер, Э. Риго и О. Швестка.

Наши люди должны были бы поразмыслить над тем, почему они на это отважились, заранее зная, что их ожидает. Через несколько минут после голосования т. В. Биляк сообщает, что некоторые члены Президиума (Ф. Кригель и Й. Смирковский.— Прим. авт.) звонят по телефону по всей Праге и называют товарищей, которые голосовали против третьего пункта, предателями. Тов. Биляк просит обеспечить хотя бы охрану семей этих товарищей, так как им грозит большая опасность.

Й. Смирковский звонит в редакцию газеты «Руде право»; он сообщает председателю партийной организации (как мне было сказано некоторое время спустя), что мы голосовали против «Заявления Президиума» и что мы... и т. д.

Ни историю, ни наших граждан не интересуют мелкие детали или проявление эмоций в ходе заседания, хотя и они могут кое-что подсказать, дополнить и, вероятно, помочь сделать правильные выводы.

Сегодня речь идет о главном: можно ли было действовать иначе в ту роковую ночь, можно ли было создать более благоприятные предпосылки для развития нашей страны и партии?

Да, можно! Я глубоко уверен в этом, однако, к сожалению, этому помешало «Заявление Президиума ЦК КПЧ».

Почему?

Руководство перестало существовать

В атмосфере, которая была создана некоторыми политиками на том роковом заседании Президиума ЦК КПЧ и которая явилась итогом их авантюристической политики, их абсолютной неспособности, что проявлялось особенно в последние недели перед 20 августа, проиграл разум, и не только разум...

В этой критической ситуации руководство партии и государственное руководство расходятся между собой.

Первый секретарь отправляет нас по своим рабочим местам, с тем чтобы призвать нас, как только им будет получена новая информация.

Такое решение является результатом предшествующей политики тогдашнего руководства нашей партии. Обидчивость, отсутствие реализма, неспособность и авантюризм вершат свое дело.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что история не знает подобного примера.

Руководители, у которых кружилась голова от популярности, так дешево доставшейся им как в партии, так и в народе, фактически покидают своих приверженцев и ждут «ударов судьбы», толкая людей на необдуманные действия.

Знали мы или нет!

Для Советского Союза и других четырех социалистических стран является решающим то, как мы ответим нашим народам на этот вопрос. Народ должен знать, что наши друзья в социалистических странах говорили с нами честно и открыто! Однако послушайте еще раз, что заявляет наш оппонент, автор так называемой «Информации о роковой ночи»:

«Таким образом, до самой последней минуты руководящие товарищи так называемых братских стран не сделали никакого намека товарищу Дубчеку по поводу того, какой шаг они хотят предпринять».

К этому выводу автор приходит на основе некоторых заявлений А. Дубчека, с которыми он выступил на упомянутом заседании Президиума ЦК КПЧ. Я не хочу повторять их в том виде, в каком преподнес эти заявления Д. Гавличек, так как они неточны и приспособлены к

атмосфере того периода. Д. Гавличек откровенно стремился выпятить «героические» черты характера А. Дубчека.

Иными словами, все эти утверждения лишены правды, лживы...

Приведу факт.

В ходе беседы членов Президиума с журналистами, состоявшейся 17 августа прошлого года, Ф. Кригель заявил следующее:

«Нас ожидают роковые дни. Над нами висит дамоклов меч. Хотя он и висит на более крепкой веревке, чем перед Чирной, однако она *быстро перетирается*».

Подобных доказательств можно было бы привести и больше. В дальнейшем это будет сделано.

Должны же, в конце концов, искренне выступить некоторые наши ведущие политические деятели.

Почему наши союзники решили ввести войска в нашу страну!

Вкратце объяснил это т. Г. Гусак, который недавно заявил, что руководство нашей партии потеряло доверие руководства пяти социалистических стран.

Развитие наших взаимоотношений после январского пленума прошлого года прошло через несколько важных этапов. Первый этап, вероятно, закончился майским пленумом, который приветствовали все наши друзья. Второй этап завершился совещанием в Чирне-над-Тисой, а третий — 21 августа.

Наши читатели, безусловно, помнят празднества 20-й годовщины февральской победы нашего народа. *В этих торжествах приняли участие руководящие представители всех коммунистических и рабочих партий социалистических стран.*

Это была яркая политическая демонстрация поддержки, оказанной руководителями братских социалистических стран послеянварскому руководству нашей партии.

Однако вскоре на их лицах начали появляться и морщины, вызванные беспокойством по поводу некоторых черт послеянварского развития, активизацией правых и антисоциалистических сил, проявлениями полного отри-

цания позитивного 20-летнего периода нашей социалистической республики, нарастающими прямыми и косвенными атаками на Советский Союз и другие социалистические страны наших средств массовой информации, утратой руководством партии и государства контроля над печатью, радио и телевидением и т. д.

Руководители братских стран во время встречи в Софии (6 и 7 марта 1968 года) и в Дрездене (23 марта 1968 года) по-товарищески обращали внимание наших руководителей на эти негативные явления и советовали, между прочим, не допускать расшатывания руководящей роли партии и решительно направлять средства массовой информации.

Наша общественность, безусловно, помнит события в нашей стране, происшедшие в конце февраля и начале марта, она помнит резкое изменение политической обстановки, что было непосредственно связано с аферой Я. Шейны, которую правые силы с помощью некоторых средств массовой информации использовали для решительного наступления против партии и завоеваний социализма.

Советские руководители снова и настоятельно беседовали с нашими руководителями в начале мая в Москве, предлагая любую помощь нашей республике в деле преодоления всех ее трудностей.

Наши *обещали, заверяли*, что руководство партии решительно выступит против всех отрицательных явлений в нашем обществе и в партии, что оно воспрепятствует постоянно возрастающим нападкам на Советский Союз и другие социалистические страны, нападкам, которые могут и, собственно говоря, уже вызвали взаимную полемику и т. д. *Однако ничего не изменилось.* Положение продолжало ухудшаться, несмотря на то что после майского пленума, решения которого с пониманием восприняли все социалистические страны, *были созданы условия для решения наших внутриполитических проблем и для преодоления начинающегося кризиса в отношениях между нами и пятью социалистическими странами.*

К сожалению, остается фактом, что большинство членов Президиума, или Президиум как единое целое, по существу, до 21 августа так и не узнали, о чем в действительности говорилось в Софии, Дрездене, Москве и во время других встреч. А. Дубчек всегда брал с остальных

членов нашей делегации обет молчания, обещая взамен, что мы действительно овладеем ситуацией.

Спустя несколько дней после майского пленума ситуация еще более осложняется.

Решения майского пленума подвергаются все более острой критике нашими средствами массовой информации. *Лишь некоторые товарищи решаются выступить в печати в поддержку резолюции майского пленума. Правые силы в партии скрывают итоги майского пленума главным образом для того, чтобы иметь возможность утаить от нашей общественности растущие негативные явления в партии и в обществе и чтобы таким образом замаскировать усиливающиеся антисоциалистические проявления. Тем яростнее нападали правые силы на тех товарищей, которые выступали против них и говорили правду. Правые силы всячески поносили их и стремились заставить молчать. Партию все больше порочат, усиливается моральный террор против честных коммунистов, правые расширяют свою антисоветскую кампанию, стремятся обострить отношения между нами и Советским Союзом, а также другими социалистическими странами.*

В это время приходит письмо Л. И. Брежнева А. Дубчеку с предложением двусторонних переговоров в любое удобное время и в любом удобном месте — в Чехословакии или там, где мы сами пожелаем. Но фактически эти предложения были отвергнуты. С содержанием письма т. Л. И. Брежнева Президиум также не был ознакомлен.

Затем поступает обращение пяти социалистических стран, которые предлагают провести товарищескую дискуссию и, что самое важное, *начать совместные переговоры в Варшаве.*

Наш отрицательный ответ известен чехословацкой общественности. Его недвусмысленно подтвердил и июльский пленум Центрального Комитета КПЧ.

Мы выступили за проведение перед совместной встречей двусторонних переговоров, хотя, как я уже упоминал, Л. И. Брежнев в письме А. Дубчеку за несколько недель до этого предлагал двустороннюю встречу. Однако мы тогда сослались на то, что готовимся к районным и областным конференциям, к съезду и у нас нет времени. Хорошо. Но почему же тогда мы в качестве неопременного условия общих переговоров выдвигали требование двусторонних встреч? Тов. Вальтер Ульбрихт предлагал прове-

сти двусторонние переговоры начиная с февраля. *Тов. Кадара после майской встречи пяти стран в Москве просили сообщить нашему руководству об итогах этого совещания. Но и эта встреча длительное время откладывалась. Я мог бы привести и другие примеры. Наконец Я. Кадар два раза встретился с А. Дубчеком — во второй раз непосредственно накануне Варшавского совещания пяти социалистических стран.*

Однако беспокойство, товарищеская забота и советы, основанные на горьком опыте венгерских событий 1956 г., о чем рассказали нашим руководящим деятелям венгерские товарищи, остались, несмотря на многие заверения и обещания, без каких-либо последствий.

Таковы некоторые факты, предшествовавшие принятию нашего решения накануне Варшавской встречи; однако части Президиума ЦК КПЧ многие из них не были известны.

Мы не поехали в Варшаву и совершили тем самым, по моему мнению, большую ошибку. Я полагаю даже, что это была *одна из решающих, роковых ошибок*, которые допустил Президиум нашей партии.

Во-первых:

Это не отвечало принципам нашей послеянварской политики — использовать все политические возможности для решения проблем. Своим отказом принять участие в Варшавской встрече мы фактически отвергли эту возможность. В результате наша политика неизбежно предстала перед нашими союзниками в ином, *новом свете*.

Во-вторых:

Наш отказ вызвал волну национализма, которая перед Чьерной и после Чьерны была искусственно раздута до огромных масштабов.

К сожалению, некоторые наши политические деятели *после Варшавской встречи начали исходить и из возможности разрыва*. Я мог бы здесь процитировать ряд документов, которые подтверждают это и которые были предложены Президиуму Центрального Комитета нашей партии в период, когда мы обсуждали ответ на Варшавское письмо пяти партий социалистических стран...

Кульминация после совещания в Чиерне-над-Тисой

Каждому трезво мыслящему человеку должно было быть ясно, что наше отсутствие в Варшаве обусловило критическую ситуацию во взаимоотношениях между нами и пятью социалистическими странами.

Тем не менее представители Советского Союза и четырех других социалистических стран *усиленно пытаются найти разумный выход из этой ситуации*, хотя некоторые наши деятели и выдвигают новые условия дальнейших переговоров и не хотят вести их нигде, кроме как в Чехословакии. В те дни (19 июля, т. е. за неделю до совещания в Чиерне-над-Тисой) у нас запрещается публикация информации агентства ТАСС (ее опубликовали во всем мире), в которой перечисляются все предыдущие шаги руководства КПСС с целью добиться переговоров с представителями нашей партии и государства, и сообщается, что руководство КПСС предлагает в своем письме Президиуму ЦК КПЧ провести встречу Президиума ЦК КПЧ с Политбюро ЦК КПСС.

В конце концов происходит *необычное в истории международного коммунистического движения событие*: руководство Коммунистической партии Советского Союза, *весь состав Политбюро ЦК КПСС встречается с Президиумом ЦК КПЧ, и при этом в Чехословакии.*

Переговоры велись в течение четырех дней. Советские товарищи снова настоятельно обращают наше внимание на положение в нашей стране и многими фактами обосновывают свое беспокойство. Они крайне обеспокоены усиливающейся волной антисоветизма; вспомним только, *какую атмосферу создали наши средства массовой информации вокруг переговоров в Чиерне.* Фактически это был ответ на проявление доброй воли со стороны советских товарищей, на их заботу о судьбах социализма в Чехословакии.

И все же мы договорились! В Чиерне-над-Тисой обе стороны заключили — я подчеркиваю — *товарищеские соглашения*, призванные обеспечить *выход из критического положения*, в котором мы очутились в наших взаимоотношениях с социалистическими странами и коммунистическими партиями.

Однако я никогда не пойму, *почему некоторые наши политики отрицали наличие соглашений, заключенных в*

Чиерне, пусть только устных и не зафиксированных на бумаге. От правды не скроешься. В конце концов А. Дубчек на ноябрьском пленуме ЦК КПЧ прошлого года должен был признать, что какие-то соглашения в Чиерне были заключены.

Я хотел бы привести только один пример такого соглашения. А. Дубчек в своем выступлении в Чиерне предложил прекратить полемику между нашей печатью и печатью пяти социалистических стран и заявил, что руководство нашей партии полно решимости и в состоянии руководить средствами массовой информации. *Наши предложения были с одобрением приняты советскими представителями, а затем к ним присоединились и представители остальных четырех социалистических стран — членов Варшавского договора.*

На основании этого соглашения Президиум ЦК КПЧ уже вечером после первого дня совещания в Чиерне дал следующие указания всей чехословацкой печати, радио и телевидению:

1. Рекомендуются, чтобы вся наша печать, радио и телевидение подчеркивали положительные стороны наших взаимоотношений с Советским Союзом и социалистическими странами во всех областях, и особенно в области внешней политики (значение дружбы и сотрудничества с Советским Союзом для нашей самостоятельности, суверенитета и экономического развития).

2. Подобным же образом следует отражать и наши отношения с другими социалистическими странами, невзирая на то, публикуются ли еще в этих странах критические материалы в наш адрес.

3. Из Чиерны-над-Тисой публиковать только официальную информацию, исходящую от Президиума ЦК КПЧ.

4. Не публиковать ни резолюции, ни сообщения об этих резолюциях, ни комментарии к ним.

5. Не публиковать никакой зарубежной информации, догадок или спекулятивных сообщений о встрече в Чиерне-над-Тисой, а также не комментировать эти сообщения.

6. Воздержаться от всех собственных комментариев или рассуждений о ходе встречи в Чиерне-над-Тисой.

7. Не публиковать никаких нападок, прямых или косвенных выпадов или карикатур против братских стран.

8. За соблюдение этих указаний отвечают главные редакторы на всех участках (главные редакторы централь-

ных и областных газет и журналов, заводских много-тиражек). Нарушение этих директив будет рассматриваться как нарушение партийной дисциплины с весьма серьезными последствиями.

Ход выполнения этого соглашения явился серьезной проверкой.

На следующий же день ни один печатный орган, ни одно средство массовой информации пяти социалистических стран не опубликовали ни строчки, направленной против нашей партии или нашей страны. *Лишь мы не сумели провести в жизнь свое собственное предложение.* Президиум ЦК КПЧ оказался беспомощным; восемь пунктов, которые к тому же не касались наших внутренних проблем, в сущности, не были выполнены нашими средствами массовой информации, за исключением газеты «Руде право».

За редким исключением, мы не выполнили ни одного из главных обещаний и пунктов соглашений, которые были заключены в Чиерне-над-Тисой. Не был также созван пленум Центрального Комитета КПЧ, на котором могла быть сказана правда о положении в нашей стране — о кризисе, существующем между нами и пятью союзными социалистическими странами, и о том, как мы намерены его разрешить.

Политическое руководство не может играть со своими партнерами в игру, если пренебрегает самыми элементарными ее правилами. А некоторые наши деятели бессовестно играли в такую игру без правил с самой большой социалистической страной, Советским Союзом, и другими нашими друзьями.

Тем, которые не знают правды, но которые ищут ее

Я рассказал об основных событиях, имевших место в ночь с 20 на 21 августа, стремясь ознакомить читателей с фактами, которые им большей частью еще не были известны.

Людам нужно время, им необходимы факты, чтобы освободиться от иллюзий.

Те факты, которыми они уже располагают (многие из них публиковались в «Трибуне», а позднее и в газете «Руде право»), неоспоримо доказывают, что *при реали-*

стичной и последовательной классовой политике мы могли избежать вступления войск пяти стран Варшавского договора на территорию нашей родины, ни в малейшем не меняя выводы январского пленума. В этом убедиться все сомневающиеся, и ложь правых будет разоблачена.

Игру без правил мы не можем себе разрешить ни в семье, ни в кругу личных друзей; тем более мы не можем себе разрешить ее между государствами и народами, особенно, если речь идет о судьбах людей, о судьбах всего общества.

Нельзя также смириться и с «Заявлением Президиума ЦК КПЧ» в ту роковую ночь. Речь идет не только о том, когда оно будет отменено, но главным образом о том, как оно будет преодолено, как скоро люди поймут его ошибочность.

У доавгустовского руководства нашей партии последняя возможность имелась именно в ту «роковую ночь». Руководство партии и государства могло тогда еще многое сделать, чтобы вывести страну и государство из кризиса. Однако этого не произошло. Наоборот, Президиум принял «Заявление», которое снова — в еще более опасной форме — дезориентировало сотни тысяч коммунистов и миллионы наших людей и в котором наше руководство не отважилось сказать правду. Оно не сказало правды и позже, после 21 августа.

Найдутся люди и среди членов партии, которые эту безответственную политику будут расхваливать как героизм.

Судьбу и будущее народов будет решать только ясная и твердая политика, политика честная как по отношению к народу, так и по отношению к нашим социалистическим друзьям, а также честный и творческий труд всех нас.

«Руде право», 21 августа 1969 г.

ОТ ДРЕЗДЕНА ДО БРАТИСЛАВЫ

*Ответы на вопросы еженедельника «Трибуна»
и газеты «Руде право»*

Вопрос. Товарищ Биляк, между январем и августом 1968 года состоялся ряд встреч наших представителей с представителями социалистических стран на высшем уровне. На всех встречах говорилось о Чехословакии. Чем, по-твоему, был мотивирован интерес к Чехословакии? Многие считают, например, что этот интерес был вызван процессом «демократизации»...

В. Биляк. Утверждение, будто наши союзники были против исправления ошибок,— это, по-моему, одно из больших мошенничеств, но некоторые люди пытались при помощи печати, радио и телевидения убедить в этом честных граждан нашей родины. Во-первых, дело было представлено так, будто братские партии социалистических стран вмешивались в наши внутренние дела, а во-вторых, они якобы возражали против того здорового процесса, который начал у нас развиваться в 1968 г. под руководством Коммунистической партии Чехословакии. Сегодня уже не так трудно понять, почему руководство КПЧ решительно не опровергло подобные взгляды.

Каждая социалистическая страна, и тем более Советский Союз, искренне заинтересована в том, чтобы его социалистические союзники процветали, чтобы они достигали успехов в своем экономическом и политическом развитии.

Несмотря на то что социалистические страны отличаются друг от друга рядом национальных черт, своеобразием развития и другими историческими факторами, их связывают международные интересы, идеология, общность цели. Успех одной страны является успехом всех стран, и, напротив, ни одна из этих стран не может быть нейтральной и безучастной в том случае, если другой союзнической стране грозит какая-либо опасность. Достаточно вспом-

пять: разве наши люди безучастно следили за ситуацией, которая сложилась у нашего южного соседа, в Венгерской Народной Республике, в 1956 г.? Разве нам безразлично, что происходило и происходит в настоящее время с нашими классовыми братьями, например, в Корее, Индонезии, Вьетнаме и в любом другом районе земного шара?

Ведь таков закон интернационализма, таково наше классовое содружество, взаимосвязь большой социалистической семьи. Наша коммунистическая партия на протяжении всей своей истории исходила из этого принципа. Интернационализм никогда не был ей чужд.

Этим законом руководствовались и наши социалистические союзники, прежде всего Советский Союз, когда наша партия и социалистическое государство попали в критическое положение. *Наши союзники, так же как и мы, были заинтересованы лишь в одном: сообща найти выход из создавшегося критического положения.* И одним из свидетельств этого служили встречи, которых — и это не случайно — в прошлом году было немало.

Вопрос. В каких встречах лично ты принимал участие?

В. Биляк. Будучи первым секретарем ЦК Коммунистической партии Словакии и начиная с апреля 1968 г. членом Президиума ЦК КПЧ я принимал участие почти во всех наиболее значительных переговорах с братскими партиями социалистических стран: в Дрездене, Москве, Будапеште, Чиерне-над-Тисой, Братиславе и снова в Москве, а также в некоторых двусторонних переговорах в Праге.

Вопрос. Остановимся сначала на Дрездене. Вокруг этой встречи было в то время много разговоров, так как никто не сомневался, что речь шла там о положении в Чехословакии. А. Дубчек на вопрос корреспондента ЧТК заявил тогда, что остальные участники совещания «полностью поддерживают нас» и желают, «чтобы удалось наше дело». Не мог бы ты сегодня несколько выше приподнять завесу, прикрывающую действительное содержание Дрезденских переговоров?

В. Биляк. О переговорах в Дрездене ни один партийный орган не был в то время объективно проинформирован. Если оглянуться назад, то мне кажется, что *Дрезден был важным переломным моментом.* Вы, наверное, хорошо помните, что встреча состоялась на следующий же

день после того, как президент А. Новотный подал в отставку. (Сам этот факт, однако, не имел ничего общего с созывом совещания.)

Союзники были обеспокоены уже тем, что Коммунистическая партия Чехословакии теряет контроль над событиями, например позволяет отозвать Президента без предварительного обсуждения столь серьезного шага Центральным Комитетом партии, что нарушило, во всяком случае по форме, основные принципы кадровой политики. Это, однако, ни в коем случае не значит, что ошибкой был сам отзыв Антонина Новотного с его поста. Напротив, избрание нового Президента явилось хорошим началом.

Атмосфера переговоров в Дрездене была абсолютно свободной и товарищеской.

Вопрос. Можешь ли ты, по крайней мере вкратце, охарактеризовать аргументацию участников совещания?

В. Билляк. Я делал тогда для себя довольно подробные пометки. Прежде всего, в самом начале совещания было подчеркнуто, что каждая коммунистическая партия имеет право сама определять свою линию, однако, если она хочет оставаться марксистско-ленинской партией, она не должна забывать, что мы живем на планете не одни и что у нас общие цели и идеология. Впрочем, это относится к любой политической партии, которая стоит у власти, а не только к коммунистическим партиям. *(В наших собственных интересах необходимо координировать действия с остальными союзниками.)* Общий противник социалистического мира — империализм не спит. Он ищет даже самую маленькую трещину в нашем единстве для того, чтобы проникнуть в нее. Он стремится использовать любую нашу ошибку в своих целях и таким образом ослабить социализм в целом. Чехословацкая Социалистическая Республика не исключение в этом отношении.

После выступления А. Дубчека слово брали все остальные руководители делегаций, а затем и другие члены нашей делегации — Ленарт, Черник, Кольдер и я.

С изложением принципиальной точки зрения выступил т. Брежнев. Это было выступление, полное заботы, искреннего желания помочь, посоветовать.

Он заявил, что нет никаких возражений против изменения руководства в нашей партии и государстве. Напротив, своим присутствием на праздновании 20-й годовщины февральских событий он хотел подчеркнуть полную

поддержку нового партийного руководства КПЧ. На протяжении ряда недель советские товарищи не реагировали на многие немарксистские и антикоммунистические выступления, на появляющиеся симптомы антисоветизма, ибо надеялись, что это переходные явления, и верили нашим обещаниям все уладить. Но не могли понять, как это не понимало огромное большинство коммунистов у нас в Чехословакии, что в КПЧ и в ЧССР якобы только сейчас (т. е. после января 1968 г.) происходит процесс демократизации, как будто до сих пор у нас вообще не было демократии. Это противоречит фактам, исторической правде. У советских товарищей вызывало недоумение и противоречие между нашими словами и делами, когда, с одной стороны, мы подчеркивали, что намерены укреплять руководящую роль партии, а с другой — позволяли умалять ее, когда мы терпели нападки на ЦК КПЧ и даже поношение всей партии, ее истории, поношение честного многолетнего труда народа. Советские товарищи не могли понять, почему мы позволяем обливаться грязью армию, госбезопасность, Народную милицию, внешнюю политику Чехословакии и самых близких ее союзников и в то же время превозносить и идеализировать буржуазную республику, масарикизм и т. п. Они обращали наше внимание на то, что это закономерно приведет к разложению партии и государства.

Тов. Брежнев тогда, в частности, сказал, что жизнь движется вперед и строго сверяет слова и дела. Не удивляйтесь, что мы полны опасений, продолжал он. То, что наблюдается в Чехословакии и в КПЧ, ненормально, и без своевременного исправления ошибок и соответствующих мер со стороны КПЧ перед Чехословакией встанут большие трудности.

Советские товарищи задали нам много вопросов, и в частности — как это возможно, чтобы даже члены Центрального Комитета и правительства выступали в буржуазной печати против партии и социализма; просили объяснить, что это за «новый тип социализма». Они спрашивали, видим ли мы, каким атакам подвергаются идеологические основы КПЧ, как под псевдосоциалистическими лозунгами пытаются опорочить саму сущность социализма. Они советовали учесть уроки истории коммунистического движения и то, что произошло в 1956 г. в Венгрии, учесть, что враги социализма громче всех кричат о свободе, но о

свободе для себя, для контрреволюционной деятельности, направленной на то, чтобы безнаказанно разлагать республику.

Они предупредили нас, что контрреволюция не всегда начинается с убийств, а часто — с демагогии, псевдосоциалистических лозунгов, призывающих к свободе, разлагающих партию, государственный и хозяйственный аппарат, с ослабления и разложения орудий власти — армии, органов госбезопасности, суда и прокуратуры, с создания хаоса, неуверенности, нарушения дисциплины, запугивания честных людей.

Убийства следуют позднее. Контрреволюция тщательно готовится к борьбе за власть, готовится к борьбе как кровавой, так и бескровной. Она хитра, и если против нее не выступить, она в конце концов будет выбирать и способ борьбы. И подобные симптомы в ЧССР усиливаются.

Тов. Брежнев просил нас не допустить нарастания хаоса, вовремя мобилизовать партию и рабочий класс.

Польские товарищи просили нас также учесть польский опыт, так же как и урок венгерской контрреволюции. Они подчеркивали, что контрреволюционные силы, как правило, начинают свои действия с, казалось бы, невинных студенческих демонстраций, с выдвижения различных либеральных требований, которыми можно легко ввести в заблуждение людей. Но вся эта деятельность направлена на то, чтобы ослабить и разложить государственный аппарат, подорвать руководящую роль партии, ее организационные и идеологические принципы, разложить государство. Затем, как показывает опыт, наступает этап массового одобрения различных резолюций якобы в «поддержку» этих требований, противоречащих интересам партии, фактически направленных против народа. Начинают нарастать и развиваться националистические, антисоветские и антикоммунистические настроения и тенденции, закономерно выливающиеся в контрреволюцию. Наш общий враг хорошо понимает, что рабочий класс не допустил бы открытого выступления против коммунистической партии, против социализма и нарушения союза с Советской страной. Поэтому враги до тех пор, пока им не удастся обмануть рабочий класс, открыто не формулируют свои истинные требования и антисоветские лозунги. Польские товарищи подчеркнули, что мы не должны думать, будто реакция в ЧССР будет лучше, чем она была в Венгрии, Индо-

пезии и других странах, где ей удавалось вызвать хаос, чтобы в этой обстановке терроризировать и убивать коммунистов.

Было сказано, что нарастающая опасность в Чехословакии усугубляется тем, что КПЧ, точнее, ее руководство не видит этой опасности.

Об этом же говорил и т. Кадар. Он предостерегал нас особенно от так называемых «друзей народа», которые несомненно выступают и у нас и своей демагогией будут стремиться ввести в заблуждение рабочих и крестьян. И у нас, наверное, появятся мнимые псевдорбочие лидеры, которые будут обещать все что угодно, лишь бы добиться доверия масс.

Тов. Кадар действительно подчеркивал тот опыт, который приобрела Венгрия в борьбе с контрреволюцией, принесшей столько горя и стоившей столько жизней, и просил нас сделать выводы из этих горьких уроков.

Тов. Ульбрихт стремился выявить корни многих наших недостатков и обратил внимание на то, что мы запустили политическое и теоретическое воспитание масс. Он предостерегал нас от выдвижения таких лозунгов и программ, которые в данной ситуации неосуществимы. Он говорил, что нам не следует перескакивать через этапы, так как при этом мы теряем уверенность и доверие людей. Подчеркнул, что любое ослабление КПЧ означает ослабление социализма в ЧССР, ослабление чехословацкого государства и тем самым союза с социалистическими странами и основ социализма вообще. Подобную озабоченность высказал также руководитель болгарской делегации.

В ходе встречи высказывалось также недоумение, как может один из членов правительства, членов ЦК КПЧ в противоречии с политикой КПЧ организовывать различные акции (митинги), направленные, по существу, против КПЧ. Некоторые факты не были известны даже нам...

Вопрос. Были ли смыслом всего совещания опасения по поводу деструктивного развития в Чехословакии?

В. Билик. Да, это совещание, которое продолжалось до поздней ночи, можно было бы в целом охарактеризовать не как «вмешательство», а как большую заботу братских партий социалистических стран о том, в достаточной ли степени мы сознаем опасность роста антисоциалистических сил, ослабления КПЧ и социалистического государства; речь шла также о том, принимаем ли мы в связи с

этим необходимые меры. Подобные опасения были вызваны не тем, что мы хотим исправлять прошлые деформации и ошибки, а также не развитием социалистической демократии. В этом вопросе мнение было единым. Опасения были вызваны главным образом тем, что у нас имело место ослабление руководящей роли партии, поднялась антикоммунистическая волна. В целом смысл совещания можно резюмировать двумя фразами, которые были там произнесены. *Они советовали нашему руководству обратить серьезное внимание на их замечания прежде всего в наших собственных интересах и в интересах социализма вообще.* Откровенно сказали, что как интернационалисты не скрывают серьезной обеспокоенности положением у нас.

Таким образом, братские партии социалистических стран оценивали сложившуюся у нас ситуацию как опасную. И серьезно предостерегали об угрозе со стороны тех растущих сил, которые, хотим мы этого или нет, носили контрреволюционный характер. Мы были предупреждены об этом вовремя — 23 марта 1968 г...

Вопрос. Почему же тогда, товарищ Биляк, серьезность этих опасений не была отражена в коммюнике заседания?

В. Биляк. Вначале это предполагалось. Могу процитировать часть подготовленного документа:

«Состоялся обмен мнениями в связи с информацией делегации КПЧ о ходе реализации решений январского пленума ЦК КПЧ, направленных на то, чтобы линия XIII съезда КПЧ была претворена в жизнь в целях дальнейшего развития социалистической демократии. Было выражено беспокойство по поводу активизации в последнее время ревизионистских и антисоциалистических элементов, которые пытались исказить смысл решений последних пленумов ЦК КПЧ с целью подорвать политические и экономические основы социализма в Чехословакии, руководящую роль КПЧ в целях ослабления отношений ЧССР с социалистическими странами. Делегации братских партий обратили внимание на то, что оживление антисоциалистических сил, поддерживаемых Западом, может привести к серьезным отрицательным последствиям, против чего следует предпринять решительные шаги уже в настоящее время.

Участники встречи выразили убеждение в том, что рабочий класс и трудящиеся Чехословацкой Социалистиче-

ской Республики под руководством своей коммунистической партии, имеющей богатый опыт, дадут решительный отпор вылазкам враждебных сил и обеспечат дальнейшее развитие Чехословакии на пути демократии и социализма».

Мы просили наших союзников не принимать подобного коммюнике и не публиковать его, аргументируя тем, что мы отдаем себе отчет в серьезности ситуации и в опасности отрицательных явлений, проявляющихся у нас, но не имели возможности решить все вопросы за столь короткое время.

Вопрос. С какими намерениями вы покидали Дрезден?

В. Биляк. Мы обещали, что наведем порядок у себя в стране в интересах здорового развития нашей партии и республики, а также в интересах достижения общих целей. Мы заверили наших союзников в том, что не допустим роста антисоциалистических сил, ослабления руководящей роли партии, шельмования честных граждан, как коммунистов, так и некоммунистов, нарастания антисоветской пропаганды и ослабления взаимных братских отношений.

Вопрос. Почему, однако, не был об этом полностью информирован Центральный Комитет или хотя бы Президиум ЦК КПЧ?

В. Биляк. Ни Президиум ЦК КПЧ, ни Центральный Комитет КПЧ действительно не были проинформированы о подлинном содержании совещания. А. Дубчек предложил не информировать об этом в полном объеме партийный аппарат, и мы с ним тогда, к сожалению, согласились. А. Дубчек заверил нас в том, что решительно возьмет дело в свои руки. Мы исходили из того, что не было полного доверия к некоторым членам старого Президиума. Кое-кто из них злорадствовал бы: прошло, мол, так мало времени с момента смены руководства, а уже возникли столь серьезные проблемы. Новый состав Президиума был избран на апрельском пленуме ЦК. К сожалению, ни о Дрездене, ни о наших обещаниях не был проинформирован и новый состав Президиума.

Вопрос. Были ли сделаны хоть какие-нибудь действенные выводы после Дрездена?

В. Биляк. Хорошо известно, что нет. Как раз наоборот! Вместо серьезного анализа и разработки конкретных действий и мер мы начали поддаваться давлению воли,

которые постепенно нарастали, как нас и предупреждали союзники еще в Дрездене. Вместо того чтобы выступить против различных акций нажима, партийное руководство шаг за шагом позволяло уносить себя этим нездоровым течением.

Вопрос. Шесть недель спустя — 3 и 4 мая — ты принял участие в двусторонних переговорах в Москве. Какова была их цель?

В. Билляк. Эта встреча состоялась по нашей инициативе. Не потому, что мы хотели обсудить ситуацию и ее развитие после Дрезденской встречи. Мы ехали в Москву с просьбой об экономической помощи, об увеличении сверх предусмотренных советских поставок зерна, нефти, газа и другого сырья для нашей промышленности. Мы хотели также, чтобы Советский Союз предоставил нам заем в золоте. Советские руководители приняли нас очень хорошо. Они были искренне рады возможности по-товарищески и объективно обсудить положение. Переговоры были весьма конкретными и откровенными. Они продолжались с раннего утра до глубокой ночи. Советские товарищи подчеркивали, что окажут нам любую помощь. Тов. Брежнев сказал, что советские люди готовы поделиться с нами и последним куском хлеба.

Вместе с тем советские товарищи обратили наше внимание на то, что не видят никакого улучшения положения после Дрезденской встречи и что ситуация у нас, напротив, ухудшается. Они буквально просили нас осознать опасность, которая грозит КПЧ и ЧССР из-за нарастания контрреволюционных сил. В данной ситуации никакая помощь практически не может улучшить положение республики и условия жизни народа, если руководство партии и государства не возьмет дело в свои руки и не приостановит процесс разложения партийных и государственных органов. Они убеждали нас осознать, что беспорядок и хаос из политической области неизбежно распространятся на народное хозяйство, что может привести к катастрофе.

Вопрос. Это означает, что опасения, высказанные в Дрездене, не исчезли, а, напротив...

В. Билляк. Не только. На новых и новых фактах товарищи доказывали, что деятельность правооппортунистических и антисоциалистических сил действительно возрастает. Мы не могли опровергнуть ни одного приведен-

ного аргумента, ни одного факта. Советские товарищи говорили нам, что они не могут понять, как такая зрелая и опытная партия, как КПЧ, и наш рабочий класс могут допускать анархическое развитие. Они просили не забывать, что западные границы ЧССР являются одновременно границами социалистического лагеря, по ту сторону которых происходят события, ставящие под угрозу безопасность не только ЧССР, но и всего социалистического лагеря. Они обещали предоставить нам любую помощь. Однако просили не допускать в ЧССР нарастания влияния враждебных сил.

Тогда же было принято решение немедленно увеличить поставки зерна и прочего необходимого сырья из Советского Союза. Что касается займа в золоте, то советские товарищи просили нас конкретизировать цели его использования. Мы не смогли дать ответ. Нам прямо сказали, что, пока мы не наведем порядок, займа нам не предоставят, так как не хотят содействовать деятельности антисоциалистических и контрреволюционных сил в ЧССР. Даже Й. Смирковский обещал, что в течение месяца мы решим все проблемы и устраним отрицательные явления, которые всех так волнуют.

Мы вели переговоры как равный с равным. Советские товарищи, пожалуй, упрашивали нас даже больше, чем следовало. У меня сложилось впечатление, будто встречаются два родных брата и один из них пытается объяснить младшему, менее опытному, откуда грозит ему опасность и чем она чревата, если ее вовремя не заметить, если отнестись к ней несерьезно, без должной ответственности.

На совещании в Москве не было, следовательно, иных настроений, кроме серьезных опасений товарищей за судьбы социализма в Чехословакии, беспокойства в связи с опасностью, которая у нас постепенно нарастала и наконец достигла таких размеров, что не только ставила под угрозу политическую систему социализма в ЧССР, но и затрагивала результаты второй мировой войны, угрожала тому, за что отдали жизнь более 20 миллионов советских людей и более 300 тысяч чехословацких патриотов, в том числе более 25 тысяч коммунистов. Советские товарищи уже тогда не скрывали от нас, что ни при каких обстоятельствах нельзя допустить такого развития событий, которое рано или поздно могло привести к ликвидации достижений социализма в Чехословацкой Социалистической

Республике. Это уже было делом не одной только Чехословакии, а всего мирового социализма.

Таким образом, для нашей партии речь шла, по существу, о встрече лицом к лицу с теми силами, которые преследовали цель повернуть наше развитие вспять, вернуть нас к периоду до февраля 1948 г., с силами, которые организационно готовились к политическому перевороту, к захвату средств массовой информации, создавая для этого антикоммунистическую атмосферу в стране, дезориентируя общественное мнение дешевыми лозунгами и т. д. Положить конец этому, как советовали наши союзники, было в наших собственных социалистических и национальных интересах.

Вопрос. На ноябрьском пленуме ЦК КПЧ ты рассказал о том, как, возвращаясь из Москвы, вы — А. Дубчек, О. Черник, Й. Смирковский и ты — подали в самолете друг другу руки и сказали, что теперь «возьмете дело в свои руки». Майский пленум наметил соответствующие мероприятия...

В. Биляк. Действительно казалось, что мы опомнились. Мы обсуждали политическую ситуацию в республике на заседании Президиума ЦК. Дискуссия была очень продолжительной. Не только члены и кандидаты в члены ЦК, но и члены Секретариата ЦК КПЧ высказали свои мнения. Все пришли к единому заключению, что *ситуация достигла критической точки и необходимо немедленно принять меры против правооппортунистических и антисоциалистических сил, ибо создалась угроза того, что они могут попытаться совершить политический переворот.*

Тогда в последний раз члены Президиума ЦК пришли к единому мнению. Даже Й. Смирковский в то время говорил, что если события будут развиваться в том же духе, то «нас смогут спасти только танки». Результатом этого заседания Президиума ЦК КПЧ было общегосударственное совещание первых секретарей областных и районных комитетов партии и председателей областных и районных национальных комитетов, состоявшееся 12 и 13 мая 1968 г. Президиум ЦК КПЧ хотел еще перед майским пленумом ЦК КПЧ определить свои позиции, сопоставить их с точкой зрения областных и районных органов. Они не только совпадали, но можно сказать, что областные и районные органы оценивали ситуацию более критически, чем Президиум ЦК КПЧ.

Вопрос. К сожалению, дальнейшее показало, что сдвинуть в тот период было только на словах, а не на деле. Что, по твоему мнению, так неблагоприятно повлияло на практическую деятельность Президиума?

В. Биляк. Подробный ответ на вопрос, почему не была проведена в жизнь майская резолюция прошлого года и почему мы попали под влияние правооппортунистических сил, должен содержать анализ. Фактом является то, что Президиум окончательно потерял дееспособность, что дальнейшие события развивались вопреки желаниям партии и интересам рабочего класса, более того, ход развития скорее соответствовал интересам организаторов антисоциалистических и контрреволюционных сил, которые уже ориентировались на открытый переворот в Коммунистической партии Чехословакии и в ЧССР. Одержали верх фальшивая дешево-популярная политика, мания величия, желание быть популярными в ущерб интересам партии и народа, а это могло привести только в болото оппортунизма.

Вопрос. Когда ситуация после майского пленума ЦК продолжала ускользать из наших рук, Политбюро ЦК КПСС пыталось — как известно, например, из недавней речи т. Гусака — 12 июня и позже снова встретиться с нашими представителями, но с нашей стороны встреча неизменно откладывалась. Кто же ее, собственно, откладывал?

В. Биляк. А. Дубчек, действительно, получил 12 июня личное письмо от т. Брежнева, в котором т. Брежнев по-товарищески обращал его внимание на то, что, несмотря на обещания и выводы майского пленума ЦК КПЧ, ситуация у нас не улучшается, а, наоборот, все более ухудшается, и предлагал встретиться в Советском Союзе или в Чехословакии, в любом месте, которое назовет А. Дубчек. От А. Дубчека зависело и то, кто примет участие в этой встрече — только ли А. Дубчек и Л. И. Брежнев или большее число участников с каждой стороны. Если мне не изменяет память, т. Брежнев писал, что он готов в любой день и в любом месте, которые укажет А. Дубчек, совместно обсудить вопрос о нарастающей опасности. Это письмо я имел возможность прочитать в самолете, когда мы с А. Дубчеком возвращались 15 июня из Будапешта после подписания союзнического договора.

А. Дубчек решил тогда на эту встречу не идти, так как

было время конференций и отпусков, а также потому, что она могла быть превратно понята общественностью как политическое давление, что не преминули бы использовать наши противники. Это одна из причин нашей трагедии; больше внимания обращалось на то, что скажут те или иные правооппортунистические и даже антисоциалистические элементы, чем на то, что необходимо в интересах республики и государства, его честных граждан.

Отказ от встречи обосновывался и тем, что А. Дубчек проведет свой отпуск в Советском Союзе и тогда появится возможность обсудить многие вопросы. Советские товарищи в конце концов с этим согласились. Однако поездка в отпуск в Советский Союз не состоялась. Любопытно, что уже через два дня Дубчек предложил Президиуму ЦК КПЧ проект решения, согласно которому руководящие деятели партии и государства не могли покидать пределы страны, что и было принято Президиумом.

В о п р о с. Между 4 и 6 июля пришло еще пять писем, как из Советского Союза, так и из ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии, а также известное приглашение в Варшаву, вокруг которого в партии все еще имеются неясности. Действительно ли поступило приглашение?

В. Б и л я к. Несомненно. Приглашение было надлежащим образом передано Президиуму ЦК КПЧ, хотя вначале и не было определено точное место встречи, о нем предполагалось договориться в оперативном порядке.

В о п р о с. Что ты сегодня думаешь о том, кто и почему был заинтересован в отказе от этой встречи?

В. Б и л я к. На Президиуме это приглашение обсуждалось дважды, 8 и 12 июля 1968 г. Я не хочу уклоняться от своей доли ответственности. Но думаю, что в протоколе отражена позиция каждого. Лично я и еще некоторые товарищи рекомендовали участвовать во встрече. Другие товарищи, наоборот, считали, что не нужно ехать, мотивируя свою точку зрения занятостью в связи с подготовкой к XIV съезду КПЧ. Кроме того, они предлагали обусловить совместную встречу предварительными двусторонними переговорами со всеми социалистическими странами, в том числе с Югославией и Румынией, что, конечно, требовало больше времени, чем наше участие в предложенной общей встрече.

Использовался и тот «аргумент», что существует решение Президиума о невыезде за границу руководящих дея-

телей партии и государства. Крайне отрицательную роль при этом обсуждении сыграли и некоторые товарищи, которые приглашались на заседания Президиума, как, например, З. Млынарж, В. Славик, а по вопросу о поездке в Варшаву и министр Йржи Гаек; они решительно поддерживали тех, кто категорически отвергал любое предложение об участии в общей встрече.

Вопрос. Позднее в заявлении Президиума ЦК КПЧ относительно Варшавского письма утверждалось буквально следующее: «К сожалению, наше заседание 12 июля было уже напрасным, потому что, несмотря на его результат, встреча была уже назначена на 14 июля, о чем мы узнали лишь через ЧТК 13 июля в первой половине дня, когда представители пяти государств уже съезжались в Варшаву». Сегодня мы знаем, что большинство членов Президиума действительно не знало точную дату встречи. В любом случае, однако, о ней был информирован Первый секретарь...

В. Биляк. Я могу подтвердить, что гг. Брежнев и Кадар лично просили, чтобы мы участвовали в совещании в Варшаве. Начало совещания было даже отложено, в надежде что мы все-таки будем участвовать в нем. Можно было выехать и в субботу или воскресенье даже в том случае, если об окончательном сроке совещания А. Дубчек узнал только в субботу 13 июля.

Некоторые факты свидетельствуют, однако, что он знал об этом раньше. Но суть дела заключается в другом: А. Дубчек и некоторые другие члены Президиума выступили в принципе против самой идеи о встрече. Совещание все же состоялось.

Если я по какой-либо причине с кем-то не встречаюсь и не хочу встретиться для обмена взглядами по тому или иному вопросу, то моему партнеру не остается иного выхода, как изложить мне свою точку зрения в письме, что и произошло. Таким образом возникло письмо «пятерки».

Вопрос. Почему участники Варшавской встречи послали свое письмо публично?

В. Биляк. Я думаю, для того, чтобы его нельзя было замолчать. Это, вероятно, единственное объяснение. А какую кампанию развязали потом правооппортунистические, антисоциалистические и антисоветские силы — с официального благословения! — это известно. Поднялась волна ложного патриотизма, раздавался буквально вой о необхо-

димости общенародного единства против Советского Союза. Ф. Кригель даже рекомендовал Президиуму ЦК КПЧ использовать эту атмосферу, подходящий момент для создания какой-то «всенародной партии». И сегодня, спустя некоторое время, атмосфера тех дней представляется нам чем-то страшным, она свидетельствовала о том, до какой степени Президиум ЦК КПЧ был абсолютно неспособен принципиально, реалистически, по-марксистски, по-ленински решать вопросы.

Вопрос. Этими обстоятельствами можно, следовательно, объяснить реакцию Президиума, а затем и ЦК КПЧ на варшавское письмо...

В. Биляк. Я вспоминаю, как некоторые члены Президиума ЦК уже заранее заявляли, что пленум ЦК КПЧ не имеет полномочий что-либо решать. Хотя это невероятно, но, к сожалению, в нашей партии некоторые члены руководства отрицали право высшего партийного органа обсуждать и решать вопросы. Пленум (19 июля 1968 г.) был организован таким образом, что в нем участвовало почти столько же работников печати, радио и телевидения, сколько членов ЦК КПЧ. Были созданы различные делегации, которые вызывали с заседания членов ЦК КПЧ и буквально угрожали им, для того чтобы никто не отважился отстаивать иную точку зрения. Полностью были утрачены классовый подход и оценка событий, и на этом удивительном фоне, в такой атмосфере, в которой едва ли могло иметь место серьезное обсуждение вопросов, ЦК подтвердил решение Президиума ЦК КПЧ не принимать участия в Варшавском совещании и ответить на письмо «пяти».

На пленуме мы все допустили большую ошибку. Одни голосовали по убеждению, другие из страха попасть в опалу, третьи — хотя они и были сторонниками поездки в Варшаву — голосовали, к сожалению, под влиянием обстановки тоже против. Это привело к фальшивому единству на антисоветской почве. Руководство нашей партии должно было, естественно, утратить доверие своих союзников, потому что оно зашло слишком далеко, отказавшись вести переговоры с нашими самыми близкими друзьями. Для настоящих коммунистов подобный шаг был необычным, и история когда-нибудь даст справедливую оценку этим действиям. Мы, небольшая страна в центре Европы, наперекор здравому рассудку, идеологии и чувствам, в противоречии с классовым подходом и обязательствами, которые

вытекают из союзнических соглашений, отвергли сами себя и вопреки действительным интересам партии, народа и наших наций скатились на ложную националистическую платформу. Последствия этих шагов нам придется еще очень долго исправлять.

Вопрос. А не были ли уже тогда некоторые руководящие деятели прямо заинтересованы в разрыве с нашими союзниками и именно поэтому умышленно обостряли отношения с ними?

В. Б и л я к. Да. Сегодня я полностью убежден, что некоторые из членов Президиума ЦК КПЧ и из тех, кто регулярно приглашались на заседания Президиума и выступали там, поддавались нажиму различных сил, целью которых было ухудшать и — если бы это удалось — даже разорвать отношения с нашими самыми близкими союзниками, особенно с Советским Союзом. К сожалению, их усилия не остались безрезультатными. Им удалось дезориентировать многих людей, особенно молодежь, привить им яд сомнения и недоверия, как это показали и последние события на улицах Праги и других городов нашей республики.

Вопрос. Часть Президиума, следовательно, проводила еще задолго до августа двуличную политику. Это, естественно, должно было неизбежно вести к тому, что наше руководство закономерно теряло доверие у наших союзников.

В. Б и л я к. Такое подозрение могло возникнуть вполне обоснованно. Как я уже сказал, это доверие мы потеряли уже в результате нашего неучастия в Варшавской встрече и особенно после переговоров в Чьерне-над-Тисой и в Братиславе.

Вопрос. Недавно в «Трибуне» указывалось, что Президиуму ЦК КПЧ кто-то предложил в то время материал, который должен был подготовить страну к экономическим последствиям разрыва с Советским Союзом. Ты можешь это подтвердить?

В. Б и л я к. Да, после Варшавской встречи, где была высказана точка зрения на обстановку в ЧССР, кто-то анонимно внес в Президиум ЦК КПЧ такой проект мероприятий, как будто дело дошло до всестороннего разрыва отношений с Советским Союзом. Разумеется, проект был быстро снят с обсуждения Президиума. Однако, как видно, «кто-то» рассчитывал на подобный шаг.

Вопрос. Уже после Чиерны в Праге побывали представители Румынии и Югославии. Правда ли, как об этом заявил Ч. Цисарж журналистам 17 августа 1968 г., что тт. Чаушеску и Тито также высказывали в Праге свое беспокойство по поводу развития событий в нашей стране?

В. Биляк. Я был членом нашей делегации, которая вела переговоры с т. Тито. Могу подтвердить, что *т. Тито высказал свое беспокойство и предостерегал нас*. Жаль, что наша общественность не была тогда достаточно полно ознакомлена с его оценкой нашей обстановки, особенно с теми соображениями, которые он высказал в своем тосте на прощальном ужине. Содержание бесед с т. Чаушеску мне неизвестно.

Вопрос. Какую цель в тот период преследовал визит Генерального секретаря ООН У Тана, намеченный на 23 августа? Не рассчитывали ли этот визит использовать прежде всего во внутривнутриполитических целях?

В. Биляк. Этот вопрос мы вообще друг другу не разъясняли. Поэтому не хочу гадать на этот счет.

Вопрос. Было бы несправедливо все зло, непоследовательность, недостатки и промахи 1968 г. сваливать на одного А. Дубчека. Однако история будет искать их прежде всего в его действиях. В зависимости от степени ответственности, не так ли? Первый секретарь, очевидно, не устоял под давлением определенных сил, которых, вероятно, устраивала его неустойчивость.

В. Биляк. Бесспорно, что часть Президиума и группа нечестных людей оказывали влияние на А. Дубчека, злоупотребляли этим. Я верю, что он сам поможет глубже разобраться в этих вопросах и сам скажет, кто оказывал на него давление и что ему советовали.

Вопрос. И наконец, еще несколько вопросов, прежде чем сформулировать выводы. Иногда обсуждают вопрос о том, каковы решающие и определяющие факторы, вызывавшие опасения наших союзников, — так называемые идеологические противоречия или стратегический момент. Что ты об этом думаешь?

В. Биляк. Думаю, что ни то и ни другое. Так, по существу, стремилась и стремится «аргументировать» буржуазная пропаганда. Как я уже сказал в начале интервью, союзники опасались — и развитие подтвердило обоснованность их опасений — за судьбу социализма у нас. Это —

главное. Социализм в Чехословакии является частью всей социалистической системы. Союзные войска вошли в ЧССР не для утверждения какой-то иной идеологии, а для защиты той, которую мы вместе признаем, — идеологии марксизма-ленинизма. Они пришли не утверждать другой общественный строй, а охранять завоевания социализма в нашей стране, добытые в жестоких классовых боях, охранять принцип, который закреплен в Конституции ЧССР и который гласит, что «Чехословацкая Социалистическая Республика — составная часть мировой социалистической системы» и «руководящей силой в обществе и государстве является передовой отряд рабочего класса, Коммунистическая партия Чехословакии». А доказательств того, что на эти основные принципы в течение длительного времени волись открытые массированные атаки, было и имеется множество.

В Братиславской декларации от 3 августа 1968 г., подписанной нами, было провозглашено, что «поддержка, укрепление и защита этих завоеваний, доставшихся ценой героических усилий самоотверженного труда каждого народа, является общим интернациональным долгом всех социалистических стран».

То, что мы не мобилизовали собственные силы на защиту социалистических завоеваний, это ошибка не наших союзников, а наша.

В о п р о с. Можно ли было предотвратить вступление войск пяти союзных стран?

В. Б и л я к. Я глубоко убежден, что да.

В о п р о с. Что нужно было для этого сделать?

В. Б и л я к. Нам следовало мобилизовать все внутренние здоровые силы против нарастающей правооппортунистической, антисоциалистической и контрреволюционной опасности. У нас это не только не делалось, но, наоборот, наше пассивное отношение к этим силам только поощряло их подрывную деятельность. Вспомните, в каком положении находились наши органы безопасности, Народная милиция, армия, прокуратура и суды, партийные и государственные органы, многие честные, преданные партии и социализму руководящие работники. В какой ситуации находился Центральный Комитет? Все жили в атмосфере страха. Рабочий класс не был мобилизован на охрану социалистических завоеваний, и не чувствовалось даже заинтересованности в его мобилизации. Каждый, кто указывал

на эти факты, попадал немедленно под «обстрел» тех сил, которые владели средствами массовой информации.

В о п р о с. Каковы были причины того, что, несмотря на все обещания и обязательства, данные внутри страны и нашим союзникам, на деле ничего не делалось и развитие дошло до критической точки?

В. Б и л я к. Многое уже было сказано. Будем, однако, терпеливы и подождем анализа, который проведет Центральный Комитет в интересах выявления правды.

В о п р о с. Какой вывод ты бы хотел сделать из всех международных встреч, о которых мы говорили?

В. Б и л я к. Выводов можно сделать много. Однако есть один главный: как во внутренней, так и во внешней политике социалистического государства, коммунистической партии *должно быть всегда единство слов и действий, единство нашей социалистической идеологии и социалистической практики.*

Когда мы заявляли, что у нас уже окончательно завершена борьба с антисоциалистическими силами, что можно жить без забот, то это было проявлением идеализма. И последние недавние события, когда правое политическое течение и антисоциалистические силы объединились с преступными антиобщественными элементами, показывают, что могло бы произойти, если бы у нас не было твердого партийного руководства, если бы средства массовой информации находились в руках правых оппортунистов и не было бы решительного стремления сделать все, чтобы положить конец контрреволюционной деятельности и вандализму.

Но нет худа без добра. Если мы думаем учиться на собственных ошибках, то и отрицательный опыт может иметь свою полезную сторону. Я верю, что уроки прошлого и нынешнего года многому научили всех нас и сделали невозможным повторение чего-либо подобного.

*«Руде право», 3 сентября 1969 г.
Материал подготовили О. Швест-
ка и Э. Горжени*

Д. Кольдер, член ЦК КПЧ,
председатель Комитета народного контроля ЧССР

ФАКТЫ НЕЛЬЗЯ ЗАМОЛЧАТЬ

*Ответы на вопросы еженедельника «Трибуна»
и газеты «Руде право»*

Еженедельник «Трибуна» и газета «Руде право» взяли интервью 10 сентября у т. Драгомира Кольдера. Цель беседы — дополнительное и углубленное освещение некоторых узловых вопросов прошлого года развития страны. Напомним, что Драгомир Кольдер до конца августа 1968 г. был членом Президиума и секретарем ЦК КПЧ; это фактически его первое с тех пор публичное заявление в печати.

О документе, положенном в стол

Вопрос. Сегодня, когда «Трибуна» и «Руде право» публикуют ряд документов и подлинных фактов, в которых содержится попытка объяснить развитие в период между январем и августом 1968 г., некоторые читатели задают вопрос, почему эти материалы не были опубликованы раньше. Как нам стало известно из протокола ноябрьского пленума ЦК КПЧ, ты, товарищ Кольдер, добивался опубликования своей статьи еще в октябре прошлого года. Тогда ты послал в «Руде право» обширную статью, освещающую пережитые события, однако, согласно твоему заявлению на пленуме, ты был лишен возможности выступить. Что ты под этим подразумевал?

Д. Кольдер. Статью, освещающую мою позицию до августа 1968 г., я послал в «Руде право» 10 октября 1968 г. Я избрал этот путь потому, что на общем собрании в Гавшихове, как мне стало известно, Смрковский заявил, что у меня есть возможность оправдаться. Главный редактор «Руде право» Секера сообщил мне в письме, что в отношении моей статьи он консультировался с некоторыми

членами руководства и мнение таково, что нежелательно и нецелесообразно ее публиковать. Эти вопросы будут якобы обсуждаться ноябрьским пленумом ЦК КПЧ, а появление статьи могло бы вызвать полемику. А. Дубчек сказал мне тогда же, что не считает целесообразным публиковать статью. Таким образом, с одной стороны, я был скомпрометирован и ошельмован, и не только в августе, но и после августа, а с другой стороны, лишен возможности открыто выступить в партийной печати. Я обратился в секретариат Первого секретаря ЦК с просьбой, чтобы моя статья была перед заседанием ЦК КПЧ хотя бы разослана членам и кандидатам в члены Центрального Комитета. Но и эта просьба не была удовлетворена. Поэтому я в интересах выяснения исторической правды приобщил свою статью в качестве приложения к протоколу ноябрьского пленума ЦК.

Вопрос. Можешь ли ты, хотя бы коротко, охарактеризовать содержание этой статьи?

Д. Кольдер. В первую очередь я выразил в ней мнение, что развитие событий после январского пленума 1968 г. не соответствовало первоначальным замыслам Центрального Комитета и Президиума ЦК, как это было отражено в партийных решениях или в выступлении вновь избранного Первого секретаря ЦК КПЧ. Привлекая фактический материал, я указал причины, которые, по моему мнению, вели к политической катастрофе. Я упомянул о нерешительности, с какой обсуждались вопросы руководством партии, о том, что коллегиально принятые решения часто саботировались, бойкотировались, что некоторые люди произвольно квалифицировали эти решения как «прогрессивные» или как «консервативные» и тем самым определялась их судьба. Я обратил внимание на то, что в ряде случаев ни пленум ЦК КПЧ, ни его Президиум не были подробно ознакомлены с содержанием важных переговоров с нашими союзниками. Я упоминал и о силах давления, которые срывали любые целенаправленные действия партийного руководства и с марта организованно выступали против него. Говорил, что это часто происходило с ведома некоторых членов Президиума ЦК. Указывал и на то, как недооценивались опасения наших друзей, их предостережения, как мало придавалось им значения, а также на то, что мы не противостояли растущей активности антисоциалистических сил.

Я высказал мнение, что у наших союзников должно было закономерно сложиться впечатление, что мы или не являемся серьезными партнерами, или наше руководство потеряло контроль над развитием ситуации. Я утверждал и утверждаю до сегодняшнего дня, что мания величия, авантюризм, пренебрежение реальными фактами и интересами нашей страны привели к недоразумениям с братскими коммунистическими партиями, не говоря уже о том, что все это систематически развязывало руки силам, стремившимся к правительственно-политическому перевороту.

В статье я охарактеризовал смысл документов, которые мы 20 августа представили с т. Индрой Президиуму ЦК КПЧ. Я также разъяснил некоторые вопросы, касающиеся заседания членов и кандидатов в члены ЦК и Центральной контрольной и ревизионной комиссии в гостинице «Прага» 21 августа 1968 г. Это было сделано для того, чтобы правильно оценить неправдивое заявление члена ЦК КПЧ Мартина Вацулика в Высочанах, которое было опубликовано в газете «Млада фронта», областном журнале «Прубой» и др.

В статье я, конечно, заявлял о своей доле ответственности за ошибки и заблуждения, допущенные руководством партии в тот период.

Я писал, что каждый обязан нести долю своей ответственности, но я не могу, однако, нести ответственность за действия, которых не совершил, не могу не отмежеваться от тех, кто на практике подрывал единство партии. И именно поэтому те, которых я имел в виду, не давали мне публично выступить.

Вопрос. Таким образом, после того как ты был оклеветан, сегодняшняя беседа является, собственно, первой возможностью выступить в печати перед всей общественностью и открыто высказаться по многим вопросам?

Д. Кольдер. Да... В последний раз я выступил на страницах «Руде право» в июне прошлого года со статьей о контрреволюционной платформе Ивана Свитака.

Экстремистские силы злоупотребили послеянварским развитием

Вопрос. Но факты нельзя замолчать. А к некоторым проблемам, с которыми ты хотел еще год назад выступить перед общественностью, мы можем подробнее вернуться.

Начнем с январского (1968 г.) пленума, который был — скорее мог стать — хорошим началом. В этом мы все в партии придерживаемся единого мнения. Вскоре, однако, оказалось, что руководство импровизирует. После организационного завершения пленума на нем не была принята какая-нибудь программа. Центральный Комитет не созывался в течение трех месяцев, несмотря на заявления пленума о том, что Центральный Комитет отныне будет играть большую роль в жизни партии. Почему этого не случилось? Почему не был вовремя созван ЦК КПЧ?

Д. Кольдер. Правдой является то, что в противоречии с резолюцией январского пленума Центральный Комитет, несмотря на значительную политическую неустойчивость в стране, на первые критические голоса внутри партии и предостережения представителей братских коммунистических партий, не был созван, с тем чтобы обсудить положение и выдвинуть задачи на ближайший период. Отсутствовала и единая информация о январском пленуме; первичные организации получили ее только в начале марта. Что касается моего отношения к результатам январского пленума, оно однозначно. Я ясно тогда высказал свое «да».

Предложения о созыве нового пленума выдвинули еще в конце января 1968 г. областной комитет в Остраве, Городской комитет в Праге; ряд членов ЦК также требовали созыва пленума ЦК КПЧ. Первый секретарь ЦК КПЧ, однако, под разными предлогами оставлял без внимания эти требования. Я считаю это основной ошибкой. А между тем некоторые члены ЦК, например, Шик, Борузка, Смирковский, фактически нарушали демократический централизм и выступали на разных митингах, проповедовали взгляды, противоречащие интересам КПЧ. Даже с учетом только этих факторов необходимо было созвать Центральный Комитет.

Партию не могло удовлетворить торжественное заседание ЦК КПЧ по случаю 20-й годовщины февраля, не смогло пролить свет на новую ситуацию и выступление А. Дубчека на съезде ЕСХК¹. Я думаю, что в этот момент необходимо было действовать энергично. А именно: немедленно решать те проблемы, которые в партии созрели еще раньше, и поставить недвусмысленный барьер экстре-

¹ Единые сельскохозяйственные кооперативы. — Ред.

мистским тенденциям, сигнализировавшим о том, что определенные лица стремятся исказить результаты января и тем самым направить развитие в опасном для партии направлении. Серьезной ошибкой я считаю и то, что фактическое упразднение контроля над печатью не было компенсировано действенным политическим руководством.

Вопрос. Итак, можно говорить о том, что руководство не осознавало в достаточной мере опасности, угрожающей со стороны тех сил, которые, особенно с конца февраля и в начале марта, перешли в политическое наступление?

Д. Кольдер. Откровенно говоря, взрыв, который произошел в начале марта, явился и для меня определенным шоком. Еще в январе и феврале я не предполагал, что события будут развиваться в таком направлении. Признаюсь также, что в тот период мне были свойственны иллюзии о неизбежности, несмотря на все наши недостатки, позиций партии в широких массах. Подобная уверенность вытекала, видимо, из неправильных представлений, сложившихся еще до января 1968 г., как об этом упомянул уже О. Черник, будто классовая борьба в нашем обществе прекратилась.

Однако деятельность правооппортунистических сил в самой партии и антисоциалистических сил вне партии опровергла эту точку зрения. Ведь эти силы возникли не после января, а готовились к выступлению длительное время.

Об активности этих сил я впервые публично предупреждал на районной конференции партии в Праге-Смихов в начале марта; тогда же я занял критическую позицию в отношении средств массовой информации.

Вопрос. Как ты воспринял первые «обстрелы»...

Д. Кольдер. Печать делила тогда Президиум на тех, кто «грозит пальцем», на тех, кто хвалит «средства информации», на тех, кто перед ними заискивает. Искренне говорю, что уже в конце февраля, в первой половине марта я был весьма обеспокоен складывающейся ситуацией. А. Дубчек в то время утверждал, что происходящие процессы — закономерный результат накопившихся проблем. Но это лишь часть правды. Он опирался на свой опыт в Словакии, где интенсивность развития после апрельского пленума 1963 г. (после разоблачения политических процессов) была выше, чем в чешских областях, но оно «не выскользнуло из рук». Я думаю, что сравнение положения

в Словакии и ситуации, сложившейся весной 1968 г., было упрощенным и механическим.

Было ошибкой, что мы не проанализировали в должной мере содержание дискуссии на январском пленуме, с тем чтобы установить, кто был действительно заинтересован в исправлении недостатков, в укреплении руководящей роли партии, рабочего класса, в укреплении союза с социалистическими странами, а кто преследовал иные цели, имея в виду интересы политического направления, которое постепенно получило преобладающее влияние и которое выступало под лозунгом «демократического социализма» или «социализма с человеческим лицом».

Я думаю, что после январского пленума было в высшей степени необходимо точно формулировать тактику борьбы на двух фронтах — как против догматизма, так и против правого оппортунизма. Чтобы партия получила ясный ответ, как она должна преодолевать сектантство и догматические наносы прошлого, искоренять ошибки и как наряду с этим идеологически и политически бороться против правой опасности. Я убежден, что одним из недостатков январского периода было то, что против правой опасности борьба велась скорее административными, чем идеологическими методами.

Развитие подтвердило правильность выводов, сделанных в Дрездене

Вопрос. Ты упомянул о том, что одно время поддался определенным иллюзиям. Если оглянуться назад, мог бы ты сказать, когда освободился от этих иллюзий?

Д. Кольдер. В Дрездене. Тов. Биляк в своем интервью уже достаточно подробно охарактеризовал Дрезденские переговоры. Я на них также присутствовал. На такой международной встрече я был впервые. Для меня Дрезденская встреча явилась большой школой. У меня открылись глаза. Я слышал слова опасений, за которыми стоял большой опыт братских партий; благодаря фактам, которые нам были изложены, я понял, какие опасные препятствия стоят на нашем пути. Мне стало ясно, что к оценке нашего положения необходимо подходить с классовых позиций, что нельзя предаваться иллюзиям о возможности какой-то «чистой» демократии, ибо мы живем в

разделенном мире и между двумя системами идет классовая борьба. Подтверждением этому служил венгерский опыт, который весьма обстоятельно изложил т. Кадар. Я придаю ему первостепенное значение, так как он еще свеж в нашей памяти. Но следовало иметь в виду и опыт Польши, а главным образом опыт СССР.

Вопрос. Часто задают вопрос, какую позицию занимали во время этих переговоров наши союзники в отношении январского пленума ЦК КПЧ. Отнеслись ли они с пониманием к его выводам?

Д. Кольдер. Нужно откровенно сказать, что во время переговоров КПСС занимала ясную позицию. Ее Центральный Комитет с самого начала со всем пониманием отнесся к январскому решению ЦК КПЧ, направленному на исправление ошибок и недостатков, на совершенствование партийного руководства во всех областях жизни, на углубление социалистической демократии. Решения пленума рассматривались как внутреннее дело нашей партии.

Представители ЦК КПСС подчеркивали, что успех нашего дела зависит от того, насколько партия укрепит свою руководящую роль, насколько она сохранит полный контроль за развитием событий. Союзники, ссылаясь на исторический опыт, предупреждали нас, что ослабление руководящей роли партии создает благоприятные условия для наступления правых и даже контрреволюционных сил, которые будут стремиться совершить государственно-политический переворот.

Они просили нас не упускать из виду более широкие политические и стратегические аспекты, подчеркивали, что общим интернациональным долгом и обязанностью является всесторонняя помощь в деле укрепления позиции КПЧ и социализма.

Эти идеи нашли также свое выражение в выводах совещания, которые и нас обязывали действовать решительно.

Вопрос. Эти выводы, конечно, не были оформлены в виде каких-то письменных соглашений или обязательств, речь шла прежде всего о честном слове коммунистов. Почему же это честное слово не выполнялось?

Д. Кольдер. Тов. Билиак уже объяснил, при каких обстоятельствах ни Центральный Комитет, ни Президиум ЦК КПЧ не получили о Дрезденской встрече сколько-нибудь обобщенную информацию. И я также несу за это ответственность. Но я хотел бы, однако, добавить, что

Дрезден все же имел значение для нашей практической работы. Время от апрельского до майского пленума в работе Президиума ЦК КПЧ можно охарактеризовать как период постоянных дискуссий о сущности политической ситуации в стране.

Почти на каждом заседании дело доходило до обмена мнениями по этому вопросу. Политическое развитие подтверждало опасения братских партий и, наоборот, опровергало заверения, которые в Дрездене давала наша делегация. Эти дискуссии достигли своего апогея перед майским пленумом на трехдневном заседании Президиума ЦК КПЧ. Тогда мы пришли к единой точке зрения, что главная опасность на данном этапе грозит справа.

Вопрос. Однако реальное политическое развитие в значительной мере не соответствовало ни нашим заверениям и намерениям, ни политической линии, сформулированной майским пленумом...

Д. Кольдер. Мы удовлетворились тем, что на майском пленуме приняли в целом правильное решение, которое будило в стране и у наших союзников надежду на поворот к лучшему. К сожалению, веря А. Дубчеку, мы забыли об опыте, который приобрели в отношении тех членов руководства, чьи слова расходились с делами. Некоторые из них были поистине двуликими, но пусть об этом свидетельствует объективный анализ...

История с памфлетом «2000 слов»

Вопрос. Эту двуликость помогла вскрыть история с памфлетом «2000 слов». Президиум его осудил, и притом сдинодушно. Но некоторые руководящие деятели вскоре начинают менять свою позицию. Например, Й. Смрковский. Недавно у нас был главный редактор московской «Правды» Михаил Зимянин, который рассказал об эпизоде, когда Й. Смрковский, размахивая перед ним газетой «Литерарни листы» со статьей «2000 слов», прокричал: «Это контрреволюция!» А через неделю он написал «1000 слов», тем самым присоединившись фактически к памфлету. Мог бы ты подробнее ознакомить с той борьбой, которая происходила в руководстве партии вокруг «2000 слов»?

Д. Кольдер. Этот момент — наряду с Варшавской встречей — я считаю одной из последних возможностей,

которую можно было использовать для начала политической борьбы с правым оппортунизмом и контрреволюционными силами. Платформу «2000 слов» Смирковский пазвал контрреволюционной еще на заседании Президиума ЦК КПЧ. В заявлении Президиума формулировка была смягчена: «2000 слов» квалифицировались как «выпад против новой политики партии». В прениях, однако, одержало верх единое мнение, что речь идет о контрреволюционной платформе; с И. Смирковским все были согласны.

Но странным казалось то, что от заявления Президиума ЦК отличалась своим тоном точка зрения правительства, и в определенной степени — Национального собрания. Эти несовпадения И. Смирковский завершил своей статьей «1000 слов»...

Разнобой в действиях руководства партии проявился сразу же после того, как Президиум ЦК пришел к единому мнению. Например, Первый секретарь в действительности не поддержал точки зрения Президиума.

Президиум тогда обязал А. Дубчека доработать выступление, подготовленное им для телевидения, — дело было перед районными конференциями! — и дать оценку «2000 слов». Этого, к сожалению, не произошло, что в значительной мере дезориентировало районные конференции. Я был в качестве представителя ЦК КПЧ на районной конференции в Карвине, где некоторые делегаты говорили мне: «Ты критикуешь «2000 слов», в то время как Первый секретарь в выступлении по телевидению об этом даже не упомянул». Действительно, он сказал об этом позднее — на районной конференции в Праге-Высоцаны. Но это уже не принесло результатов.

Или еще один факт. О. Черник при обсуждении памфлета «2000 слов» председательствовал в Президиуме и формулировал постановление, которое, в частности, уполномочило т. Индру направить областным и районным комитетам от имени Секретариата ЦК КПЧ телетайпное сообщение с изложением соответствующей точки зрения. Тов. Индра подготовил текст телетайпного сообщения, почти идентичный выводам, утвержденным Президиумом. Поэтому меня удивило, когда О. Черник на городской конференции в Остраве, касаясь телетайпного сообщения, поданного т. Индрой, сказал, что нет смысла излишне драматизировать вопрос...

Третьим наглядным примером отсутствия единства было выступление члена тогдашнего руководства Ф. Кругеля вместе с авторами памфлета перед телевизионной камерой; он фактически их оправдывал, принижая значение заявления Президиума. Говорил, что авторы «2000 слов» не замыслили ничего плохого и все было бы в порядке, если бы не те 40 слов. Это была вполне определенная тактика правых сил.

Главные принципы демократического централизма нарушались самими членами Президиума ЦК КПЧ. По моему мнению, это был основной мотив растущих опасений братских партий, и история с «2000 слов» лишь подтвердила неспособность нашего руководства обеспечить выполнение своих же решений.

Кто боялся созыва Центрального Комитета!

Вопрос. Платформа «2000 слов», очевидно, оказалась переломным моментом в дальнейшем развитии событий, и, видимо, здесь следует искать причину того, почему наши союзники не пытались вновь встретиться с руководством нашей партии. 4 и 6 июля к нам приходят письма, в которых предлагается новая коллективная встреча, но еще не уточняется, где и когда. *Какие мнения высказывались в отношении этих писем в Президиуме ЦК КПЧ?*

Д. Кольдер. В Президиуме, который обсуждал (8 июля) содержание этих писем, проявились две тенденции. Значительная часть членов Президиума, по существу большинство, с небольшими оговорками соглашалась с опасениями братских партий в отношении развития в Чехословакии. Другие товарищи, хотя и признавали определенные негативные явления нашего внутреннего развития, считали их, однако, второстепенными. Что касается участия во встрече, то А. Дубчек выступил с предложением предпочесть в данной ситуации двусторонние переговоры. Аргументировалось это опасениями, как бы наше участие во встрече, которая должна обсуждать ситуацию в стране, не усложнило бы положение и условия работы руководства партии. К сожалению, я в то время не знал о том, что несколько предложений т. Брежнева провести двусторонние переговоры были отклонены. Так же как и некоторые другие члены Президиума, я узнал об этом позднее.

Вопрос. Таким образом и ты подтверждаешь, что Первый секретарь скрывал некоторые международные контакты от членов Президиума?

Д. Кольдер. Да. Мне, конечно, неизвестны главные мотивы и причины такой позиции Дубчека.

Уже в понедельник 8 июля несколько членов Президиума ЦК КПЧ настаивали на созыве Центрального Комитета, который решил бы вопрос об участии во встрече. Нас было даже большинство. Мы хорошо понимали и именно на январском пленуме однозначно заявили, что вопрос об отношении к Советскому Союзу может быть только делом всей партии, а не отдельных лиц. Каждый чувствовал и понимал, что речь идет о жизненно важных вопросах. Однако никто не решился проявить инициативу. Но мы совершили ошибку, что тогда не настояли на голосовании о созыве пленума ЦК КПЧ.

Я чувствовал, что на карту поставлена судьба партии и республики, а поэтому решил изложить свою точку зрения в письменной форме на заседании Президиума, созванного в пятницу 12. VII. Насколько я помню, так же поступил и г. Капек.

Вопрос. Можешь ли ты предоставить нам этот документ для опубликования?

Д. Кольдер. Я буду благодарен редакции «Трибуны», так как этот документ — я отнюдь не хочу зарабатывать с его помощью алиби — в конечном счете выражает не только мое мнение о тогдашней ситуации в Президиуме, но и мнение остальных товарищей, выступивших в то время: Биляка, Швестки, Риго, Лепарта, Якеша.

Вопрос. Большинство членов Президиума ЦК КПЧ ссылается на то, что им не были известны место и точная дата встречи, которая затем состоялась без нас 14. VII в Варшаве. Хотя это уже не столь важно, но все же мы хотим спросить: тебе были известны место и дата встречи?

Д. Кольдер. Многие из членов Президиума предполагали, что встреча состоится невзирая на то, будем ли мы в ней участвовать или нет. В этом убеждала серьезность обстановки. Но о дате и месте не было известно.

Вопрос. Читателям газеты «Прага» от 11 июля сообщалось, однако, что пражский корреспондент «Нью-Йорк таймс» еще накануне писал о приглашении Чехословакии в Варшаву. Члены Президиума ничего не знали, а коррес-

понтент «Нью-Йорк таймс» уже располагал соответствующей информацией.

Д. Кольдер. Я не удивляюсь, что об этом мог знать корреспондент «Нью-Йорк таймс». Кстати, уже тогда в Президиум ЦК КПЧ поступали предупреждения об активных связях наших людей с западными дипломатами и журналистами.

Вопрос. В конце концов это подтвердила и известная информация, представленная Президиуму министром внутренних дел Йозефом Павелом.

Д. Кольдер. И нужно сказать, что некоторые наши редакторы, например из газеты «Литерарни листы», были прекрасно информированы еще в ходе заседания Президиума. Кто им предоставлял информацию?

После заседания Президиума ЦК КПЧ, состоявшегося в понедельник 8 июля, «Литерарни листы» уже в четверг сообщали о том, что возникла «опасность» созыва пленума ЦК КПЧ. И наконец, еще один факт: разве могла стихийно начаться кампания обращения к Президиуму ЦК перед Чистерной, тоже приуроченная к дате, о которой должен был знать только узкий круг людей?

Документ «неизвестного автора»

Вопрос. Не кажется ли тебе, что именно в период напряженных июльских заседаний Президиума ЦК КПЧ антисоветизм в политике правого крыла руководства партии приобретает официальный характер?

Д. Кольдер. Думаю, что дело обстояло именно так. Некоторые члены Президиума и Секретариата под большим нажимом различных сил и средств информации постепенно брали на вооружение ту аргументацию и даже переходили на ту платформу, которую с апреля представляли в Президиуме Ф. Кригель, Й. Сморковский и др.

Вопрос. В «Трибуне» в связи с этим уже указывалось, что в период после Варшавы в Президиуме появился документ, который фактически должен был подготовить разрыв с Советским Союзом. Этот документ, однако, не был достаточно полно охарактеризован. Вспоминаешь ли ты об этом?

Д. Кольдер. Прежде всего подтверждаю сам факт, этот документ у меня сохранился. Он был предложен Президиуму 17 июля 1968 г. одновременно с проектом ответа

на письмо пяти братских партий и вопреки обычаю не был подписан.

В проекте неизвестный автор, в частности, писал: «...необходимо всегда исходить из того, что письмо адресовано ЦК КПЧ, а ни в коем случае не Президиуму. Оно в основном требует созыва пленума ЦК КПЧ. В связи с этим необходимо принять во внимание два фактора:

— в партии и в обществе существует скрытое и ярко выраженное недоверие к любым решениям и постановлениям нынешнего состава ЦК КПЧ;

— нельзя исключить того, что нынешний состав пленума ЦК КПЧ и возникшая ситуация могли бы повлечь за собой выборы нового Президиума и органов ЦК КПЧ, который одобрил бы анализ ситуации и содержание письма.

Учитывая это, необходимо иметь в виду тот факт, что существуют законно избранные делегаты чрезвычайного XIV съезда, имеющие полномочный мандат...

— с учетом общественного мнения и его отношения к существующему составу ЦК КПЧ можно предполагать, что созыв пленума вызовет резкую реакцию внутри общества. Из этого вытекает, что оптимальным решением в данной ситуации является досрочный созыв чрезвычайного XIV съезда. В этой ситуации Президиум ЦК КПЧ должен действовать в следующем направлении:

— ответить от своего имени на письмо, и незамедлительно...»

Документ означал прежде всего попытку парализовать деятельность Центрального Комитета как высшего органа в период между съездами и добиться отрицательного ответа на Варшавское письмо. Документ отражает ту основную тенденцию, которая начала преобладать в политике КПЧ. Мы резко протестовали против этого документа и решительно потребовали объяснения, кто именно его предложил. А. Дубчек пожал плечами, сказав, что не знает, и добавил, что «документ» снимается с повестки дня заседания.

Последний пленум ЦК КПЧ перед августом

Вопрос. Этот эпизод свидетельствует о том, что ряд членов Президиума скатились — для них это было логично — к принципиальному отрицанию некоторых узловых принципов января.

Д. Кольдер. Да, если мы будем сопоставлять ход развития с резолюцией январского пленума, в которой, правда, также имеются недостатки, то убедимся, что Президиум начал явно отклоняться от линии, определенной XIII съездом и январским пленумом ЦК КПЧ...

Вопрос. ...и это фактически отодвинуло Центральный Комитет, как высший орган нашей партии в период между съездами, на запасный путь. Однако в доавгустовский период все же состоялся один пленум Центрального Комитета — 19 июля. Тов. Биляк в своем интервью, опубликованном в прошлом номере «Трибуны», характеризовал атмосферу пленума. Мало кому известно, что ты был одним из немногих, если не единственным, кто на этом пленуме выступил с иной точкой зрения. Ввиду того что большинству читателей неизвестна закулисная сторона этого пленума, мог бы ты сказать, в чем заключалось твое выступление?

Д. Кольдер. На пленуме Центрального Комитета я выступил в основном с точкой зрения, которую сформулировал в письме Президиуму ЦК КПЧ от 11 июля. Я говорил о разногласиях в руководстве. Мое выступление было направлено на то, чтобы Центральный Комитет воспрепятствовал разрыву с братскими партиями. Это я считал своей первой обязанностью.

Сегодня я полагаю, что ЦК КПЧ необходимо пересмотреть правильность решения ЦК от 19 июля. Лично я думаю, что то решение необходимо отменить, в нем заложена основа августа.

Вопрос. Июльский пленум, утвердивший точку зрения Президиума ЦК КПЧ на Варшавское письмо, фактически означал, что тенденции разрыва с нашими союзниками все более углублялись. Все выше поднималась антисоветская волна, особенно перед встречей в Чьерне-над-Тисой...

Д. Кольдер. В связи с этим интересен один факт: несмотря на двустороннее соглашение о сохранении в тайне места и даты встречи, за три дня до переговоров в Чьерне-над-Тисой было организовано «послание Президиуму ЦК КПЧ». Кто и с какой целью без согласия партийных органов организовал перед «Детским домом» сбор подписей при участии членов Президиума ЦК КПЧ Й. Смирковского и Ф. Кригеля? Это был явный сигнал, прозвучавший по всей республике.

Почему А. Дубчек после выступления по телевидению перед отъездом в Чиерну-над-Тисой взял резолюции с подписями и не занял в отношении них принципиальной позиции? Почему угрожали остальным членам Президиума, заявляя, что тот, кто «выйдет из рядов» во время переговоров в Чиерне, отторгнет себя от народа? Эта акция была организована за спиной Президиума. Могла ли она возникнуть стихийно?

Эти действия противоречили решениям январского, майского и даже июльского пленумов ЦК КПЧ. По своим последствиям они означали *переход части руководства КПЧ на националистическую платформу*. Экстремистские силы правых уже вели линию на разрыв.

Еще одна попытка исправить положение

Вопрос. Таким образом, ситуация в стране все более обострялась. Президиум на своих августовских заседаниях, особенно после Чиерны и Братиславы, возвращался к анализу обстановки в стране. В этой связи следует прежде всего напомнить об известной информации от 20 августа, на основе которой ты вместе с т. Индрой предложили проект решения, направленного на принятие безотлагательных мер с целью попытаться остановить катастрофическое развитие. Во избежание домыслов Расскажи, каково было содержание проекта.

Д. Кольдер. Мы с т. Индрой полагали, что информация о сложившейся ситуации («Трибуна» и «Руде право» уже опубликовали ее) вызовет широкую дискуссию и позволит прийти к общим выводам, договориться о необходимых конкретных мерах. Этого, к сожалению, не произошло. Мы проанализировали международную обстановку, ситуацию у нас, направление развития социальных и политических сил, указали на необходимость борьбы против экстремистских сил справа, представляющих главную опасность, охарактеризовали экономические условия дальнейшего демократического процесса, препятствия и опасности, угрожающие руководящей роли партии, мы говорили о дезинтеграционных тенденциях, о положении, создавшемся в средствах массовой информации. В документе, в частности, излагается следующая точка зрения:

«Будучи коммунистами, мы должны знать тактику враждебных сил внутри страны и за ее пределами, стремящихся лишить партию ее позиций. Эта тактика проста, но вместе с тем опасна. Ее результатом явилось очернение всей истории партии и десятилетней самоотверженной работы тысяч и сотен тысяч честных коммунистов; она вела к... развалу и нарушению деятельности аппарата безопасности...

Ныне она преследует цель:

- ослабить и внутренне расколоть партию;
- разжечь ненависть к СССР;
- парализовать Народную милицию;
- добиться выдвижения некоторых лиц и групп в партии, шельмовать с помощью наклеивания ярлыков других, с тем чтобы извне воздействовать на подготовку чрезвычайного XIV съезда, имея в виду кадровые вопросы;
- расколоть рабочий класс путем возрождения социал-демократии;
- создать в подходящее время оппозицию в любой организации, которая выразит готовность взять на себя эту роль;
- дискредитировать тех, кто намерен вести борьбу против этого курса».

И мы уже являемся свидетелями всего этого

Деятельность коммунистов, направленная на позитивное решение вопросов экономики, государственного руководства, науки и культуры, не может быть безразличной по отношению к тем, чья программа преследует одну цель — борьбу против КПЧ и коммунистов. Эта борьба навязывается нам все активнее. Не остается ничего иного, как принять вызов и вести борьбу со всей решительностью.

Мы стремились опубликовать документ с тем, чтобы еще до съезда развернуть борьбу с экстремистскими правыми силами в рядах партии, так как борьба за государственную власть переместилась в предсъездовский период непосредственно в партию. Я думаю, что общественность должна быть ознакомлена с этим документом.

Вопрос. О заседании Президиума 20 и в ночь на 21 августа партия и общественность были уже информ-

рованы статьей т. Швестки, опубликованной в «Трибуне». Не хотел бы ты ее дополнить или прояснить свою позицию на том заседании?

Д. Кольдер. Тов. Швестка в своей статье правдиво и объективно рассказал об атмосфере, царившей на заседании Президиума. Я мог бы дополнить его отдельными штрихами, но это не столь уж важно. Моя позиция на заключительной фазе заседания, когда каждый из нас испытывал определенную душевную нагрузку, вытекала из тех взглядов, которые я отстаивал и открыто излагал раньше. Моя точка зрения подтверждалась развитием событий. Поэтому вступление войск пяти стран не могло повлиять на мою позицию. Я голосовал в соответствии со своими убеждениями.

Вступление союзнических войск в Чехословакию я считаю весьма серьезным шагом; братские партии решились на него, сознавая возможность политических осложнений в международном рабочем движении. По моему глубокому убеждению, они предприняли этот шаг потому, что анализ многих фактов и ситуаций подвел их к выводу, аналогичному опасениям здоровых сил в КПЧ: что социализм в Чехословакии поставлен под угрозу; более того, они потеряли — и это вполне объяснимо — доверие к руководству КПЧ.

Трезвый и серьезный анализ внутривнутриполитического положения определенно свидетельствовал об усилении наступления антисоциалистических и контрреволюционных сил. Я глубоко убежден, что после того, как все документы и факты станут известны, наш народ поймет, на чьей стороне правда.

Анализ даст ответ

Вопрос. Если будущий анализ, который наша партия намеревается подготовить, поставит вопрос: как Президиум в период между прошлым январем и августом выполнил свою задачу, то выводы, конечно, будут безразличными. Мог бы ты попытаться, опираясь на факты, оценить значение приобретенного опыта?

Д. Кольдер. На пражском собрании актива коммунистов 19 августа 1969 г. т. Гусак указал, в чем он видит основные недостатки бывшего руководства партии. Я пол-

ностью согласен с его оценкой. При этом я хотел бы обратить внимание на некоторые черты оппортунизма в работе Президиума ЦК КПЧ.

Корень целого ряда политических и тактических ошибок был в том, что *некоторые члены Президиума боялись или же не хотели признать, что оппортунистическое направление стало в определенный период преобладающим и постепенно тесно срасталось с национализмом.* Тенденция развития, а также позиция некоторых членов Президиума закономерно вели на практике к игнорированию классовой точки зрения в политике, к растерянности и беспомощности в отношении национализма. Национализм, для существования которого в определенных слоях нашего общества были соответствующие условия, располагал солидной поддержкой оппортунистических сил в партии и непосредственно в ее руководстве.

Вопрос. Партийные органы и организации испытали на себе последствия такого положения...

Д. Кольдер. Бесспорно. Оппортунистическая практика в руководстве партии деморализовала ее ряды, объективно играла на руку мелкобуржуазным тенденциям, сопутствовавшим политическому развитию. Оппортунистические силы воспользовались забеганием вперед в оценке классовой структуры нашего общества, игнорировали классовую борьбу в международном масштабе и ее конкретные аспекты во внутривнутриполитическом развитии. Дешевому успеху данного момента они принесли в жертву кровные интересы рабочего класса и наших народов. По моему мнению, ошибкой здоровых сил в Президиуме ЦК КПЧ было то, что разногласия в руководстве ЦК КПЧ не стали предметом обсуждения на пленуме ЦК КПЧ в мае прошлого года, хотя на майском пленуме ЦК КПЧ подвергался критике, например, Пражский горком КПЧ за попытку создать в партии второй центр, критиковались О. Шик, Ф. Кригель, Й. Смирковский и др.

Я хотел выступить в прениях и вскрыть эти опасные тенденции. Однако по рекомендации А. Дубчека отказался от своего намерения. Я считаю это своей ошибкой. Я выступил на июльском пленуме ЦК КПЧ и изложил свою точку зрения, однако печать замолчала ее. В июле (1968 г.) возникло уже такое положение, когда ЦК КПЧ был фактически отстранен от политики. Постепенно некоторые члены Президиума перешли в оппортунистический лагерь.

Может быть, бессознательно, но объективно дело обстояло именно так. Тем самым они играли на руку силам, которые стремились достигнуть своей цели не в открытой борьбе, а постепенно разлагая коммунистическую партию.

В о п р о с. Сегодня, конечно, никто публично не желает признаться в правом оппортунизме, чаще говорят об ответственности партийных органов в целом. Особенно в ходу этот аргумент, когда речь идет об ответственности прежнего руководства партии.

Д. К о л ь д е р. Оно состояло из людей, которые и сегодня несут конкретную ответственность. Поэтому необходим анализ не только работы Президиума ЦК КПЧ как целого, но и деятельности его отдельных членов; нужно сказать партийной общественности, какую позицию занимали товарищи и что они конкретно делали. Тогда станет ясно, кто должен нести ответственность перед партией и нашими народами.

Объективности суда истории никто не избежит, здесь не поможет тактика лавирования. Я убежден, что подготавливаемый анализ политической ситуации, о чем говорил т. Гусак, даст ответ партии и нашему народу на все основные проблемы, осветит взаимосвязи и причины, которые до настоящего времени не ясны честным членам партии, всем гражданам.

*«Руде право», 10 сентября 1969 г.
Материал подготовили К. Сренъ
и З. Горжени.*

ДИКТАТУРА ПРАЖСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Нашей партии и общественности задают правомерный вопрос о том, почему послеянварское развитие так отклонилось от первоначально поставленных целей. Опыт и ряд известных фактов убеждают нас, что, наперекор надеждам и стремлениям народа, общество не было выведено из доянварского кризиса, наоборот, оно было ввергнуто в еще более глубокий кризис, угрожавший социализму. Действительная картина послеянварского развития оказалась в существенной мере иной, чем ее характеризовала правая печать, радио и телевидение. Больше всего неразгаданных загадок вокруг причин этого развития, вокруг его закулисной стороны.

После опубликования некоторых фактов и документов стало очевидным, что руководство партии, в котором после января 1968 г. находились личности с различными политическими взглядами, не имело достаточно ясного представления о том, как действовать дальше, как выйти из доянварского кризиса, не справилось с задачами, стоящими перед ним.

Амбициозные деятели типа Оты Шика и др., поддерживаемые главным образом так называемым пражским мозговым трестом и коалицией интеллигентов, использовали эту ситуацию в борьбе за власть, за высокие посты. В этой борьбе ни от чего не отказывались: внутрипартийные дела выносили на суд общественности, использовали критические настроения части молодежи и студенчества, обвиняли политических противников в консерватизме, в способствовании деформациям 50-х годов и т. д. Эти деятели через некоторое время проникают в руководство партии и прежде всего парализуют его деятельность.

Далее руководство партии допускает целый ряд элементарных политических ошибок, например ликвидирует цензуру без одновременного введения закона о печати. Это используют правые, выступая в печати, по радио и телевидению.

В конце концов небольшая группа из 40—60 человек захватывает средства массовой информации, и правые получают широкую возможность распространять нападки на партию, предыдущее развитие, марксистскую идеологию.

Благоприятная ситуация создалась для антисоциалистических сил, сконцентрированных, например, в Клубе-231 и других подобных организациях. Руководство выпустило из бутылки джиннов, о которых ряд людей не имел представления и которых уже невозможно было остановить.

Дело доходит до весьма значительного разложения партии, государственного механизма, до дискредитации идеи социализма и, наконец, до потери дееспособности партийного руководства, которое постоянно уступает правым, утаивает от партии и общественности содержание переговоров с союзниками, некоторые его члены дезинформируют Президиум ЦК КПЧ, Центральный Комитет партии и всю партию. В дальнейшем представителей антисоциалистических сил перестают удовлетворять и правые члены в руководстве, и так называемые центристы. Дело доходит до распада руководства партии, которое уже не владеет ни политическими средствами, ни средствами власти и которое не способно объединиться и провести меры, направленные на устранение опасной контрреволюционной ситуации. Наши союзники принимают меры в соответствии с Братиславской декларацией, согласно которой защита дела социализма является интернациональным долгом всех социалистических стран. Под этим заявлением подписались и мы.

Взгляд за кулисы

Именно потому, что руководство партии не было единым целым, необходимо отличать тех, кто из-за личной амбиции и интриг не находил времени для решения накопившихся общественных проблем, от тех, кто им предоставлял такую возможность своим оппортунизмом или наивностью, и, наконец, от тех честных товарищей, которые

всеми силами защищали дело социализма и его дальнейшее развитие. Мы должны проанализировать и те силы, которые осуществляли недопустимое давление на руководство партии, которые систематически препятствовали всем его попыткам поискать выход, а также стремлениям к позитивной политике.

Эти силы внутри партии в значительной степени ответственны за то, что не оправдались надежды, порожденные январем...

Особенно большую ответственность несет бывший состав городского комитета КПЧ в Праге, точнее сказать, те, кто позже овладел им, а также те, кто сконцентрировал вокруг себя правые элементы, кто открыто и из-за кулис оказывал давление на руководство партии.

За кулисами разрабатывались и планы подмены ЦК КПЧ городским комитетом КПЧ в Праге. Сразу же после того, как Президиум ЦК КПЧ после визита некоторых его членов в СССР в течение 36 часов обсуждал политическую ситуацию, характеризуя ее как крайне опасную, 8, 9 и 10 мая 1968 г. был выработан документ о том, что ответственность за политическую ситуацию в республике берет на себя городской комитет КПЧ, а также разработан план, как отстранить ЦК КПЧ.

Существование этого документа подтвердил мне и ряд руководящих товарищей. Может быть, в этой связи должны были бы сказать самокритичное слово и товарищи из бывшего руководства горкома партии?

Документы свидетельствуют

Доказательством того, что речь не ведется об измышлениях, является документ, достаточно известный пражской партийной общественности. Имеется в виду брошюра, изданная городским комитетом КПЧ в Праге: «Информация городского комитета КПЧ в Праге № 2, июль 1968 г.» Брошюра содержит материалы чрезвычайной конференции городской организации КПЧ в Праге, проходившей 6—7 июля 1968 г. Эта конференция, как известно, объявила себя постоянно действующей. Почему так? Определенный ответ на этот вопрос дает резолюция о постоянно действующей чрезвычайной городской конференции, которую я из упомянутой брошюры дословно цитирую:

«Вследствие сложной ситуации, потребности последовательного развития процесса возрождения и демократизации и необходимости быстрого решения актуальных и непредвиденных проблем и вследствие того, что большинство членов Центрального Комитета утратили какой-либо политический мандат и не могут гарантировать, что во внутривнутриполитических и внешнеполитических вопросах они будут придерживаться позиции, которая бы отвечала взглядам коммунистов городской партийной организации, городская конференция постановляет:

1. Исчерпав одобренную программу, работа конференции будет лишь прервана, по городская конференция будет продолжать работу вплоть до начала чрезвычайного XIV съезда КПЧ.

2. Возможное дальнейшее пленарное заседание может быть созвано городским комитетом КПЧ или по предложению $\frac{1}{3}$ делегатов в случае такой политической ситуации, которая будет требовать решительных политических акций. Созыв конференции нужно проконсультировать с районными комитетами КПЧ, согласно правилам и заблаговременно созвать делегатов, при этом необходимо в приглашении отразить программу заседания.

3. Президиум городской конференции объявит чрезвычайную конференцию закончившейся перед началом чрезвычайного съезда КПЧ.

4. Проведение конференции обеспечивает секретариат городского комитета КПЧ.

5. Делегаты конференции в летний период между пленарными заседаниями будут в распоряжении городского комитета КПЧ для ведения политической работы.

6. Чрезвычайная городская конференция доверяет городскому комитету КПЧ согласно уставу руководить ходом городской конференции в период, когда конференция не будет заседать.

7. Порядок обсуждения и принятия решений на конференции определяется действующим регламентом. Конференция имеет право принимать решение в том случае, если в ее заседании принимает участие по крайней мере $\frac{2}{3}$ делегатов».

Делегаты этой конференции считали себя вправе решать о том, должны или не должны иметь члены ЦК доверие и мандаты. Это весьма типично для некоторых

интеллектуалов типа А. Лима, Я. Прохазки и П. Когоута, которые всегда говорили о свободе, а в действительности традиционно выступали как моральные деспоты народа. Правая коалиция интеллектуалов, многие члены которой принимали участие в деформации 50-х годов, после января 1968 г. определяла, что является и что не является демократией, что является и что не является этикой, кого можно терпеть, а кого считать изменником.

Конечно, было бы интересно установить, какие внутриполитические и внешнеполитические вопросы имели в виду авторы резолюции, какие это вопросы, в которых ЦК КПЧ «не дает гарантии» занять позицию, идентичную «взглядам коммунистов городской организации партии»... Кто же на конференции представлял пражских коммунистов? Просматривая список делегатов, можно вообразить, что более чем 60% пражских коммунистов — артисты, писатели, журналисты, работники Чехословацкой академии наук и высших учебных заведений, и меньше 10 процентов — рабочие, а остальные — служащие, директора и работники центральных учреждений.

Содержимое с ревизионистским привкусом

Брошюра содержит и другие интересные материалы. Ее содержание несколько напоминает содержание очень важных заседаний ЦК КПЧ или даже съезда партии, на которых обсуждается программа партии или какая-либо новая политическая линия. Мы найдем здесь (даже если и кратко) почти все: оценку современной политической ситуации, рабочую политику, новые черты развития, демократический социализм, политическую систему, государственное устройство, внешнюю политику, рассуждения об устройстве партийного аппарата и внутрипартийной жизни и т. д. Специфическая пражская проблематика при этом составляет незначительный процент. Эти вопросы определенно были заранее основательно подготовлены. В ряде случаев, однако, речь идет о решениях исключительно ревизионистских.

Это вытекает и из некоторых выступлений, очень сокращенных, приглашенных и лишенных слишком экстремистских правых выпадов. В сообщении о деятельности городской организации КПЧ Шимон, например, сказал:

«Мы за то, чтобы партия устанавливала контакты со всеми организациями, которые высказываются по политическим вопросам, чтобы она не уклонялась от переговоров ни с Клубом беспартийных активистов, ни с Клубом-231, ни с различными организациями молодежи; чтобы внутри этих организаций заботливо отделяли людей, имеющих хорошие намерения, от действительных антикоммунистов; чтобы проводилась большая политика национального примирения и исправления действительных ошибок, не исключая справедливого примирения с бывшей социал-демократией; чтобы заключались целесообразные компромиссы с этими организациями, чтобы мы сами излишне не отбрасывали людей в оппозицию» (см. стр. 9).

Как выяснилось позже, этот взгляд, мягко говоря, не был правильным. Выяснилось, что эти организации очень быстро перестали удовлетворять политические заигрывания, а со временем они стали пренебрегать и нормами законов. По меньшей мере политически наивным оказалось и другое высказывание Шимона о лозунге «Профсоюзы без коммунистов»:

«Мы не должны поддаться огульному обвинению такого явления и сразу же определить его как антикоммунизм. Трудящиеся на заводах в большинстве своем не отвергают коммунистов, как людей, не нужных в профсоюзах; их выступления против коммунистов скорее показывают их недовольство деятельностью прошлого, скомпрометированного руководства коммунистической партии. Профсоюзные функционеры, коммунисты, а также и партийные организации должны были бы порекомендовать профсоюзным организациям и комитетам мероприятия по демократизации жизни в профсоюзах, повышению их роли в защите интересов трудящихся» (см. стр. 7).

Известно, что развитие не протекало в соответствии с представлениями Шимона. В атмосфере массового психоза и истерии, развязанных средствами информации, в период потери партией дееспособности и уступок руководства партии правым силам антисоциалистические силы видели в профсоюзах без коммунистов одну из своих возможностей. Это показало и послеавгустовское развитие. Наконец, речь не шла о «скомпрометированном новотновском руководстве партии», а о партии в целом. Результаты оппортунистической терпимости к лозунгу «Профсоюзы без

коммунистов» мы ощущаем до сих пор. Интересна и следующая выдержка из выступления Шимона:

«В ситуации, которая создалась в период между апрельским и майским пленумами Центрального Комитета партии, когда прогрессивные силы в Центральном Комитете вели упорную борьбу за преодоление давления консервативных сил, городской комитет развил в поддержку прогрессивных сил в ЦК, а именно товарища Дубчека, значительную инициативу в форме предложений о том, как решить общегосударственные политические вопросы» (см. стр. 9).

В брошюре я нигде не прочитал, что главной опасностью являются правые и антисоциалистические силы, как это констатировал майский пленум ЦК КПЧ 1968 г., состоявшийся более чем за месяц до заседания городской конференции в Праге. Городской комитет КПЧ, очевидно, отбросил этот тезис. К упомянутой «инициативе» в форме предложений о том, как решить «общегосударственные политические вопросы», мы еще вернемся.

Как бы в ответ на следующее заявление Шимона: «Как коммунисты мы должны были сделать все, для того чтобы не поссориться, а чтобы сомкнуться вокруг программы позитивного развития социализма и чтобы такое широкое единство проводить и создавать во всей Праге» (см. стр. 9), один из дискутирующих, известный правый д-р Ф. Павличек, позже исключенный из ЦК КПЧ, провозгласил:

«Будущее нашей партии и всего общества зависит в эту минуту не от программы действий, а от людей, которые будут стоять во главе их реализации. Я убежден, что люди честные, квалифицированные, с чувством долга и прежде всего человеческие, реализуют менее совершенные программы, смогут создать нечто великое и ценное» (см. стр. 16).

Это сказано, несмотря на фразы о человечности и воле, слишком ясно. Речь вообще уже не шла о какой-либо программе действия, которую правые давно выбросили за борт. Позже, после августа 1968 г., тот же д-р Павличек и другие правые лицемерно звали к программе действий. В июне 1968 г. речь шла не о программе, а о власти, о захвате власти правыми в партии и в государстве.

Каких «честных», волевых, квалифицированных, с чувством долга» и прежде всего «человечных» людей имел в виду д-р Павличек, свидетельствуют документы, опублико-

ванные ныне. Они раскрывают политический авантюризм д-ра Кригеля, ответственность известного «борца» против «горилл» госбезопасности Йозефа Павела за деформации в работе органов безопасности 50-х годов, это подтверждается и введением цензуры в отношении содержания переговоров с союзниками, а также изрядной долей высокомерия интеллектуала д-ра Павличека в послевкусиевских выступлениях. То, что борьба шла не за программу, а за власть, доказывают не только выступления д-ра Павличека, но и все те комбинации вокруг непрерывного заседания городской конференции в Праге и др., из которых некоторые еще неизвестны.

Маска падает

3-й и 4-й пункты решений конференции будут вечным позором правых из Пражского горкома КПЧ. В них перечислялись те, которых не должны выдвигать в ЦК КПЧ и Центральную контрольно-ревизионную комиссию.

Эти пункты находятся не только в резком противоречии с Уставом партии, здесь идет речь о чем-то еще более худшем. Только подумайте, пражские интеллектуалы, люди, которые всегда так гордились своим демократизмом, теперь, нарушая элементарные демократические принципы, еще до съезда партии определяют, кто потерял доверие, а кто нет, еще до демократических выборов определяют, кого выбрать, а кого нет.

В конце брошюры опубликованы предложения в ЦК КПЧ и чешские партийные органы и перечень лиц, рекомендованных чрезвычайной городской конференцией в Праге. Среди предложенных 70 человек только 7 рабочих.

Для сколько-нибудь посвященного человека было очевидно, что кроме деятелей из высшего руководства партии и страны, которых формально включили в список, а также некоторых других, как, например, Л. Новомесский, в список включили главным образом пражских интеллектуалов правой ориентации. Здесь перечислялись члены и союзники так пазываемого пражского мозгового треста, каковыми являлись М. Гюбл, В. Шилган, Й. Гапзелка, С. Литера, С. Кршен, О. Шик, Л. Сохор и др., т. е. те головы, которые в тишине рабочих кабинетов научных институтов, высших учебных заведений и аппарата под-

готовавливали борьбу за власть в партии, которые из-за кулис направляли и координировали кампании давления.

Эти люди в действительности дирижировали печатью, радио и телевидением после января 1968 г. Эти люди выдумывали и планировали кампании давления и давали советы своим менее искушенным в политике коллегам из еженедельника «Литерарни листы». В случае принятия упомянутого проекта съездом партии государство и партия оказались бы в атмосфере диктатуры пражских правых интеллектуалов, т. е. людей, которые никогда не были способны дать обществу настоящую и позитивную программу и которые в результате своего мелкобуржуазного авантюризма скомпрометировали уже многие преимущества социализма. После ликвидации «врага» в лице консерваторов эта коалиция в конце концов очень быстро бы распалась. В результате потери этими людьми классового подхода антисоциалистическим силам не потребовалось бы слишком много времени для выхолащивания и того дегенерированного мелкобуржуазного социализма, за который боролась коалиция интеллектуалов.

Подробный анализ развития должен будет объяснить и действительную роль группы правых в Пражском горкоме КПЧ, ее роль в создании кризисов, а также в срыве планов, намеченных в январе 1968 г,

*Из статьи в газете
«Руде право», 16 сентября
1969 г.*

А. Индра, член Президиума,
секретарь ЦК КПЧ

ПРАВДОЙ ПРОТИВ МИФОВ

Ответы на вопросы еженедельника «Трибуна»

«Трибуна», а вместе с ней и «Руде право» перед созываемым в сентябре пленумом Центрального Комитета КПЧ еще раз возвращаются к некоторым слабо освещенным вопросам нашего сложного внутривластного развития в период между январем и августом 1968 г. На этот раз редакторы «Трибуны» Карел Сршенъ и Зденек Горжеши обращаются к т. Алоису Индре, секретарю ЦК КПЧ, к одному из тех, кто в течение ряда месяцев подвергался нападкам и кого компрометировали средства массовой информации, не давая при этом возможности публично выступить. Этим объясняется столь поздняя публикация данного материала, цель которого — дополнить уже имеющуюся информацию и предоставить аргументы всем тем, кто хочет противостоять мифам...

Январь наступил позднее, чем следовало

Вопрос. Товарищ Индра, нам известна твоя позиция на пленумах Центрального Комитета КПЧ в декабре 1967 г. и в январе 1968 г. Мы знаем тебя как одного из инициаторов тех перемен, которые принесли с собой эти пленумы. Как ныне, имея за плечами опыт последних двадцати месяцев, ты оцениваешь результаты событий?

А. Индра. Так же, как и большинство членов Центрального Комитета, я считал свои действия выполнением само собой разумеющегося долга. Мы руководствовались потребностями развития нашего общества и настроениями в партии.

Я глубоко убежден в том, что анализ периода, последовавшего за XIII съездом, вновь подтвердит правильность

наших действий, покажет, что январь был закономерной необходимостью и наступил скорее поздно, чем рано. Другое дело, что мы не были подготовлены к дальнейшему развитию ни теоретически, ни практически. Последовательным решениям мы предпочли компромиссы, вместо обдуманных тактических действий предоставили свободу стихийности, вместо тщательного решения кадровых вопросов занимались поспешной импровизацией.

Вопрос. Вероятно, ты имеешь в виду и избрание А. Дубчека на пост Первого секретаря ЦК?

А. Индра. Да, но не только это. Смена Первого секретаря после столь длительного и полного противоречий периода всегда чувствительно отражается на жизни всей партии и не может ограничиться только его личностью. Нужно было тщательнее подумать над структурой Президиума и Секретариата, чтобы создать идейно цельные и дееспособные органы.

Вопрос. Ты был избран секретарем ЦК КПЧ на апрельском пленуме. Мог бы ты сказать нам о том, с какими чувствами приступил к новой работе?

А. Индра. Члены ЦК избрали меня тайным голосованием при соотношении голосов 100:1. А что касается чувств, то позвольте мне привести выдержку из моих личных заметок от 5 апреля 1968 г.: «...я боюсь, боюсь всего, что происходит, я боюсь за партию, мне кажется, что мы теряем все».

Вопрос. Отчего такой пессимистический тон в период расцвета «пражской весны»?

А. Индра. Пессимизм? Как показало развитие, речь шла скорее о реалистическом взгляде на ситуацию. Подобная оценка формировалась под влиянием всего того, что я видел и слышал вокруг себя. На меня сильно действовало и большинство весьма обоснованных выступлений членов ЦК на апрельском пленуме. Товарищи фактами доказывали, что в процессе возрождения происходит что-то не то, критике подвергаются не только ошибки и заблуждения прошедшего периода, а вся партия и работа, проделанная под ее руководством.

Выступления против деформаций начали выливаться в выпады, направленные против основ социалистической системы, стремление к устранению допущенных ранее ошибок сопровождалось новыми ошибками. В то время т. Минач сказал, что «каждый хотел бы быть Яном Гусом,

особенно сегодня, когда ему не грозит сожжение». А т. Хнёупек заявил, что пока не следует поддаваться пессимизму, однако необходимо говорить о глубоком кризисе, о серьезном положении. Я был согласен с мнением здорового большинства партии. *К сожалению, выводы делались не в соответствии со взглядами большинства членов ЦК, а согласно субъективным представлениям нескольких лиц в руководстве, и уже под сильным нажимом правых групп.* Об этом свидетельствует и уровень утвержденной тогда программы действий партии.

Вопрос. Мы вспоминаем, что вскоре ты оказался одним из наиболее «обстреливаемых» активистов. В чем ты провинился?

А. Индра. Что касается меня лично, то об этом не стоит говорить. Речь ведь шла о партии, а не о судьбе отдельных лиц, хотя бы их и насчитывались тысячи. Но если вы спрашиваете, то я отвечу: все это началось на областной конференции в Остраве 19 апреля 1968 г., когда я позволил себе высказать критическое мнение о работе многих наших товарищей в средствах массовой информации. А это в условиях тогдашней атмосферы было недопустимой дерзостью, за которую нужно было наказать! Но лучше оставим эту тему: подобные «радости» переживали тогда тысячи коммунистов, отважившихся дать понять, что «не все то золото, что блестит».

КПЧ утрачивала характер марксистско-ленинской партии

Вопрос. В чем, по твоему мнению, товарищ Индра, главные причины осложнений послеянварского развития, которые привели к вводу союзнических войск на территорию республики?

А. Индра. Это объяснялось и объясняется по-разному. Говорят о Свитаке и ему подобных, о злоупотреблении свободой слова в средствах массовой информации, о КАН и К-231, о стремлении возродить социал-демократическую партию, о гайд-парках и антикоммунистических демонстрациях, об организации сбора подписей за ликвидацию Народной милиции...

Корреспонденты. Хотя все это является правдой, но ведь причины не в этом.

А. Индра. Да. Я тоже в этом вижу скорее следствия, чем причины наших трудностей. *Ибо если бы был порядок в партии, то порядок был бы и во всем обществе.* (Товарищ Гусак, конечно, простит меня за то, что я цитирую его высказывание на апрельском пленуме этого года.) Ради объективности я хотел бы еще уточнить: если бы был порядок в Президиуме ЦК, то был бы порядок и во всей партии.

За то, что происходит у нас, должны нести ответственность прежде всего высшие партийные органы, они должны отчитаться перед партией и обществом в своей деятельности. Кратко (и поэтому до некоторой степени, возможно, упрощенно) я сказал бы так: КПЧ постепенно почти полностью утратила характер марксистско-ленинской политической партии. И при этом я, разумеется, имею в виду творческое развитие марксизма-ленинизма, а ни в коем случае не его догматическое толкование.

Коммунистическая партия — особенно в период строительства социализма — должна придерживаться ленинских принципов в своей жизни, например в организационной структуре, в соблюдении идейного единства, в развитии внутрипартийной демократии, а также и в необходимой дисциплине, следовательно, в уважении принципов демократического централизма. Она должна, может быть и в различных формах, в соответствии с потребностями общественного развития укреплять устой социалистической государственной власти. Она не имеет права отказаться от своего решающего влияния на «тяжелую артиллерию» политики, т. е. на печать, радио и телевидение. Члены партии обязаны проводить в профсоюзных и в общественных организациях, а также и в экономической сфере политику партии, они не могут быть независимыми по отношению к собственной партии. Партия, если она хочет быть авангардом трудящихся, их политическим вождем, не может отказаться от классовых принципов при анализе и решении внутриполитических и международных проблем. Столь же необходимо, чтобы в своей деятельности, уважая национальную специфику, она не ослабляла принципы пролетарского интернационализма, чтобы в своей политике она опиралась на союз с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Многие знали уже задолго до августа, другие узнавали постепенно, что мы

во многом погрешили перед этими ленинскими принципами, и это не только после января, но и во многих отношениях уже задолго до него.

Дорога в ад...

Вопрос. Однако неоднократно говорили и писали о том, что политика Центрального Комитета в послеевженский период была правильной, что положительное и определенно социалистическое развитие нарушали антисоциалистические силы в обществе и правые оппортунисты в партии. В таком духе было сказано и в резолюции ноябрьского пленума ЦК.

А. И н д р а. В том-то и дело, что о политике нельзя судить лишь по документам (впрочем, и они заслуживают критического пересмотра), *критерием должна служить прежде всего практика, достигнутые результаты*. Некоторые политики пытаются сегодня снять с себя часть ответственности, утверждая, что они имели самые лучшие намерения. Может быть, но в политике этого далеко не достаточно. Не зря говорят, что «дорога в ад вымощена добрыми намерениями».

Политика не может включать в себя лишь создание документов, она не может ограничиться лишь общими проявлениями, формированием и формулированием линии. *Неотъемлемой составной частью политики является и ее реализация, т. е. продуманная пропаганда, агитация и последовательная организаторская работа*. А именно в реализации нашей политической линии мы хромали на обе ноги. Партия вследствие ранее допущенных ошибок и недостатков почти за ночь превратилась из организатора и политического вождя в какое-то, извините, просветительное учреждение в плохом смысле этого слова. Короче говоря, *слова не соответствовали делам, развитие общества и партии часто диаметрально расходилось с линией официальных документов*.

Вопрос. Имеешь ли ты в виду какие-либо конкретные примеры?

А. И н д р а. Все мы жили в этой стране, были свидетелями того, что происходило, хотя не все рассматривали развитие событий под одним углом зрения. А конкретных примеров хватило бы на целую книгу.

Ни один партийный или законодательный орган не принял решения, например, об уходе А. Новотного с его государственного поста, и все же Президент вынужден был под давлением, которое оказали прежде всего средства массовой информации, уйти в отставку. Дело не в самом этом факте, с ним я согласен. Но где же было тогда влияние партии, в чем проявилась ее руководящая роль?

Не раз Президиум ЦК принимал решения о прекращении публичного шельмования партийных активистов, и не только в общей форме, но и в связи с конкретными товарищами. 3 июля мы, например, обсуждали «случай» с членом ЦК и бывшим министром культуры К. Гофманом. Я вспоминаю, А. Дубчек тогда сказал: «Меня угнетает, что гонения на людей происходят в условиях моего руководства»...

Пожалуй, для большей полноты я приведу еще и мнение т. Биляка, высказанное на этом заседании: «Мы являемся *самым наивным Президиумом*, подобного которому нет в мире. Может ли обеспечить правильное развитие общества такое руководство, которое не в состоянии заступиться за своих людей?»

Но принимаемые решения ни к чему не вели, безудержная травля людей все усиливалась.

«А дела — где они!»

Вопрос. У читателей может создаться впечатление, что ты уделяешь внимание скорее эпизодическим явлениям, чем ключевым вопросам...

А. Индра. Заботу о людях, о наших кадрах я считаю первоочередной задачей, а неспособность тогдашнего руководства, противоречия между словами и делами можно было бы убедительно доказать и другими фактами.

Наглядный пример — судьба, которая постигла решения прошлогоднего майского пленума ЦК. Здесь уже речь шла не об игнорировании, а об открыто организованном сопротивлении. Центральный Комитет охарактеризовал правую опасность как главную, но средства массовой информации открыли из всех калибров стрельбу по «догmatикам», «левым» и «консерваторам». Решение Центрального Комитета не только не принималось во внимание, но стало мишенью для нападок. Центральный Комитет и его Пре-

зидиум пассивно выслушивали критику: «они уступают давлению консерваторов», «тормозят демократический процесс»...

Вопрос. Такая же судьба постигла заявление Президиума ЦК по поводу контрреволюционного обращения «2000 слов».

А. Индра. Об этом уже было сказано достаточно — серьезность этого факта подчеркивается и тем, что по поводу этого пресловутого документа опубликовали свои точки зрения также правительство и Национальное собрание. Но публицисты в своем большинстве не принимали это во внимание, они подчинялись уже только указаниям правых кругов.

Можно было бы привести еще много примеров. Й. Павел не выполнил решение об организационном выделении контрразведки из Министерства внутренних дел, невыполненным осталось решение о подготовке некоторых законодательных актов, например закона о Национальном фронте, закона о праве на объединения и о собраниях, решение о деятельности КАН, К-231 и возрождающейся социал-демократической партии.

Сколько раз мы в своих документах и официальных заявлениях клялись в верности союзническим обязательствам в отношении Советского Союза и других социалистических стран! Но был открыт путь антисоветской пропаганде, и она, прикрываясь лозунгом «свободы слова», в летние месяцы вылилась в истерию, которая поддерживалась и некоторыми членами прежнего состава Президиума ЦК.

Короче говоря, мы ограничивались лишь словами — часто даже слишком громкими — но слова словами, а до дела не дошло. Это был, короче говоря, полный крах нашей политики. Как же могли разобраться в этом люди? Как могли разобраться члены партии и низовые партийные организации? Не удивительно, что они искали выхода из сложного положения, убеждая себя в том, что все это, вероятно, устраивает Президиум ЦК и, следовательно, принимать решения против официальных документов означает поддержку нового руководства,

Вопрос. Как можно, по твоему мнению, объяснить причины этой своеобразной реакции?

А. Индра. Взрыв критики в партии и обществе был естественной реакцией на наши ошибки предыдущего периода. Факты дают нам право говорить и об организованной фракционной деятельности правых группировок в партии. Все это так. *Но мы снова и снова должны задавать себе вопрос: является ли непосредственной причиной отрицательных явлений послепаварского развития также и состав Президиума ЦК, его разобщенность по основным вопросам, стиль его работы, полная парализованность руководства и организаторской деятельности?*

Обязанность руководства — руководить: это значит принимать квалифицированные решения и обеспечивать их осуществление на практике. У нас не делалось ни то, ни другое. Вспоминаю, как тогдашний руководитель политико-организационного отдела ЦК т. Ян Коларж на заседании Президиума 6 августа справедливо заметил: «Нам в аппарате без доверия становится трудно работать. Мы должны ясно знать, чего вы от нас хотите... Мы часто задаем себе вопрос, куда вы нас, собственно, ведете?.. каждый из вас тянет в свою сторону...»

От корреспондентов. Действительно, дело обстояло именно так...

А. Индра. ...Да, наступило какое-то вавилонское смешение языков — мы как будто не были членами одной партии, членами ее руководства. Одни и те же решения мы трактовали по-разному; некоторые товарищи, вопреки духу принимаемых документов, акцентировали внимание не на тех вопросах, а иногда вообще игнорировали партийные документы.

Недавно, перед сентябрьским пленумом ЦК, я просматривал свои заметки того периода. Это безрадостное чтение. Заседали мы часто и подолгу, иногда несколько раз в неделю, иногда два дня подряд, но результаты были аморфными. *Это был не руководящий исполнительный орган, а какой-то свободный дискуссионный клуб...* А ведь речь шла о судьбе партии! Одни подчеркивали серьезность ситуации, настаивали на решительных шагах, другие умаляли опасность, говорили в лучшем случае о незначительных признаках негативных явлений, настаивали на

сохранении получивших тогда распространение форм политической жизни.

В противоречии со взглядами подавляющего большинства товарищей, выступавших на общегосударственном совещании первых секретарей областных и районных комитетов партии 13 мая 1968 г., Ф. Кригель, например, провозгласил, что у нас нет оснований для беспокойства, так как партия не отступает и власть в ее руках. Но против почти единодушного мнения всего Президиума и членов Секретариата опять высказывается Кригель: я не согласен с тем, что ситуация грозит попыткой захвата власти...

Вот как это выглядело. И не только в идейных спорах, но прежде всего на практике, один тянул «влево», другой «вправо». Дееспособность партии в таких условиях была иллюзией.

Чем выше пост, тем больше ответственность

Вопрос. Связующим звеном руководящего коллектива должен быть авторитетный лидер. Был ли им А. Дубчек?

А. Индра. Было бы слишком легко сделать из А. Дубчека единственный громоотвод, но вместе с тем в партии заведено: *чем выше пост, тем больше ответственность*. Я отрицаю метод компрометирования, однако признаю право на солидную критику. Моя совесть чиста, так как то, что я хочу высказать публично, я говорил А. Дубчеку еще 2 июля прошлого года.

Серьезным недостатком бывшего Первого секретаря ЦК КПЧ была нерешительность, стремление уклониться от открытых столкновений, формулирование неясных выводов. Его публичные выступления служат доказательством чрезмерной склонности к общим призывам и просьбам. Под влиянием внешних воздействий он вдруг начинал колебаться в принципиальных вопросах, часто смягчал первоначально принятую точку зрения.

Вопрос. Товарищ Индра, мог бы ты привести наглядные примеры?

А. Индра. Не хочу говорить о деталях; не раз А. Дубчек в Президиуме ЦК возмущался действиями средств массовой информации, однако вслед за тем отвергал любые решительные меры на этом ключевом участке.

Я отлично помню его принципиальное и весьма энергичное выступление на общегосударственной встрече членов Народной милиции в Рузине. Однако никаких действий за этим не последовало, и встреча не получила должной гласности.

Вспомним также, как изменилась точка зрения А. Дубчека на обращение «2000 слов». На дневном заседании Президиума ЦК 27 июня, в день опубликования этого документа, он выступал столь же определенно, как и большинство присутствующих товарищей; вечером же, после того как его, очевидно, кто-то посетил, он начал колебаться и склонился к мысли, что оценка «2000 слов» должна исходить из других органов, а не от Президиума ЦК. Как известно, он не выполнил решение Президиума и не включил в свое телевизионное выступление 28 июня важные оценочные положения в духе постановления Президиума. Это было накануне внеочередных районных конференций и весьма неблагоприятно повлияло на ход их работы.

Столь же колеблющиеся позиции он занимал и в отношении международных переговоров и их результатов, он медлил и принимал неопределенные решения о переговорах с союзниками. Мне часто казалось, что кому-то удалось внушить ему мысль, будто существуют антагонистические противоречия между интересами союзников и интересами нашего народа.

Я глубоко убежден, что А. Дубчеку оказали медвежью услугу те, кто льстил ему и чрезмерно прославлял его личность. Персонификация политики в коммунистическом движении, особенно если партия является руководящей политической силой в стране, всегда служит предвестником плохого конца. Конечно, совсем другое дело — заслуженный авторитет, основанный на конкретных результатах политики, личных заслугах, особенностях характера и работоспособности.

«С Дубчеком против Дубчека»

Вопрос. Некоторые товарищи считали, что правые избрали тактику «с Дубчеком против Дубчека».

А. Индра. *Я не знаю, заявляли ли открыто о такой тактике правые группы, однако их действия во многих случаях соответствовали этому.*

Так, например, Кригель горячо высказывался в под-

держку Дубчека, однако неоднократно наносил ему «запрещенные удары»: например, своей позицией в истории с «2000 слов», связям с журналистами, которые выступали против решений Президиума, переговорами с представителями подготовительного комитета социал-демократической партии, во время кампании вскруг письма «пяти» из Варшавы и встречи в Чиерне-над-Тисой. В конце концов он раскрыл свои карты при обсуждении в Президиуме 20 августа 1968 г. проекта доклада съезду, когда среагировал на одно из положений, осуждающее акции давления, словами: «Многие проблемы без давления не были бы решены»! Я думаю, это не требует комментариев...

Вопрос. «С Дубчеком против Дубчека» безусловно шел не только Крпгель.

А. Индра. ...Безусловно. Например, так называемые прогрессивисты уже в марте прошлого года на Пражской городской конференции — в присутствии А. Дубчека, которого они до этого славил, — добились принятия постановления, требующего созвать чрезвычайный съезд до конца 1968 г. Не помогло даже красноречивое выступление А. Дубчека, который защищал позицию Центрального Комитета партии.

К подобным выводам пришла и апрельская областная конференция в Брно — без активного сопротивления первого секретаря и в то время члена Президиума ЦК КПЧ Йозефа Шпачека, который также всегда на словах выступал в поддержку А. Дубчека.

Так было и во многих других случаях. А. Дубчек, например, выступил с речью перед представителями Народной милиции, а правые развернули кампанию за ликвидацию Народной милиции.

Беда заключалась не в самих фактах подобного рода, а в том, что из них не делалось выводов. Таким образом, мы настолько расшатали партию, что чувство неуверенности охватило все общество.

Почему был ускоренно созван съезд?

Вопрос. Ты упомянул здесь резолюции двух конференций о созыве съезда. Возникает вопрос: когда и почему само руководство изменило отношение к созыву съезда? Ведь на апрельском пленуме единогласно было принято решение созвать съезд только в 1969 г.?

А. Индра. События после апрельского пленума ЦК развивались очень быстро и с трудом поддавались контролю. Не только на областных конференциях, но и в усиливающемся потоке резолюций нарастало требование ускоренного созыва чрезвычайного съезда. Сторонники такого шага находились и в Президиуме ЦК КПЧ. Кампания, приводимая средствами информации, приобретала острый характер. *Стало ясно, что этот нажим постепенно формирует ситуацию. В этих условиях было решено попытаться самим выступить с инициативой и овладеть положением.*

В субботу, 25 мая 1968 г., во второй половине дня, в рабочем кабинете А. Дубчека мы встретились с Черником, Биляком и Садовским и после обсуждения создавшейся ситуации договорились о том, что на заседании Президиума 27 мая выступим с предложением созвать съезд в августе или сентябре.

Правда, в Президиуме это предложение встретило удивление, в первый момент были озадачены и те, кто на каждом заседании выступал за ускоренный созыв съезда. Президиум предложил свой проект пленуму ЦК 29 мая 1968 г., где он и был принят. В связи с этим необходимо отметить следующее. *Созыв съезда почти все члены Президиума обуславливали тем, что съезд и его работа не станут предметом открытой спекуляции, что избрание делегатов на съезд и кандидатов нового Центрального Комитета является внутренним делом, и состав делегатов должен отвечать социальному составу партии...* С этими условиями и с другими вопросами, связанными с подготовкой съезда, я ознакомил 14 июня главных редакторов периодических изданий, радио и телевидения (следует, кстати, отметить, что об этом совещании не публиковалось почти ни слова).

А жизнь шла своим чередом — и не в соответствии с постановлениями ЦК КПЧ, а, к сожалению, в русле указаний правых сил, овладевших большинством средств информации. Ход чрезвычайных районных и областных конференций показал, что перевес получили правые, состав делегатов вызывал серьезные опасения. Еще раз стало очевидным, что руководство партии по своей же вине становится беспомощным...

Анализируя результаты чрезвычайных районных конференций, мы должны были констатировать, что на долю

областных конференций достанется уже только формальная задача: делегаты на съезд фактически были избраны в ущерб рабочим, существенно ухудшился их социальный состав, было избрано минимальное число женщин.

Вопрос. Теперь уже ясно, что неожиданное решение о созыве съезда было поспешным, что при этом не исходили из реальной оценки ситуации, а поэтому созыв съезда, по нашему мнению, являлся кардинальной ошибкой доавгустовского периода. В атмосфере, созданной прежде всего печатью, радио и телевидением, чрезвычайный съезд мог стать только триумфом правых оппортунистов. Тем более что поднялась еще и волна националистической пропаганды. Существовало ли в Президиуме ясное представление о съезде, о вероятных направлениях развития, о списке кандидатов нового ЦК КПЧ?

А. Индра. В целом можно сказать, что в подготовке съезда было чрезвычайно много слабых мест, как в вопросах программных, так и кадровых.

Взгляды членов Президиума на степень подготовленности съезда и прогнозы в отношении его хода и результатов весьма отличались. А. Дубчек рассчитывал на то, что с помощью личного авторитета он, так сказать, овладеет положением на съезде и добьется всего, что будет считать правильным. Я думаю, что в данной ситуации подобное представление было по меньшей мере крайне иллюзорным...

Слабое участие коммунистов в выборах делегатов

Вопрос. В послеянварских документах и выступлениях часто говорится о том, как активизировалась работа партии, возросла активность коммунистов. Повторяются утверждения о росте авторитета партии среди политически неорганизованной части населения, об укреплении доверия к партии и т. д.

А. Индра. Развитие взаимоотношений между населением и партией, по моему мнению, заслуживает серьезного анализа. Смелые решения, которые принял январский пленум ЦК, привлекли к Центральному Комитету, и в особенности к новому руководству, значительные симпатии. *Большинство честных людей, преданных социализму, высоко оценили моральную силу нашей партии и ее смелый*

подход к устранению ошибок прошлого периода. Мне кажется, что с этим капиталом доверия мы обошлись не лучшим образом, поскольку допустили, чтобы им злоупотребляли правые силы. Возникло также множество иллюзий, мифов, искусственно создавались различные легенды.

Необходимо, однако, провести водораздел между большинством честных людей и теми группами населения, которые связывали с начавшимся процессом свои политические, враждебные социализму планы. В этих условиях марксисты не могут поддаваться мифу о «монолитном единстве народа и партии», сладким побасенкам о том, что «14 миллионов сердец бьются в едином социалистическом ритме». Разумеется, на начальных этапах борьбы за власть никто не выступает с антисоциалистическими лозунгами...

Вопрос. Единство и активность партии действительно имели место, как тогда официально утверждалось?

А. Индра. То, что происходило, некоторыми признаками действительно внешне напоминало поднявшуюся волну активности коммунистов. Однако сразу же проявились две тенденции: удрученность одних, вызванная вскрытием ошибок, и все более явственно выступающее стремление сил правой ориентации овладеть положением, решить как можно скорее борьбу в свою пользу. Постепенно в рядах коммунистов стало преобладать чувство депрессии; развитие партийной жизни проходило во взаимных спорах. Партийные организации замыкались в себе, в связи с чем их влияние на общественность падало; ослабили внимание к экономическим проблемам, перестали заниматься деятельностью национальных комитетов, профсоюзами и общественными организациями. Бесспорно, сказалась и антикоммунистическая истерия, которую развязали антисоциалистические силы с помощью средств массовой информации, оплачиваемых государством. Цифры показали, что участие коммунистов в партийных собраниях после апреля постоянно снижалось, а по данным чешских областей, в июне участие коммунистов в выборах делегатов на чрезвычайные районные конференции было самым низким за последние годы! Интересное явление наблюдалось на некоторых чрезвычайных районных и областных конференциях. С трибун конференций звучали преимущественно голоса представителей правых, но в ходе тайного голосования откровенные экстремисты получали иногда наименьшее количество голосов!

Вопрос. Считаешь ли ты в этой связи обоснованным мнение о том, что партия все еще имела достаточно сил, чтобы овладеть ситуацией в случае открытой борьбы за власть?

А. Индра. Не хочу гадать, мы свои возможности никогда не проверяли. Однако было много предостерегающих сигналов: некоторые звенья госбезопасности были почти парализованы; перед разлагающим влиянием не устояла и армия, ее политический аппарат оказался под огнем критики, в командный состав стало проникать чувство неуверенности. Примечательно, что часть офицеров, хотя и меньшая, открыто поддержала платформу «2000 слов». На членов Народной милиции угнетающе действовали постоянные нападки на страницах определенной части печати и переносительная позиция руководства партии.

Решающим фактором в этом столкновении за власть, однако, является партия, а ее-то мы не мобилизовали на борьбу, убаюкивая себя тем, что «все в порядке». Кто, собственно, в таком случае мог возглавить борьбу в защиту социализма? И еще одно обстоятельство: мой собственный опыт позволяет утверждать, что и в том случае, если бы мы располагали достаточно дееспособными силами для открытого столкновения, у нас все же отсутствовало самое главное — политическое мужество руководства партии, необходимое для того, чтобы эти силы использовать.

Не поддаваться крайностям

Вопрос. И наконец, что, по твоему мнению, для партии, для всех коммунистов является сегодня главным?

А. Индра. Современный этап нашего развития мы характеризуем как поиски правды. Это тернистый путь, и мы пройдем его тем быстрее, чем откровеннее и последовательнее будем действовать, без страстей и шельмования, не поддаваясь никаким крайностям.

Наша борьба против правого ревизионизма носит в высшей мере конструктивный характер. Победа в этой политической борьбе является основным условием для того, чтобы партия и все общество приступили к активной творческой работе, к осуществлению того положительного, что было начато в январе прошлого года.

«Руде право», 24 сентября 1969 г.

ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОГО ЛИЦА

О КАМПАНИИ, РАЗВЕРНУВШЕЙСЯ ПО ПОВОДУ ПИСЬМА 99 РАБОТНИКОВ ЗАВОДА «АВТО-ПРАГА»

Решения январского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ коммунисты и беспартийные восприняли как начало исправления некоторых ошибок и отклонений в деятельности партии в предшествующий период, как первые шаги на пути дальнейшего углубления социалистической демократии и всестороннего развития нашего социалистического общества.

Дальнейшие события хотя и развивались под прикрытием красивых слов и лозунгов о свободе, демократии и социализме «с человеческим лицом», однако действительность носила совершенно иной характер.

Корни подобного развития следует искать после февраля 1948 г., в тот период, когда некоторые, для кого победа рабочего класса во главе с КПЧ была по различным соображениям непримлемой, притихли, ушли со сцены, сделали вид, что согласны с официальной политикой, и стали незаметно проникать на руководящие посты в народном хозяйстве, в области науки, культуры и в средствах массовой информации. Многие из них даже сумели пробраться в КПЧ. Эти люди выжидали подходящую ситуацию. И такая ситуация возникла в 1968 г. в результате перешительности и отсутствия единства в руководстве КПЧ.

Исподволь они нападали на все, что могло помешать планам, в том числе и на дружбу с Советским Союзом. Они не стеснялись клеветать о невыгодности нашего взаимного экономического сотрудничества, о якобы низком техническом уровне продукции советских предприятий, о ее высоких ценах и т. д., критиковали за участие в Варшавском договоре. Различные кампании по сбору подписей, которые они проводили, были направлены против политики нашей страны. Они спровоцировали и постыдную, скандальную кампанию против рабочих завода «Авто-Прага», направивших письмо в Советский Союз.

Содержание письма и отклики

Письмо, подписанное в июле 1968 г. 99 работниками завода «Авто-Прага» (Высочаны) и членами их семей и направленное через советское посольство в СССР, явилось конкретным актом в поддержку нашей официальной государственной политики. В письме прежде всего подчеркивалась верность дружбе с советским народом, выражалось беспокойство по поводу развития событий в нашей стране и высказывались опасения за будущее родины.

Содержание письма 29 июля 1968 г. было передано по московскому радио и 30 июля 1968 г. опубликовано в газете «Правда». Уже в день его оглашения на заводе «Авто-Прага» стали происходить драматические события. Туда хлынули корреспонденты австрийских газет, телевидения и радио, которые старались подготовить атмосферу общественного осуждения рабочих завода. Была организована кампания опроса по поводу этого письма. В итоге заводские комитеты КПЧ и профсоюзов выступили с заявлением, что письмо якобы не отражает позицию всех работников завода «Авто-Прага» и что его содержание не обсуждалось в заводских партийных и профсоюзных организациях, что подписавшиеся хотя и законно воспользовались своим правом, но, дескать, в данном случае речь идет лишь о их частном мнении, и что касается содержания письма, то специальное решение будет принято после окончания летнего периода отпусков.

Примечательно, что «письмо 99» не противоречило письму общезаводских партийного и профсоюзного комитетов, направленному 19 июля 1968 г. пленуму ЦК КПЧ. В нем, например, отмечалось: «Мы, на нашем заводе, не согласны с многими явлениями, которые имеют целью разрушить демократический процесс в нашей стране и дружеские отношения с советским народом и народами всех социалистических стран».

При этом следует иметь в виду, что письмо 99 товарищей явилось своего рода реакцией на сбор подписей, который проводили на заводе различные элементы в поддержку контрреволюционной платформы «2000 слов», против участия союзнических войск в штабных учениях в нашей стране и т. д. Подобные акции, несмотря на то что их организаторы отнюдь не исходили из поддержки официальной политики КПЧ и государства, не стали предметом осуждения.

Доводы для развязывания кампании

Почему дело дошло до разнузданной кампании против письма, направленного советским друзьям? Можно было бы в порядке ответа привести несколько причин:

— *Политическая атмосфера и активность развивались тогда у нас не в духе подлинно партийной линии, а «письмо 99» соответствовало этой линии.*

— *Текст письма был опубликован в советской «Правде» во время принципиальных переговоров в Чиерне-над-Тисой и объективно прозвучал как поддержка социализма и дружественных Советскому Союзу сил, которые тогда не имели возможности публично выражать свое мнение. С другой стороны, письмо было направлено против правых и антисоциалистических сил, которые оказывали сильное влияние на общественное мнение.*

— *Главное, однако, заключалось в том, чтобы заставить замолчать тех, кто отважился бы публично выразить свое дружеское отношение к СССР и свое несогласие с некоторыми явлениями в средствах массовой информации и нашей общественной жизни вообще. Кампания против подписавших «письмо 99» должна была стать своего рода предупреждением для каждого, кто посмел бы отважиться на что-либо подобное в дальнейшем.*

Нападки печати

Эта линия, по существу, соответствовала комментариям в печати, которые появились в последующие дни. С самого начала авторам письма и подписавшим его товарищам навязывались иные намерения, чем те, которыми они в действительности руководствовались.

Газета «Лидова демокрация» (31.7.1968 г.):

«Из этого (из письма, опубликованного в «Правде»), таким образом, вытекает, что работники крупного пражского завода не заботятся о суверенитете своей родины, наоборот, они приветствовали бы приход войск в нашу страну...»

Газета «Свободне слово»: «99 работников завода, включая членов их семей, подписали письмо от имени всего заводского коллектива... Следует подчеркнуть, что указанное письмо является ударом в спину нашему президиуму, ведущему переговоры в Чиерне-над-Тисой с советским политбюро...»

Подписавшим письмо далее приписывается недоверие к правительству, народу, армии, органам госбезопасности и т. д. При этом ни один печатный орган не опубликовал полный текст «письма 99». Текст письма опубликовали лишь спустя две недели в «Руде право». Эта «забывчивость» дала возможность ввести в заблуждение общественное мнение и манипулировать им. В письме, по существу, не затрагивались вопросы государственного суверенитета, доверия к правительству, народу, армии и органам государственной безопасности. Письмо не было написано от имени всего заводского коллектива или нашего народа.

Таким образом, выяснилось, что в периодической печати извращали содержание «письма 99». Его авторам и подписавшим навязывали замыслы, которых у них не было. Но намерения журналистов, манипулировавших общественным мнением, осуществились. Социализм «с человеческим лицом» проявил себя на практике.

Спровоцированию поддались и партийные, и профсоюзные организации завода «Авто-Прага», и его директор. Последний выступил по радио с разъяснениями, что речь, мол, идет не об обращении всего коллектива завода, а лишь о частной акции небольшой группы людей. Стремясь уменьшить давление на завод, он, по существу, содействовал усилению нездоровых настроений среди тех работников завода, которые находились в тот период в отпуске.

В создавшейся обстановке следовало бы раскрывать и разъяснять смысл этой акции и существо вопроса на всех уровнях.

Руководящие деятели не помогли

Для нормализации атмосферы на общезаводское собрание коллектива «Авто-Прага» был приглашен бывший секретарь ЦК КПЧ Ч. Цисарж. Однако он в своем выступлении также приписал авторам письма намерения, которых они не имели, и заявил: «Сегодня каждый, кто публично выступает, должен понять, что он также несет политическую ответственность за возможные последствия». После его выступления папачки на подписавшихся под письмом еще более усилились, и Ч. Цисарж несет определенную долю ответственности за то, что произошло.

Й. Сморковский, выступивший позднее на одном из заводских собраний, также не сказал того, что необходимо

было сказать, так как подделывался под общую атмосферу.

Подписавших, а заодно и членов их семей, вопреки логике превратили в «изменников», им угрожали вплоть до физической расправы.

Решения заводских партийной и профсоюзной организаций и дирекции завода также вытекали из духа созданной атмосферы. Хотя за авторами письма признавалось право на свободу выражения взглядов, однако их обвинили в том, что они направили обращение без ведома заводских организаций, и в том, что письмо, содержание которого давало якобы возможность для злоупотреблений, было передано в советское посольство в критический момент.

Решения обязывали отказаться от политической деятельности, а те, кто не был согласен с этим, принудительно отстранялся от активной работы. Дирекция предприятия запретила тт. Дворжаку и Лоренцу выполнять их функции. Им предложили не появляться на заводе. Позднее с ними расторгнули трудовые договоры. Других рабочих также пытались заставить пересмотреть свою позицию.

Кульминационного момента события достигли, когда в газете «Свободное слово» от 9 августа 1968 г. была помещена статья, озаглавленная «Право вонзить нож в спину». Вот что писал ее автор д-р М. Йодл: «Те 99, которые подписали предательскую резолюцию, аргументируют свой поступок тем, что имеют право свободно выражать свое мнение... Теперь среди них появились такие «либералы», которые защищают право вонзить абсолютному большинству народа в критическую минуту нож в спину. Закон естественно, с подобными предателями не может не считаться. Моральный закон говорит недвусмысленно, что эти предатели сами поставили себя вне нашего общества и должны бы убраться туда, где они ищут и находят поддержку».

Правдой является и то, что 99 товарищей в тот момент нашли поддержку. «Руде право» 11 августа 1968 г. опубликовала две статьи. В первой высказывания д-ра Йодла были сравнены с заявлениями антисемитов и фашистов. Были заданы также вопросы генеральной прокуратуре, министерству внутренних дел, господину Йодлу и редакции «Свободное слово». Однако ни генеральный прокурор, ни министр не ответили на эти вопросы, не выступили в защиту авторов письма, хотя это было их обязанностью. Ответил лишь д-р Йодл, что он считает себя правым.

Нужно было ожидать, что во все эти дела принципиально вмешаются высшие партийные органы. Это, однако, произошло только тогда, когда вопросы были решены в ущерб товарищам, подписавшим «письмо 99». Президиум ЦК КПЧ обсуждал это дело лишь 13 августа 1968 г., т. е. спустя две недели после начала грязной кампании. В коммюнике по этому вопросу констатируется, что президиум отклоняет и осуждает недемократические формы кампании, организованной в связи с этим письмом. Президиум считает неправильным, чтобы против авторов письма и тех, кто его подписал, принимались какие-либо меры, угрожающие их материальному положению.

Но ведь это сводилось лишь к осуждению недемократических форм кампании с применением антидемократических методов против товарищей, подписавших письмо! Главное же заключалось в том, чтобы выступить в защиту авторов «письма 99» и опровергнуть вымыслы о том, что его содержанием злоупотребили представители КПСС в переговорах с нашими представителями в Чиевне. Сделать это наше прежнее партийное руководство не сумело.

На следующий день свое отношение к данному вопросу выразил президиум Пражского горкома КПЧ на совместном заседании с президиумом райкома КПЧ Прага-9. Отличие решения горкома по этому делу от соответствующего решения президиума ЦК КПЧ состоит в том, что решение горкома более пространно, но вместе с тем и более откровенно осуждает письмо и товарищей, подписавших его, и поддерживает решения политических организаций завода «Авто-Прага».

Травля и преследования

Трудно описать ту драму, которую пережили эти люди за свою приверженность к социалистическим идеалам, за то, что отстаивали дружбу, которая является самой дорогой для нас. Судьба двоих инициаторов «письма 99» оказалась наиболее суровой. Так же как и остальные их товарищи, они вынуждены были выслушивать массу оскорблений. На них оказывались давления, требовали, чтобы они «пожертвовали» собой ради других, вылетели в Москву и забрали бы обратно «письмо 99», чтобы они оставили ра-

боту на заводе. Они не поддались угрозам, их в принудительном порядке отстранили от работы и политической деятельности, запретили доступ на завод. Одного из них затравили до нервного расстройства. Изгнанные с завода, они длительное время не могли найти работу. Лишь в декабре 1968 г. один из них устроился на работу, другой — только в апреле 1969 г.

Д-р Ян Коларж, бывший заведующий политико-организационным отделом ЦК КПЧ, отмечал в статье, опубликованной 11 августа 1968 г. в «Руде право»: «Я точно знаю, что как в ЦК партии, так и в редакцию «Руде право» поступали письма, хотя их и немного, с выражением взглядов, подобных тем, которые отражены в «письме 99». Их не публикуют. Я не знаю почему».

Сегодня известно, почему письма подобного содержания в то время не публиковались. Партийное руководство не было единым, его правооппортунистически настроенная часть блокировала подобного рода выступления. А то, что пропускалось ЦК КПЧ, затем подвергалось цензуре в средствах массовой информации, их влияние в тот период общеизвестно. Этим полностью можно объяснить, почему «письмо 99», опубликованное в советской «Правде», не могло быть адресовано в ЦК КПЧ либо в редакцию «Руде право». Оно застряло бы там и исчезло, как и другие подобные письма.

После вступления союзнических войск на нашу территорию с новой силой вспыхивают нападки на товарищей, подписавших «письмо 99». Некоторые из них не могли ходить на работу, были вынуждены скрываться дома. Постепенно, однако, некоторые партийные руководители пытались вновь вовлечь подписавших письмо товарищей в политическую деятельность. Но кампания против них вышла за рамки завода и превратилась в общегосударственную. Активность иностранных журналистов в связи с письмом привела к тому, что о нем заговорили за границей. Это нельзя ставить в вину авторам письма и лицам, его подписавшим.

Заключение

Такова была атмосфера, созданная прежде всего частью журналистов, которые захватили средства информации, и некоторыми людьми, которым чужд социализм и дружба с Советским Союзом.

Действительно, в заявлениях и решениях партийных органов признавалось за 99 пострадавшими товарищами право свободно выражать свое мнение, однако на практике были созданы условия для их осуждения.

Из фактов и событий, связанных с «письмом 99», далее вытекает, что кампания, развернутая против письма и подписавших его товарищей, возникла не на заводе, а была спровоцирована вне его. Эта кампания достигла исключительно широкого размаха еще до того, как общественность получила возможность ознакомиться с полным текстом письма. Кампания была частью широко задуманного плана, направленного на раскол партии, против ее руководящей роли и дружбы с СССР. Она должна была показать, что голоса, раздающиеся против этих замыслов, будут замалчиваться, и те, кто осмелится выступить наперекор, подвергнется травле. Журналист Ледерер заявил на пресс-конференции, между прочим, следующее в этой связи: «Во всей этой акции заключается гораздо большее, чем лишь дело «Авто-Прага»».

Спровоцированной атмосфере поддались и общезаводской комитет партии, профком завода и его администрация, также как президиум райкома партии Прага-9, и прежде всего Пражский городской комитет КПЧ. На эту атмосферу оказало отрицательное влияние выступление бывшего секретаря ЦК КПЧ Ч. Цисаржа и Й. Смирковского. Президиум ЦК КПЧ не определил свою позицию ко всей этой кампании к «письму 99». Хотя этот вопрос был обсужден на бюро Центральной контрольно-ревизионной комиссии, которое рекомендовало соответствующим партийным органам принять надлежащие меры в духе устава партии и норм партийной жизни.

Развитие положения в нашей стране за истекшее время подтвердило опасения товарищей, подписавших «письмо 99». Они оказались правы и в том, что дружба с СССР, столько раз подвергавшаяся вражеским нападкам и дорогая большинству нашего народа, является основой, на которую можно опереться в самые тяжелые минуты. Прежние несправедливости сейчас постепенно устраняются, и с ними вскоре будет окончательно покончено.

МАСКА СБРОШЕНА

И. ПЕЛИКАН ИСКЛЮЧЕН ИЗ КПЧ

2 октября 1969 г. Секретариат ЦК КПЧ исключил из партии Иржи Пеликана, бывшего генерального директора чехословацкого телевидения, а в последний период советника по делам культуры в чехословацком посольстве в Риме. В течение довольно длительного времени велось партийное расследование в связи с активным участием Иржи Пеликана в правооппортунистических группировках, в интересах которых он использовал чехословацкое телевидение для подрывной деятельности против партии и социалистического строя в нашей стране. Пеликан должен был вернуться на родину 16 сентября, однако он дезертировал, остался в эмиграции и передал буржуазной печати и пропаганде на Западе заявление, которое полностью противоречит политике КПЧ. По этим причинам он был исключен из партии.

Можно утверждать с полной уверенностью, что большинство наших людей искренне и глубоко любят свою страну, свой труд и людей, с которыми ежедневно и в течение многих лет встречаются. Многие по праву вызывает у наших граждан чувство удовлетворения, часто они высказывают критические замечания, однако десятки писем и встреч убеждают нас в том, что они никогда не хотели бы покинуть свою родину, свою любимую страну. Наши люди, которые ежедневным трудом способствуют умножению народного достояния, остаются скромными и готовы без широких жестов своими делами помочь всюду, где нужна такая помощь.

В силу своих моральных качеств таким гражданам покажется совершенно излишним интерес к жизни и деятельности таких авантюристов, как, например, Иржи Пе-

ликап, обоснованно исключенный Секретариатом Центрального Комитета из рядов партии. Однако, несмотря на это, существует ряд обстоятельств, требующих более детального рассмотрения личности этого дезертира. Он является одним из тех, о ком до сих пор у некоторых людей, особенно представителей более молодого поколения, могут быть совершенно неправильные представления и кое-какие иллюзии.

И. Пеликан занимал ряд важных постов, хотя и без помощи своих влиятельных друзей. Так, например, в течение длительного времени он был президентом Международного союза студентов. Впоследствии, когда из-за допущенных политических ошибок и некоторых особенностей характера он вынужден был покинуть этот видный пост, ему в 60-е годы предоставили еще одну должность — он стал генеральным директором чехословацкого телевидения. Известно, что он был также депутатом Национального, а позже Федерального собрания. Эти посты открывали возможность поддерживать различные международные контакты и одновременно создавали необычно благоприятные условия для оказания широкого влияния на общественное мнение в нашей стране. Всем этим Иржи Пеликап умело пользовался: в материальном отношении для себя, а в «идейном» — для сторонников своих взглядов.

Непосвященному покажется сейчас странным, как мог человек, вышедший из такой среды, интересы которой полностью не гарантируют искренней преданности интересам рабочего класса, попасть на столь высокие посты. На основе некоторых дополнительных данных, ставших известными лишь после того, как его покровители и меценаты были отозваны с влиятельных постов, стало ясно, что дезертирство в эволюции Пеликана не явилось чем-то случайным или удивительным, а, наоборот, оно находится в полном соответствии с перспективной концепцией, над которой работают противники социализма.

Для выполнения их целей и замыслов Пеликан был весьма подходящим человеком, таким, какой и был нужен для подрывной деятельности. Сегодня совершенно очевидно, что он был для них так называемым «целевым» человеком, который не должен был напрасно подвергать себя опасности быстрого разоблачения, а, наоборот, должен был действовать в роли незаметного идейного вдохновителя,

который подыскивал в партии и обществе подходящих лиц, инструктировал их и направлял на осуществление антисоциалистических и антисоветских акций.

И. Пеликан всеми силами стремился создавать о себе мнение как о чрезвычайно сознательном и активном члене коммунистической партии, выполнять как можно большее количество функций, создавать впечатление, что у него нет других интересов, кроме как служить социализму и народу. Однако эту маску он немедленно сбрасывает, когда предоставляется удобный случай для открытых действий. Это стало особенно ясно после января 1968 г., когда, занимая пост генерального директора чехословацкого телевидения, он мог полностью взять инициативу в свои руки, чтобы в интересах зарубежных единомышленников, разного рода антикоммунистов внутри страны и за ее пределами с помощью телеэкрана начать дирижировать изощренной идеологической и психологической кампанией, преследующей цель отравить сознание широких слоев трудящихся. Это не должно вызывать удивления, ведь в этот период И. Пеликан был активным инициатором и непосредственным участником создания «второго центра» в партии и действовал в тесном сотрудничестве с такими представителями правого оппортунизма, как Кригель, Шик, Славик и др. Он намеренно подбирал подходящих людей, которым предоставлял монопольное право выступать по телевидению, играть на чувствах людей, прикрываясь модными лозунгами демократического социализма «с человеческим лицом».

Распространяя односторонние и тенденциозные данные о «крахе» нашего народного хозяйства, о безуспешном 20-летнем периоде строительства социализма, о его «бюрократической» сущности и тому подобную «информацию», они намеренно разжигали кампанию ненависти против коммунистической партии, против Советского Союза. При этом они не стыдились злоупотреблять искренними помыслами и патриотическими чувствами наших людей.

Враждебная деятельность И. Пеликана в полной мере развернулась в период критических августовских дней 1968 г., когда он не мог более оставаться в тени. Он становится одним из главных организаторов так называемого «высочанского съезда» и открыто выступает как ярый враг действительных интересов партии и нашего народа.

После того как потерпели провал расчеты враждебных

сил в партии и в обществе, покровители Пеликана, занимавшие влиятельные партийные и государственные посты, дали ему возможность укрыться в тени на посту советника по делам культуры в чехословацком посольстве в Риме.

С этого времени он становится одним из тех идейных вдохновителей и организаторов, которые, находясь на иностранной территории, дирижировали действиями политического дна, направленными против нашей партии и социалистического общества. После сокрушительного поражения этих сил, особенно после краха реакционных и преступных элементов в августе 1968 г., а также после явного политического поражения правых, когда его защитники исчезли с высоких партийных и государственных постов, И. Пеликану не оставалось ничего другого, как увенчать свою «идейную позицию» предательством — окончательным разрывом с родиной и открытым переходом в лагерь врагов.

Он кончил тем, чем по логике вещей кончает каждый ренегат, который лишь делает вид, что он принадлежит к революционной партии и рабочему движению.

Красивая маска сброшена, остался лишь отвратительный образ предателя с опереточными жестами, взывающими к поединку. Но это вновь напомнило о том, что великодушие по отношению к людям, которые не выдержали различных испытаний, не оправдывает себя. Одновременно это является предупреждением всем, кто пытается еще различными способами подрывать сплоченность нашей партии и единство нашего общества. Мы не потерпим враждебной деятельности ни с чьей стороны.

«Руде право», 3 октября 1969 г.

ПРОТОКОЛ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ

**О ПРАЖСКОЙ ГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПЧ,
ИЮЛЬ 1968 г.**

Партия начинает постепенно разоблачать правооппортунистические силы, которые несут ответственность за кризисное развитие после января, приведшее к событиям 21 августа 1968 г. Для того чтобы провести всесторонний анализ, необходимо повсюду раскрывать цели тех, кто зачастую самозванно возглавлял послееянварское развитие, собирать факты о их деятельности и последовательно разоблачать методы, с помощью которых они хотели добиться своих целей. Стремление к власти, к перевороту в партии привело их к ревизии марксизма-ленинизма, грубому нарушению принципов, которыми руководствовалась партия, к отказу от партийной этики, как от ненужного старья.

Одной из иллюстраций этого опасного процесса в партии может служить чрезвычайная конференция пражской городской партийной организации, состоявшаяся в июле 1968 г., и протокол этой конференции.

Руководящая роль партии или политическое партнерство

Дух конференции был, по существу, predetermined уже первыми фразами в докладе городского комитета: «За прошедших неполных три месяца мы вторично созываем конференцию пражской городской организации. Уже этот факт, единственный в истории нашей партийной организации, говорит о чрезвычайном характере политической обстановки. Апрельская конференция проходила в условиях, когда во всей стране царил беспокорство за то, что партия медленно порывает с прошлым, что она перешительно отказывается от бюрократическо-директивных методов ру-

ководства, которые привели в свое время к трагическим событиям в начале пятидесятих годов. В Центральном Комитете по-прежнему продолжает оставаться большая группа людей, утративших доверие партии и общества».

Основной мишенью на Пражской городской конференции была партия, ее руководящая роль в обществе. К сожалению, антипартийные теории нашли поддержку у отнюдь небезызвестных лиц. Прежде всего по этому вопросу выступил руководитель делегации ЦК КПЧ Й. Смрковский: «...в чем суть кризиса, который постепенно охватывал наше общество в истекший период и в существовании которого все мы убедились по прошлому и нынешнему году? Его корни в области отношений между партией и обществом. Эти отношения были глубоко подорваны за прошедшие двадцать лет. Но не только это. К сожалению, в сознании значительного числа наших активистов и членов партии укоренились предрассудки, которые порождают нежелание... *создать новую политическую систему, нежелание пойти на политическое партнерство...*» Этим все сказано достаточно ясно.

Более «четкую» характеристику этого критерия дал председатель городского комитета Национального фронта Яп Кршен, который, чтобы была ясна суть новой политической системы и партнерства, конкретизировал идею Смрковского следующим образом: «Я считаю, что Национальный фронт должен был бы всегда оставаться открытой организацией, чтобы постоянно пополняться и окончательно не замыкаться, полностью обеспечивать возможность того, чтобы в него могли вступить все другие политические силы, которые возникнут и оформятся на платформе демократического социализма. Для этого в Праге имеются все условия, и здесь *вдвойне действует принцип партнерства...*» (курсив авт.).

Тактика давления

В своем выступлении Й. Смрковский ссылается на то, что в ходе конференции к нему обращались с целым рядом вопросов; например, во время заседания к нему подошли члены редакционной комиссии и заявили: «...нам известно, что президиум ЦК нашей партии получил недавно письмо от наших друзей, в частности от товарищей из Москвы. Они попросили меня дать на это ответ и сообщили, что

хотели, чтобы я выступил по этому вопросу. Вот я им и отвечаю.

Да, мы получили письмо от советских товарищей, от Политбюро ЦК КПСС, и не только от советских товарищей, но также от товарищей из ГДР, от товарищей из Варшавы, и, очевидно, получим еще и другие письма».

По вопросу об упомянутых письмах на конференции велась оживленная дискуссия. Первым реагировал член горкома КПЧ К. Киндл. Он выразил удивление по поводу того, что «Президиум ЦК, который проявил поспешность, когда речь шла об определении позиции в отношении «2000 слов», не воспользовался обстановкой... чтобы без промедления на областных партийных конференциях ознакомить членов партии со своей точкой зрения на эти письма».

Но вернемся к письмам. «Я выступаю перед вами,— продолжал далее Й. Смирковский,— в такое время, которое для высших органов партии и особенно для нас, партийных и государственных руководителей, не является легким и простым. И не только во внутриполитическом отношении, но и в международном. И то и другое тесно связано между собой и взаимно обусловлено. Мы находимся в фокусе самых разных нажимов и взглядов. Не всегда легко обо всем говорить. Это, однако, не означает, что мы намерены проводить кабинетную политику. Этого не будет ни в коем случае. Вы имеете полное право судить о наших поступках и о наших конкретных делах и критиковать их. Не судите, однако, по отдельным словам, они не всегда решают. Решающим является верность намеченному пути, пути демократического возрождения партии и жизни нашего общества в целом. Решающим является обеспечение неприскосновенности этого пути со всех сторон».

А. Лим не замедлил выразить свое одобрение: «Прежде всего, я считаю своим долгом заявить, что рассматриваю выступление товарища Смирковского на этой конференции как выдающееся, как одно из лучших среди услышанных нами за последнее время и надеюсь, что оно получит соответствующую огласку в печати. Думаю, что то, о чем я буду говорить после, не будет расцениваться как возврат к старым вопросам, которые этим выступлением были окончательно выяснены и закрыты...»

«В данной ситуации, накануне съезда партии, лично я считал бы подобные перегоры политически вредными...»

Думаю, что до чрезвычайного съезда нам не нужно еще одно дрезденское совещание... Было бы необходимо, чтобы руководство партии сослалось на то, что через два месяца будет созван чрезвычайный съезд и что до этого нельзя начинать переговоры по поводу каких-либо опасений, а если товарищи (из союзнических стран) захотят выразить свои опасения, то они это смогут сделать непосредственно перед делегатами съезда».

Л. Пацовский, член редакционной комиссии, спросил у И. Смирковского, «не может ли он добавить что-либо по поводу писем, так как пока это является областью догадок, а на основе таковых нельзя предпринимать ничего конкретного».

И. Смирковский ответил, что «ему известно содержание писем, но там не было ни слова о каких-либо угрозах или санкциях, как об этом говорят в кулуарах... Товарищи опасаются, что наша партия утратит свою дееспособность в ходе этого процесса, что появятся силы, которые могут представить угрозу для нашего дела».

На вечернем заседании редакционная комиссия предложила конференции следующий проект решения: «Ввиду того что делегаты городской конференции были поставлены в известность о получении Президиумом ЦК КПЧ писем некоторых братских партий относительно процесса демократизации в нашей стране, конференция выражает следующую точку зрения:

1. Мы полностью поддерживаем Президиум ЦК КПЧ в его усилиях по всестороннему обеспечению нашей государственной и партийной независимости, особенно в деле развертывания процесса возрождения в ЧССР. Только на этой основе можно строить равноправные и товарищеские отношения с другими коммунистическими партиями.

Любой другой подход незамедлительно привел бы к самым трагическим последствиям не только для нашего положения в международном рабочем движении, но прежде всего для дальнейших судеб социализма в нашей стране. Мы не уклоняемся от каких-либо дискуссий и дружеских советов, исходящих от других коммунистических партий. Однако мы считаем совершенно неприемлемым стремление подменить деловую аргументацию политическим или экономическим нажимом. Такие действия мы рассматривали бы как грубое вмешательство в наши внутренние дела.

Мы верим, что Президиум ЦК КПЧ в соответствии с документами, принятыми в последние годы на совещаниях представителей международного рабочего движения, конкретно займет такую позицию, которая сможет полностью обеспечить наш государственный и партийный суверенитет.

2. Конференция настаивает на том, чтобы еще до окончания ее работы все делегаты были ознакомлены с содержанием упомянутых писем. Было бы правильно, однако, чтобы о содержании писем по внутрипартийным каналам были подробно информированы все члены КПЧ.

Одновременно мы требуем, чтобы вся партия была без промедления и обстоятельно проинформирована о мероприятиях, которые были приняты ЦК КПЧ в связи с письмами.

3. Конференция рекомендует немедленно передать эту резолюцию соответствующим средствам массовой информации.

4. Редакционная комиссия в своем большинстве высказалась за то, чтобы направить эту резолюцию другим областным конференциям, однако условились передать решение этого вопроса на усмотрение самой конференции.

Нетрудно понять, что проект резолюции, и особенно его третий пункт, касающийся передачи данного решения средствам массовой информации, оказался неприемлемым для Й. Смрковского. Принятие резолюции в целом означало бы, что при его участии как члена Президиума ЦК КПЧ устраивается открытая кампания нажима на этот же Президиум. Поэтому он вновь попросил слова и обратил внимание присутствующих, что это является внутрипартийным делом и что вопрос о передаче резолюции средствам массовой информации необходимо еще рассмотреть в Президиуме ЦК. «Это моя просьба, и вы уж *решайте как хотите*» (!). Далее он заявил, что по техническим причинам в ходе конференции невозможно ознакомить делегатов с содержанием писем. «Я сам узнал об этом вчера поздно вечером. Здесь нет никого из членов Президиума, кроме меня, — Пиллер на другой конференции, Дубчек, кажется, в Кошицах и т. д. Президиум партии еще не мог обсудить письма, так как они пришли вчера, а мы в этот день все разъезжались».

При этом он рекомендовал, чтобы конференция сообщила о своем решении только Президиуму ЦК КПЧ и не

направляла его областным конференциям. «Будем придерживаться цели нашей конференции, будем готовиться к XIV съезду».

Обратите внимание, Й. Смрковский просил, чтобы не создавалась атмосфера давления в его присутствии, после того как своим выступлением он сам практически положил ей начало.

Были предложения за и против. Говорилось о том, что никто этого письма не читал. Страсти разгорелись. «Либо нас ознакомят с содержанием писем, и мы сможем соответствующим образом реагировать, либо мы должны считать первый абзац внутрипартийным делом», — заявил один из делегатов. В ходе дискуссии предлагалось также, чтобы «Президиум собрался в спешном порядке или члены Президиума связались между собой ночью по телефону, с тем чтобы конференция смогла принять соответствующее решение». Раздавались голоса о том, чтобы «никто не лез в наши дела, что мы будем поддерживать руководство до тех пор, пока оно будет проводить правильную политику». Й. Смрковский в качестве алиби предложил записать во вступительной части решения, «что он информировал конференцию по просьбе делегатов».

Конференция одобрила первый пункт решения с таким дополнением (против голосовали 19 делегатов, 8 — воздержались).

Второй пункт было предложено изменить, указав в нем, что в начале следующей недели райкомы будут проинформированы об этом по телетайпу (Делегат Пискачек от района Прага-10);

Э. Гольдштюккер предложил опустить первое предложение, так как письма адресованы Президиуму ЦК КПЧ, который их еще не рассматривал. Делегат Царда от района Прага-3 потребовал объяснить, каким образом о письмах стало известно за границей. Делегат Ружичка от района Прага-2 счел недостойным для члена партии выдвигать перед Президиумом ЦК КПЧ ультимативные требования, Шнейдрова (вузы) задала вопрос, не следовало бы Президиуму ЦК провести срочное заседание...

По третьему пункту — о немедленной передаче резолюции средствам массовой информации — в основном говорилось о том, что это дело внутрипартийной информации (Делегат Сухарда). Делегаты Троянова и Котвальд от района Прага-2 выступили с предложением не принимать

этого пункта; Делегат Коткова от района Прага-3 заявила, что общественности все равно об этом станет известно завтра, а Ф. Шамалик (вузы) указал на то, что это один из самых важных вопросов и что «для его решения требуется поддержка всего нашего общества...» (Третий пункт резолюции был вычеркнут, против голосовало 48 делегатов.)

На следующий день с критическим замечанием на конференции выступила Иглова от района Прага-8, заявив, что, «пока мы здесь обсуждали вопрос о том, что дискуссия о письме будет внутривластным делом, выступление товарища Смрковского передано со всеми подробностями по телевидению...». Сразу же после этого выступил И. Пеликан, дабы убедить всех, что он здесь ни при чем. «Что касается высказанного здесь замечания относительно передачи, показанной вчера по телевидению, то на это было разрешение товарища Смрковского редактору чехословацкого телевидения т. Свейковскому, который здесь присутствовал. Я, к сожалению, не видел передачи, так как присутствовал здесь... но т. Свейковский на мой вопрос подтвердил, что все показали, предварительно согласовав с товарищем Смрковским, т. е. сделали в соответствии с его пожеланиями» (!!).

Вывод читатель может сделать сам...

Классовый состав делегатов и перманентные заседания

В свете общей атмосферы того времени уместно обратить внимание на классовый состав делегатов конференции.

Прага, один из наиболее важных промышленных центров республики, на партийной конференции была представлена лишь 12,4 процента рабочих. Общественных работников было 10,7 процента, деятелей искусства и культуры, врачей, работников школы и студентов — 13,3 процента, научных работников — 9,3 процента, административных служащих, военнослужащих, пенсионеров, домашних хозяек — 22,2 процента, инженерно-технических и хозяйственных работников — 26,2 процента. Такие показатели не отвечают ни составу членов партии, ни ее характеру.

Это не только не претило вожакам правых, но, напротив, было им на руку. Об этом свидетельствуют следующие слова из доклада горкома КПЧ: «Наш городской комитет

после апрельской конференции считал своей главной задачей использование многочисленной группы интеллектуалов в Праге для быстрого решения внутрипартийного кризиса и ускорения подготовки чрезвычайного съезда» (Б. Шимон).

Так было и в отношении делегатов съезда. Председатель мандатной комиссии Шварц обосновал незначительное представительство рабочих на конференции тем, что районные конференции не представили свои предложения. Он заявил, что, «чем выше уровень работы конференции, тем естественнее получается так, что на нее избираются... рабочие, которые приобрели профессию и уже не могут считаться рабочими». Он заявил, что вполне нормально, когда *«на съезде, и особенно на выборах в ЦК, не будет возможности соблюдать... требование непосредственного представительства рабочих с предприятий, так как в первую очередь будет стоять вопрос об обеспечении квалифицированного состава ЦК...»* (курсив авт.).

Для того чтобы многочисленная группа интеллектуалов Праги могла в спешном порядке приступить к решению внутрипартийного кризиса, руководствуясь своими идеями, осуществляли ряд чрезвычайных мероприятий.

Пражская городская партконференция стала курьезным явлением в истории партии еще и потому, что она приняла решение о продлении своих полномочий и о перманентности заседания вплоть до XIV чрезвычайного съезда партии, созыв которого был намечен на 9 сентября. С соответствующим предложением от вузовского комитета КПЧ Праги выступил председатель редакционной комиссии Покштефл. Предложение на первый взгляд выглядело довольно невинным: «Городская конференция уполномочивает городской комитет в соответствии с уставом партии руководить городской организацией в период между заседаниями конференции».

По М. Гюблу, «этим подразумевается, что делегаты не считают, что срок их мандатов истек и в случае необходимости смогут вновь собраться на заседание».

По этому поводу были различные мнения. Млыпарж, например, сказал: «Товарищи, лично я как делегат городской конференции буду голосовать против... но, во всяком случае, предупреждаю тех товарищей, которые будут голосовать за это предложение, что в этом случае необходимо изменить формулировку, — конференция сохраняет пол-

помощия вплоть до окончания чрезвычайного съезда. Это можно делать до начала съезда, иначе вы создаете ситуацию, при которой возникает возможность оказывать давление на работу съезда...»

Перешли к голосованию. За непрерывную работу городской конференции голосовало 287 делегатов, против — 165 при 8 воздержавшихся. В противоречии с Уставом партии и вопреки установившейся практике работа конференции приняла перманентный характер...

Как осуществлялся подбор членов ЦК

В ходе работы Пражской городской конференции делегаты были ознакомлены с подготовленными проектами списка кандидатов в центральные органы партии. Было подано примерно 120 предложений. Председатель редакционной комиссии сообщил, что «если бы конференция представила их мандатной комиссии съезда в полном составе, то она не выполнила бы свою задачу. Я предлагаю отобрать 50 кандидатов, за которых конференция проголосует безоговорочно, остальные 70 кандидатур передать для регистрации в ЦК. В число 50 кандидатов включаются лица общегосударственного масштаба, — заметил он, — принимающие активное участие в процессе возрождения, и кандидаты, которые активно проявили себя в масштабах города, районов, предприятий и т. д.»

В связи с тем что некоторые районные делегации настаивали на включении полного списка своих кандидатов, возник вопрос, принять ли на конференции решение о включении кандидатов в количестве 50 человек или составить общий список. Далее рассматривался вопрос о процедуре голосования: открытое голосование, списком или тайное голосование, при котором делегаты съезда вычеркивают фамилии, что покажет, сколько голосов получили отдельные кандидатуры. В дискуссии выступил Милан Гюбл, прибегший к примеру из практики селекционной работы. Милан Гюбл предложил на рассмотрение вопрос о том, следует ли проводить определенную «селекцию» предложенных кандидатов. «Может быть, это и не самое удачное выражение, — сказал он, — но тем не менее необходимо произвести здесь известную сортировку... Лично я, хотя и

не хотел бы оказывать влияния на ход заседания, думаю, что мы должны выбирать более узкий состав».

После длительного обсуждения М. Гюбл заметил, что можно было бы избрать большее число лиц с учетом того, что речь пойдет о двух органах, т. е. в случае федерализации возникнет орган чешской компартии. «Иначе, если мы предложим 50 кандидатур в члены ЦК, то опозоримся в глазах других областных организаций партии этой республики, так как одни заблокируем половину мест в намечаемом ЦК...»

Конференция высказалась за более узкий состав. Однако вопрос, как это осуществить, вновь вызвал продолжительную дискуссию. Некоторые предлагали, чтобы руководство отдельных организаций установило очередность своих кандидатов, другие считали, что необходимо установить определенный критерий. Председествовавший на конференции М. Гюбл напомнил, что «существует еще и проблема «единицы»¹, что большинство делегатов этого района являются одновременно делегатами всего государства. Мы в большинстве случаев выдвигаем делегатов не из среды своих первичных партийных организаций, так как, по сути дела, мы хотим оказать влияние на весь партийный орган, с тем чтобы в ЦК были такие товарищи, которые лучшим образом будут способствовать процессу возрождения. А поэтому мы предлагаем товарищей из Брно (например, Шабату.— *Прим. авторов*), из Словакии и других товарищей, выбор которых, по нашему мнению, гарантирует хорошее партийное руководство. Нельзя идти по пути пропорционального представительства отдельных районов».

При изучении протокола этой конференции напрашивается вывод: успехи в 1968 году настолько вскружили голову правой оппозиции в партии и стране, что она заслужила оскорбительное прозвище «пупа земли». А дикторы Пражской городской конференции являлись «нупом в этом самом пупе земли».

Критические замечания были высказаны также и в связи с тем, что в предложенном списке делегатов на съезд из 193 человек предлагался только 21 рабочий, что абсолютно не соответствует составу городской партийной организации.

¹ Район Прага = 1.— *Прим. авторов.*

Затем началось обсуждение вопроса о регистрации кандидатов в центральные партийные органы и Центральную контрольно-ревизионную комиссию. Было выдвинуто 60 кандидатов. Председатель счетной комиссии заявил, что президиум городского комитета просит иметь в виду то обстоятельство, что «конференции следовало бы учесть ошибки прошлого, сектантство, допускавшееся ранее руководством партии в отношении деятелей дофевральской социал-демократической партии... что конференция поступила бы совершенно правильно, если бы включила в состав кандидатов некоторых из этих коммунистов». Были предложены следующие лица: инженер Б. Флеминг, директор Электроинститута при министерстве техники; доктор Гавелка, заместитель министра просвещения; доктор И. Гаек, министр иностранных дел; доктор права И. Чапка, преподаватель юридического факультета, и доктор Б. Голатко. По предложению с места в список включаются Э. Эрбан и В. Майснер.

Предложения конференцией были приняты. После голосования выступил т. Матейка (Прага-9) с объяснением мотивов, по которым воздержался от голосования, хотя и считал предложение правильным. Он заявил, что конференция нарушает установленные принципы, что эти вопросы не обсуждались в первичных организациях и решение принималось без их ведома.

Председатель счетной комиссии дал разъяснение по этому вопросу, сказав, в частности, что «сейчас это особенно важно, так как некоторые силы из бывшей социал-демократической партии предпринимают попытки возобновить ее деятельность...».

О нервозности атмосферы на конференции и усталости ее делегатов свидетельствует случай, когда секретарь городского комитета партии Котрч, председательствовавший в это время, поставив на голосование вопрос о включении в списки Штики, сказал: «...кто за то, чтобы исключить т. Штику из списков — простите, ошибка, — кто за то, чтобы включить... (в зале смех). Прошу тишины... включить в списки кандидатов в ЦКРК, в ЦК. Товарищи, предложение ясное: кто за (шум в зале). Спасибо. Кто против (шум в зале). Спасибо. Кто воздержался (шум в зале). Явное большинство. Остается в списке кандидатов». (Дословный текст протокола.)

Протокол отражает неясность определенных этапов

работы конференции. Ход работы конференции был настолько сумбурным, что делегат иногда даже не знал, когда и кем был предложен, а кто, простите, запутался в этой сети массовой «селекции».

Махинации с выдвижением кандидатур продолжались. И. Румл, редактор «Репортера» (Прага-1) выступил против кандидатуры Рыбаржа из министерства внутренних дел, «так как он был руководителем инспекционной группы, проводившей расследование страговских событий¹...». На это тотчас же среагировал делегат Гомола, сказав, что Рыбарж единственный из партийной организации министерства внутренних дел был избран единогласно, так как он представляет прогрессивное крыло, и призвал в свидетели министра внутренних дел Й. Павела.

Министр Й. Павел заявил, что приведенные факты ему неизвестны, «но что я могу свидетельствовать, что когда я ходил в министерство внутренних дел во времена правления т. Кудрны и беседовал о том, как мы строили органы безопасности после февраля и как им следовало бы работать сейчас, то всегда встречал полное понимание со стороны товарища Рыбаржа...».

В дискуссию вновь включился секретарь ЦК З. Млынарж и просил И. Румла «более тщательно проверять факты, которые приводит здесь. Вчера, например, Румл заявил, что т. Индра, как секретарь обкома, был членом пятерки органов безопасности и поэтому несет ответственность за аресты людей... Это неправда, так как в то время, когда т. Индра был секретарем обкома, «пятерок» органов безопасности уже не существовало».

Голос с места: «...я только удивляюсь, как товарищ Румл, такой корректный журналист, может обвинять людей».

Когда сейчас перечитываешь протокол конференции, который в целом верно отражает весь тот беспорядок, то временами не знаешь, то ли смеяться, то ли плакать. Во всяком случае, нельзя не согласиться с проницательным замечанием члена городского комитета КПЧ т. Ковала: «Товарищи, вычеркивайте монтеров, рабочих, женщин, не предлагайте молодежь... и у нас будет идеальный Центральный Комитет...»

¹ Страгов — район Праги, где расположено общежитие студентов.

Их было 70 товарищей, членов Центрального Комитета и ЦКРК, которых не следовало выдвигать кандидатами в члены нового ЦК и ЦКРК. Б. Шимон назвал этот список «черным списком». В него были внесены товарищи, подозреваемые в том, что в прошлом они якобы являлись инициаторами и опорой догматически-сектантской политики, т. е. те товарищи, которые якобы уже не в состоянии обеспечить проведение новой политики партии. Однако никто и не утруждал себя анализом их работы, оценкой их деятельности. Кто-то наклеил на них этот ярлык, и этого было достаточно. Начало дискуссии положили делегации района Прага-9 и делегация вузовского комитета, которых поддерживали делегации районов Прага-1, Прага-2 и Прага-6. В «черный список» были занесены следующие товарищи: *Адамец, Ауэрсперг, Давид, Добиаш, Дворжак, Фойтик, Гавелка, Гоффман, Гечко, Гаек Вацлав, Глина, Грон, Гавлин, Хнѣупек, Индра, Кольдер, Крчек, Капек, Корчак, Лаштовичка, Леффлерова, Ленарт, Немец Йозеф, Новый Вилем, Немец Ярослав, Пастыржик, Пашек, Пецка, Рытирж, Румл Влад., Скала, Свобода Я., Шимунк, Штолл, Свобода А., Штроугал, Швестка, Тесарж, Троян, Воленик, Валента, Завадил* и др.

Перед началом дискуссии по этому вопросу Шимон сказал: «...если предложение будет принято в том виде, как представлено, то я рекомендовал бы внести в решение хотя бы поправку о том, что наша конференция принимает к сведению предложения пяти районов и поручает делегатам конференции не поддерживать кандидатуры указанных товарищей... Было бы лучше не указывать это в решении конференции, а об инициативе пяти районов сообщить непосредственно в ЦК и Президиуму ЦК. Я опасаюсь, что в ходе голосования по отдельным кандидатурам наша конференция разделится...»

Вокруг этого вопроса разгорелась острая эмоциональная борьба, продолжавшаяся в течение нескольких часов. При этом выяснилось... Впрочем, пусть говорят сами делегаты.

Первый, неназванный оратор, в частности, заявил: «...в соответствии с действительной волей народа, членов партии будет созван чрезвычайный съезд с единственной целью — осуществить в ЦК такие изменения, чтобы пол-

ностью отмежеваться от товарищей, которым там не место. Ведь к нам поступило более 2000 предложений... а мы здесь будем торговаться о том, больше или меньше иные люди скомпрометировали партию после 1952 года... и будем теперь здесь за них бороться. Это действительно недостойно...»

Разумеется, на конференции раздавались голоса протеста. Делегат Гейда от района Прага-10 заявил: «...я не сторонник столь скоропалительного обсуждения и оценки людей. Нам следовало бы поручить ЦК дать оценку этим лицам и их работе и только после этого выносить категорическое суждение».

Однако были и другие мнения. Делегат Шима, район Прага-1: «...я не согласен с т. Шимоном, так как мы имеем право в любое время высказать свое мнение о членах ЦК... и я настаиваю на том, чтобы это было указано в решении».

Делегат Сиручек, район Прага-10: «...мы должны быть благодарны товарищам, которые предложили этот список, потому что таким образом мы впервые официально можем ознакомиться с фамилиями, которые от нас утаивали» (курсив авт.).

Тов. Врба отметил дифференциацию, содержащуюся в следующих фразах решения: «...отмежеваться от тех основных лиц, которые были инициаторами и опорой... вредных методов, равно как и от тех, кто уже не в состоянии обеспечить новую политику партии...»

Несмотря на это, приняли решение закончить прения и приступить к обсуждению кандидатур, дискуссия продолжалась. Часть делегатов вновь вернулась к вопросу о том, что вряд ли следовало обсуждать людей без предварительной оценки. Председательствующий Махонин обратил внимание на то, что здесь приняли решение «зачитать список товарищей, которых мы не рекомендуем выдвигать в ЦК, и надо уточнить этот список».

Одни доводы сменялись другими, неразбериха предыдущего дня продолжалась.

На конференции, по-видимому, вообще отсутствовала всякая дисциплина. Обсуждая вопросы, то и дело перескакивали с пятого на десятое. Один из делегатов попросил Махонина «не склонять слово «демократия», а соблюдать демократию данной конференции, не быть тенденциозным и субъективным. Мы просим слова вот уже полчаса, а он не замечает нас и предоставляет слово т. Пришкрылу,

который выступает в 15-й раз... Я предлагаю принять решение и апеллирую к вашей партийной совести...»

Делегат Стыбло (Прага-6): «Я просил слово еще до голосования, мне его не дали. Я не могу голосовать за людей, о которых ничего, кроме их фамилии, не знаю...»

Как видно из дальнейшего хода заседания, обстановка накалялась, председательствующий не справлялся со своими обязанностями. Он предложил: «...если будем голосовать, а это мы уже практически решили, то необходимо соблюдать очередность, а то, кто будет включен, а кто нет, поэтому прошу голосовать по каждой кандидатуре от А до Я отдельно».

Делегат Чигак от района Прага-1 поясняет, что партийная организация его района тщательно обсуждала каждого кандидата в отдельности. Это обсуждение длилось более двух часов, из чего вытекает, что *список был составлен далеко не случайно*.

Неразбериха усиливается, раздаются голоса с требованием не смешивать разные мнения, придерживаться процедуры... которая была принята. Чтобы никто не думал, что конференцией манипулируют, предлагается провести тайное голосование, чтобы делегатов не вынуждали голосовать списком, а поступать более разумно.

Делегат Тонин от района Прага-7 протестовал против метода, «навязанного нам всем...».

Выступает Й. Смирковский: «...из этих 70 по меньшей мере 50 на съезд вообще не попадут, так как не являются делегатами конференций. Они не принимаются в расчет... я имею в виду эти 50, мы же обсуждаем вопрос, который предрешен. Однако я рекомендовал бы вручить этот список делегатам, избранным на съезд, и обязать голосовать против, выступать против, если возникнет вопрос о ком-либо из них».

В этой сложной обстановке состоялся разговор между Б. Шимоном и председателем комиссии Покштефлом по поводу следующего предложения: «Дополнить пункт 3 более категорическим требованием к съезду о том, что наша конференция принимает к сведению предложения делегаций ...чтобы в новом составе ЦК, т. е. чтобы наша делегация не поддерживала кандидатов в новый ЦК и ЦКРК... о которых мы договоримся».

Договоренность между Шимоном и Покштефлом была признана наиболее приемлемой, равно как и про-

цедура голосования, предложенная Припкрылом и принципы, предложенные Кршечекон.

После этого вновь выступил делегат от района Прага-1 с тем, «что он не понимает этих принципов... что большинство людей не известны, а если кто-то кого-то знает и сознательно вычеркивает, то это совершенно не может повлиять на результаты: если оказался в общем списке, из которого надо вычеркивать, то результат ясен...».

Предлагается следующий проект решения: «Конференция принимает к сведению предложение делегаций района Прага-9 и вузовского комитета с поправками делегаций районов Прага-1, 2 и 6 о том, чтобы товарищи, указанные в вышеприведенном списке, не выдвигались кандидатами в члены ЦК, и поручает делегатам съезда, избранным городской конференцией, не поддерживать этих товарищей, а горкому — информировать об этом ЦК».

Вновь не было единства. Предложения и мнения без конца менялись. И. Пеликан от района Прага-1 выступил с дополнением к предложению Шимона и Покштефла и просил список ни в коем случае не публиковать. Некоторые заявляли, что не будут голосовать за весь список, а лишь за отдельные кандидатуры. В дискуссию вмешался Корыс от района Прага-8 и обратил внимание делегатов на то, что в соответствии с регламентом решение считается принятым, если за него проголосует больше половины делегатов с правом решающего голоса.

Лапский: «...по сути дела, из членов ЦК и ЦКРК моральное право быть вновь выдвинутыми кандидатами имеет лишь меньшая часть, те, кто активно боролся за приход января. Я считаю, что это единственно приемлемый критерий. С этой точки зрения нас не должно беспокоить 70 ли кандидатов или... Я думаю, что если мы откажемся от такого подхода, то очутимся в таком же положении, как ЦК и руководство накануне мая... если мы не уясним, о чем идет речь, так как утверждения о том, что я, мол, кого-то не знаю, по-моему, не являются достаточным основанием».

Однако правые не хотят сдаваться. Предлагается проголосовать за изменение регламента, с тем чтобы решение принималось большинством присутствующих, а именно тех, «кто голосует за или против, не считая тех, кто от голосования воздержался».

Голос с места предостерегает против антидемократи-

ческого характера этих действий. Делегат Брандейс от района Прага-3 метко характеризует создавшееся положение: «Мы все больше чувствуем, что наша работа зашла в тупик, что мы пытаемся сохранить остатки какой-то демократии, а на деле это не демократия. Если взглянуть на это голосование, то становится ясно, что в итоге решение принимается меньшинством, а большинство об этом ничего не знает... Любой суд, а эта конференция в своем роде им является, должен выслушать обе стороны: истца и ответчика. Ответчики здесь не присутствуют... Я считаю, что в этих условиях я не берусь судить со всей ответственностью лишь на основе простой информации...»

Делегат Штейнер из района Прага-6 констатирует: «...мы попали в столь сложное положение, что не знаем, как выпутаться». Он предложил исключить из решения пункт 3 и поручить районным делегациям, «причастным к нему», обратиться со своим предложением и аргументацией непосредственно в ЦК...

«Для того, чтобы выйти из тупика,— говорит председатель редакционной комиссии,— я предлагаю исключить из формулировки, предложенной мною и т. Шимоном, слова «делегатам городской конференции рекомендуется не поддерживать на съезде этих товарищей...». Следовательно, предложение будет сформулировано следующим образом: «Конференция принимает к сведению предложения делегаций о том, чтобы товарищи, указанные в прилагаемом списке, не выдвигались в ЦК, ЦКРК, и поручает городскому комитету информировать об этом ЦК и съезд»».

Так выглядел на практике и так бесславно закончился один из «великих демократических экспериментов», подготовленный и разыгранный гуманной «элитой» нашего общества.

*Из статей в еженедельнике
«Трибуна» № 32, 39, октябрь
1969 г.*

ТЕНЕВЫЕ СТОРОНЫ МОЛОДОГО БРОЖЕНИЯ

ПОЧЕМУ З. ВОКРОУГЛИЦКИЙ СОШЕЛ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЫ

Чехословацкий союз молодежи потерял дееспособность в последние годы своего существования. Негибкость и недостаточное внимание к запросам отдельных групп молодежи подавляли интерес к Союзу. Бюрократические методы политического руководства ослабляли инициативу руководителей первичных организаций, отдельных органов ЧСМ и пионерской организации. Ситуация требовала такого решения, которое смогло бы удовлетворить различные интересы социальных и других групп молодежи с учетом возраста и запросов молодого поколения, подрастающего в социалистическом обществе под руководством коммунистической партии. *Наряду со справедливой критикой недостатков некоторые руководители ЧСМ начали ориентировать молодежное движение в другом направлении: они предлагали ликвидировать единую организацию чехословацкой молодежи, разбить ее на отдельные, самостоятельные объединения, которые хотели создавать по профессиональному признаку, и брали за образец структуру профсоюзов. Делались попытки возобновить деятельность некоторых довоенных организаций, прежде всего религиозного характера, и создать новые, которые должны были более или менее примыкать к различным политическим партиям.*

В мелководье беспринципности

В марте 1968 г. на пленуме Центрального Комитета Союза молодежи председателем ЦК ЧСМ избирается З. Вокруглицкий. Этот же пленум, «стремясь содействовать демократическому и неформальному развитию и упорядочению организованного молодежного движения в ЧССР», передавал свои полномочия отдельным советам ЦК ЧСМ. По существу, это явилось началом ликвидации организационного, а в некоторых случаях и идейного един-

ства молодежного движения. Имелось достаточно оснований, чтобы предполагать, что З. Вокроуглицкий выведет молодежное движение из беспринципного барахтанья в мелководье на путь сознательной и постоянной поддержки политики партии, сотрудничества с молодежью Советского Союза и других социалистических стран, на путь развития плодотворных связей с прогрессивной молодежью мира. Это была нелегкая задача, но З. Вокроуглицкий взялся за ее решение.

Его авторитет и популярность быстро возрастали, но еще быстрее продолжался развал Союза молодежи.

На основе прежних и вновь сформулированных требований различных социальных, возрастных и других групп молодежи дело постепенно шло к созданию ряда самостоятельных организаций. Молодежное движение погрязло в бесконечных процедурных спорах, в результате чего сильно ослабилось внимание к идейно-воспитательной работе. Правооппортунистические и экстремистские силы сознательно активизировали свою работу в этом образовавшемся вакууме. Они выступали против руководящей роли партии, против принципов марксизма-ленинизма, против дружбы с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Самовластитель в большой игре!

Один из ближайших сподвижников З. Вокроуглицкого так вспоминает об этом периоде:

«Руководство ЦК ЧСМ и исполнительный комитет все более подпадали под диктат председателя З. Вокроуглицкого, который укреплял свое положение, используя нашу поддержку. Он становился суверенной фигурой. На наших заседаниях обычно не было твердой повестки дня, мы постоянно импровизировали. Позже мы убедились, что эта импровизация не была случайной, как казалось. Руководящие органы не получали информации. Информировались прежде всего те, кто был ближе к председателю, т. е. влиятельные лица. З. Вокроуглицкий все более становился участником большой политической игры, в тайны которой становилось все труднее проникать. При этом использовались некоторые формы работы прошлого периода, особенно в области кадровой политики. Неустанно выдвигалось требование возможно быстрее освободиться от старого аппа-

рата ЧСМ, что фактически и осуществлялось на практике. В тот период я был несколько наивным и предполагал, что авторитет председателя ЦК ЧСМ поможет успешно справиться со сложным положением в молодежном движении. О наших руководящих деятелях З. Вокроуглицкий начал говорить с фамильярностью: Дубчек был для него Сашей, Черник — Олдой и т. д... Чувствовалось, что на этот раз наш председатель имеет широкие контакты. Как бы из скромности З. Вокроуглицкий обращал наше внимание на необходимость «приглушения» его быстро растущей популярности, ибо, мол, о нем уже говорят как о пятом деятеле государства. Однако его бонапартизм с развитием событий непрерывно возрастал. Председатель ЦК ЧСМ принимал все более активное участие в общегосударственной и общепартийной политике. Например, высказывались сомнения в целесообразности его участия в софийском фестивале, ибо он «нужен т. Дубчеку для работы над документами»... В тот период в министерстве внутренних дел скопилось 15 заявок на регистрацию новых организаций... (Объединение социалистической молодежи, Национальный клуб демократии и т. д.). Мы занимали отрицательную позицию в отношении создания этих организаций вне рамок ЧСМ. Поэтому меня поразило сообщение в печати о том, что председатель ЦК ЧСМ принял представителей подготовительного комитета Объединения социалистической молодежи и заверил их в поддержке со стороны ЧСМ. Никогда и ни с кем эта поддержка не была согласована. Я не мог понять этих произвольных действий З. Вокроуглицкого, ведь эти самозванные представители на своем собрании в пражском театре Рококо, на котором присутствовали 192 человека, открыто провозглашали требование о нейтралитете Чехословакии, требовали нашего выхода из организации Варшавского договора, пропагандировали беспартийность нашей политики и т. д. Выдвижение лозунга, что молодежь нуждается в десятках сепаратных организаций вне рамок ЧСМ, было определенной тактикой в тогдашней политической борьбе...»

В противоречии с политикой партии

Можно привести много примеров, характеризующих раскольническую деятельность З. Вокроуглицкого. Начиная с августа некоторые его политико-идеологические

позиции и непосредственная практическая деятельность вступают в явное противоречие с политикой Центрального Комитета КПЧ. В тот период он опубликовал несколько личных заявлений и призывов, адресованных чехословацкой общественности, молодежи, советским войнам-комсомольцам. Они носили явно антисоветский характер и были по содержанию и форме значительно острее, чем официальные документы руководящих органов молодежных и детских организаций. *Выступая от имени ЦК КПЧ, он заполучил в министерстве внутренних дел фотографии коммунистов — так называемых предателей, среди них и члена Центральной контрольно-ревизионной комиссии КПЧ Вильяма Шалговича. Эти фотографии с указанием фамилий появились в двух нелегальных листовках. В одной листовке содержался даже призыв к их физическому уничтожению. Вместе с тем Центральный Комитет Союза молодежи, который возглавлял З. Вокруглицкий, размножил фотографии отдельных членов Президиума ЦК КПЧ и З. Вокруглицкого с текстом «Мы с вами — будьте с нами» и призывом направлять эти фотографии XIV чрезвычайному съезду КПЧ. Такое приравнивание своей личности к тогдашним партийным руководителям ЦК КПЧ явилось по меньшей мере проявлением высокой амбициозности и нескромности.*

ЧСМ разваливался прежде всего сверху, с заметной помощью работников тогдашнего секретариата исполнительного комитета ЦК ЧСМ во главе с З. Вокруглиским. Внешне создавалось впечатление, что они стремятся что-то сохранить, но в действительности концепция общегосударственного характера молодежного движения была обречена. Происходило постоянное столкновение различных взглядов и представлений о будущей форме интеграции. *В стремлении найти хотя бы минимальную (!) базу для объединения организаций принимались компромиссные и непродуманные решения, которые по своим последствиям объективно вели к игнорированию федерализованной системы детских и молодежных организаций, одобренной на VI пленуме ЦК ЧСМ. Отход от федеративной формы объединения сегодня можно охарактеризовать как уступку ошибочным взглядам на развитие молодежного движения, тем более что представители отдельных организаций, а также большинство возникающих союзов подтвердили принцип национальной федерации.*

Вместо федерации в процессе всевозможных изменений было создано Объединение детских и молодежных организаций. Оно выступало всего лишь как национальный координационный центр, лишенный руководящей роли, не имевший собственных исполнительных органов. Очень быстро проявилась бесплодная фантастичность системы, в соответствии с которой принимаемые решения в совете Объединения детских и молодежных организаций (в совет входили представители отдельных организаций) должны были реализовываться по вертикальной линии. Эта система почти не действовала.

В ходе подготовки национального конгресса Объединения детских и молодежных организаций, который состоялся 19—20 декабря 1968 г., уже после ноябрьского пленума ЦК КПЧ, выработавшего принципы нормализации положения, наряду с демократическим подходом проявились и недопустимые, экстремистские и совершенно неправильные тенденции, наиболее активно пропагандируемые представителями Союза студентов (хотя Союзу студентов делались всевозможные уступки, он, однако, не вошел в Объединение детских и молодежных организаций). Немарксистские и зачастую оппортунистические позиции этого Союза, подкрепленные представлениями о узаконенном произволе в деле выполнения или невыполнения принятых решений, так как, мол, любая организация должна иметь абсолютный суверенитет, существенно углубляли организационную и идейную неразбериху.

Сам конгресс проходил в атмосфере, сложившейся под влиянием субъективных взглядов на дальнейшее развитие социализма в нашей республике; ноябрьская резолюция ЦК КПЧ как будто и не существовала. Одобренные на конгрессе документы не содержат даже необходимых принципов, определяющих роль молодежи в социалистическом обществе. Это свидетельствовало о том, что конгресс не решил задачу новой организации детей и молодежи. Небезынтересно, что принципиального решения все эти назревшие вопросы молодежного движения не получили и после того, как во главе Совета Объединения детских и молодежных организаций стал З. Вокроуглицкий.

Тезисы Манифеста молодого поколения

Решение, в общем-то, подготавливалось, но совершенно другое. В конце января текущего года собралась рабочая группа, в которую вошли, кроме других, И. Румл, Л. Пахман, И. Ледерер и Й. Вагнер. Эта группа выработала тезисы Манифеста молодого поколения, сформулированные в стиле высокой политики. Напрасно было бы искать в них признаки решения действительных специфических вопросов молодого поколения, их там просто не было. Вместо них в тезисах содержались идеи, ставящие под сомнение ноябрьскую резолюцию ЦК КПЧ, немарксистские, субъективные оценки политической ситуации и т. д. Из объемного материала мы приводим некоторые «небезынтересные детали».

В ноябрьской резолюции пленума ЦК КПЧ определенно указывалось, что главной опасностью является опасность справа, и это подтверждалось всем ходом дальнейших событий. В тезисах манифеста читаем: «В период, когда открыто формируется агрессивная консервативная догматическая группа внутри партии, руководство упорно ориентирует на опасность, исходящую не с той стороны. Утверждение о существовании экстремистских, антисоциалистических сил дезориентирует общественность и подрывает авторитет руководства. Консервативная группа внутри ЦК КПЧ заметно активизирует свою деятельность... Все это является проявлением постоянного курса на возврат к доянварскому положению».

Авторы не выразили поддержки партии, а, наоборот, попытались усилить те тенденции, которые потенциально содействовали углублению кризисной ситуации. «Вследствие падения авторитета КПЧ (!) общественный нажим охватил профсоюзы, организации культурного фронта и молодежь. Создание единого фронта этих организаций, которые выступают с подчеркнуто прогрессивными (?) политическими требованиями, является логическим следствием и прямым результатом того, что руководство КПЧ не пользуется доверием (!) общественности...» Комментарии, как говорится, излишни, ибо в дальнейшем на заседаниях ЦК КПЧ было в целом ясно доказано, кому «давление» пошло на пользу и против кого оно направлялось.

Хотя авторы тезисов манифеста выступают от имени общественной организации, они не колеблясь поставили себя над партией и ее руководством, начали диктовать свою волю:

«Мы считаем необходимым, чтобы съезд чешских коммунистов состоялся в конце мая или в крайнем случае не позднее июня и чтобы XIV съезд КПЧ был созван в конце июня или не позднее начала сентября. В интересах успокоения общественности дата созыва обоих съездов должна быть безотлагательно обсуждена в ЦК КПЧ и оглашена. Мандаты делегатов, избранных в прошлом году, должны быть признаны действительными, так как речь идет о продолжении того же съезда».

В подобном «духе» в тезисах затрагиваются и вопросы выборов в представительные учреждения, и международные проблемы, например проблематика СЭВ, Варшавского договора, отношений ЧССР с КНР и другими странами. В международной области выдвигаются и ближайшие задачи...

Не случайно, что З. Вокроулицкий своими меморандумами, направленными президенту республики, Президиуму ЦК КПЧ, Федеральному собранию, федеральному правительству и чешским национальным органам, попытался претворить в жизнь эти тезисы, действуя в противоречии с политической линией, выработанной на ноябрьском пленуме ЦК КПЧ.

Тезисы Манифеста молодого поколения были дезавуированы 16 сентября 1969 г., когда «Совет Объединения детских и молодежных организаций» критически пересмотрел некоторые свои документы, особенно те, которые оказали наиболее сильное воздействие на общественность, и решил дать принципиальную оценку позиции большинства членов Совета, которые выступили за их ликвидацию, так как принятие этих документов «знаменовало попытку антисоциалистических сил использовать в своих целях молодежное движение в ЧССР против руководящей роли партии, против единства молодого поколения». На этом заседании Совета Объединения детских и молодежных организаций З. Вокроулицкий был освобожден от выполнения обязанностей председателя объединения.

Нет никаких оснований для утверждения, что З. Вокроуглицкий вел активную политическую борьбу против правых сил внутри молодежного движения. В директивах майского пленума ЦК КПЧ констатируется, что «в различных организациях нашего молодежного движения четко проявились оппортунистические, а частично и антисоциалистические тенденции, которые имеют своих защитников и в некоторых руководящих органах молодежных организаций». Выступая вскоре после этого пленума со статьей в газете «Млада фронта», З. Вокроуглицкий не счел нужным даже упомянуть об этих выводах. Напротив, несмотря на то что он был прекрасно информирован о позиции партии в отношении «Союза молодых», З. Вокроуглицкий, как председатель Совета Объединения детских и молодежных организаций, не воспротивился принятию резолюции на общегосударственном конгрессе детских и молодежных организаций в марте 1969 г. В этой резолюции давалась отрицательная оценка существованию и деятельности «Союза молодых». З. Вокроуглицкий поддержал принятие этой резолюции.

С дезинтеграцией молодежного движения, возглавляемой З. Вокроуглицким, правые оппортунисты связывали немалые надежды, ибо это объективно содействовало разжиганию эмоциональных чувств и накалу страстей среди молодежи, которые зачастую направлялись против политики партии, что наносило непоправимый вред жизненным интересам молодого поколения. Подобная политика обусловила ошибки и заблуждения и еще в большей степени усугубила и без того сложное развитие в нашей стране. Нужно будет проделать еще много работы, чтобы все молодые люди поняли, что их место — бок о бок с коммунистической партией.

На международной арене

За истекший период также значительно осложнилось наше международное положение, ухудшились отношения чехословацкого молодежного движения с Советским Союзом и другими социалистическими странами, осложнились наши связи с международными и студенческими ор-

ганизациями, где позиция З. Вокроуглицкого играла существенную роль и оказывала влияние. О некоторых его действиях мы уже писали. Ян Прохазка, председатель Чехословацкого объединения студентов, охарактеризовал деятельность З. Вокроуглицкого на посту президента Международного союза студентов таким образом, что З. Вокроуглицкий отвечает за нарушение связей с большинством молодежных организаций социалистических стран и за аналогичные действия в студенческом движении. Кроме того, Чехословацкое объединение студентов выдвинуло серьезные претензии в связи с деятельностью З. Вокроуглицкого как президента МСС. Его работа на этом посту находилась в противоречии с традициями чехословацкого студенчества.

Деятельность Объединения детских и молодежных организаций, его представителей и всех остальных руководителей молодежного движения в области международных отношений должна всемерно способствовать воспитанию молодых людей в духе пролетарского интернационализма, воспитанию чувства нерушимой дружбы с социалистическим содружеством, дружбы с молодежью и народами СССР и других социалистических стран. Она должна содействовать пониманию принципиальных противоречий разделенного мира, позиций и задач молодежи в нем. И здесь особенно ощутимо отсутствие энергичного и принципиального федерального органа, который вырабатывал бы общегосударственные концепции международных связей молодежного и детского движения ЧССР, в частности с международными организациями, а также обеспечивал бы их последовательное претворение в жизнь.

Прежде чем предложение о выводе З. Вокроуглицкого из состава ЦК КПЧ было внесено в повестку дня сентябрьского пленума ЦК КПЧ, в комиссии Президиума ЦК КПЧ обсуждалась его деятельность, находящаяся в противоречии с политикой партии, что самокритично признал и сам З. Вокроуглицкий. З. Вокроуглицкий согласился с предложением о его исключении. Таким образом, он оказался среди тех, кто отошел от марксистско-ленинских позиций, скомпрометировал партию в сложный период и в дальнейшем не проявил желания избавиться от серьезных ошибок и помочь партии.

«Руде право», 22 октября 1969 г.

ПОПЫТКИ ПРАВОВОГО ЦЕНТРА ОСУЩЕСТВИТЬ ПЕРЕВОРОТ В ПАРТИИ

ИЗ ПРОТОКОЛЬНЫХ ЗАПИСЕЙ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ВЫСОЧАНСКОМ СЪЕЗДЕ»

Наш разбор самого хода и содержания так называемого «высочанского съезда», который мы предлагаем читателям газеты «Руде право» на основе магнитофонных записей, должен дать каждому, кто этого желает, возможность глубоко задуматься над приводимыми фактами и уяснить, чем могла кончиться авантюристическая политика правооппортунистических идеологов для нашей партии, для нашей социалистической республики.

Что предшествовало «высочанскому съезду»

Майский пленум ЦК КПЧ 1968 г. был последней попыткой отразить напор правооппортунистических сил и их союзников — различных антисоциалистических группировок, таких, как Клуб активных беспартийных (КАН), «Клуб 231», подготовительные комитеты социал-демократической партии, наконец, формирующиеся отряды для физического уничтожения коммунистов. Решения майского пленума ЦК КПЧ игнорировались всеми средствами массовой пропаганды, которые не дали возможности общественности познакомиться ни с одним выступлением на майском пленуме.

Вдохновленные тем, что им легко удалось воспрепятствовать выполнению решений майского пленума ЦК КПЧ, правые начали с еще большей наглостью добиваться достижения своих стратегических целей. Но пока еще не по открытой программе, которая выкристаллизовалась полностью лишь на «высочанском съезде». Однако все акции, которые они организовывали как в органах массовой про-

паганды, так и во внутрипартийной жизни, преследовали одну главную цель — захватить руководство партией и государством. Каждому, кто с классовых позиций анализировал хотя бы то, что публиковалось (авторы в погоне за славой часто выбалтывали больше того, что от них требовалось), были ясны стратегические цели правых,

Намерения правых

Было ясно, что правые преследовали следующие цели:

1. *Вызвать разрыв с СССР — вывести ЧССР из социалистического содружества стран — участниц Варшавского договора.*

2. *Отказаться от завоеваний февраля 1948 г. — реализовать «новую» модель социализма, в которой отдельные политические партии боролись бы за политическую власть, т. е. создать так называемую плюралистическую систему (что представляет по своим последствиям не что иное, как возврат к буржуазно-демократической системе, со всеми вытекающими отсюда последствиями для общества).*

3. *Постепенно свести на нет все социалистические завоевания народа и вернуться к анархической капиталистической системе народного хозяйства.*

4. *Ликвидировать Коммунистическую партию Чехословакии как партию марксистско-ленинского типа и как основное препятствие на пути к так называемому демократическому социализму, как старо-новой мелкобуржуазной модели «социализма».*

Правые сознательно маскировали свои намерения громкими возгласами о том, что у ЦК КПЧ уже нет никакого мандата, что к нему нет доверия и что ему уже не остается ничего иного, кроме как уйти и т. д. Эти тысячи раз ежедневно повторяемые выпады, направленные против законного ЦК КПЧ, преследовали цель создать атмосферу абсолютного недоверия и в то же время провозгласить правых крикунов единственными и истинными марксистами. Одновременно правые пытались создать впечатление, что главной целью приближающегося съезда являются кадровые вопросы, хотя на самом деле они пришли бы на съезд со своей программой.

А) Известное воззвание «2000 слов» опубликовали непосредственно перед чрезвычайными районными и областными конференциями партии. В то время уже значительная часть партийных работников подверглась враждебной и клеветнической обработке средствами массовой пропаганды. Многие из них находились под влиянием правых. Последствия этого для партии были катастрофическими: немалая часть районных конференций своими непринципиальными, неклассовыми заявлениями фактически отвергла решение Президиума ЦК КПЧ по поводу «2000 слов» и тем самым заняла фактически линию правых, сформулированную средствами массовой пропаганды и публично поддерживаемую некоторыми членами Президиума ЦК КПЧ.

Б) Вторым ярким доказательством все более сильного наступления правооппортунистических сил была городская конференция КПЧ в Праге, руководители которой — люди так называемого «второго центра» — пражской интеллектуальной группировки — взяли полностью в свои руки бразды правления и с самого начала оказывали систематический нажим на руководство партии, предъявляли совершенно необоснованные и все более возрастающие требования и ультиматумы, которые Президиум ЦК КПЧ не только не отвергал, но с некоторыми постепенно соглашался.

Городская конференция КПЧ приняла решение о непрерывном заседании ее делегатов вплоть до съезда партии. Уже этот факт был выражением недоверия Президиуму ЦК и Центральному Комитету КПЧ. Это решение приняли с той целью, чтобы в любой момент участники городской партийной конференции могли аннулировать те постановления Президиума и ЦК КПЧ, которые противоречили бы намерениям правого центра, руководившего городской партийной организацией и полностью поддерживаемого средствами массовой пропаганды.

На самой городской конференции были сделаны прямые попытки на приближающемся съезде партии повлиять на выборы. Президиум городской конференции представил список 70 членов ЦК КПЧ и ЦКРК без предварительной оценки работы этих товарищей. Сторонники правых хотели их заменить своими представителями и таким образом за-

хватить власть в коммунистической партии и в государстве. Списки разослали всем райкомам и обкомам партии. Эта фракционная деятельность Пражского горкома КПЧ нашла полную поддержку и у некоторых членов Президиума ЦК КПЧ. Кое-кто может удивиться — ведь был еще Центральный Комитет КПЧ, который мог парализовать эту фракционную деятельность правых.

Однако в это время Центральный Комитет играл второстепенную роль. Вспомним хотя бы тот факт, что на Варшавское письмо пяти братских партий, адресованное Центральному Комитету КПЧ, ответил только Президиум ЦК КПЧ. Центральный Комитет КПЧ мог высказаться лишь по поводу свершившегося факта. Ибо о письме и ответе на него члены ЦК узнали из периодической печати. Этот факт является одним из самых убедительных доказательств демагогии правых, которые клялись народу в том, что лишь они являются единственно последовательными борцами против деформаций партийной жизни 50-х годов, против ограничения прав высшего партийного органа — Центрального Комитета КПЧ.

Однако Президиум ЦК КПЧ присвоил себе право решать (представив ЦК лишь для одобрения) исторически важный вопрос — о разрыве отношений с братскими социалистическими странами, о расколе международного коммунистического движения, вопроса, который в нашей партии никогда не был поставлен.

С одной стороны, красивые слова о ленинских нормах и методах партийной жизни, а с другой стороны, пренебрежительное игнорирование прав ЦК в одном из самых жизненно важных вопросов социалистического содружества. Вполне резонно усомниться в том, что инициаторы тогдашней политики в Президиуме ЦК КПЧ действительно думали о партии и будущем страны. Все свидетельствует о том, что они боялись, найдет ли поддержку у ЦК их политика, преследующая прежде всего личные цели. Именно поэтому они обошли ЦК, избрав совершенно иной путь.

В) Во время обсуждения в Президиуме ЦК КПЧ вопроса о подготовке XIV съезда КПЧ было решено, что *выборы нового ЦК КПЧ являются внутренним делом партии и что никто не должен на них влиять*. Однако случилось совершенно обратное. Сторонники правых в средствах массовой пропаганды немедленно открыли сильную и весьма «прозрачную» кампанию по дискредитации тех товарищей,

которых заподозрили в иных взглядах на ход политических событий, и против тех, которые, как им было известно, никогда не пойдут по пути анархии и безрассудства. Более того, комментатор телевидения Кантурек заявил даже перед миллионами телезрителей, что существующий ЦК КПЧ необходимо распустить, и давал рекомендации, как это следует сделать. Секретарь райкома партии в районе Прага-1 Немчанский рассуждал в «Литературных листах» о том, кого избирать, кого не избирать. И. Румл из «Репортера» на страницах «Вечерней Праги» оскорблял членов ЦК КПЧ, называл их фигурками, пригодными, самое большое, для игры в шахматы, и т. д.

Эта клеветническая кампания дискредитации отдельных товарищей проходила на глазах у Президиума ЦК КПЧ. О ее истинных целях 25 августа 1968 г. на заседании райкома КПЧ в Готвальдове рассказывал после августа 1968 г. Владимир Пршикрыл, человек, близкий к пражскому центру правых: «...это была нелегкая работа, требующая большого труда и больших усилий. Однако XIV съезд не является нашей конечной целью, он является одной из целей, достижение которых поможет нам реализовать новую модель социализма. Наконец, почему бы мне вам об этом не говорить, ведь все равно это будет когда-нибудь сказано и, следовательно, ни к чему оставлять это в тайне. Будучи незадолго до встречи в Чиерне в канцелярии Смрковского, я задал Кригелю вопрос, как мы будем действовать, если условия, поставленные в Чиерне, будут для нас неприемлемыми или же слишком удлинят наш путь к достижению цели. В ответ Кригель сказал, что они едут в Чиерну с намерением пойти на все, принять любые условия, но их реализацию отодвинуть вплоть до XIV съезда. «На съезде, — сказал он, — мы наведем порядок, укрепим свои позиции в ЦК и в государственных органах, пересмотрим все договоры и обязательства, прежде всего по отношению к социалистическим странам». Далее Кригель сказал, что за месяц до Чиерны были приняты соответствующие меры и относительно созыва чрезвычайного XIV съезда на случай «оккупации» страны. А те разговоры, которые вы слышите вокруг себя, вся эта деятельность средств массовой пропаганды и информации — все это результат этих приготовлений».

Случайностей не существует

Итак, созыв так называемого XIV съезда 22 августа не был случайным, как полагали многие из делегатов, которые приехали, как им сказали, на совещание. Лозунг о «совещании» был лишь тактическим маневром правых, ибо они уже заранее решили, что в том случае, если соберется большинство делегатов, состоится съезд. Члены Пражского горкома партии Раттингер и Котрч 21 августа в гостинице «Прага» на совещании членов ЦК КПЧ потребовали согласия на немедленный созыв XIV чрезвычайного съезда. Используя обстоятельства, они пытались получить согласие членов ЦК. Однако ЦК КПЧ не мог вынести решение, так как не было необходимого кворума. Было рекомендовано провести лишь совещание делегатов. Оба посланца, организаторы так называемого съезда, лицемерно заявили, что на совещании речь будет идти не о кадровых вопросах, а всего лишь об оценке возникшей ситуации. Между тем все радиостанции призывали делегатов собраться на XIV чрезвычайный съезд партии.

Таким образом, 22 августа 1968 г. после 11 часов открылось совещание делегатов чрезвычайного съезда, которое через некоторое время под давлением представителей правых было объявлено XIV чрезвычайным съездом партии.

Съезд-самозванец

Нет никаких сомнений в том, что этот маневр правых, отвечающий интересам антисоветски и антисоциалистически настроенных групп, нанес огромный ущерб интересам Коммунистической партии Чехословакии. Нет сомнений также и в том, что огромное большинство делегатов XIV съезда партии, которые собрались на высочанское совещание, было использовано в целях правых. Организаторы высочанского совещания воспользовались дезориентацией делегатов. Обстановка нагнеталась беспрестанными напоминаниями об угрозе со стороны войск и преувеличением необходимости ускорить обсуждение и принятие решений, что практически исключало возможность решать вопросы спокойно и продуманно.

Зачем пужно было на самом деле организаторам, преследующим столь далеко идущие цели, оглядываться на такую «мелочь», как действующий Устав партии? Ведь они отбрасывали значительно большее, нежели принятые нормы внутрипартийной жизни. Вопреки всем предыдущим лживым клятвам о соблюдении именно этих норм, они просто выбросили их как ненужный груз.

Действующий Устав партии, дополненный XIII съездом партии, для них как будто не существовал. И им ни к чему было из-за этого волноваться, ведь они нарушали Устав еще задолго до этого собрания, в период подготовки планируемого законного созыва XIV съезда, когда дискредитировали членов ЦК, составляли «специальные списки» делегатов, поддерживали всевозможные контакты с различными группами, органами и т. д.

Что говорил М. Вацулик

Согласно Уставу, съезд партии «обсуждает и дает оценку отчету Центрального Комитета КПЧ и информации контрольно-ревизионной комиссии». Однако то, что разыгрывалось на высочанском сборище вместо обсуждения работы партии за прошедший период со времени последнего съезда, было самым настоящим фарсом. Перед собравшимися делегатами после тревожного предупреждения, что в случае необходимости немедленно уйти можно воспользоваться запасным выходом через столовую, вернее, кухню, откуда можно рассеяться по заводу, предстал Мартин Вацулик. Он вместо сообщения о деятельности ЦК КПЧ со времени XIII съезда зачитал, как было сказано в заключительной резолюции, «Предварительное политическое заявление». Представив неклассовый, немарксистский анализ создавшейся обстановки, что-то вроде описания событий последних часов, полное личных впечатлений, М. Вацулик коротко рассказал о ходе заседания Президиума ЦК КПЧ в памятную ночь с 20 на 21 августа и постарался, вопреки известным теперь фактам, возвысить и приукрасить это заявление. Сказал он и о письме Политбюро ЦК КПСС Президиуму Центрального Комитета нашей партии, коротко изложив текст, который выражал серьезное беспокойство советских товарищей о развитии событий в нашей стране.

Он сказал, что А. Дубчек получил письмо в понедельник и что «тотчас же во вторник ознакомил с его содержанием членов Президиума. Это означает, что практически сразу же после первого сообщения о переходе наших границ союзными войсками, это письмо было обсуждено в Президиуме ЦК...». Его речь была полна противоречий, ибо «чертово копытце» скрыто именно в этих словах «тотчас же» и «тотчас же после первого сообщения... только...». Если бы руководство партии отнеслось к этому со всей ответственностью, то Центральный Комитет КПЧ был бы созван тотчас же для того, чтобы обсудить письмо, принять решение и соответствующие меры. Партийное руководство во главе с А. Дубчеком не отнеслось со всей ответственностью не только к опасному направлению процесса внутриполитического развития, но и к такому серьезному документу, каким было письмо Политбюро ЦК КПСС.

По необъяснимым причинам заседание Президиума ЦК КПЧ, вопреки быстрому ходу событий, прервали, членам Президиума предложили пойти отдохнуть. В ЦК, как сообщил М. Вацулик, остались А. Дубчек и, как ни странно, Кригель, Смрковский и Шпачек, что в настоящее время после всех известных фактов и документов является весьма красноречивым обстоятельством, и уж, конечно, неслучайным.

Без оценки работы партии

Правда, что это импровизированное сообщение, позднее дополненное по просьбе участников заседания, М. Вацулик сделал до того, как высочанское собрание превратилось в «съезд». Никто из присутствующих не услышал даже намека на оценку работы партии. Такое сообщение могло быть предложено только законному съезду после предварительного обсуждения в Президиуме и на пленуме ЦК. Однако сообщение еще не было готово, так как Президиум ЦК обсудил 20 августа лишь тезисы к нему.

Законно избранный Центральный Комитет КПЧ был отстранен от дальнейшего обсуждения вопросов. Более того, он был поставлен под сомнение, а часть его членов оклеветана и дискредитирована, например, И. Пеликаном, за то,

что они не могли, как он выразился, правильно решить вопросы. Опираясь на «народное» заявление, этот представитель правых настаивал на том, чтобы был избран новый Центральный Комитет, который бы «максимально действовал в соответствии с мнением большинства членов партии».

Атаки против законно избранного ЦК КПЧ

Короче говоря, речь шла о том, чтобы «вывести из игры» ЦК, и поэтому из-за председательского стола неоднократно раздавались восклицания о том, что срок полномочий ЦК окончился... с момента провозглашения «высочанского съезда». Вновь и вновь можно было услышать закулисные и открытые нападки на тех, кого уже давно надо было «выгнать», т. е. выгнать из ЦК. В этом особенно отличился Шимечек, который дополнил впечатления М. Вацулика несколькими своеобразными выпадами в адрес группы членов ЦК, заседавшей в гостинице «Прага», из которых многие серьезно задумались над причинами прихода союзнических войск. Шимечек своим эмоциональным выступлением подливал масла в огонь антисоветизма: «...с ужасом смотрел я на те лица и на ту активность некоторых членов ЦК... Там было приблизительно 50 товарищей. Я был совершенно поражен выступлением председателя Центральной контрольно-ревизионной комиссии (и т. д.)... Я сказал, что меня очень удивляет то, что я здесь слышу, что не считаю этот пленум ЦК законным... что хочу участвовать в заседании, где будет большее число участников...»

Как ни странно, Шимечека не удивлял и не возмущал этот ловко подстроенный заговор правых, и он не защищал права ЦК КПЧ. Вместо этого он, напротив, много сделал для того, чтобы посеять сомнения в отношении действий членов ЦК КПЧ.

Инициатива исходила от горкома партии в Праге

До начала съезда на совещании уже раздавались голоса о съезде. Таким образом, создавалась атмосфера, которая была нужна режиссерам «высочанского съезда». Мартин Вацулик и в этом случае похвастался: «...когда до

обеда с нами встретился т. Раттингер из городского комитета... мы решили, что ведь невозможно, чтобы мы сказали собравшимся делегатам: «Уважаемые товарищи, возвращайтесь домой, будьте спокойны и рассудительны, ведь что скажут делегаты об этом органе Центрального Комитета? Таким образом, мы решили, что будем действовать в зависимости от ситуации. Если соберется часть делегатов, то она будет обсуждать и решать вопросы как группа делегатов, а если большинство делегатов, то состоится съезд. Это решение я защищал...» Однако что от кого защищал М. Вацулик, никому не известно. Ведь совещание членов ЦК даже не могло решать такой вопрос, как вопрос о съезде партии.

Известный «бун» правых И. Румл из журнала «Репортер» также поспешил со своими «крошками к мельнице», когда откровенно сообщил, что «мы, редакторы, работаем со вчерашнего дня как ссыльные».

Ярый представитель правых Я. Литера раскрыл секрет, что именно Пражский горком принял ночью решение о созыве делегатов, и настаивал на том, чтобы «этот момент не прозевали из-за какого-нибудь пустяка»; а также на «решении «ключевого вопроса»: чтобы совещание было превращено либо в учредительный съезд чешских коммунистов, либо в чрезвычайный съезд, либо в учредительную конференцию чешских коммунистов...» И с готовностью предложил кандидатуры в члены рабочей группы для составления соответствующего проекта. Речь шла о явных сторонниках правого центра.

Вместо совещания — чрезвычайный съезд

Сразу же на заседании стали говорить уже только о съезде. Очень решительно высказался Черных: «...единственно возможное решение — это чрезвычайный съезд». А чтобы никто не возражал, он предупредительно заметил, что «некоторые демократические принципы в ходе дискуссии невозможно соблюсти...». Вот до чего докатились некоторые защитники внутривластной демократии, которые незадолго до этого бичевали кое-кого за нарушение демократических норм. Они самым бессовестным образом проводили отбор и не давали слова тому, о ком полагали, что тот придерживается иного мнения.

И когда уже стало очевидно, что участники совещания находятся под постоянным давлением, что создана соответствующая атмосфера, в которой можно игнорировать не только голоса протеста (например, возглас из зала: «Мы приехали не на съезд»), но и такой существенный факт, что присутствуют только пять делегатов из Словакии (эта неувязка была преодолена с активной помощью М. Вацулика), предложили объявить собрание чрезвычайным XIV съездом партии.

Что тотчас же и сделали. Тем самым одна из основных целей правых была достигнута: родился съезд-самозванец. Это не стоило им больших усилий. Устав партии, принципы демократического централизма и все общепринятые проверенные методы были «сброшены со стола».

Открывался путь к ликвидации КПЧ как партии марксистско-ленинского типа, и надежды оппортунистов росли.

Едва было принято решение о проведении съезда, как секретарь Пражского ГК КПЧ Й. Литера с целью поднятия духа и самоуверенности у присутствующих заявляет: «...другого высшего авторитетного собрания, нежели данное, нет». Этим одновременно он дает понять, что все, что здесь будет принято, будет освящено авторитетом, выше которого ничего нет.

В этот момент происходит еще один эпизод, характеризующий манипуляторские усилия организаторов этого собрания: Моркес бойко предлагает перейти к дальнейшему пункту повестки, «чтобы т. Гейзлар зачитал проект резолюции о современном положении». Обратите внимание, с какой поспешностью навязывается участникам повестка дня, которую хотят предложить организаторы. Они чувствуют себя очень прочно в седле. Ведь заранее подготовленный документ содержит тезисы, которые всецело служат интересам правых, их курсу на превращение революционной марксистско-ленинской партии в ярко выраженную националистическую, шовинистическую, антисоветскую организацию.

Удивительное единство взглядов

Внимательный читатель, который изучит решение Президиума ЦК КПЧ от 21 августа, его неклассовые, немарксистские и в своей основе неправильные выводы и сравнит их с проектами документов, которые внесли на рассмотре-

ние высочанского сборища З. Гейзлар и Я. Шабата, легко убедится, что между этими документами и упомянутым решением есть общее в главном — в подходе. Высочанские резолюции — это лишь разработка решения Президиума ЦК КПЧ от 21 августа. У тех, кто формулировал решение Президиума ЦК КПЧ, и тех, кто разрабатывал решения так называемого «высочанского съезда», явное совпадение мыслей. И если кто-то еще сомневался, не дается ли произвольная трактовка решения Президиума ЦК КПЧ, то теперь можно надеяться, что *формулировки, которые выдвигались на высочанском сборище и которые совершенно ясно говорят о ренегатстве, об измене пролетарскому интернационализму, о явном переходе в лагерь врагов коммунистического движения, убедят в том, что дело не в произвольном толковании.*

Авторы решения Президиума ЦК КПЧ, таким образом, были полностью разоблачены своими же собственными духовными сообщниками, которые уже вполне открыто вели дело на раскол с братскими социалистическими странами. И если проанализировать внимательно решение Президиума ЦК КПЧ от 21 августа, опубликованные факты и документы, касающиеся злополучного развития событий 1968 г., если проанализировать обстоятельства и деятельность людей, которые во всех основных событиях играли важную роль, то за этими формулировками и идеями легко распознать тех, кому они принадлежали, — это Кригель, Цисарж, Млынарж, Шпачек, Славик, Смрковский и др. С ними, как с пуповиной, была связана другая плеяда «возрожденцев» — организаторов высочанского заговора, к которой относятся Шабата, Литера, Гейзлар, Пацовский, Пеликан, Котрч, Шимон, Шилган и др.

ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ СОВПАДЕНИЕ С ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДОЙ

Никому не удастся вычеркнуть из истории послеянварских событий тот факт, что существовало, существует и до сих пор вызывает интерес поразительное совпадение предложений представителей правых народам нашей страны с выступлениями империалистической пропаганды. Этому имеется множество доказательств. Месяцами десятки империалистических радиостанций, в том числе «Свободная

Европа», «Дойче велле», вели передачи и приводили такие слова и аргументы, которые мы слышали от правых у нас. Этими аргументами оперировала вся буржуазная печать. А вообще, почему буржуазная пропаганда месяцами пела хвалебные дифирамбы нашему «процессу возрождения»? Почему они так превозносили Дубчека? Почему тогдашнее руководство в награду за свою политику порой получало бурные аплодисменты буржуазных средств массовой информации? Не является ли несколько странным, что таких похвал никогда не была удостоена ни одна коммунистическая партия ни в одной капиталистической стране? Так почему же это делалось в адрес нашего партийного руководства?

Все это весьма просто объяснить.

Империалисты, стратегическая цель которых сводится к тому, чтобы ослабить и расколоть социалистический лагерь, установить вновь свое господство во всем мире, хотели использовать ЧССР в роли троянского коня, с помощью которого они разваливали бы содружество социалистических стран, ослабив бы тем самым фронт, противостоящий империалистическим планам. С этой точки зрения центр правых, щедро поддерживаемый всеми антисоциалистическими силами внутри страны, играл, по существу, роль «пятой колонны», сознательно стремившейся разложить самую важную опору антиимпериалистического фронта в мире — содружество стран Варшавского договора.

Раздавались голоса протеста

Здесь уместно сказать, что, несмотря на весь нажим, организаторам контрреволюции не удалось протащить уже на высочанском сборище свои далеко идущие планы. Вопреки тому что проект получил определенную поддержку собравшихся, все же беспрестанное подстегивание к скорейшему достижению успехов и нагнетание атмосферы страха вызвало предостерегающие голоса некоторых делегатов, которые и в этой умышленно создаваемой сумятице сумели сохранить хладнокровие и политическую рассудительность и которые не могли равнодушно смотреть на развал партии, раскол международного коммунистического движения, разрыв наших отношений с ближайшими столько раз испытанными союзниками.

Для наглядности приведем лишь некоторые, наиболее яркие примеры:

Тов. Фейк: «...у нас абсолютно нет никакой жизненной заинтересованности в том, чтобы порвать связи с Коммунистической партией Советского Союза. Я прошу, чтобы формулировки носили деловой характер».

Тов. Хитял: «Я предлагаю, чтобы формулировка в одном из последних предложений... в отношении того, следует ли эти партии считать марксистскими, была изменена...»

Раздавались голоса несогласия с требованием делегата Зелёковой, чтобы предложенная резолюция была разослана всем правительствам.

Тов. Рыхновский: «Мы не смеем допустить гражданской войны. Ситуация является весьма серьезной, мы не должны допустить этого... Мы должны принять во внимание тот факт, что отвечаем за судьбу 14 миллионов... Мы не можем ни при каких обстоятельствах создать такую ситуацию, которая вела бы к гражданской войне. Исходя из этого, мы должны внести исправления в резолюцию».

Тов. Достал: «Целый ряд делегатов не может в такой снотке все взвесить. Давайте рассуждать логически. Мы не вправе торопиться. Мы должны установить порядок работы съезда. Нельзя обсуждать предложенные материалы с такой поспешностью, что делегаты не успевают их обдумать».

Тов. Вавра: «...нельзя согласиться с некоторыми формулировками. Мы вчера и сегодня слушали выступление т. Президента Л. Свободы, оно весьма рассудительное. Предложенная резолюция ситуацию драматизирует».

Тов. Мечл: «Необходимо действовать обдуманно... нельзя допускать спешки. Давайте будем действовать разумно, я предлагаю обсудить все заново и не выдвигать предложение о генеральной забастовке. Это неосуществимо».

Тов. Янс: «Спрашивается, против кого организуется генеральная забастовка?»

Тов. Прохазкова: «Я боюсь генеральной забастовки и требую, чтобы все делегаты могли высказаться для того, чтобы не причинить еще большего вреда».

Голос из зала: (Плохая слышимость в зале из-за большого шума не позволила на магнитофонной ленте зафиксировать все фамилии выступавших товарищей.)

«Я предлагаю приступить к первому пункту, поскольку там упоминается о солдатах, чтобы они выполнили присягу. Это значит убивать. Это бессмысленно».

Не названный товарищ: «У меня есть оговорка в отношении призыва к генеральной стачке. Во-вторых, у меня также и другие оговорки, так как я опасаясь, и в этом я полностью убежден, что международное коммунистическое движение ни в чем так не нуждается, как именно в весьма продуманном обсуждении многих проблем, а не только данного вопроса. Сегодня не следовало бы вносить в резолюцию, например, призыв, адресованный коммунистическим партиям, отказаться от принятия участия в Совещании коммунистических и рабочих партий».

Не названный товарищ: «Меня удивляет одно. Вы торопитесь, это факт. Была допущена поспешность и в отношении созыва... Товарищи готовили материалы, и я удивляюсь, что подобного рода материалы представлены... Нас это в первую очередь интересует потому, что мы будем голосовать, иначе говоря, наши действия могли бы вызвать народную трагедию... В этом отношении я по-настоящему опасаясь такого продолжения работы. Необходимо как можно быстрее и основательнее в этом разобратся, чтобы нас никто и в будущем не мог упрекнуть, что мы были причиной стрельбы и т. п. Мы сами должны все же обратиться с призывом сохранять спокойствие».

Тов. Г а в л и к: «Я очень взволнован... мне кажется, что мы должны ответственно отнестись к обсуждению этих материалов... Здесь действует какой-то психический нажим. Каждую формулировку, которую мы готовим, мы должны составить так, чтобы это было ясно всему народу, всем коммунистам, а также беспартийным, чтобы не запятнать партию...»

Организаторы изменили тактику

Эти голоса оказали такое воздействие, что организаторы должны были в какой-то мере изменить свой тактический замысел. Даже З. Гейзлар смягчил свои первоначальные призывы к генеральной забастовке. Председательствующего Моркеса на этой стадии работы «съезда» сменил В. Шилган. Он начал более внимательно относиться к соблюдению порядка ведения заседания, но что касается поспешности, запугивания и нажима, то в этом он действо-

вал так же. Он был лишь несколько более изворотлив. Весь последующий ход действий показывает, что Шилган был заинтересован в том, чтобы делегаты были привезены туда, куда с помощью манипуляций должны были прийти. Дело с отменой уже предложенных обращений и документов запутали путем внесения новых предложений об избрании членов комиссий, которые бы доработали эти материалы и предложили в исправленном виде.

Из протокольных записей о ходе дискуссии легко можно установить, что *организаторы стремились создать такую атмосферу, когда бы никто уже не знал, за что, собственно, он должен голосовать*. Этому способствовали постоянные призывы поскорее закончить обсуждения, которые чередовались с новыми, тут же «исправляемыми» «ошибками» председательствующего. В этом отношении «съезд» был суматошным, но цель оправдывает средства. Суматоха на выборах мандатной и счетной комиссий чередовалась с абсолютно непререкаемыми, просто недемократическими действиями председательствующего. Приведем хотя бы отдельные примеры усилий В. Шилгана: «Вы хотите вносить предложения о кандидатах, я бы еще этого не делал...» «Жалею, но мы здесь приняли уже совершенно иное решение, при этом стихийно, массовым голосованием. Съезд будет заседать и работать до тех пор, пока он не будет насильственно прерван, он свою задачу выполнит. Он выполнит свою роль чрезвычайного съезда, вплоть до избрания высшего органа на период между съездами, т. е. ЦК КПЧ. Об этом, пока не будет иного мнения абсолютного большинства присутствующих, мы больше дискутировать не будем, так как этот вопрос мы решили».

Эти приемы Шилгана дополнил также И. Пеликан, который, пугая угрозой разгона «съезда», заявил: «Если этот съезд разойдется, то уже не будет созван». Трагически обрисовав ситуацию в парламенте, он бряцал «критерием», согласно которому о людях нужно судить только на основе их сегодняшней позиции, что «кое-где уже начались аресты...», и снова «со стопроцентной уверенностью» заверял, что если делегаты разойдутся, то «больше уже в этой обстановке никогда не соберутся».

Так создавалась атмосфера, которая должна была помочь избранию Центрального Комитета, состав которого отвечал бы представлениям правого центра. Захват власти в партии «рыцарям съезда» казался делом решенным.

Краткий разбор документов, которые принимал съезд-самозванец, дает достаточное представление о том, куда политические авантюристы из правого центра хотели завести нашу партию и нашу страну. Ход заседания «съезда» заслуживает того, чтобы познакомиться с его работой и обобщить факты о том, каким способом «съездом» руководили, как вопреки всем постоянно распространяемым клятвам о демократии, гуманизме, открытой политике и т. д. манипулировали делегатами, как их систематически запугивали, сбивали с толку, как грубо отвергали все, что можно было отвергнуть из общепринятых принципов внутрипартийной демократии, и как, наконец, делегаты оказывались именно на тех позициях, на которые их толкали, и принимали все, что было нужно организаторам съезда.

Им, вполне понятно, не удалось достичь всех целей, кое-что было даже поправлено, но результаты явились решающими. Вначале организаторы съезда ставили на голосование формулировки самого крайнего содержания, через некоторое время вновь пересматривали и в определенной степени исправляли даже то, что было уже принято. Уже только эти факты свидетельствуют об авантюристическом подходе организаторов этого собрания: вывести, какие формулировки можно протащить и как далеко можно зайти. И нужно сказать, что им это удавалось.

Когда, например, в зале возникал шум и начиналась перепалка, было достаточно, чтобы председатель предупредил: «...съезд со стороны Кубел окружен плотным кордоном...» Делегаты сразу же становились «дисциплинированными».

Угрозы и запугивания

В ответ на разумные аргументы, с которыми выступали некоторые делегаты, в зале поднимали шум и крик единомышленники правых. На неустанные угрозы и запугивания Кубица, например, реагировал следующим образом: «Наше заседание проходит действительно в нервной обстановке. Это объясняется тем, что большинство ожидает, что нас каждую минуту могут разогнать. Мне,

однако, кажется, что эти взгляды не совсем правильны. Наше заседание не проводится тайно, о нем знают командиры отдельных подразделений, о нем знают наши товарищи, которые с ними сотрудничают. Если бы они хотели, определенно мы бы из провинции не смогли прибыть в Прагу. Сейчас уже почти 17 часов (съезд начался в 11.15), а они еще ничего не предприняли против нас...»

Кубица был прав, но этого не требовалось организаторам путча. Поэтому запугивание продолжалось гораздо интенсивнее и дошло даже до измышлений о физическом уничтожении. Делалось это для того, чтобы притупить мышление делегатов, чтобы отвлечь их внимание от существа обсуждаемых вопросов.

Для оценки атмосферы, о которой мы говорим, приведем несколько характерных примеров:

«Я рекомендую одобрить и, если будет необходимо, предпринять меры в случае ликвидации надлежащим образом избранного Центрального Комитета» (Роубал, Пльзень — север).

«...Нам был бы нужен какой-нибудь комитет, который мог бы выступать против коллаборационистских органов управления, создающихся в данный момент!» (Покштефл).

«...Мы не знаем, какой будет ситуация за два-три часа, прежде чем мы изберем Центральный Комитет...» (Райс, Брно).

«...Таким образом, наступает время, когда ряд наших представителей и организаций будет работать нелегально... Было бы правильно, чтобы наш съезд создал комиссию, которая бы в конце съезда выработала подробные директивы» (Фиала, Восточно-Чешская область).

«...Через минуту нам нужно будет защищаться, чтобы продолжать...» (Беднаржова, Брно).

«...Перед входом — это проверенное сообщение — стоят советские бронетранспортеры, нам нужно несколько ускорить ход заседания...» (в ходе выборов В. Шилган).

Организаторам съезда удалось запугать многих делегатов советскими войсками, угрозой физического уничтожения. Этим они обосновывали необходимость перехода на нелегальное положение.

Психоз страха, возникший от мысли, что они все-таки делают что-то нечестное, неправильное, у организаторов съезда проявлялся каждую минуту. Его усиливали различные выступления гостей съезда (например, Ф. Водслэня,

В. Махачовой и др.), которые колоритно рисовали подробности того, что где происходит или какие эмоциональные позиции занимает та или иная организация, учреждение. В обстановке такого же психоза проходили и выборы, которые явились точной картиной всеобщего беспорядка, который организаторам предоставлял хорошие возможности для манипуляций.

Как начались выборы

Начало было трогательным. Председательствующий В. Шилган призвал избирательную комиссию немедленно начать работу, ознакомиться со всеми *доступными материалами*, касающимися первоначальных предложений делегаций относительно членов ЦК и кандидатов... с тем чтобы «мы могли перед всей партией с чистой совестью предложить проекты нового центрального органа...»

Таким образом, во-первых, что означало «доступные материалы»? *Были ли это те материалы, с которыми уже представители горкома КПЧ в Праге ходили к Дубчеку и ультимативно требовали осуществления своих предложений при формировании будущего ЦК КПЧ? Или это были те предложения, о которых имел некоторое представление Президиум ЦК КПЧ?* Если уж речь шла о чистоте совести, то надо было прежде всего считаться с присутствующими делегатами, но они этих вопросов не знали. Конечно, согласно замыслам правого центра, опи, вполне понятно, и не должны были что-либо знать.

Проект списка кандидатов (для голосования) за 45 минут

Через какие-то три четверти часа после избрания комиссии перед делегатами появился председатель избирательной комиссии, известный представитель пражского интеллектуального треста Л. Пацовский и доложил, что, следуя указаниям о том, чтобы за короткое время был составлен проект списка кандидатов, они выполнили задание. Он подчеркнул, что необходимо как можно скорее избирать ЦК и Президиум, чтобы это было обнаружено.

Л. Пацовский одновременно просил о проявлении максимального великодушия и сообщил, что комиссия сама осознает наличие нескольких слабых мест.

Во-первых, на подготовку выборов в члены ЦК на съезде отводится несколько дней. (Здесь это заняло время, значительно более короткое, чем на каком-либо отчетно-перевыборном собрании обычной первичной организации КПЧ.) Во-вторых, он заявил: «...мы не в состоянии дать какой-либо социальный обзор...», несмотря на то что все якобы старались. Наконец, это закончилось тем, что в ЦК КПЧ выдвигали любого представителя послеянварской интеллектуальной революции», и чтобы это не очень бросалось в глаза, они вытаскивали из рядов делегатов какого-нибудь рабочего. Еще хуже дело обстояло с женщинами-делегатами, так как Л. Пацовский заявил: «...предложение в целом не отвечает степени участия женщин в общественной жизни нашей страны (!!!) ...» И вновь он призвал к великодушию, а если бы кто-нибудь сомневался, то получил бы успокаивающую пилюлю: «...если дело дойдет до вмешательства извне, то главное для нас — хотя бы спихнуть это дело...»

Из зала раздались голоса: «Известны ли хотя бы характеристики предлагаемых кандидатур? Конкретно об этом спросили Я. Шабату. Председательствующий В. Шилган категорически потребовал, однако, чтобы делегаты воздержались от подобного. Еще бы! Если бы характеристику зачитали, многим было бы сразу ясно, о ком идет речь. Но это было не в интересах организаторов съезда — избавляться от своих собственных идеологов, каким бы ни был их профиль. Делегаты могли бы поинтересоваться и характеристиками остальных людей. А что дальше?

Трудности со словацкой делегацией

Большие трудности для организаторов съезда-самозванца создавало участие словацких делегатов. Во время открытия съезда их присутствовало 5 из 292. Поэтому всеми способами распространялась клевета, что по дороге возле Бржецлава их задержали и т. п. Этим, однако, проблема не была снята, организаторы хотели скрыть ее от участников съезда и всех членов партии, парализовать. Поэтому Л. Пацовский, как председатель избирательной

комиссии, заявил, что он считает важным лишь то, что, «когда будет объявлен всему миру состав этого Центрального Комитета, не следовало бы указывать его условного характера. Я опасаясь, что тем самым значение этого ЦК могло бы несколько обесцениться...». В этом и было все дело. Любой ценой, ценой камуфляжа и утаивания действительных фактов предстать перед глазами всего мира (это слово «мир» появляется во многих местах совсем не случайно, так как черт с ней, с этой партией и этой страной, ведь им был нужен «мир», нужно было показать себя, нужна была лишь демонстрация). Перед общественностью все должно было быть в порядке. Словацкие делегаты выскажутся дополнительно, когда все уже будет готово. (В конце концов, что они смогут сказать: ЦК будем держать в кулаке, а их всего пятая часть.) Однако все закончилось, как стало ясно через несколько дней, совершенно иначе. *Словацкий съезд в конце концов не сошелся во взглядах с высочанским съездом-самозванцем и отказался признать его легальность и его решения.*

Без надлежащих мандатов

Обычно принятый порядок выборов на всех съездах коммунистической партии становился большим препятствием для осуществления намерений правого центра. Поэтому его сразу же подвергли сомнениям. Дело дошло до отмены важных параграфов партийного устава, с тем чтобы выборы могли проводиться нерегулярно и недемократично, вопреки традиционным принципам внутрипартийной жизни, от которых партия не отступала даже в период гитлеровской оккупации.

Нападки на порядок выборов, установившийся в нашей партии в течение десятилетий ее деятельности в самых различных условиях, начались с прозрачных демагогических заявлений, как, например: «...мы работаем в нелегальных условиях, необходимо на время отвыкнуть и отказаться от порядка проведения выборов, принятого на конференциях...»

На недопустимость нарушения избирательного порядка указывали некоторые делегаты. Например, Менцл заявил: «...как вы хотите это дело (проверку мандата делегата) реализовать, если у нас нет мандатов и ряд товари-

щей не имеет, собственно, никаких удостоверений личности?» Это достаточно красноречивый пример, так как вокруг отправки делегатов на съезд кое-где происходила нечестная игра. Нам сообщил один старый товарищ из Литомержицкого района, избранный делегатом по всем правилам, что в районе много раздумывали над тем, брать ли его на съезд, так как он «коллаборационист». Вместо него хотели взять другого. В последнюю минуту они все же раздумали. Стоит заметить, что упомянутый товарищ на протяжении всего «высочанского съезда» испытывал вполне обоснованное чувство, что за ним следят... Подобных случаев много. А кто вообще принимал участие в этом съезде, невозможно точно определить, так как на протяжении всей его работы не удалось собрать всех делегатов по районам и областям. Личные свидетельства поэтому будут играть важную роль в объяснении всех махинаций, которые осуществлялись.

Вопреки всякому опыту

Искусная завуалированная демагогия использовалась на совещании, когда речь заходила о том, кто может быть избран в состав ЦК КПЧ. Пятидесятилетний опыт нашей партии и других коммунистических партий нашел свое выражение в установлении определенного партийного стажа как неперемennого условия для избрания в высшие партийные органы. Это понятно, так как *чем выше партийный орган, тем больше требований, тем более высокая ответственность, необходим опыт политической работы и хорошие знания основных вопросов марксизма-ленинизма*. Эти свойства никто не приобретет лишь самым фактом вступления в партию, для этого нужен опыт длительной политической работы и знания теории марксизма-ленинизма. Эти справедливые требования, выраженные в строгой формулировке Устава (*«членом Центрального Комитета может быть избран только член партии со стажем не менее десяти лет»*), были, однако, на высочанском совещании отвергнуты. По этому вопросу состоялась краткая, поверхностная дискуссия, и организаторы съезда добились того, чего хотели: 591 голос был подан за отмену каких-либо ограничений при выборах в высшие партийные органы, 510 голосов — за 5 лет, 6 человек воздержалось. Необходи-

димо сказать, что в этом случае перевес достигнут незначительным большинством. *Это было боевое голосование, показавшее, что на совещании присутствовало достаточно людей рассудительных. Они, если бы их постоянно не запугивали, а предоставили возможность изучить предложенные документы, обсудить их без постоянно нагнетаемого психоза страха и спешки, многие вещи не «проглотили» бы.*

За час избрано 150 человек

Сами выборы были отмечены вступительным словом члена избирательной комиссии Мразка, который внес предложение, чтобы выборы членов ЦК и Центральной контрольно-ревизионной комиссии проводились открытым голосованием. После многомесячных разговоров о том, что выборы сверху донизу должны быть тайными, «возрожденцы» наконец зашли так далеко, что членов ЦК избирали открытым голосованием, а членов ЦКРК даже списком. На прошлых съездах все делегаты получали накануне дня выборов в письменном виде список кандидатур и их характеристики, а на «высочанском съезде» «возрожденцев» 150 членов Центрального Комитета были избраны всего лишь за один час! *Это была машина голосования, какой еще не видел свет.* Не голосовалось «за», «против», «воздержался». Нужно сказать, что такого грубого нарушения смысла и порядка проведения выборов высшего партийного органа еще не было за всю историю нашей партии.

Выборы членов ЦК прошли при большой сумятице, о которой выразительно свидетельствуют такие факты, как смена кандидатов без предварительного серьезного обсуждения, когда вносились различные замечания, которые без обсуждения либо принимались, либо отвергались. И снова, вопреки всем разговорам о том, что в ЦК не должны избираться товарищи, не являющиеся делегатами от каких-либо партийных организаций, на совещании были выдвинуты кандидатуры З. Млынаржа, Ф. Водслоня, Б. Махачовой-Досталовой, М. Вацулика. *В то же время кандидатура другого товарища, избранного делегатом по всем правилам, не прошла, ибо, как заявил делегат Чейка, он слышал переданное по «свободному радио» сообщение о том, что данный товарищ коллаборационист.* После чего

это дело было завершено словами председательствующего В. Шилгана в духе «одна гражданка говорила»: «Об этом мы также слышали, и именно поэтому мы теперь проявляем сдержанность». Однако некоторые делегаты не могли смириться с таким порядком проведения выборов и поэтому требовали, чтобы этот съезд, когда он позднее, как было решено, снова соберется, вновь провел некоторые выборы в соответствии с Уставом. Один из делегатов высказал сомнение относительно работы избирательной комиссии, предложенного состава ЦК и т. д. На эти возражения ответил очень неуместно и противоречиво председательствующий В. Шилган: «То, что она (так называемая мандатная комиссия) предложила съезду лишь определенные сведения, убеждает нас, что мы являемся съездом, способным принимать решения, т. е. законным съездом». Это очень красноречивое свидетельство того, как «принципиально» проходила работа съезда.

«На глазок» избранный И. Боровка

Через некоторое время после окончания выборов, которые прошли точно так, как было задумано, произошел случай, наиболее характеризующий шутовство упоенных успехом организаторов съезда, которое они продемонстрировали всем делегатам.

Из зала заседания поступил вопрос, почему в состав ЦК не была предложена кандидатура депутата Боровки. На это председатель избирательной комиссии ответил, что о Боровке была широкая дискуссия в комиссии и некоторые делегаты были против, хотя полностью и не обосновали свою точку зрения. У некоторых товарищей были оговорки в связи с тем, что в определенный период он высказывал идеи в пользу аграрной партии и т. п.

Из зала на это откликнулся делегат, который заявил: «Мы его не рекомендуем потому, что Боровка не был избран делегатом от нашего района и даже не делегировался на областную конференцию». Это были очень сильные и убедительные аргументы, которые не были ни смягчены, ни отвергнуты делегатами, агитировавшими за Боровку.

И, несмотря на это, Боровка был дополнительно включен в список кандидатов, и председатель избирательной комиссии вынес его кандидатуру на голосование. Вот дословная запись.

«— Кто «за»? (голосуют).

— Кто «против»? (голосуют).

— Товарищи, пусть члены президиума подтвердят, но я думаю, что на глаз и без подсчета голосов ясно, что значительное большинство «за».

— Кто воздержался от голосования?

— Итак, товарищ Боровка избран членом ЦК КПЧ.

— Этим голосованием мы наконец покончили с выборами. (Шум в зале.)

— Товарищи, я вас не слышу, когда вы кричите с места. Не создавайте хаоса!»

В. Шилган: «Это совещание является сложным само по себе, и я не согласен, что мы делаем из него хаос. Мы не хотим оставлять без внимания предложения отдельных делегатов. Мы знаем Боровку как члена правительства и в свое время как члена Президиума ЦК, поэтому мы считаем возможным голосовать».

И, таким образом, Боровка, против кандидатуры которого высказалась как районная конференция в Находе, так и областная конференция в Градце Кралове (а на этих конференциях был приведен ряд очень серьезных доводов), был избран членом ЦК. Однако членом ЦК не избрали товарища, о котором мы рассказывали, так как о нем что-то говорило «свободное радио».

Правые овладели газетой «Руде право»

Как только «съезд» закончил свою работу, было принято решение о смене главного редактора «Руде право». Это стало первым мероприятием самозванцев. До этого правым, несмотря на бесчисленные, длившиеся месяцами нападки на главного редактора т. Олдржиха Швестку не удалось полностью овладеть органом Центрального Комитета КПЧ и поставить его на службу ревизионизму. До августа партия имела свою газету, которая хотя бы по основным вопросам придерживалась линии Центрального Комитета КПЧ. После 21 августа «Руде право» полностью перешла на сторону правых. В руки оппортунистов попало одно из самых эффективных орудий партии, обеспечивающих ежедневный контакт с членами партии и с общественностью. Об этом красноречиво свидетельствуют августовские номера «Руде право», которые выходили без лозунга,

открывающего газету почти 50 лет, — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Этим было сказано все, что было в программе ренегатов: разрыв с пролетарским интернационализмом, разрыв с марксизмом-ленинизмом. Парадокс состоит в том, что высочанское решение о кадровых изменениях в редакции «Руде право» было одобрено на заседании ЦК КПЧ в конце августа 1968 г. «Руде право» превратилась в газету, постоянно кокетничающую с правыми. Лишь апрельский пленум ЦК КПЧ в 1969 г. принял меры, и «Руде право» вновь стала боевой газетой Центрального Комитета КПЧ, верной традициям нашей партии.

Прошел год...

Прошло больше года с того времени, как был проведен съезд-самозванец. Однако многие из событий прошлого года воспроизводятся в виде документов, протоколов и свидетельств. Время сейчас более спокойное, имеется больше возможностей изучать и анализировать прошедшее. Поэтому *партийная общественность с интересом ждет результатов расследования Центральной контрольно-ревизионной комиссией КПЧ деятельности так называемого второго центра в партии.* В ходе расследования деятельности этой фракции со всей очевидностью было доказано, что так называемый «высочанский съезд» — последняя, отчаянная попытка правых захватить власть в партии и государстве. Все остальное, что последовало потом, было всего лишь судорожными стремлениями снова завосвать утраченные политические позиции с помощью периодических скандалов, устраиваемых уголовными элементами и заблудшими юнцами.

Уже тот простой факт, что правым удалось использовать делегатов на «съезде» и представить его общественности как серьезное заседание, уже это означало большую дезориентацию членов партии и широкой общественности. Для нашей общественности съезд партии всегда был чрезвычайным политическим событием, имеющим большое значение для дальнейшего развития нашего общества, являющимся значительным импульсом в деле строительства социализма в нашей стране. Съезды партии проходили в обстановке критики, внутрипартийной демократии и соблюдения Устава, а с протоколами съездов общест-

венность могла ознакомиться. Такими запечатлелись съезды в сознании широкой общественности. Однако то, *что провели правые оппортунисты в Высочанах, было так недостойно традиций нашей партии, что этому нет примера в истории.* О действительном ходе «съезда» в течение ряда месяцев не имелось никаких записей, так как организаторы просто не передали их в распоряжение ЦК КПЧ. Ныне члены партии и наша общественность имеют возможность сделать выводы — как злоупотребляли доверием делегатов, какая огромная непосредственная опасность грозила партии и социализму в нашей стране.

«Простим друг друга!»

И не случайно именно из рядов правых сегодня все громче раздаются требования прекратить рассмотрение дел прошлого года, согласно известному лозунгу политических манипуляторов «простим друг друга». Политические авантюристы хотели бы выжить, поэтому они боятся документов и доказательств, которые обнажат их перед всем народом. Уже то, что опубликовали, наверное, достаточно для того, чтобы стало ясно, какую игру они вели и что им было нужно. Если бы речь шла только о них, этого было бы действительно достаточно. *Партии, однако, нужно, чтобы эта опасная игра стала ясной для всех честных и рассудительных граждан нашей страны, доверие которых она хочет полностью приобрести. И поэтому политическая борьба против правых ликвидаторов должна быть доведена до полного конца. Поэтому будут публиковаться новые факты и новые документы (если их публикация не вредит государственным интересам), чтобы люди имели возможность все продумать и додумать.* Этого как раз больше всего боятся политические авантюристы и карьеристы. Ибо критическое раздумье над происшедшим будет, в конце концов, самым сильным поражением самозванной духовной «элиты», так как его результатом будет окончательное разоблачение всей ее послеянварской политической демагогии.

Политика правого центра, перед которой президиум ЦК КПЧ из-за нерешительности Дубчека постоянно отступал, потерпела окончательное фиаско. События 21 августа 1968 г. были результатом краха политики, враждебной нашей партии и республике. А «высочанский съезд», состояв-

шийся 22 августа 1968 г., был лишь новой фальшивой маской, за которой правые авантюристы хотели бы скрыться от народа.

Самовлюбленные политики, оглядывающиеся лишь на свой успех, свою славу и остающиеся холодными и равнодушными к действительным потребностям народа и страны, распространяли потом легенды о так называемом «высочанском съезде» как о геройском поступке, который «спас» черт знает кого и черт знает что. Он не спас ничего. Не спас и даже не удержал у кормила тех, кто обманул партию и привел страну на грань катастрофы. Партия выбрала иных, более способных людей в свое руководство.

Партия, естественно, не могла признать нелегальный съезд, и пленум ЦК КПЧ в конце 1968 г. его также отверг. Печальным фактом, однако, остается то, что партийное руководство во главе с А. Дубчеком, измененное после прошлогоднего августа, заняло по отношению к съезду-самозванцу примиренческую позицию и даже приняло некоторые аналогичные решения. Этим оно лишь дало понять, что не извлекло никаких уроков и намеревается продолжать свою оппортунистическую доавгустовскую политику. Последствия этого ощущала не только партия, но и республика в течение еще долгих месяцев, приносивших новые потрясения и тяжелые внутренние кризисы.

«Руде право», 6 ноября 1969 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВА УЧАСТНИКОВ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «ВЫСОЧАНСКОГО СЪЕЗДА», СОСТОЯВШЕГОСЯ В АВГУСТЕ 1968 г.

*Встреча в редакции газеты «Руде право»
2 декабря 1969 г.*

6 ноября мы опубликовали обширный материал под названием «Попытка правого центра совершить переворот в партии». Затем мы пригласили в редакцию нескольких участников так называемого «высочанского съезда», чтобы они, исходя из личных впечатлений, помогли выяснить ряд обстоятельств, при которых этот «съезд» был созван и как он проходил. На беседу прибыли следующие товарищи: подполковник Богумил Бром, член районного комитета КПЧ в Прахатице; Богумил Брож, член президиума районного комитета КПЧ Прага-4; Алоис Гайовский, шахтер, ныне секретарь районного комитета КПЧ в Карвине; Владимир Кадлец, мастер, председатель районного национального комитета Брно-4; Йозеф Мечл, директор селекционно-семеноводческого хозяйства в Лужанах; Мирослав Ваверка, шахтер, член объединенного партийного комитета КПЧ предприятия «Рудне доли» в Пршибраме; Богумил Тайфл, начальник участка, председатель объединенного партийного комитета КПЧ Северочешского арматурного завода в Усти над Лабем; Ярослав Вейр, экономист единого сельскохозяйственного кооператива «Лужец» над Цидлиной, председатель сельской организации КПЧ.

От редакции «Руде право» на беседе присутствовали тт. Мирослав Моц, Иржи Свобода, Карел Ванек и Франтишек Рыба.

Участники беседы согласились с выводами нашей статьи, уточнили приведенные ранее факты, привели много других примеров и доказательств злоупотреблений деятелей правого центра, которые незаконно использовали в своих целях делегатов, избранных на XIV чрезвычайный съезд КПЧ. Разумеется, мы не в состоянии дословно привести здесь запись беседы, которая продолжалась 4 часа.

Мы можем лишь дать характеристику заявлений отдельных товарищей и сокращенное изложение их выступлений.

Согласно Уставу партии, съезд созывается Центральным Комитетом КПЧ, избранным на предыдущем съезде; ЦК КПЧ представляет съезду отчет о положении в партии и о своей деятельности, а также проекты соответствующих документов. Однако на этот раз право созвать съезд партии узурпировала группа людей, объединившихся вокруг городского комитета КПЧ в Праге, точнее, 7 человек, из которых 4 входили в состав городского комитета КПЧ.

Эти деятели правого центра незаконно вели переговоры с областными комитетами партии, и хотя они проводились под лозунгом «посоветоваться с делегатами о создавшейся обстановке», в действительности преследовали определенные цели:

а) обеспечить участие не менее 50 процентов делегатов, избранных на полномочный чрезвычайный съезд КПЧ, открытие которого было назначено на 9 сентября 1968 г.;

б) отстранить от деятельности законно избранный Центральный Комитет КПЧ;

в) провести выборы, которые обеспечили бы правому центру захват позиций для совершения переворота в партии и реализации его стратегических замыслов, т. е. толкнуть нашу партию и наше государство на путь отрыва от социалистического содружества и ликвидации социалистических завоеваний народа.

События 21 августа нанесли решительный удар по этим ренегатским планам, причем это произошло в то время, когда силы тогдашнего руководства партии были раздроблены. Правым оставался единственный выход — пойти на отчаянную авантюру, встать на любой путь, и, как об этом свидетельствуют предложения, содержащиеся в резолюции Гейзлара и Шабаты, о которых мы уже писали, пойти даже по пути кровопролития, братоубийственной борьбы с союзниками, по пути гражданской войны, раскола коммунистического движения. Этой цели должен был послужить «съезд», организаторы которого сделали все, чтобы созвать его и соответствующим образом обработать делегатов. (При этом небезынтересно, что уже в июле 1968 г. правый центр принял решение о немедленном созыве съезда в случае военного вмешательства стран Варшавского договора.)

Предварительное совещание на Жижкове

Собрание делегатов от Праги, состоявшееся 21 августа в здании Высшей экономической школы в Праге на Жижкове, явилось одним из мероприятий по созыву съезда. На этом собрании присутствовал т. Брож, который рассказывал о нем на нашей беседе. Примечательно, что это совещание проходило с 22 до 23 часов ночи в неосвещенном здании; делегатов по трое приводили в комнату, создавалась атмосфера полной таинственности. От имени Пражского горкома КПЧ собрание вели Литера, Котрч, Девера, Раттингер и, как сказал т. Брож, естественно, Лис. Это все фамилии деятелей, принадлежность которых к правому центру сегодня ни у кого не вызывает сомнений. В собрании приняли участие не только пражские делегаты, но и те, кто прибыл в это время в Прагу из других областей. Я. Литера информировал собравшихся о том, что горком КПЧ работает теперь не в старом здании, а на Целетной улице, и сообщил, что была установлена связь с определенным посольством, со стороны которого встречено понимание. Естественно, что он не преминул назвать предателями тех товарищей, которые на заседании Президиума ЦК КПЧ 20 августа выступили против антимарксистских и неклассовых формулировок решения. Литера определенно заявил, что *если соберется более 700 человек, то собрание будет объявлено съездом*. На этом совещании он, очевидно, сказал не все, так как созвал еще одно собрание руководителей делегаций от Праги, которое должно было состояться в районе Жижкова на Есениновой улице в доме 99. Его слова раскрывали истинные замыслы правого центра, то, что было для него действительно важно — созвать отнюдь не совещание, а съезд, и опасения, насколько удастся осуществить этот план.

На второй день, во время работы «высочанского съезда», Литера проговорился об этом, заявив, что «даже в наиболее оптимистичный момент мы не предполагали, что соберется в таком количестве...».

Перед приездом в Прагу

Созыв делегатов проходил не так уж просто. В областные комитеты поступали телефонограммы, причем никто не знал откуда. В некоторых областных органах не суще-

ствовало единого мнения. Тов. Мечл рассказал, что областной комитет в Пльзене отмежевался от этого дела и до последней минуты считал вопрос об участии в совещании делегатов делом райкомов. Тов. Гайовский из Остравы подтвердил, что делегаты были убеждены в том, что они едут лишь на совещание. Он рассказывал и о возникших разногласиях, когда во время поездки в Прагу по радио передали, что речь идет о созыве съезда. Сомнения среди делегатов усилились, когда по радио сообщили о заседании ЦК КПЧ в гостинице «Прага» и одновременно о съезде в Высочанах. Все понимали, что происходит что-то непонятное.

Тов. Кадлец из Брно рассказал, что они направлялись в гостиницу «Прага», где проходило заседание ЦК КПЧ. Однако, когда проехали Пардубице, их остановил сотрудник общественной безопасности и сказал, что они должны ехать не в гостиницу «Прага», а на завод «Праговка». Тов. Кадлец еще тогда обратил внимание на то, что некоторые делегаты, особенно те, кто руководил движением правых в Брненской области, как, например, А. Черный и В. Ленц, не поехали с ними в Прагу. Очевидно, они должным образом распределили обязанности и заняли наиболее важные места.

Делегация из Усти, как сообщил т. Тайфл, ехала через Мельник, где им в райкоме партии сообщили, что в Прагу они не поедут. Однако руководитель делегации связался с областным комитетом КПЧ в Усти над Лабем и получил указание ехать в Прагу.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что у делегатов были определенные сомнения, однако, в конце концов, всегда находился кто-нибудь, кто сумел сделать все так, как это и было запланировано.

Там находился любой, кому заблагорассудится

Намерения правого центра были весьма убедительно иллюстрированы участниками беседы фактами о махинациях вокруг участников съезда. Тов. Гайовский привел два примера о работниках чехословацкого автодорожного транспорта, которые, не являясь делегатами, прибыли на так называемый «съезд» и приняли в нем участие. Тов. Кадлец из Брно рассказал, что брненская делегация поехала на съезд без каких-либо мандатов. Членов этой деле-

гации в Высочанах «опознавал» Я. Шабата, который, однако, не мог знать отдельных товарищей, а следовательно, установить их личность, так как сам он был вузовским работником.

Точно также т. Вейр рассказал о том, что руководитель областной делегации из Градец Кралове Кубичек не мог знать всех делегатов, так как незадолго до этого работал в Южноморавской области. Тов. Вейр сказал, что если у одного делегата был мандат, то он мог спокойно провести и того или даже тех, кто был с ним. Вполне достаточно было личного поручительства.

Тов. Бром заявил: «Я могу с полной ответственностью сказать, что я был свидетелем нескольких случаев, когда у делегатов не было никакого мандата... При регистрации говорилось, что руководитель делегации все равно знает своих людей... Однако случай с Шабатой и Кубичеком говорит о противоположном». «На съезд мог спокойно попасть любой, кто даже и не был делегатом» (т. Бром).

Из сказанного выше ясно: в «съезде» приняли участие и те, у кого не было никаких мандатов, кого деятели или сторонники правого центра «утверждали» дополнительно. Это наглядно вскрывает маневры вокруг выборов, так как известно, что на законном съезде имеет права лишь тот делегат, у которого есть полномочный мандат и личность которого при голосовании удостоверена.

Под защитой «съезда»

На высочанском собрании присутствовало более тысячи человек. Атмосфера систематически подогревалась радио, телевидением и печатью. Всеобщая истерия нагнеталась в Высочанах не только путем намеренного запугивания перед рассмотрением каждого важного пункта, но и с помощью выступлений видных деятелей того времени.

Тов. Бром рассказывал во время беседы, что под этот психоз попала значительная часть делегатов, а на него лично сильно подействовало выступление председателя Верховного суда д-ра О. Боцека, который трагически повествовал о событиях в ночь на 21 августа в Президиуме правительства, где в действительности ничего не произошло.

Тов. Ваверка и другие участники были потрясены тем, что в зал пришло большинство членов правительства и по-

просило присутствующих взять их «под защиту». «Тов. Махачова выступила с такой душераздирающей речью,— сказал т. Ваверка,— что если у меня и были до тех пор какие-либо сомнения, то это выступление совершенно запутало меня». Махачова после этого выступления была дополнительно включена в списки и избрана в состав ЦК.

Не только заявление, с которым от имени правительства выступила Махачова и которое было принято как специальное решение собрания, но и само участие членов правительства было хорошо отрепетированной игрой, которая должна была подкрепить у участников мнение о законности всего мероприятия.

Такое же впечатление произвело и выступление Ф. Водслоня, который рассказал о положении в парламенте и о заявлении Национального собрания, которое было зачитано.

Выступление Табачека прозвучало, по словам т. Ваверки, так, якобы словацкие делегаты хотели принять в нем участие, но не смогли. Табачек заявил, что он говорит от имени словацких делегатов. Но кто его на это уполномочил?

Как обстояли дела в одной из комиссий

Тов. Мечл был членом комиссии, которая должна была пересмотреть резолюцию о внутреннем положении, представленную Э. Гейзларом. Резолюция до этого была уже одобрена. Однако когда Я. Шабата зачитал обращение к коммунистическим партиям, то поднялась волна протеста не только против этого обращения, но раздались требования об отмене первой резолюции.

«Президиум буквально охватил ужас, когда было выдвинуто требование о том, чтобы для обсуждения каждой резолюции были учреждены комиссии, в состав которых были бы делегированы представители областей...» — рассказывал т. Мечл. На это организаторы не рассчитывали, они, очевидно, думали, что все пройдет гладко, а поэтому и пришли в ужас от этого требования. Они хотели пойти на уступки, но ни в коем случае не желали пересматривать резолюцию. Каково же было их удивление, когда присутствующие проголосовали за избрание комиссий».

Никто не знал, где проходили заседания комиссий. Тов. Мечл нашел свою комиссию только через час. А через три часа пришел еще один товарищ и сказал, что свою комиссию он так и не нашел. Руководил работой комиссии Гейзлар, хотя он не был избран в ее состав. Он действовал очень грубо. Правда, Гейзлар соглашался иногда кое-что вычеркнуть в отдельных предложениях, но ни в коем случае не хотел отступать от содержания. При обсуждении формулировки о всеобщей забастовке члены комиссии выступили принципиально против, не согласившись с ее содержанием. «Это выглядело так, как если бы подожгли бочку с бензином,— рассказывал т. Мечл.— Гейзлар закричал: тогда идите и читайте свои памфлеты, что вы, собственно говоря, думаете, знаете ли вы вообще о чем идет речь?» Гейзлар, конечно, знал, о чем идет речь, однако члены комиссии не согласились с формулировкой, которая могла бы служить призывом к кровопролитию. А Гейзлара тут же поставил на место один из членов комиссии: «А по какому праву ты вообще здесь кричишь? Тебя что, послал сюда пленум? Ведь мы спокойно можем посадить тебя с председательского кресла и делать все сами».

Затем перешли к обсуждению абзаца, содержащего призыв к армии выполнить свою присягу. «Гейзлар ни в коем случае не хотел обсуждать эти вопросы,— говорит т. Мечл,— Гейзлар совершенно открыто заявил: «Мы не можем опозориться перед всем миром... Мы должны показать себя всему миру!» В ответ на слова какой-то журналистки, входившей в состав комиссии: «Вы трусы, вы же здесь поставили подписи!» — один из делегатов резко заявил: «Мы не будем голосовать за то, что могло бы привести наш народ к катастрофе. Только через наши трупы...»

...В высочанском совещании приняли участие многие, кто сохранил в это время благоразумие. Поэтому раздались голоса протеста в связи с тем, что на радио направили резолюцию, предложенную Гейзларом в первоначальном варианте. Ее авторы организовали дело таким образом, что резолюцию немедленно «опубликовали для народов», несмотря на то что вскоре пересмотрели решение, касающееся этой резолюции. Организаторы, как было сказано, «по недосмотру» не добились ее аннулирования. А председательствующий В. Шилган ответил на критику следующими словами: «Эта досадная ошибка будет исправлена в ближайших передачах по радио...».

Тов. Мечл в беседе правильно подчеркнул, что его рассказ можно принимать лишь с точки зрения событий и атмосферы того времени. Сегодня, после того как правый центр разоблачен и уличен в попытке произвести переворот в партии и республике, люди прозрели и понимают, о чем в действительности шла речь на так называемом «высочанском съезде».

Что происходило вокруг голосования

Все участники беседы подчеркивали, что организаторы «съезда» нагнетали психоз и настроения страха по мере того, как приближались к решению основной из намеченных ими задач: использовать последнюю представившуюся возможность сделать отчаянную попытку совершить самое главное — захватить ключевые позиции в руководстве партии.

Об этом истерпывающе говорили на беседе несколько товарищей. Тов. Бром: «...необходимо посмотреть на все это глазами тех дней и часов... Перед голосованием вбегает какая-то женщина и со слезами на глазах рассказывает, что бронетранспортеры находятся уже у проходной. Председательствующий информировал об этом присутствующих, и это привело к тому, что голосование было скомкано».

Результаты голосования оказались действительными на короткий срок. Правые ренегаты добились того, что в высший орган попали в конце концов все те, кого они хотели провести. Это произошло еще и потому, как об этом сказали тт. Бром, Ваверка и др., что «значительная часть делегатов попала под влияние всеобщего и намеренно создаваемого психоза».

Тов. Гайовский напомнил, что перед входом в зал было предусмотрено место для тайного голосования, однако президиум преднамеренно настоял на голосовании списком. Тов. Гайовский привел также яркий пример, как на областной конференции в Остраве тайные выборы продолжались лишь 15 минут при наличии 800 делегатов. Разумеется, делегаты предварительно получили список и характеристику кандидатов и могли спокойно обсудить каждую кандидатуру.

В Высочанах голосование происходило настолько «демократичным» путем, что «в нескольких случаях наблюдался

интересный парадокс; общее количество голосов было гораздо большим, чем число присутствующих... после длительного обсуждения решили не голосовать «за»... Мы были шокированы этим и кое-что начинали понимать. Мы думали про себя, что если бы мы так подготовили выборы бюро в первичных организациях, то члены партии выдворили бы нас... Наконец, два неизвестных лица заявили со сцены: «Мы видим это на глаз», — и все было решено...» (Тов. Мечл.)

«И чтобы у кого-либо не было времени на размышления, выступает вдруг, например... Пеликан и ни с того ни с сего объявляет, что у него есть достоверные данные, полученные по линии своего аппарата, что плъзенские партийные органы были интернированы, что в Пльзене продолжают аресты видных деятелей и что, очевидно, товарищи из Пльзена не смогут возвратиться...» Естественно, что в этот момент присутствующие начинали думать о том, как обстоят дела в их области или районе... и после этого голосование продолжалось.

Очень точную характеристику обстановки, окружавшей честных участников съезда, которые полагали, что речь идет о законном деле, дал, по словам т. Гайовского, делегат от района Кромержиж: «Я протестую против действий рабочего президиума... он заставляет нас делать все наспех. Это неправильно... Новый Центральный Комитет мы сможем избрать лишь при условии, что будем знать тех товарищей, кандидатуры которых будут рассматриваться, а мы о них ничего не знаем... Мы должны их знать, мы должны знать о них что-либо. Нужна гарантия того, что избирательная комиссия подготовит нам такую оценку кандидатов... Если же у нас не будет этих материалов... то тем самым мы нарушим партийные нормы — я протестую...»

На эти законные протесты председательствующий Шилган отвечал фарисейскими увертками: «...мы действовали таким способом, который, по моему мнению, является демократичным. Разумеется, мое мнение не является доказательством, но я думаю, что доказательством не является и мнение кого-либо из нас, но в данный момент это неважно...» Короче, это можно выразить следующими словами: думайте что хотите, это не имеет никакого значения; главное, чтобы мы использовали то, что для нас особенно важно, т. е. шанс, который нам представился. Читатели,

очевидно, простят нам, что мы не используем меткие выражения, которыми так богат чешский язык, чтобы более выразительно охарактеризовать презрительное отношение организаторов к мыслям и настроениям участников съезда.

Взгляд за кулисы

Если даже не принимать во внимание ту атмосферу, в которой делегаты съезжались в Прагу и которая накалялась самыми различными угрозами и даже заявлениями о том, что где-то людей арестовывают и забирают, что не нужно ездить туда-то и туда-то, но можно безболезненно обращаться в Мотольскую или другую больницу, либо на бойню, либо в пекарню, либо в типографию, то и без этого создавалось впечатление, что речь идет о героических делах, не имеющих себе равных в истории наших народов. Перечисленные угрозы, которые мы уже публиковали как в статье о так называемом «высочанском съезде», так и в показаниях непосредственного участника съезда т. Элнера из Порубы, снова фигурировали на беседе; более того, товарищи приводили такие факты, которые в магнитофонной записи, к нашему удивлению, отсутствуют. (К месту было бы подчеркнуть, что магнитофонную запись выступлений на «съезде» В. Шилган передал после многочисленных напоминаний Центральному Комитету КПЧ лишь в июле 1969 г., т. е. спустя почти год после того, как произошло это событие.)

Вот, к примеру, выступление т. Юнковой из Митровиц, которая буквально пробилась к трибуне и при абсолютном игнорировании со стороны так называемого президиума под бурное одобрение большинства делегатов осудила формулировки Гейзлара, а также призыв к братоубийственной борьбе (т. Мечл).

Точно так же в магнитофонных записях отсутствуют выступления других делегатов, в том числе выступление т. Мечла, который призывал делегации Пльзенских районов выступить против контрреволюционного обращения Гейзлара. Отсутствует также и запись выступления делегата из Брно т. Кадлеца, которого буквально стащили со стула, когда он из середины зала пытался протестовать против шовинистского психоза и призывал предотвратить проявления националистических страстей.

По словам участников беседы в редакции «Руде право», подобных примеров можно было бы привести много.

Методами угроз и запугивания пользовались не только на «съезде», но и за кулисами «съезда». Тов. Кадлец из Брно рассказывал, как, например, Шабата терроризировал делегатов, призывая их не покидать «съезд». Речь шла о 20—25 делегатах из Брно, Кладно и Крамержижа. Более двух часов продолжалось «убеждение» делегатов в разделах.

О том, как в действительности обстояли дела с танками, транспортерами и «захватом» высочанского совещания, очень наглядно рассказал т. Гайовский. Он и еще один товарищ после всех этих угроз решили пойти и посмотреть, как это выглядит на самом деле. Товарищ, у которого рука была в гипсе, облил ее пивом, и под предлогом, что у него кровоточит рана и что ему необходима медицинская помощь, оба вышли с территории завода. Они не увидели ничего кроме автомашины (серый кабриолет), принадлежащей какому-то посольству, из которой или в которую передавали какие-то печатные материалы. Этот автомобиль вскоре сбил на перекрестке двух пешеходов, которых затем увезла скорая помощь. Чья это была автомашина, т. Гайовский не знает. Однако заслуживает внимания то, что «голосование» внутри здания происходило под впечатлением скорой ликвидации совещания.

Практиковался и персональный нажим на отдельных участников. Например, к т. Гайовскому трижды приходили и говорили: «Нас послали за тобой, мы все подождем. Посмотри, уже мигают пожарные машины».

На участников «съезда» воздействовали не только словами, но и создавали зрительное впечатление. Так, например, на улице действительно стояли пожарные машины, которые «в случае опасности должны были мигать». Но у них была и другая цель. Так, например, т. Ваверка получил следующий ответ на свой вопрос: «...пожарная команда находится в боевой готовности на случай защиты присутствующих членов правительства». Эти члены правительства должны были в случае необходимости переодеться в форму пожарных, для того чтобы их смогли незаметно вывезти с территории завода. Как видите, в полной мере действовала фантазия, достойная лишь десятилетних мальчишек, играющих в разбойников. Трагедия заключается в

том, что все это происходило в то время, когда решались судьбы нашей партии и государства.

Этих фактов, скупо подобранных из огромного количества высказываний участников нашей беседы, очевидно, будет достаточно для того, чтобы все, кто по какой-либо причине попал под влияние идей о «патриотическом съезде», смогли бы наконец распознать игру, которую вели деятели правого центра с доверчивыми делегатами и со всей нашей общественностью.

В заключение товарищи, присутствующие на беседе, решили призвать всех участников так называемого «высочанского съезда» на основе своих личных впечатлений и опыта рассказать об этой явной попытке правого центра завладеть руководством партии и взять в свои руки власть в государстве. Показания участников имеют большое значение для общего анализа намерений правого центра, над которым в настоящее время работает Центральная контрольно-ревизионная комиссия КПЧ и о котором еще скажет свое слово Центральный Комитет КПЧ и очередной XIV съезд партии.

«Руде право», 2 декабря 1969 г.

О «ТЕОРИИ» ЛЁБЛА «ВЛАСТЬ ЧЕЛОВЕКА». ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ОППОРТУНИЗМЕ

*Из выступления на конференции,
посвященной ленинизму.
Прага, 19—21 ноября 1969 г.*

В. И. Ленину принадлежит заслуга в том, что он определил связь оппортунизма внутри социалистического движения с либерализмом и одновременно отметил противоречивую *роль интеллигенции*. Этот вопрос требует тщательного анализа.

Каждый, кто изучал сочинения В. И. Ленина, его основные произведения и вместе с тем историю большевистской партии, создание которой сопровождалось неустанной борьбой против оппортунизма и ревизионизма, знает, как В. И. Ленин упорно и настойчиво вел борьбу против той части интеллигенции, которая кокетничала с революционным движением, временно оказывала на него влияние и вносила взгляды и настроения, чуждые рабочему классу. Но одновременно В. И. Ленин не менее настойчиво и упорно боролся за привлечение каждой творческой силы. А как высоко он ценил революционную интеллигенцию, которая отдавала все свои силы делу пролетариата, поднимала у рабочих масс, подвергавшихся самым различным формам угнетения, одурачиванию и деморализации, самосознание будущего правящего класса и субъекта эмансипации человеческого общества.

Достаточно прочесть одно из самых выдающихся произведений В. И. Ленина «Что делать?», созданное в начальный период его политической деятельности, чтобы понять, что борьба с оппортунизмом, с хвостизмом интеллигентского крыла исходит из признания значительной роли интеллигенции, которая *вносит* в рабочий класс *знания* о развитии общества, о классовой борьбе, о строительстве социализма и бесклассового общества, *помогает* организовать *авангард* рабочего класса, способный повести массы

на революцию и строительство нового, социалистического общества.

Признание роли интеллигенции сопровождается непримиримой критикой всех тенденций отрицания гегемонии рабочего класса, ведущих к ослаблению, умалению роли политической революционной партии пролетариата как организованного и дисциплинированного авангарда.

Именно эта организованность и дисциплинированность была всегда бельмом на глазу у правых оппортунистов. Здесь особенно проявляется их связь с либерализмом. Все предложения по «совершенствованию» Устава партии, которые выдвигались правыми в прошлом году, исходили из стремления разрушить систему строгой ответственности — демократический централизм, авторитетность решений коллективных органов и работу аппарата. Деятельность, контролируемую в соответствии с принципами Устава, они подменяли организацией различного рода кампаний давления и фракционными действиями, прикрываясь фразами о необходимости свободы мышления и критики в партии.

Это противодействие организованности и дисциплинированности вызвано отрицанием гегемонии рабочего класса, иллюзиями о надклассовой миссии интеллигенции как ведущей общественной силы.

Эуген Лёбл, один из идеологов правых оппортунистов и ревизионистов «чехословацкой весны», находящийся ныне на Западе, где он публикует свои памфлеты против КПЧ и Советского Союза, открыто признает это, когда развитие в Чехословакии после января 1968 г. характеризует как попытку осуществить «революцию интеллигенции». В соответствии со взглядами ревизионистов в некоторых других коммунистических партиях он считает, что учение классиков марксизма о руководящей роли рабочего класса якобы опровергнуто развитием. Научно-техническая революция, рост производительных сил в развитых капиталистических странах выдвинули, по мнению Лёбла, интеллигенцию на первый план. Эта интеллигенция, как он утверждает, заинтересована не во власти, а в том, чтобы «власть меча» была заменена «властью духа». Не демократия, ибо здесь имеют место какие-то факторы власти, а антропократия — таков идеал Э. Лёбла, «власть человека» с ее свободой индивидуума.

Этот господин, который недавно с такими идеями был членом партии и осуждал всех полемизирующих с ним

как цемарксистов и догматиков, придерживающихся устаревших взглядов, принимал активное участие в обсуждении философски чуждых для него проблем и писал статьи, осуждавшие философов-догматиков за то, что они не признают «абсолютной свободы человеческой личности». Законы общественного развития являются для Лёбла мифом догматиков, которые «выдумали» их для того, чтобы осуществлять свои замыслы и закабалить общество планами. В противовес планированию этот «социалистический» экономист выдвигает свободную волю и инициативу интеллектуала-индивидуума. Только элита интеллектуалов-индивидуумов, по мнению Лёбла, способна определять развитие общества.

Эти примитивные взгляды хорошо известны. Эуген Лёбл повторяет их, объявляя о своей приверженности к субъективной идеалистической гносеологии. Казалось бы, нет никакого смысла особенно заниматься его взглядами, поскольку это старый хлам, с которым наше движение рассталось более чем полвека тому назад. Но мы не можем не учитывать действительность, что такие взгляды — может быть, не всегда в столь откровенной форме — все еще находят поддержку среди довольно широких слоев интеллигенции, где тенденции «элиты» пустили глубокие корни.

На практике эти взгляды нашли свое выражение в стремлении к полной «автономии» науки и культуры, которые стали у нас областью в значительной степени неконтролируемой с точки зрения потребностей социалистического государства. Это имело очень тяжелые последствия, так как происходили деформации в области культурной жизни, из которой постепенно исчезло социалистическое содержание, а с ним и возможность оказывать положительное влияние на развитие науки и техники. Пренебрежительное отношение к этому нанесло чрезвычайно большой ущерб нашему обществу, как материальный, так и духовный. Если теперь мы стремимся значительно усилить влияние социалистического государства на эту область, усилить организаторскую роль социалистического государства и выдвинуть необходимость интеграции творческих сил, которая была нарушена автономными стремлениями, то мы это делаем в интересах развития социалистической культуры и науки. Наша партия в настоящее время полностью сознает ответственность за это развитие и тем самым и ответственность за успешное завершение классовой

борьбы в соответствии с миссией и целями, поставленными социалистической революцией.

Эта миссия и эти цели игнорируются оппортунизмом. Новые проблемы, некоторые явления в развитых капиталистических странах и угроза нового мирового конфликта давят на оппортунистов, которые подчиняются им, стремясь решить проблемы на путях отхода от классовых позиций. Эту капитуляцию они прикрывают мнимо прогрессивной позицией.

Эта кажущаяся прогрессивность, которая в действительности является плодом беспомощности или депрессии, плодом сомнения в необходимости осуществления классовых принципов, являлась маскировкой для их отхода от идеи пролетарского интернационализма.

Мы давно у нас слышали с разных трибун творческих союзов или читали на страницах «Литерарни новины», что мир уже не разделен в классовом отношении, что основным критерием служит дифференциация в соответствии с тем, кто является прогрессивным, а кто нет, что в этом смысле разделение идет «поперек лагерей». Именно на основе такой аргументации родилась идея о руководящей роли интеллигенции, как она была, например, изложена в «Литерарни новины» Эрнстом Фишером в некоторых его статьях.

В. И. Ленин писал, что оппортунизм, исходящий из иллюзии о внеклассовом положении интеллигента, который хочет замаскировать классовые разногласия, выливается в национализм, в идею сотрудничества с буржуазией. Мы можем также сказать, что в определенных условиях, когда мировая арена стала более открытой и никому не избежать участия в мировых событиях, этот конъюнктурный национализм, переходящий в шовинизм, смыкается с космополитизмом, превращается в сотрудничество, быть может, замаскированное, с мировой буржуазией. И, наконец, все, что было направлено против интересов партии и содружества социалистических стран, особенно против Советского Союза, оказалось подходящим для наших оппортунистов, либералов и антисоциалистических, контрреволюционных элементов. Под лозунгом демократизации и терпимости к различным взглядам, лицемерно выдвинутым ими, создавалась широкая коалиция сил, как внутренних, так и внешних, которые начали выступать против основных завоеваний революции. Разложение

системы власти является убедительным доказательством, разоблачающим их истинные замыслы.

И в настоящее время находится немало таких людей, которые еще не разгадали цели контрреволюции и ее пособников, действовавших сознательно или несознательно, из побуждений «наивного романтизма», как иногда называют политическое ослепление и безответственность. Но мы верим в то, что здравый смысл побудит их отмежеваться от тех, кто с таким нетерпением ожидал результатов «чехословацкой весны» и кто с особенной грустью воспринял поражение контрреволюции в Чехословакии.

«Руде право», 5 декабря 1969 г.

КАК ФОРМИРОВАЛСЯ ПРАВООППОРТУНИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР В БРНО

Южноморавская областная организация КПЧ — одна из самых больших областных организаций в нашей республике. После января 1968 г. правооппортунистическим силам, возглавляемым Я. Шабатой, Й. Шпачеком, Й. Соларжем и др., постепенно удалось всецело завладеть позициями. В южноморавской организации после преодоления политического кризиса новое руководство обкома КПЧ интенсивно занимается анализом всего послеянварского периода. Этим занимался и последний декабрьский пленум обкома КПЧ. Из документов уже сейчас ясно видно, с помощью каких интриг придерживавшиеся правой ориентации пробивались к власти. В предлагаемом материале мы знакомим читателей с некоторыми фактами, раскрывающими формирование правооппортунистического центра в Брно.

Политика Южноморавского обкома КПЧ и политическая работа, проводимая его органами в период, предшествовавший январю 1968 г., играла важную роль в преодолении серьезных недостатков, допущенных доянварским руководством партии. Областная организация и органы обкома КПЧ внесли определенный вклад в итоги декабрьского пленума ЦК КПЧ в 1967 г. и в итоги январского пленума 1968 г.

Причины послеянварских ошибок

С другой стороны, необходимо указать и на отрицательные явления, которые можно считать причиной послеянварских ошибок. Признаки ревизионистских тенденций

и правого оппортунизма начали проявляться задолго до января.

В период подготовки XIII съезда КПЧ весьма активно стал действовать Я. Шабата. Он принимал участие в разработке ряда документов для органов обкома КПЧ и уже тогда высказывал на активах ревизионистские идеи. В дискуссиях он отстаивал свои неправильные взгляды, особенно в вопросах марксистско-ленинской теории классов. В марте 1968 г. он подготовил тезисы резолюции о развитии руководящей роли партии и развитии социалистической демократии. В них Я. Шабата утверждал, что скрытый враг уже давно не является для нас главной опасностью. В кадровой политике он рекомендовал: «По принципу — нужных людей на нужные участки, мы должны использовать таланты и способности всех людей, невзирая на их политическую принадлежность».

Дело, разумеется, не в одном Я. Шабате. Обком КПЧ начинал все более опираться на тех работников теоретического и культурного фронта, которые распространяли взгляды о том, что XIII съезд КПЧ не выполнил своей задачи, и усиленно призывали ускорить созыв XIV съезда КПЧ.

Формирование идейной группировки

Вокруг заведующего первым отделом обкома КПЧ Й. Шпачека из работников отделов обкома КПЧ постепенно создавалась группировка.

22 ноября 1967 г. проходила идеологическая конференция. Основной доклад о руководящей роли партии сделал Й. Шпачек, который был тогда уже первым секретарем обкома КПЧ. С антипартийных позиций в дискуссии выступили Я. Шабата и особенно Й. Соларж.

К Я. Шабате, Й. Соларжу и создающейся группировке постепенно примыкали и другие, считавшие себя спасителями партии и общества. Необходимую позитивную критику они постепенно превращали во все отвергающий пессимизм.

Итоги январского пленума ЦК КПЧ 1968 г. вызвали большие надежды и в Южноморавской области. Однако уже в ходе первых недель некоторым стало ясно, что формируется правооппортунистическая и ликвидаторская платформа.

Уже тогда стал практиковаться метод правых: занимать в отношении отдельных групп членов партии или партийных органов и организаций, включая ЦК КПЧ и Президиум ЦК КПЧ, всегда одностороннюю критическую позицию.

Любопытна была кадровая подготовка областной конференции. Президиум обкома КПЧ 25 января 1968 г. решил вообще отказаться от уставной процедуры выдвижения кандидатов и выбора делегатов на очередную областную конференцию, так как это, дескать, старый бюрократический метод. Это решение привело к тому, что низовые парторганизации и райкомы КПЧ готовили предложения под нажимом внепартийных сил, под давлением послеплановских «прогрессистов». Появилось понятие «новая модель социализма».

Путь к новому виду социализма

19—21 апреля проходила очередная областная партийная конференция. В отчетном докладе Й. Шпачека совершенно ясно проявилось стремление поддержать нарастающие тенденции отделить политику от экономики. Дальнейшая практика также наводила на мысль о том, что экономика относится исключительно к компетенции и деятельности хозяйственного руководства.

Все больше делается упор на главную задачу — «поиск нового вида социализма». В докладе говорилось о новом политическом единстве общества, возникающем благодаря критике политической системы, которую развивает интеллигенция и которая якобы является прогрессивным явлением.

Противоречивость и явный волюнтаризм этого выступления был очевиден и плохо повлиял на весь ход конференции. В дискуссии по экономическим вопросам проявилась тенденция ориентировать развитие нашего народного хозяйства вне рамок СЭВа, что подкреплялось мыслью о

необходимости поиска «нового вида социализма». В комиссии по подготовке резолюции о руководящей роли партии и развитии демократии разгорелась борьба против антимарксистских и неклассовых положений резолюции.

Работа редакционной комиссии практически свелась к насилию над конференцией. Комиссия не прислушалась к дискуссии, не учла мнений, высказанных на самой конференции, а также в секциях и комиссиях, не приняла к руководству указания пленума конференции. Во время заключительного голосования подавляющему большинству делегатов вообще было неясно, за что они голосуют. (Делегаты получили три варианта проекта решения и после окончания конференции не знали, за что, собственно, они проголосовали.)

Новый президиум — успех правых

Во время конференции состоялся пленум обкома КПЧ по оргвопросам, на котором по предложению Президиума ЦК КПЧ Й. Шпачек был вновь избран первым секретарем. Позднее была избрана комиссия из пяти человек, которая должна была подготовить предложения о составе нового президиума и секретариата обкома КПЧ. Ее предложения были, по существу, предложениями Й. Шпачека.

Состав нового президиума обкома означал успех правых сил. Тут формировалось ядро правых. Еще в политической программе, принятой очередной областной конференцией в апреле 1968 г., проявились некоторые элементы, идущие вразрез с официальными документами ЦК КПЧ. Был, например, огульно односторонне выдвинут лозунг: «Новая политика — новые люди», приняты формулировки, связанные с поисками «новой модели» социализма.

Вновь избранный президиум обкома занимался в первую очередь дальнейшей разработкой негативных моментов, например выдвигал требование созыва чрезвычайного съезда партии, который должен был заняться прежде всего кадровыми вопросами.

Любопытными были также организационные изменения в аппарате обкома. Президиум обкома решил создать самостоятельный отдел политической информации. На должность заведующего этим отделом был назначен З. Пржикрыл, который уже тогда принадлежал к правой группировке руководства обкома КПЧ. Президиум решил

также создать отдел политической системы, организация и временное руководство которым были поручены И. Станеку, также принадлежавшему к правой группировке.

Создание этих двух отделов проходило под строгим контролем тогдашнего секретаря обкома А. Черного, без обсуждения этого вопроса в секретариате обкома КПЧ. Затем А. Черный выделил из политико-организационного отдела и подчинил непосредственно себе инструкторов обкома КПЧ с целью непосредственно влиять через них на политическую обстановку в районных комитетах КПЧ.

За «плюралистическое понимание» политической системы

В подготовленных к пленуму обкома КПЧ материалах, которые обсуждались в президиуме обкома, был допущен ряд неправильных формулировок. Например, в проекте программы действий обкома КПЧ говорилось: «Мы принципиально выступаем за политический эксперимент плюралистического понимания политической системы социалистического общества; мы стоим за расчлененное и дифференцированное развитие молодежного движения и т. п.».

Несогласные должны уйти

Принцип «новая политика — с новыми людьми» нашел свое выражение в решении президиума обкома провести проверку работников обкома, т. е. определить, находятся ли на ответственных постах в аппарате обкома товарищи, понимающие современную ориентацию партии и способные активно проводить ее в жизнь. Это решение касалось также и аппарата райкомов КПЧ.

Вследствие этого перед чрезвычайными районными конференциями партий в личных делах некоторых секретарей РК КПЧ появились пометки: «мало прогрессивный — заменить».

На майском пленуме обкома КПЧ комиссия по подготовке предложений в составе В. Ленца (председатель), К. Чейки, А. Кршковой, Я. Шабаты, Й. Шперки, Ф. Пишека, Й. Новотного предложила проект решения о работе областного комитета Национального фронта, а также проект обращения обкома КПЧ к политическим партиям, общественным и добровольным организациям, действуя-

щим в Южноморавской области, о роли и задачах Национального фронта.

Формулировки, содержащиеся в решении и обращении о плюралистическом понимании политической системы нашего общества, расходились с линией Центрального Комитета и программой действий партии, в которой нет ни слова о плюралистической политической системе.

Злоупотребление интересами Моравии

В тогдашней ситуации постановка вопроса об упорядочении административно-территориального устройства также была проявлением конъюнктурщины и злоупотреблением обоснованной заинтересованностью в исправлении известной дискриминации Моравии, особенно Южноморавской области в предшествующий период. Результаты такой позиции объективно наносили вред главным образом потому, что они способствовали разжиганию вредных местных настроений в Моравии, подогревали антисловацкие националистические настроения в чешских областях и античешские — в Словакии, раскалывали областную организацию и отвлекали внимание от решения важнейших политических проблем и задач.

30 мая 1968 г. президиум обкома принял резолюцию, а 31 мая направил в ЦК КПЧ письмо, в котором содержались требования быстрее созыва чрезвычайного съезда, освобождения «скомпрометированных» членов и кандидатов ЦК КПЧ, восстановление районов и Моравско-силезской области.

Это был явный нажим на Президиум ЦК КПЧ, а для правых сил в нем — поддержка требования созвать съезд в самый короткий срок, невзирая на обстановку, в которой находилась партия.

Правые усиливают давление

Подготовка к чрезвычайным районным и областной партийным конференциям сопровождалась возрастающим давлением правых сил. Политическая ситуация оказывала влияние на выборы делегатов (атаки на так называемых «консерваторов», а в некоторых районах — например, в Готвальдове — организация внепартийных акций). Как правая группировка в руководстве обкома оказывала влияние на выборы делегатов и на итоги чрезвычайных пар-

тийных конференций, можно показать на примере «резкого и неожиданного поворота» первого секретаря райкома Угерске Градиште, который на общегосударственном совещании первых секретарей областных и районных комитетов КПЧ в мае 1968 г. решительно обращал внимание на опасность, которая грозит партии со стороны правых сил. В этом же духе он ориентировал районный актив после общегосударственного совещания. После этого он был вызван на беседу к Й. Шпачеку. Результатом этой беседы явилась глубокая «самокритика» на чрезвычайной конференции и новые выборы райкома КПЧ. Из райкома вынуждены были уйти некоторые опытные работники, а президиум райкома был реорганизован. Перевес в нем получили люди, придерживающиеся правой ориентации.

Подобные манипуляции имели место и в других районах.

Контрреволюционное воззвание «2000 слов», намеренно преданное гласности именно в это время, и широкая кампания средств массовой информации вокруг этого воззвания привели к тому, что на районных конференциях в Южноморавской области получили поддержку взгляды правых делегатов.

Национализм и антисоветизм

Чрезвычайная областная партийная конференция, состоявшаяся 6—7 июля 1968 г., проходила в напряженной политической атмосфере под влиянием воззвания «2000 слов» и нарастающей антипартийной, националистической и антисоветской истерии. На работе конференции сказались сильное давление со стороны так называемых «прогрессистов» и манипуляции в отношении той части делегатов, которые выступали с принципиальных марксистско-ленинских позиций.

В ходе обсуждения разгорелась борьба по поводу резолюции. Верх одержали правые делегаты, которые поддерживали контрреволюционное воззвание «2000 слов». Они представляли значительное большинство на конференции и заставляли молчать тех, кто выступал с критических позиций, чем дезориентировали значительную часть делегатов. Правая группировка в руководстве обкома вкупе с правыми делегатами прибегла к нападкам, чтобы достичь своих программных и кадровых целей. Что касается кад-

ровой стороны вопроса, то главные столкновения произошли еще в избирательной комиссии.

В голосовании успех одержали правые. Несмотря на возражения ряда делегатов, в конце конференции в напряженной обстановке была принята резолюция явно правого направления, предложенная комиссией, в которую входили также Я. Шабата и В. Блажек.

Правые берут в свои руки бразды правления

В принятой резолюции говорилось, что «главной опасностью внутри партии является все то, что так или иначе мешает перейти к новой политике». В резолюции предлагалось, чтобы по поводу политической системы Национального фронта был проведен всенародный референдум в общегосударственном масштабе. Далее указывалось на необходимость того, чтобы проблема федеративного устройства государства, включая специфические интересы Моравии и Силезии, была решена в результате всенародного плебисцита. Принятие резолюции чрезвычайной областной конференции завершило изменения политической линии обкома КПЧ.

Этим самым областная чрезвычайная конференция 1968 г. нанесла большой урон южноморавской партийной организации. Правооппортунистической группировке в руководстве обкома КПЧ удалось расширить и укрепить свои позиции, овладеть пленумом и президиумом обкома и наконец протащить в официальные документы конференции свою политическую концепцию, которая шла вразрез с линией ЦК КПЧ и с марксизмом-ленинизмом.

Итоги этой конференции дали полную возможность правой группировке расставить свои кадры. В это же время при особо активной деятельности Я. Шабаты и при полной поддержке Й. Шпачека, в руках которого находились ключевые позиции и политическая власть, усилилась также прямая связь с правым центром в Праге.

Результаты этой конференции имели весьма тяжелые последствия не только для областной партийной организации, но и для всей партии. Они крайне отрицательно сказались и в дальнейшей политической работе, особенно во второй половине июля, августа и после августа 1968 г.

НАУЧНАЯ ГИПОТЕЗА ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СПЕКУЛЯЦИЯ

О чем шла речь в Военно-политической академии!

В октябре прошлого года в газете публиковалось сообщение о том, что Главное политическое управление ЧСНА провело тщательное рассмотрение в связи с так называемым меморандумом, инициатором которого была группа ответственных работников бывшей Военно-политической академии им. Клементы Готвальда в Праге.

Главное политическое управление ЧСНА со всей определенностью квалифицировало «меморандум» как конкретное проявление правого оппортунизма, который не только нанес серьезный вред командному составу армии, но и стал источником разного рода политических разглагольствований и сплетен среди широкой общественности и способствовал усилению опасений наших союзников за перспективы политического развития в ЧССР.

Поэтому совершенно оправданно в отношении авторов и подписавших меморандум начато партийное расследование, которое будет закончено в ближайшее время. Мы не хотим сегодня заниматься разбором степени виновности отдельных авторов и подписавших меморандум, а лишь кратко познакомим читателей с идейным содержанием «документа», который отнюдь не случайно и не без оснований был охарактеризован честными командирами и политработниками вскоре после его опубликования как «армейские 2000 слов».

ВПА им. К. Готвальда, игравшая видную роль в идейно-политической и профессиональной подготовке политработников ЧСНА, летом прошлого года прекратила свое существование. В этой связи необходимо было оценить ее роль и место в бурном и полном противоречий послеянварском политическом развитии. Естественно, что ВПА им. К. Готвальда как идеологический и обществоведческий

центр армии не могла оставаться в стороне. В период, когда возникали и всевозможными путями и средствами распространялись различные антипартийные взгляды и требования, когда началось целеустремленное наступление правых сил, командование и остальные работники академии имели благоприятную возможность выступить на решительную борьбу против этих тенденций и сил, которые привели нашу партию и общество на грань катастрофы. К этому их обязывали многолетние традиции Военно-политической академии им. К. Готвальда.

Этот долг был вдвойне обязывающим и ответственным потому, что с самого начала 1968 г. атаки правых и антисоциалистических сил сосредоточивались и против Чехословацкой народной армии как главного классового политического инструмента власти нашего социалистического государства.

Какая обстановка складывалась в Военно-политической академии им. К. Готвальда после января

Пленумы ЦК КПЧ в декабре 1967 г. и январе 1968 г. вызвали в ВПА им. К. Готвальда небывалую критику содержания и методов проводимой политики. Возникли взгляды и теории, противоречившие классовым принципам марксистско-ленинской политики и идеологии. ВПА им. К. Готвальда стала оказывать все более активную поддержку правому крылу в партии и его представителям: Кригелю, Смрковскому, Цисаржу, Прхлику и др.

После пленума ЦК КПЧ в мае 1968 г. ВПА им. К. Готвальда занимает откровенно антипартийную платформу, отвергая решения пленума.

В условиях, когда активизировались нападки враждебных правых сил против партийно-политического аппарата ЧСНА, многие работники ВПА им. К. Готвальда не только не воспротивились этим нападкам, руководствуясь своим многолетним опытом научной деятельности, но в ряде случаев сами возглавили эти акции. Для этого они выступали в средствах массовой информации, с помощью которых рассчитывали завоевать дешевую популярность. Одновременно был опубликован ряд «научных» работ, содержавших различные тезисы и «положения», практическая реализация

которых привела бы к ослаблению, а в конечном итоге и полному отрицанию принципов руководящей роли партии в армии.

Меморандум появляется на свет

Весной 1968 г. в ВПА им. К. Готвальда были изданы два документа: материал «О программе действий ЧСНА», по своему содержанию и направленности предназначенный исключительно для внутренних нужд армии как бы в «помощь» командованию, и известный нашей общественности меморандум, представляющий собой своего рода обобщенные тезисы первого материала.

Меморандум с подзаголовком «Определение и формулирование государственных интересов Чехословакии в военной области» был разработан по инициативе группы научных сотрудников ВПА в мае 1968 г. Без ведома и согласия вышестоящих служебных инстанций начальник академии полковник В. Менцл разослал его всем руководящим партийным и государственным деятелям. В журнале «Лидова армада» № 3 от 2 июля 1968 г. меморандум напечатали.

Он стал программой правых сил в армии. Эту программу правые намеревались протащить на XIV съезде партии.

Авторы меморандума и подписавшие его лица пытаются и сейчас утверждать, что для них речь шла отнюдь не о разработке документа политического характера с четко определенными целями, а всего лишь о теоретической гипотезе, набросках научной концепции о военной политике партии и государственной доктрине. В своей скромности сегодня они заходят настолько далеко, что, в отличие от времени его возникновения, когда меморандум выдавали за «последнее слово науки», его характеризуют ныне как простые «наметки проблематики», «сырой, незаконченный рабочий материал», «рабочую гипотезу» и т. д.

О том, были ли намерения авторов «чисто научными» или носили политический характер, убедительно свидетельствует тот факт, что все, кто осмелился выразить несогласие с меморандумом, были в течение ряда месяцев огульно окрещены «левыми экстремистами», «недостойными политическими конъюнктурщиками» или в лучшем случае «недоучками».

Идет ли речь об «ошибках» авторов или о сознательных изощренных замыслах, лучше всего свидетельствует,

например, следующая выдержка из меморандума: «Стереотипное представление о классовой борьбе, подразделяющее субъекты на дружественные и враждебные, сводило также существенные политические различия между суверенными государствами к принципиальному классовому антагонизму со всеми его вредными последствиями для нашей собственной политической стратегии и тактики. На практике ленинское требование конкретного анализа обстановки обуславливает необходимость дифференцировать зарубежных партнеров на базе фактических различий».

Другими словами, это означает, что классовая борьба в международном масштабе, основное противоречие между трудом и капиталом, по мнению авторов меморандума, являются простым «стереотипным», давно изжитым представлением. Стараясь придать этим антинаучным вымыслам больше достоверности, авторы набираются наглости и ссылаются даже на В. И. Ленина.

Еще хуже то — а сегодня это кажется почти невероятным, — что точка зрения авторов меморандума стала ядром аналогичных идей ряда ответственных работников нашего министерства иностранных дел о «более тесной европейской политике». В этом заложена одна из основ более поздних требований нейтрализации ЧССР.

В меморандуме утверждается также: «Руководство строительством армии лишь на основе простой логики, эмпиризма и исторических аналогий или же только в интересах коалиции, без учета собственных суверенных интересов в своем конечном итоге является неподходящим и противоречит интересам коалиции».

Можно ли расценивать эти «глубокомысленные» рассуждения иначе, чем своеобразный вклад некоторых представителей армейского идеологического общественно-научного центра в широко раздутую в прошлом году кампанию, с помощью которой пытались убедить общественность как внутри страны, так и за ее пределами, будто Чехословакия — современное «чудо света»?

Я полностью согласен с выводами по этому вопросу, сделанными рядом работников сегодняшнего военно-политического факультета Военной академии им. А. Запотоцкого, которые дали обстоятельный критический анализ меморандума и направили его в Главное политическое управление.

Товарищи отмечают: «Необходимо отвергнуть попытки выдавать за оригинальность, свежесть и антидогматичность

правый оппортунизм в политике и подчиненную ему методологическую курьезность, базирующуюся на очевидных серьезных деформациях». В другом месте указывается: «С учетом того, что идеи меморандума представляют собой своеобразную неклассовую и мистифицированную интерпретацию главных политических и профессиональных исходных позиций для разработки чехословацкой государственной доктрины, некоторые работники нынешнего военно-политического факультета Военной академии им. А. Запотоцкого считают необходимым отмежеваться от этих позиций и высказать свою точку зрения». Поэтому мы стремились изложить в этой статье некоторые мысли этих товарищей.

Известный процесс дифференциации происходит и среди самих авторов меморандума, и подписавших его лиц. Некоторые из них поняли свои ошибки, искренне о них сожалеют и отмежевываются в полном объеме от содержания меморандума.

В чем опасность меморандума?

Серьезный политический характер меморандума состоит в том, что группа отнюдь не безызвестных военных деятелей определенной научной и политической ориентации открыто выступила с настоятельным требованием ревизии основных принципов курса в одной из наиболее важных и наиболее чувствительных областей политики.

Истекший период дал нам наглядный и дорогостоящий урок, состоящий в том, что действительно научная концепция политического курса партии и социалистического государства не может формироваться под перекрестным огнем требований различных групп давления и на основе всякого рода «привлекательных» выступлений народных трибунов-самозванцев как с «мандатом», так и без него. Тем более это применимо к столь чувствительной и важной для существования социалистической страны области, как военная политика партии и государства.

Однако это вовсе не означает, что эта область должна быть отгорожена от нашей общественности непроницаемой китайской стеной и окутана плотной пеленой молчания. Как неоднократно отмечалось в главных партийных

документах, надежная защита социалистического общества, равно как и его успешное развитие, является делом каждого из нас.

Нигилизм — это не критика

Критика некоторых недостатков в структуре армии, в ее строительстве в 50-е годы, а также критика структуры коалиции социалистических стран в меморандуме абсолютизирована и представлена как исходный пункт для осуждения всей военной политики партии, государства и содружества социалистических стран. Не удивительно, что такое отрицательное отношение ко всему, что сделано в ходе строительства наших вооруженных сил за истекший период, а также к основным принципам интернационализма, гарантирующим нашу безопасность в беспокойном центре Европы, послужил ряду товарищей основанием для сравнения меморандума с контрреволюционным призывом «2000 слов».

Такое сравнение не случайно. Достаточно взглянуть на некоторые теоретические выводы авторов меморандума. Они представляют дело так, как будто бы являются первыми творцами чехословацкой военной доктрины, как будто они впервые поставили этот вопрос и попытались решить его. Неверно, что не существовало чехословацкой военной доктрины. Ее теоретические и методологические принципы были определены задолго до авторов меморандума, это было сделано руководящими деятелями армии, которые имели для решения этих проблем все необходимые предпосылки и обладали должными личными качествами.

Каждый должен знать свое место

У авторов меморандума, напротив, не было для решения таких проблем конкретных и эффективных деловых предпосылок. Ф. Энгельс называл подобные безграничные претензии «типичным журналистским вульгарным торгашеством». Только такой подход мог привести авторов к выводу о том, что «формулирование военной доктрины государства имеет большое обратное влияние на всю политическую доктрину и стратегию». Это означает, что отношения причинности и производности авторы поставили с ног на голову.

Вследствие односторонней оценки нашего потенциального противника из-за очевидной переоценки демократических процессов в западногерманском обществе и из-за отсутствия глубокого исследования этих процессов появились следующие мистифицированные выводы:

- ложное представление об отмирании НАТО и его роли в Европе;

- ложное представление об уменьшении угрозы западногерманского милитаризма в Европе, особенно по отношению к Чехословакии;

- из этого делается вывод о необходимости «не раздражать» НАТО и не побуждать его к дальнейшему существованию и активизации, об ограниченном значении Варшавского договора, о необходимости нейтрализации Чехословакии и ее военно-стратегического театра;

- делается вывод о необходимости сформулировать чехословацкую военную доктрину именно на базе упомянутых выше припципов.

Следствием всех этих соображений было серьезное нарушение наших военно-политических связей с государствами Варшавского договора.

Ненаучность, авантюризм и буквально «нищета» этой «философии» побудили работников Военной академии им. А. Запотоцкого, занимавшихся критическим анализом меморандума, задать следующий вопрос: «Было ли известно авторам, какая угроза ракетно-ядерных ударов НАТО нависла над ними, когда они излагали в меморандуме свои глубокомысленные соображения?»

Авторы меморандума проявили беззаботность, которую может себе позволить лишь тот, кто даже не был на действительной воинской службе, мягко говоря, по причине ограниченных умственных способностей. По их мнению, угроза западногерманской агрессии является лишь второстепенным, побочным фактором, с помощью которого в рамках Варшавского договора нагоняется страх друг на друга. Это «пугало» якобы необходимо для того, чтобы отвлечь внимание от наших трудностей и неудач в экономике.

В одном из разделов меморандума положение ЧССР в Варшавском договоре характеризуется как положение жертвы процессов, на которые мы не можем оказывать влияние. Авторы меморандума выдвигают аргументы против участия Чехословакии в Варшавском договоре, как будто наши народы не испытали на своем горьком опыте, откуда им грозила постоянная угроза, как будто они забыли уроки о том, что не могут в одиночку отстоять свое национальное и государственное существование. К познанию этой истины пришли не только коммунисты, ее усвоили даже буржуазно-демократические деятели довоенной Чехословакии, которых не стоит подозревать в какой-то любви к Советскому Союзу.

Всем своим содержанием меморандум неизбежно должен был вызвать или усилить тенденции недоверия к высшим органам партии, государства и армии. В меморандуме, по существу, открыто выражалось недоверие к этим органам и намекалось на их неспособность провести необходимый анализ и разработать на его основе политический курс.

Во всем меморандуме нельзя встретить вывода о том, что определение государственных интересов Чехословакии или соображения о чехословацкой военной доктрине должны исходить или по крайней мере учитывать коалиционную доктрину, общие интересы социалистических стран. Напротив, некоторые абзацы паталкивают на мысль о том, что ослабление тесного союзничества и координированных действий с социалистическими государствами прямо отвечает жизненно важным интересам ЧССР.

Авторы попытались сформулировать основную теоретическую платформу, которая позволяла бы повысить влияние определенной группы военной интеллигенции на принятие решения по главным вопросам политического курса партии и общества.

Такая попытка неизбежно должна была закончиться провалом, нанести серьезный политический ущерб.

...За что авторы меморандума и должны нести ответственность!

Для чего нужно было снабжать идеологической и политической аргументацией тех членов высших инстанций, которые в это время стремились к принципиальной ревизии политики партии и государства и подкреплять позиции правых сил в этих органах путем предоставления в их распоряжение всего потенциала ВПА им. К. Готвальда как главной базы для разработки новой военной политики партии и государства?

Кому шло на пользу распространение среди широкой общественности, к этому времени уже достаточно дезинформированной и сбитой с толку выступлениями различных политических проходимцев, мнений о том, что армия была как таковая не согласна с существовавшим политическим курсом?

Может быть, авторы возьмутся утверждать, что меморандум не повлиял отрицательно на морально-политическое состояние армии, на появление разного рода сомнений в отношении всей системы обороны нашей страны, необходимости тесного сотрудничества с другими армиями Варшавского договора, в отношении компетентности командования армии и руководства государства?

Меморандум нашел широкие отклики и за границей. На Западе, наряду с выступлением В. Прхлика, его оценили как наиболее открытую и самую острую критику и осуждение Варшавского договора, высказанные когда-либо за всю историю представителями государства — участника этого договора. Меморандум дает достаточно «аргументов» для антикоммунистических выпадов против основ дружества и непакистанических атак против отдельных социалистических государств.

Могли ли это спокойно созерцать наши союзники!

Меморандум неизбежно должен был усилить их опасение за развитие обстановки в Чехословакии, ибо он был одной из стрел, которая в условиях постепенной утраты контроля за ходом политических событий в стране со стороны партийно-государственного руководства была наце-

лена на самые основы социалистического государства и общества, способствуя образованию все более опасных тенденций.

Можно коротко сказать, что меморандум в значительной степени способствовал ослаблению международного положения и авторитета ЧССР.

Вопреки всем оправдательным попыткам того периода и отдельным высказываниям, делающимся в наши дни, речь шла о серьезном политическом документе, который по своей направленности создавал антипартийным и антисоциалистическим силам условия для злоупотреблений в жизненно важной области политики — в области обеспечения внешней безопасности государства. Поэтому необходимо повести решительную борьбу не только с ложными положениями и мистификациями, содержащимися в меморандуме, но и с последствиями, сохранившимися в сознании целого ряда военнослужащих и других граждан.

Позиции, занятые рядом работников армейского теоретического фронта, и решительное осуждение ими правооппортунистических тенденций убедительно подтверждают это.

«Руде право», 8 января 1970 г.

КАРТА, КОТОРАЯ БЫЛА И БУДЕТ БИТА

Наши читатели имели возможность познакомиться с работой «высочанского съезда», состоявшегося 22 августа 1968 г. Прямым продолжением этого «съезда» явились два заседания так называемого ЦК, одно из которых происходило ночью 22 августа, а второе — 27—28 августа 1968 г. Существуют протоколы обоих заседаний, подтверждающие правильность решения сентябрьского пленума ЦК КПЧ по вопросу о так называемом «высочанском съезде», в которых деятельность его инициаторов и организаторов названа нелегальной, а узурпаторское присвоение прав и компетенции Центрального Комитета КПЧ — попыткой захватить в свои руки руководство всей партией для того, чтобы повести партию и государство по пути отрыва ЧССР от социалистического содружества и ликвидации социалистических завоеваний народа.

В протоколах обоих заседаний «высочанского ЦК» вновь появляются имена тех, кто, наряду с Ф. Кригелем, Й. Смрковским и др., относится к правому центру: Я. Литера, Я. Шабата, В. Шилган, И. Пеликан, В. Славик, Ф. Павличек, Ф. Водслонь, Б. Шимон, М. Вацулик, Зд. Гейзлар, Ч. Цисарж, К. Косик, Л. Сохор, М. Немчанский и др.

Сначала мы хотим познакомить читателя с кратким изложением работы обоих заседаний, а затем и с некоторыми их характерными чертами.

В ночь после «съезда»

Вскоре после окончания самозванного «съезда» прошло первое заседание избранного им так называемого Центрального Комитета. Он строго придерживался той линии, которая была выработана на «съезде» представите-

лями и сторонниками правооппортунистических группировок.

Состав своего ЦК они уже сформировали, теперь речь шла лишь о таком составе Президиума, который обеспечил бы более последовательное проведение в жизнь курса правых. Об этом хорошо сказал Гейзлар: «Необходимо, чтобы это были люди из нашей среды». И если по поводу некоторых кандидатур произошел обмен мнениями, то на это были свои «хорошие» причины. «М. Вацулик, — как было сказано, — может больше помочь как отличный организатор, чем непосредственно как член Президиума. ... Пеликана можно привлечь в любую минуту... Я. Шабата является неоценимым для определенного вида деятельности... Он мог бы принести больше пользы вне Президиума (выражение В. Шилгана). Что касается О. Шика, то не было известно, когда он вернется, И. Ганзелка мог бы раздражать остравских рабочих — короче говоря, иногда нужно было в чем-то и уступить. Наряду с этим, чтобы «не вызывать упреков по поводу того, что в Президиуме слишком много людей, работающих на идеологическом фронте», в его состав избрали наладчика из ЧКД — Соколово З. Моца и токаря Южночешского машиностроительного завода из Велешина В. Шимечека. Таким образом был сформирован Президиум в составе 28 человек. Определенные трудности возникли по вопросу о представительстве словацких коммунистов, но и здесь был найден выход.

Кроме первого секретаря А. Дубчека был избран секретарем ЦК В. Шилган, которому было поручено руководство Президиумом во время отсутствия Дубчека. Предложения по другим кандидатурам на посты секретарей ЦК Президиум должен был представить на следующем пленуме ЦК.

Комиссия в составе Гейзлара, Славика, Вацулика, Литеры, Вояческа и Зеленковой на основе анализа «общей политической обстановки» предложила осуществить ряд политических мероприятий, в том числе: создать Секретариат ЦК в районе Прага-9 (для этой цели Я. Литера выделил почти половину аппарата городского комитета); разместить часть Президиума ЦК вне Праги; установить связь с областными комитетами, со средствами массовой информации, армией, МВД, народной милицией; возможно, начать переговоры с ЦК КПСС, выдвинув при этом ультимативные требования, и т. д.

В. Шилган соответствующим образом распределил поручения. Так, например, Пеликану предстояло наладить связь с представителями других партий в парламенте; Я. Литера «через своих людей» должен был связаться с подразделениями народной милиции и органами МВД; «те, кто непосредственно поддерживал связь с городским комитетом Национального фронта через Кршена или Кригеля», должны были проводить работу в Национальном фронте в целом. Одновременно им было поручено договориться с КАН и другими организациями, с которыми они «поддерживали контакт».

Тов. Кольдери, Ленарту и Индре намечалось сделать предупреждение, что они «идут ва-банк не только на остатки доверия, но и на гораздо большее» (1).

Финансовые средства партии должны были задерживаться в обкомах и не переводиться на счет ЦК.

Секретариат ЦК предполагалось перевести на завод «Праговка», запасной вариант — «Тесла».

Совещание или собрание!

В начале второго заседания членов так называемого «высочанского ЦК», состоявшегося в первой половине дня 27 августа 1968 г., Шилган сообщил, что это заседание будет лишь совещанием членов ЦК, а не пленумом. Дело в том, что в «игру», в ходе которой «новое руководство» до этого времени чувствовало себя в безопасности, вступили два новых фактора: съезд словацких коммунистов и возвращение делегации с Московских переговоров. Это значительно осложнило планы представителей правых.

Первым выступил Б. Шимон с довольно подробным изложением хода Московских переговоров. Он снова высказался в духе режиссеров «высочанского съезда»: «Я и в дальнейшем остаюсь сторонником того, чего мы хотели добиться, т. е. вопроса о развитии политической системы, о поисках оппозиции и т. д... Мысль о том, что нужно быть готовыми к созыву съезда, была правильной... немедленный созыв съезда был необходимым».

Затем он остановился на вопросе о том, что существуют, собственно, два органа, и предложил следующим образом решить эту проблему: созвать пленум в старом составе, дополнить его членами «высочанского ЦК», включив их и

в состав Президиума ЦК. Тактика полностью прояснилась! Она должна была помочь вывести из состава ЦК тех товарищей, которые сохраняли верность принципам марксизма-ленинизма.

Выступление Шимона вызвало много вопросов. Вновь раздалились скрытые и откровенные нападки на итоги Московских переговоров, неоднократно подчеркивалась «правомочность» «высочанского съезда», с позиций правых сил подвергалась критике послеянварская политика и т. д.

Отвечая на вопросы и замечания, Б. Шимон неоднократно допускал выпады против Московских переговоров. Он подчеркнул, что на «высочанском съезде» уже была проведена реконструкция ЦК. Философы Сохор и Косик стремились «обосновать» тезис, что «победа» уже одержана, и давали рекомендации, как действовать в плане ослабления лагеря социализма. Шилган также в резких выражениях осуждал Советский Союз и выдвинул необходимость осуществления «новой ориентации». Литера зачитал резолюцию Пражского горкома КПЧ, состоящую из ультимативных требований в адрес «оккупантов».

Все выступавшие в прениях, включая и Шабату, подготовили, по существу, почву для выступления Й. Смрковского. «Никто из нас не допускает мысли о том, что съезд, результатом которого является ваш и наш ЦК, мог быть создан неправомочно и что он является незаконным...» — заявил Смрковский, расточая похвалу «высочанскому съезду», который-де «сыграл историческую роль». Смрковский внес предложение реконструировать «старый» ЦК, включая Президиум и секретарей. В работе пленума ЦК должны были принять участие делегаты «высочанского съезда» или члены «высочанского ЦК»; с их участием и предполагалось реконструировать ЦК.

Соображения Й. Смрковского приободрили сторонников правых сил. «Мы готовы к тому, чтобы ликвидировать эту организацию и заявить, что мы не признаем никакой партии», — раскрыл карты В. Шпмечек. Затем В. Славик предложил объявить это совещание заседанием ЦК, а М. Вацулик огласил провокационное заявление «высочанского ЦК».

На следующий день, 28 августа 1968 г., в первой половине дня продолжалось обсуждение «открытых вопросов». О создании соответствующей атмосферы сразу же позаботился Ч. Цисарж в своей вступительной речи. Прежде всего он начал с комплиментов в адрес «высочанского съез-

да», заявив, что он «сыграл исключительно важную роль», и подтвердил это соответствующей «аргументацией». Выступление Цисаржа импонировало правым. Он поощрил антисоветские выпады и заявил, что «будет создан новый орган, который должен исходить из необходимости продолжить работу съезда».

Цисарж обнадеживающе заверил присутствующих, что новый Президиум должен быть дополнен представителями «нашего нового нынешнего ЦК», включая Шилгана и других, которые наиболее активно участвовали в работе ЦК». Затем разъяснил, как, собственно, мыслится осуществить «реконструкцию» ЦК, а именно, в духе «первого заседания чрезвычайного съезда и этого ЦК». Цисарж намекнул, что старый ЦК соберется, «очевидно, с участием многих сидящих здесь делегатов съезда, но это не будет опубликовано», и предупредил, что «мы не должны возбуждать никаких подозрений».

Я. Литера раскрыл затем это как на ладони: «Дубчек созывает ЦК КПЧ, причем, разумеется, старый ЦК КПЧ, с участием тех делегатов съезда, которые будут выделены обкомами. Обкомы поступят при этом таким образом, чтобы среди них было больше присутствующих здесь членов ЦК...» Однако он отметил, что «слишком большое количество делегатов было бы явно перазумным и ненужным делом». Иными словами, следовало отобрать «наиболее заслуженных». И здесь Литера вновь раскрывает тактику правых: «Состав нового ЦК не будет распущен... его члены примут участие в работе вместе со старым ЦК в качестве делегатов...» В самом деле, нужны ли здесь какие-либо разъяснения.

Философ Сохор с азартом похвалялся, что «эта тактика неплохо продумана, она реальна и может принести плоды». Затем В. Славик наметил, как будут действовать Й. Шпачек и М. Вацулик при подборе работников аппарата, т. е. они будут использовать тех, кто «идет с нами». «Мы должны отвергнуть любые попытки поставить под сомнение легальный характер съезда», — призывал Шабата и напомнил, что «преемственность XIV съезда будет сохранена». В. Славик подчеркнул: «Мы понимаем, что сказанное здесь Цисаржем не будет обнародовано, и мы просто разойдемся по своим местам».

После этого Ч. Цисарж зачитал закрытое решение, которое не было опубликовано. В нем говорилось о необхо-

димости реконструкции Президиума ЦК, выдвигалось требование об ускоренном созыве XIV съезда, намечалась такая политика в области кадров, при которой на ответственные посты будут поставлены те товарищи, которые «хорошо проявили себя в сложный период последнего времени». В этом решении безапелляционно утверждалось, что «делегаты XIV съезда и избранный им ЦК составляют коллектив руководящих партийных работников». Однако совершенно иной характер носил второй документ, т. е. коммюнике, которое было опубликовано.

В это время стали раздаваться голоса, призывающие к переходу на нелегальное положение. Об этом ясно говорил профессор Старый, когда ссылаясь на опыт работы в период фашистской оккупации: «...сегодня мы должны отстаивать легальность, законность, но можем очутиться и в другой обстановке...»

Это собрание явилось образцом кабинетной политики, политики двуличной, оно свидетельствовало об упорном стремлении правых сил во что бы то ни стало удержать завоеванные позиции.

Сейчас уже ясно, что все это не принесло ожидаемых плодов. Высочанские «представители» очутились на краю своего заслуженного краха еще тогда, когда на заседании стало известно о том, что т. Гусак на съезде словацких коммунистов отказался от поста в «высочанском ЦК» и призвал к этому остальных делегатов съезда Компартии Словакии.

Антисоветизм как программа

На обоих заседаниях основные представители правого центра не оставили сомнений в том, что они сознательно отказались от классового подхода в оценке современной расстановки сил в мире, что для них перестала существовать многовековая угроза на наших западных границах, в том числе агрессивные планы мирового империализма, направленные против социалистических стран. Об этих основных вопросах на обоих заседаниях не было сказано ни слова. Зато на них раздавалась безудержная клевета в адрес социалистических стран, особенно в адрес Советского Союза, самой мощной социалистической державы, являю-

щейся надежной гарантией существования наших народов.

С откровенно антисоветской речью, носившей следы оголтелого национализма и шовинизма, выступил В. Шилган. Например, он без колебаний провел параллель между действиями Советского Союза и политикой Соединенных Штатов во Вьетнаме. Он сравнивает чудовищную истребительную войну американских империалистов во Вьетнаме с действиями Советского Союза, который решил вмешаться для того, чтобы защитить социализм в нашей стране.

Шилган не скрывает, какими фантастическими иллюзиями тешила себя пражская элита интеллектуалов по поводу своей модели социализма и ее «всемирного значения».

К. Косик говорил даже о наступлении на социализм и коммунистическое движение и вновь попытался представить «новую модель» социализма как имеющую значение не только для нас, но и для других социалистических стран.

С грубыми антисоветскими нападениями выступили Ч. Цисарж, Л. Сохор, Б. Шимон и В. Шимечек.

Оскорблений в адрес Советского Союза и обвинений его в нечестных действиях, в милитаризме и, кто знает, в каких еще других грехах было произнесено немало. Представители поколения, которое на своих плечах вынесло ужасы гитлеровской оккупации, как будто бы забыли о том, что именно Советский Союз уничтожил гитлеровский фашизм, спас наши народы от онемечивания и исчезновения с карты мира.

Довольно много воды утекло после августа 1968 г., а от полных ужаса пророчеств правых относительно судеб наших народов не осталось ничего, кроме их изрекателей. Они находятся здесь в полном здравии или за границей. Никто их и пальцем не тронул.

Сегодня все мы можем спокойно подумать о том, что было действительной причиной безудержных антисоветских кампаний, которые разжигали в нашем народе представители правых сил в трогательном единстве с врагами социализма всех мастей как внутри страны, так и за ее пределами. Это была бессильная ярость, вызванная тем, что рухнули их планы захвата власти.

Новая тактика борьбы правых сил

Значительные усилия участники заседания приложили к тому, чтобы сохранить позиции, завоеванные правооппортунистическими силами в различных областях нашей жизни, включая и те, что были захвачены на так называемом «высочанском съезде». В связи с этим много внимания было уделено и методам дальнейшей борьбы правых сил, которые, по словам В. Шилгана, потерпели «временное поражение». Для того чтобы постепенно наращивать силы, восстановить свой престиж, уверенность в себе и т. д., правым силам предстояло ориентироваться в целом на три момента:

«...на кадры и их сохранение; на учреждения, в которых эти кадры могли бы работать и оказывать демократическое влияние изнутри; на всю политическую систему, которая могла бы обеспечить эти два момента: кадры, учреждения и т. д.».

«...Если мы будем им уделять внимание, то у нас появится возможность действовать, если хотите, именно в направлении разложения силы...»

И далее Шилган подстрекает, что при создавшемся положении вещей необходимо «искать трещинку, которая позволит нам сделать то, с чем мы связываем будущее».

В. Шилган, таким образом, очень тонко наметил программу того, что мы называем «окапыванием», «перезимовкой» правых. В ходе дальнейшей дискуссии на заседании было достаточно конкретных примеров, как они хотят добиваться этого сейчас и как позже.

«Ничего, что мы слагаем полномочия...»

Прежде всего, они опирались на решения «высочанского съезда» и хотели провести в жизнь в первую очередь решения в области кадров. В этом руководство Дубчека играло им на руку, ибо, по заявлению Шилгана, «то, как мы действовали, как мы вели обсуждение и принимали решения, дает нам и в этом плане уверенность и, по моему мнению, определяет нашу принципиальную тактику».

Говоря о подготовке созыва законного XIV чрезвычайного съезда, Ч. Цисарж информировал присутствовавших о том, как это должно воплотиться на практике:

«С т. Дубчеком и другими членами руководства партии имеется полная и ясная договоренность о том, что съезд необходимо провести в максимально короткий срок, возможно через несколько дней... Путем тайного голосования необходимо просто подтвердить полномочия нашего ЦК... Руководство партией на всех ступенях во главе с т. Дубчеком, Смирковским, Шилганом и остальными, которые будут доизбраны, чтобы обеспечить полное единство...» Далее Цисарж говорил о согласованной тактике «постепенного вовлечения новых товарищей». Те, «кому больше всего угрожает преследование, должны оставаться на общественных постах, однако не на слишком заметных и острых участках...». О таких, как Кригель, Гейзлар, Цисарж и Пеликан, он заявил, что они «являются объектом наиболее сильных нападков... и обречены на физическое истребление», и пояснил более конкретно: «Руководство партии и т. Дубчек полагают, что было бы авантюризмом подвергать что-либо риску в данном случае. В партии есть авангард, состоящий из наиболее прогрессивных товарищей, которые в состоянии занять освободившиеся места. Тов. Дубчек и В. Шилган занимаются этими вопросами и готовы дать гарантию, что будет подобран коллектив людей, которые смогут обеспечить выполнение намеченных задач и изменить обстановку таким образом, чтобы мы смогли вернуться к выполнению тех задач, которые сегодня выполнять не можем».

«Ничего, что мы слагаем полномочия...», но «как иначе действовать, чтобы мы смогли активизировать нужную политику...?»

Борьба за посты

Накануне упомянутого съезда должно было состояться заседание Президиума ЦК КПЧ, который подлежал реконструкции. По этому вопросу выступали многие присутствовавшие, прежде всего исходя из того, как правым силам захватить в нем наиболее влиятельные участки. Немчанский заявил, что реконструкция Президиума «ни в коем случае не означает, что наш ЦК прекращает существование...».

Один из выступавших, фамилия которого неизвестна (некоторые фамилии не указаны в протоколе), заявил:

«Если реконструкция будет неудачной, то мы должны сейчас договориться здесь о том, каким образом будет обеспечен созыв XIV съезда. Пока все упирается в Президиум, созываемый в пятницу. Однако полной гарантии нет. Давайте условимся, что если нас это не устроит, то мы как делегаты разедемся на места и добьемся, чтобы треть организаций потребовала созыва съезда. В организационном плане мы должны наметить это как самую крайнюю границу...»

В связи с «реконструкцией» упоминались несколько человек, которые, по общему признанию, настолько скомпрометировали себя деятельностью, что их снятие казалось неизбежным. Литера же решительно возражал: «До пятницы, т. е. до послезавтра, ни в коем случае нельзя никому передавать власть... Окончательное решение будет принято там, т. е. там будет решено, кто назначен на пост министра внутренних дел. Следовательно, до этого времени никаких перемещений... Я лично против таких изменений или шагов... О любых действиях, которые противоречили бы этому решению, я по договоренности с т. Шилганом и другими сообщу низовым партийным комитетам...»

Славик также заявил: «...из того, что здесь сказал Литера, как мы рассматривали эти вопросы в Президиуме, а также из принятых нами решений, совершенно не вытекает, что мы хотели бы передавать кому-либо то, что у нас есть...»

В этот момент безымянному участнику дискуссии показалось, что здесь могут быть раскритикованы тайны, а поэтому он предложил прекратить дискуссию по этому вопросу: «Существует потенциальная опасность, и мы не можем этого избежать. Мы должны предотвратить это с помощью подготавливаемых мер. Мы должны помнить, что дальнейшая дискуссия на эту тему была бы здесь неуместна». Интересно, почему?

Очевидно, это было кульминационной точкой дискуссии между представителями правых, которые уже в течение ряда месяцев выражали недовольство деятельностью значительной части Президиума ЦК, которая хотя и находилась под влиянием правого оппортунизма, но, по мнению многих ультраправых представителей, действовала медленно и непоследовательно.

На втором заседании эти взгляды вполне определенно выразил Шабата из Брно. В качестве предложения он использовал текст Дубчека, с которым он должен был выступить по радио и который Шабате не нравился: «Если т. Дубчек не перейдет на позиции данного пленума и съезда, то мы должны будем разойтись с ним. Это очень серьезный вопрос, и мы не можем поставить все с ног на голову и сохранить престиж т. Дубчека, если он не перейдет на наши позиции и остановится на полпути. ...С начала марта мы обращали внимание товарищей на то, что они допускают ошибку, что у них существуют демократические иллюзии и они не заботятся о создании крепкого руководства, крепкого государства, независимости, что они недостаточно энергично выступают за новую политику...» (которую провозгласили Шабата, Шпачек и К⁰. — *Прим. ред.*). Это очень плохо, и мы попадем в еще худшее положение, чем то, в котором находились до этого. Насколько высоко мы поднялись в последние дни, настолько глубоко мы опустимся позднее...»

Шабата вновь выступил с критикой Дубчека в связи с предлагаемыми изменениями в Президиуме. Это, естественно, не нашло поддержки, а поэтому Шабата выступает на следующий день и объясняет: «Если я говорил о больших ошибках, которые были допущены в период с января до августа, то я повторяю, что я не имел в виду критиковать дубчековскую политику».

Иными словами, было сказано то, что было уже давно известно: правые шли бы с Дубчеком лишь до того времени, пока он был терпим для них, пока он был им нужен. Как далеко зашли уступки дубчековского руководства правым, как далеко завели они наше общество — все это мы еще долго будем ощущать в политической жизни и в нашей экономике.

О чем общественность не должна была знать

Трогательное внимание на втором заседании уделили Зд. Гейзлару и И. Пеликану. Как представители тех средств массовой информации, радио и телевидения, которые своей деятельностью нанесли самый большой вред

сознанию людей, они должны были уйти в отставку, но лишь для формы, чтобы не было разговоров. Правда, Пеликан вначале о себе и Гейзларе сказал: «...что касается нас двоих, то мы не будем доставлять никаких трудностей... мы будем и в дальнейшем действовать как члены ЦК, и от этого мы отступим...» Гейзлару этого показалось мало, и поэтому он похвастался, что дела обстоят несколько иначе, что он говорил об этом с т. О. Черником о том, что нельзя ли на радио «временно решить вопрос путем создания административного совета без какого-либо упоминания о директоре. Таким путем можно было бы продолжать оказывать влияние...». Крейчи дополнил эту информацию, заметив, что в присутствии Галушки действительно договорились о создании совета, который мог бы руководить работой радио и телевидения, «чтобы туда не попали те, кто хочет идти вслед за элементами, заинтересованными в захвате средств информации...».

Затем снова выступил Пеликан и совершенно открыто заявил: «Я выразил согласие с тем условием, что хотя мы и уходим в отпуск, но мы остаемся на своих постах. Я хотел обратить внимание на то, чтобы сведения об этом не распространялись».

А для того чтобы было совершенно ясно, о чем идет речь, слово попросил Литера: «Мы не хотели бы выболтать в этой стране то, о чем нужно молчать. Во всяком случае, ясно, что мы начинаем сочетать общественную деятельность с деятельностью, о которой нельзя говорить открыто...»

Разве нужно что-либо добавлять к сказанному?

Оба заседания так называемого «высочанского ЦК», о которых мы из-за недостатка места публикуем сравнительно немного, являются ярким свидетельством истинных намерений и целей правого центра и тактики, которую он избрал после своего первого поражения.

Дискуссия подтвердила, что правые силы не отказались от борьбы за власть в партии и государстве. Они лишь избрали другие формы и менее заметные методы борьбы. Был брошен лозунг «окопаться» на завоеванных позициях и создавать условия для дальнейшей борьбы.

Антисоветизм является составной частью программы правых сил. Это подтвердили все их руководящие представители. На обоих упомянутых заседаниях они полностью сбросили с себя маску, которой прикрывались еще до ав-

густа, когда свой национализм под лозунгом «новой модели социализма» они прикрывали фразами о верности пролетарскому интернационализму, но наряду с этим преследовали тех, кто был действительным защитником марксизма-ленинизма.

Несмотря на то что заседания проходили в чрезвычайной обстановке, не было сказано ни одного слова об экономическом положении в стране, о том, как живет и как будет жить ее население. Все внимание этих проповедников «социализма с человеческим лицом» было сосредоточено лишь на их личных интересах, на защите собственных позиций, на том, как вновь начать наступление. Этому вообще не стоит удивляться. Ведь еще до августа правые силы делали невозможным какое-либо проявление заботы партии о развитии народного хозяйства. Наоборот, с помощью приверженцев Шика вносился всевозможный хаос и раскол. После августа эта деятельность правых сил продолжалась под лозунгом «чем хуже, тем лучше». Всю тяжесть последствий этой умышленной деятельности правых сил несет на своих плечах население нашей страны.

Дубчековское руководство, которое в течение многих месяцев не оказывало сопротивления нажиму правых сил, постоянно уступало и через некоторое время привело республику к катастрофическому положению, не сделав соответствующих выводов после августа. Чтобы избежать разговоров, оно убрало с глаз общественности несколько провалившихся актеров из числа правых, но одновременно продолжало проводить старую двуличную политику: много слов, но ни одного решительного действия. Как свидетельствует вся история рабочего движения, это является характерной чертой оппортунистов.

Поэтому были необходимы апрельский пленум ЦК КПЧ и новое руководство партии. Ему досталось трудное наследие. Политика правых сил оставила тяжкие следы не только в партии, но и во всем народном хозяйстве и во всем обществе.

В течение нескольких месяцев упорной борьбы партии и всех здоровых сил нашему обществу удалось не только приостановить разложение, но и в ряде областей нашей жизни достигнуть первых успехов. Мы все знаем, что кое-где еще не все в порядке, что открываются старые раны, но сегодня наши трудящиеся полны решимости привести все снова в порядок, хотя не все можно сделать сразу

и многое нам придется исправлять в течение длительного периода.

Однако правые силы не откажутся от борьбы. Об этом было ясно заявлено на обоих заседаниях «высочанского ЦК». Поэтому вся партия должна довести до конца борьбу за разоблачение и преодоление правых и антисоциалистических тенденций, пресекать попытки их носителей и инициаторов распространять влияние. Сказанное относится не только к партии, но и ко всем областям жизни. Только таким образом можно будет предотвратить их разрушительную деятельность, только так можно укрепить руководящую роль партии в ее стремлении достигнуть поворота и расцвета во всех областях жизни республики и ее народа.

«Руде право», 14 января 1970 г.

Е. Сриень, главный редактор
еженедельника «Трибуна»

З. Горжени, зам. главного редактора
газеты «Руде право»

ЧЕСТЬ ТРУДУ, ТОВАРИЩ РИГО!

Из придорожной канавы санитары вынесли три неподвижных тела. Серьезная авария. Кругом равнина, а впереди прямая дорога. Никакого столкновения. Возможно, подвела машина. Возможно...

Это случилось 28 августа 1969 г. Водитель автомашины Эмиль Риго со своей семьей спешил в Банску-Бистрицу на празднование годовщины Словацкого национального восстания. Очнулся он уже в госпитале. Нога, подвешенная на ремнях, возвышалась над кроватью... Из госпиталя выписался лишь через четыре месяца. Тяжело раненная жена Риго до сих пор не может поправиться...

Сегодня трудно установить причину аварии. Плохое самочувствие? Нервное напряжение? Случайность? Поломка? Машина была совершенно новой. «Нет, я до сегодняшнего дня не могу объяснить причину аварии», — задумчиво отвечает т. Риго.

О том, что 28 августа произошло с Риго на Банска-Бистрицком шоссе, мы узнали значительно позже. Лишь тогда, когда из Праги по телефону попросили его, как бывшего члена Президиума ЦК КПЧ, рассказать о событиях 1968 г. К сожалению, встретиться в то время с ним было невозможно. Тогда мы лишь пожелали ему быстрого выздоровления и выразили надежду побеседовать позднее.

В настоящее время т. Риго поправился. Он понемногу ходит, слегка прихрамывая. Вы опять встретите его на Кошицком металлургическом комбинате.

Кто же такой Эмиль Риго? Кто этот скромный, но энергичный человек...

Целые месяцы после августа 1968 г. многие его знакомые не разговаривали с ним. Отворачивались, не здоровались, наговаривали. Заводской комитет партии Кошицкого металлургического комбината, председателем которого Риго был с 1961 г., временно освободил его от поста председателя. Некоторые люди использовали обстановку, чтобы состряпать резолюцию, выражающую недоверие Риго, и требовали отстранить его от работы. Причина? Риго, мол, предал...

Правда, нашлись и разумные люди. Те, кто не поддался дешевым страстям и психозу.

Эмиль Риго не захотел покинуть поле боя, не ушел с завода, в строительстве которого принимал участие и которому отдал часть своей жизни. «Я хотел работать и быть на глазах у тех, кого настраивали против меня. И хотел иметь возможность бороться против тех, кто сбил с толку, обманул наших людей», — говорит Э. Риго. Некоторые руководители комбината, а также большинство председателей партийных ячеек требовали оставить Риго на работе. Когда позже был объявлен конкурс на замещение вакантной должности заведующего отделом кадров комбината, Риго одержал победу и получил это место. Эту должность он занимает и по сей день.

После января

Послушаем живой рассказ т. Риго о его работе в Президиуме ЦК КПЧ. Он вспоминает события, острые дискуссии, нарастающие конфликты. Уже тогда я часто анализировал работу «штаба» в связи с требованиями «снизу», которые я знал, сопоставлял стиль работы руководства с практикой партийной работы в заводском комитете.

«Сознаюсь, — вспоминает т. Риго, — что часто я испытывал беспокойство. Мы всегда «внизу» по какой-либо проблеме, возникающей на предприятии, принимали конкретные решения, и впоследствии на следующих заседаниях парткома или собраниях коммунистов обязательно последовательно контролировали их выполнение. В Пре-

зидиуме ЦК КПЧ в то время это игнорировалось. Кое-кто использовал это в своих целях...

Приведу один факт: «Когда считали, что новое руководство займется наконец переоценкой плана работы и сосредоточит внимание на самых актуальных и жгучих вопросах политики партии, в тот период, когда уже начинались атаки против партии, в повестку дня работы Президиума вдруг ни с того, ни с сего вносится (в марте 1968 г.) вопрос об изменении генеральского обмундирования и о соотношении шерсти и тесила в материале, предназначенном для генеральской формы. По этой «проблеме» спорили почти два часа. Когда я спросил А. Дубчека, разве это главное в сложившейся сложной ситуации, то получил от него лишь уклончивый ответ... Сознаюсь, я стыдился даже говорить о подобных вещах на своем комбинате. Это свидетельствовало, в конце концов, о беспомощности, которая уже тогда проявлялась в деятельности руководства...»

Тов. Риго имеет право быть критичным. Но вместе с тем он против упрощенчества и отклоняет суждение тех, кто говорит о послеянварском партийном руководстве как о полностью неспособном. «Это неправильно и несправедливо, — возражает он. — Это искажает действительность. Можно согласиться с тем, что руководство партии во главе с А. Дубчеком оказалось неспособным противостоять различным давлениям, неспособным оказать решительное противодействие там, где это было необходимо. Оно допустило много стратегических, тактических и политических ошибок. Остается правдою, что это руководство не было единым. Не все неправильные решения принимались единогласно. Многие заседания носили критический характер. Нередко на них завязывались очень острые дискуссии. Жаль только, что правильные взгляды не всегда находили поддержку большинства членов Президиума. И всегда игнорировались голоса таких товарищей, как В. Биляк, Д. Кольдер, О. Швестка, А. Индра, А. Капек и др. Не принимались во внимание их предостережения о том, что мы выпускаем из-под контроля развитие событий, что на сцену выходят антипартийные и антисоциалистические элементы. Особо отрицательное воздействие в этом столкновении взглядов оказывали Й. Смрковский, Ф. Кригель, Й. Шпачек, а также Ч. Цисарж и В. Славик. Послеянварское руководство постепенно распыляло свои силы, разваливалось».

Положение со временем все более обострялось, и нельзя сказать, что об этом не было известно «внизу». Например, в мае 1968 г. состоялось общегосударственное совещание председателей партийных заводских организаций. Эмиль Риго вспоминает:

«Совещание выразило серьезную озабоченность по поводу деятельности руководства партии и высказало опасения, отдает ли руководство себе отчет в том, что в стране начинаются нападки на позиции и руководящую роль партии в обществе и что главную роль начинают играть те люди, которым благоприятствует искусственно создаваемая в стране нездоровая атмосфера психоза. Участники совещания требовали, чтобы Президиум Центрального Комитета был незамедлительно информирован об этих сигналах и сообщениях».

Тов. Риго в точности информировал Президиум о высказываниях участников общегосударственного совещания. Можно констатировать, что эти голоса оказали влияние на работу майского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ, на котором партия как бы получила «второе дыхание».

Дубчек хотя и согласился с замечаниями, но...

Майский пленум, на котором был дан в общем правильный анализ обстановки, не привел к повороту и исправлению положения. Его решения вскоре были забыты. Что же у нас тогда происходило? Что случилось с А. Дубчеком после майского пленума?

«Большинство членов Президиума и сам А. Дубчек,— вспоминает по этому поводу т. Риго,— правильно оценивали тогда положение в стране. Майский пленум был созван, собственно говоря, как чрезвычайный пленум. А. Дубчек в своем докладе подчеркнул, что у нас развивается и усиливается односторонний нажим, целью которого является дискредитация коммунистической партии как единого целого. С подобным анализом, основанным на проверенных фактах, выступил тогда в прениях О. Черник...

Просто мы все видели, о чем идет речь, понимал это и А. Дубчек. После этого настал однако какой-то перелом. Но почему? Почему именно тогда? На этот вопрос я и сегодня не могу найти ответ. Может быть, об этом скажет когда-нибудь, если он в самом деле будет честным и откры-

венным по отношению к партии, сам Дубчек. Партия неизменно предоставляет ему эту возможность... В тот период Дубчек очень сильно изменился. Вместо того, чтобы, как Первый секретарь ЦК КПЧ, контролировать выполнение принятых правильных решений майского пленума ЦК КПЧ, он шел на компромиссы, оставлял одну позицию за другой. Под чье влияние он попал? Под влияние Кригеля, Смирковского? Под влияние второго центра? Чем его «купили»? Почему подвел? Загордился? Или у него вскружилась голова?.. В это время меняется его отношение к людям. Он перестает доверять своим ближайшим долголетним сотрудникам, советоваться с ними. Вместо этого он начал окружать себя людьми, которые за его спиной подсмеивались над его слабыми сторонами, но умели использовать эти его слабости, они создавали ему славу и в то же время прикрывались им, как щитом. А. Дубчеку слава начала нравиться, он тосковал без нее, допускал чрезмерное восхваление своей особы. Он превращался в глухого тетерева...

Поэтому я на одном из заседаний Президиума открыто сказал А. Дубчеку, что я о нем думаю, и потребовал от него, чтобы он впредь не допускал такого рода восхваления в свой адрес и публично отмежевался от них. Я критиковал это нездоровое явление, ибо считал необходимым, чтобы честный политический руководитель, каким мне в первое время представлялся А. Дубчек, понял искусственный характер и злой умысел этих словозлуплений. А. Дубчек хотя и признал правильность моего замечания, но по существу ничего не предпринял, чтобы воспрепятствовать «кампании по восхвалению».

В Чьерне и после Чьерны

Одним из кульминационных моментов тогдашнего неблагоприятного развития, без сомнения, явились переговоры в Чьерне-над-Тисой; вскоре после них состоялась встреча в Братиславе. О переговорах в Чьерне т. Риго часто вспоминает. «Недостатки и ошибочные методы в работе Президиума ЦК КПЧ, — говорит он, — проявились и в этом случае...

Советские товарищи к совещанию были тщательно подготовлены. Мне вспоминается их выступление при открытии совещания, в котором содержался глубокий и очень

точный анализ политической ситуации в ЧССР и за рубежом. Мы узнали, что содержание этого выступления долго и подробно обсуждалось на Политбюро ЦК КПСС. Вступительное заявление потом развивали другие члены советской делегации, анализируя политическую ситуацию, экономические проблемы, положение в профсоюзах и в области идеологии. Советские товарищи давали глубокую и цельную картину положения в нашей стране. Мы же, наоборот, лишь импровизировали. Основные выступления участников нашей делегации и их отдельные высказывания предварительно вовсе не обсуждались. Результатом этого была малоответственная импровизация с нашей стороны».

Личные впечатления от этих переговоров?

«Трудно их подытожить. В подобных международных переговорах я участвовал впервые. Я убедился, что мы советуемся с настоящими братьями, которые действительно переживают за судьбу нашей республики и коммунистической партии, нашего социалистического развития. Жаль, что не все их слова дошли до наших сердец... Там, в Чиерне, мы взаимно убеждали друг друга в необходимости принятия решительных мер, а возвратившись домой, мы об этом забыли. Уже там всем нам было ясно, что другие социалистические страны предпримут все меры, если будет поставлена под угрозу социалистическая система в ЧССР. В Чиерне мы также понимали, что положение в Чехословакии не удастся выправить одними политическими средствами. Однако после возвращения у нас, к сожалению, не нашлось достаточно желания, смелости, а возможно, что — в тогдашней явно националистической и антикоммунистической атмосфере — уже и сил для того, чтобы использовать другие средства».

Вспомним: вместо решительных мер последовало тогда сначала бахвальство о «победе» в Чиерне, которое вскоре уступило место выступлениям о «поражении» в Братиславе...

Что же все же было конкретно сделано с нашей стороны?

«Фактически ничего, — констатирует т. Риго. — Еще в Чиерне мы сами предложили немедленно осуществить ряд мероприятий. Например, А. Дубчек обещал, что мы добьемся поворота в работе средств массовой информации. Он предлагал прекратить полемику. Советские товарищи выполнили свое обещание. Однако у нас ничего не измени-

лось. Мы не смогли воспрепятствовать даже самой разнузданной травле, продолжавшейся почти во всей печати, по радио и телевидению. События полностью вышли из-под контроля руководства нашей партии...»

Почему наступил август?

Поэтому и наступил август. Случилось то, что все наши участники переговоров в Чиерне — от Дубчека до Риго — еще тогда поняли что одни более явственно, другие менее предвидели и предполагали. И несмотря на это, даже в ночь с 20 на 21 августа 1968 г. большинство нашего тогдашнего партийного руководства не было в состоянии открыто признать действительное положение, что нашло свое выражение при голосовании формулировок известного злощастного заявления...

Несколько дней спустя руководящие представители нашей и советской сторон вновь встретились. Последовали новые переговоры, в которых т. Риго в последний раз участвует в качестве члена Президиума ЦК КПЧ. Какова была атмосфера переговоров? Советские товарищи вновь терпеливо объясняли и обосновывали свою позицию.

«Они,— вспоминает Э. Риго,— откровенно сказали нам: посмотрите, мы ведь понимаем, что вступление войск временно окажет неблагоприятное влияние на наш престиж в международном коммунистическом движении. Мы знали, что эти наши действия вызовут антисоветскую волну в мире. Мы знали, что мир дезориентирован и что нас будут осуждать. Но у нас были лишь две возможности: или прийти к вам, когда уже будут горы трупов и потекут реки крови, т. е. когда уже контрреволюция будет чинить открытую расправу, и тогда каждый спросит нас, почему мы так поздно пришли; или прийти раньше и не допустить, чтобы были тысячи мертвых и потоки крови, несмотря на то что сначала мало людей поймут нас, а большинство будет нас обсуждать и клеветать на нас. Однако история нас оправдывает потому, что наши действия с точки зрения пролетарского интернационализма были правильными. Поэтому мы избрали вторую возможность. Это были слова советских товарищей».

«Многие из нас,— продолжал т. Риго,— тогда эти слова правильно поняли и считали, что советские товарищи в

этом смысле полностью правы. Когда мы возвратились, распространились слухи, что некоторых из нас мучали, кому-то сделали раковую инъекцию, что нас морили голодом, и другие бессмыслицы... Плохо, что некоторые люди этому верили, а возможно, верят и до сегодняшнего дня.

Что касается работы: Над документами мы работали в Кремле, имея максимально возможное материальное обеспечение. Каждая сторона готовила свои предложения порознь. Затем мы собирались, обсуждали различные точки зрения, и, наконец, совместно подготовленный документ мы скрепили подписями. Мы осознавали обязательность того, что мы подписывали. Мы понимали, какая трудная работа ожидает нас и всю нашу партию в целом по исправлению ошибок далекого и недавнего прошлого».

Почему я так голосовал?

Правооппортунистические силы в партии после августа 1968 г. не примирились с новым положением. Наоборот, они предпринимали все, чтобы саботировать процесс консолидации в нашей стране. Продолжалась прежняя практика превознесения до небес одних и преследования и опорочивания настоящих патриотов и честных коммунистов.

«Я напрасно объяснял многие вещи, — наш собеседник вспоминает атмосферу тех дней. — Напрасно было мое чистосердечное признание, что я не допустил ничего, что было бы в противоречии с марксизмом-ленинизмом, что противоречило бы интересам нашей партии и нашей республики. Мне не поверили, так как скорее верили другим, печестным людям — тем, многие из которых вскоре перебежали «на другую сторону баррикад». Были размножены тысячи листовок против меня, обманутые люди расклеивали их в Кошицах, на комбинате. Были и такие, кто требовал моей смерти».

Эмиль Риго относился к четверке, которая в ночь с 20 на 21 августа 1968 г. проголосовала в Президиуме против большинства. Когда мы спрашиваем т. Риго, как он оценивает свои действия в тот период после всего того, что ему пришлось пережить из-за своей принципиальной позиции, он отвечает:

«Почему я так голосовал? Причина очень простая. Я знал, что союзные войска не являются оккупационными

войсками, которые хотели бы свергнуть у нас социалистический строй либо причинить ущерб ему. За социализм боролись мы и они, на многих полях сражений за социализм много их и наших людей отдали свои жизни. Той ночью в августе 1968 г. я выступил против одной части заявления Президиума, так как усматривал в ней неклассовый и неполитический подход к тому, что произошло. Я думал, что могло бы произойти, если бы это было в тот период опубликовано. Я опасался напрасного кровопролития, которое такая позиция могла бы лишь спровоцировать. Поэтому я проголосовал против, заранее зная, что меня ожидает. Я не мог поступить иначе... Сегодня уже больше, чем ясно, что если бы партийное руководство в ту роковую ночь поступило иначе, то политическое положение в Чехословакии могло бы развиваться совершенно по-другому, значительно благоприятнее в интересах всей республики».

Прямо в глаза

Развитие событий в нашей стране доказало правильность позиции т. Риго. Люди его приветствуют: «Честь труду, товарищ Риго!..» От него уже не отворачиваются, не избегают его. А Риго никого не попрекает, не вспоминает старое. И в этом его моральная сила.

Сегодня, после всего случившегося, люди уже лучше, чем вчера или позавчера, сумеют отличить зерно от плевел, они вновь начинают ценить тех, кто говорил и говорит правду, кто не поколебался в тяжелую годину.

Эмиль Риго остается таким, каким знают его близкие товарищи и сотрудники комбината, знают по работе на комбинате и на высоком партийном посту: скромным, самоотверженным работником и партийным руководителем, который не гонится за личной славой и внешними почестями, честно трудится и умеет отстоять свои позиции...

*Из статьи в газете «Руде право»,
12 февраля 1970 г.*

КАК ЭТО БЫЛО
В ВЫСШЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ ЦК КПЧ
В 1968—1969 гг.

Общешкольная конференция

Высшая политическая школа ЦК КПЧ стала объектом критики со стороны здоровых сил в партии и в обществе. Некоторые ее работники остро критиковались в партийной печати за антипартийные взгляды и деятельность.

По окончании прошлого учебного года секретарь ЦК КПЧ Й. Кемпный сказал: «Задачи, которые в последнее время поставил ЦК КПЧ перед ВПШ, во многом не выполнены. Преподаватели и научные сотрудники школы не выступали решительно против различных антипартийных, антисоциалистических и антисоветских взглядов и тенденций, а также против сознательного извращения истории нашей партии и общества. Некоторые из них являлись прямыми носителями и пропагандистами неправильных взглядов. Они выступали публично с немарксистских, антипартийных позиций против политики КПЧ, в частности против резолюции ноябрьского пленума ЦК КПЧ».

Многое изменилось с тех пор в Высшей политической школе. Снято старое руководство во главе с Миланом Гюблом и назначено новое. *Некоторые преподаватели ушли из школы, на некоторых заведены партийные и персональные дела. Партком КПЧ школы подал в отставку 3 сентября 1969 г.; создана комиссия для руководства партийной работой школы, одной из задач которой была подготовка и созыв чрезвычайной общешкольной конференции КПЧ. Эта конференция состоялась 15 января 1970 г.*

Вновь с партийных позиций

Письменный отчет, предложенный делегатам конференции, и вступительное слово председателя комиссии т. Л. Ногавицы о руководстве партийной работой были вновь

партийными и объективными. Конференция на конкретных фактах работы бывшего парткома школы и деятельности первичных организаций КПЧ лишь подтвердила справедливость слов секретаря ЦК КПЧ т. И. Кеминного.

Чрезвычайная конференция осудила февральское (1968 г.) решение по кадровым вопросам, на основании которого некоторых товарищей (проф. В. Квеша, проф. Л. Грзала и бывшего ректора В. Нового) освободили от работы. Конференция указала, что это освобождение было не только неправильным по форме, но и явилось «отстрелом» преданных партии кадров. В отчете отмечалось: «Решения по кадровым вопросам, принятые в феврале (1968 г.) на совещании актива преподавателей, нельзя, учитывая все изложенное, охарактеризовать иначе, как административно-бюрократические, проташенные при помощи извращенного информирования и различных форм давления...»

Известно, что февральский актив преподавателей (1968 г.) стал переломным моментом в политической ориентации школы. Это проявилось в кадровых изменениях, в ориентации партийной работы на так называемые прогрессивные взгляды и позиции, в смыкании с правым направлением в партии, в стремлении изменить характер структуры и роль школы, оторвать ее от партийных органов и добиться ее огосударствления.

Активизировались и так называемые прогрессивно настроенные группы слушателей. Общее направление развития партийных организаций школы проходило целиком под влиянием правых сил, которые осуществляли свои намерения и требования. Под их влиянием находился и партком КПЧ школы, который почти в течение месяца после актива вообще не работал. Всю инициативу захватила так называемая координационная комиссия, созданная на собрании актива в феврале, члены которой оказали пажим на ЦК КПЧ, чтобы добиться освобождения тт. Квеша и Нового. Наконец, эта комиссия настояла на назначении М. Гюбла ректором школы.

Начали выдвигаться требования об огосударствлении школы. Уже на общешкольной конференции в апреле 1968 г. указывалось: «Выяснить место школы в системе остальных школ... ВПШ должна быть поставлена в такие же условия, как и остальные высшие учебные заведения; это относится к набору и размещению слушателей, к подбору

преподавателей, к выборам администрации школы, внутреннему распорядку школы и т. д.» Была создана комиссия, которая разработала «проект превращения ВПШ ЦК КПЧ в высшую политическую и социальную школу, ее концепцию и место в системе чехословацкого высшего образования». Реализация этого проекта привела бы к изолированности ВПШ от Центрального Комитета партии.

Влияние вузовского комитета КПЧ

Отрицательную роль в развитии событий в ВПШ ЦК КПЧ сыграло также подчинение партийных органов школы вузовскому комитету КПЧ в Праге. Например, после августовского пленума ЦК КПЧ директивами для работы партийных организаций школы стали служить не решения ЦК КПЧ, а решения вузовского комитета КПЧ от 3 сентября 1968 г. Вузовский комитет КПЧ проводил линию антисоветизма и оппозиции ЦК КПЧ. В решениях говорилось, что в данной ситуации вузовский комитет не считает выполнение московского протокола коллаборационизмом, «однако он считается с возможностью того, что в процессе выполнения этого решения могут проявляться тенденции к прямому коллаборационизму. Вузовский комитет может сохранить за собой положение важной политической организации только при условии, что будут правильно сформулированы позиции преподавателей и студентов, что будет создан надежный моральный и другой заслон против проникновения коллаборационистских и других тенденций...» Далее в решении содержались нападки на документы, принятые в Москве и Братиславе, и предлагалось предотвратить их «слишком усердное исполнение».

Партком ВПШ 17 сентября 1968 г. принял в качестве директивы эту позицию вузовского комитета КПЧ: «Партком ВПШ принимает «решение вузовского комитета КПЧ о современном положении, принятое на пленарном заседании 3 сентября 1968 г.» как политическую директиву для партийных органов и организаций ВПШ ЦК КПЧ», — записано в решении парткома ВПШ. Подобным образом обстояло дело и в отношении резолюции ноябрьского пленума ЦК КПЧ, поддержки студенческой забастовки и т. д. и т. п.

Первым крупным мероприятием в ВПШ после ноябрьского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ был общешкольный актив, на котором бывший ректор школы Милан Гюбл сделал сообщение о ходе и итогах пленума ЦК КПЧ. В своем выступлении он стремился умалить значение и итоги ноябрьского пленума. Широкую огласку в партии получило его отношение к так называемому «всеобщему отпущению грехов». По утверждению М. Гюбла, Центральный Комитет решил больше не возвращаться к обсуждению позиций и действий, имевших место до ноябрьского пленума, а ориентироваться на решение проблем сегодняшнего дня. Борьба здоровых сил в партии представлялась как несоблюдение достигнутой договоренности, как стремление нарушить процесс консолидации. Понятно, что все это проявилось в работе всех партийных органов и организаций и в деятельности всей школы.

М. Гюбл настаивал на так называемом «всеобщем отпущении грехов» и потому, что он сам в нем весьма нуждался. Его деятельность не только в школе, но и в различных партийных органах, в печати и т. д. была открыто направлена против политики ЦК КПЧ.

Об отношении многих ответственных работников к резолюции ноябрьского пленума ЦК КПЧ свидетельствует решение, которое принял партком школы 9 декабря 1968 г. Оно, по существу, направлено против резолюции ноябрьского пленума. В то же время партком положительно оценил студенческую забастовку 18 ноября 1968 г. В решении говорилось: «Партком КПЧ ВПШ на своем заседании... подробно обсудил положение, сложившееся в результате присоединения слушателей младших курсов к забастовке, организованной в высших учебных заведениях чешских областей.

1. Одобряем и поддерживаем решение руководства школы, принятое в связи с этим 18 ноября 1968 г.

2. Поддерживаем решение президиума вузовского комитета КПЧ, которое направлено на то, чтобы не допустить нарушения единства профессорско-преподавательского состава и студентов и одновременно стремимся к сохранению политического влияния партии на эту акцию...»

Является парадоксом тот факт, что *руководство и партком школы самого высокого в теоретическом и педагогическом*

ческом отношении учреждений ЦК КПЧ, ректором которого был кооптированный член ЦК КПЧ М. Гюбл, практически поддерживали требования бастовавших студентов, направленные против официальной политики партии.

Каково было представление о свободе слова

В ряде резолюций парткома КПЧ и первичных парторганизаций школы, которые были приняты в период так называемого «процесса демократического возрождения», была подчеркнута необходимость развития демократии, свободного обмена мнениями, свободы слова и печати, борьбы с цензурой и т. д. Как эти понятия представили себе конкретно многие работники, свидетельствует ряд фактов. Приводим некоторые из них.

В предложении «Проекте решения партийного актива преподавателей и сотрудников ВПШ ЦК КПЧ», который состоялся в январе 1969 г., отмечалось: «Можно только приветствовать возможность публикации мнений, которые помещает журнал «Трибуна». Хотя мы еще не имеем достаточного о нем представления, нам кажется, что замысел его первого номера несколько односторонен. Нам также непонятно, почему именно такой журнал должен быть партийным органом в чешских областях и почему так долго затягивается возобновление издания журнала «Политика»...»

«Трибуна», которая с самого первого номера последовательно и однозначно проводила политику партии, отстаивала чистоту марксизма-ленинизма, руководствовалась принципом пролетарского интернационализма, мешала тем, кто составил вышеуказанный проект решения, оставив без внимания тот факт, что два сотрудника школы — доцент М. Крал и профессор Й. Клофач — были членами редакционной коллегии журнала «Репортер», одного из самых ярых носителей различных антипартийных, антисоциалистических и антисоветских взглядов, настроений и тенденций.

Призыв к свободному обмену мнениями фактически служил лишь тем, кто стоял на правых позициях. Теми же, кто с ними был несогласен, немедленно занимался комитет III преподавательской организации КПЧ в ВПШ. Например, сотрудники школы гг. Шольц и Трвала напи-

сали о своих взглядах в газету «Руде право»*. В протоколе собрания комитета преподавательской организации от 10 апреля 1969 г. записано: «1. Статья Шольца и Трвалы в газете «Руде право» — координационной тройке опровергнуть ее в печати и сообщить об этом Кладиве и Цисаржу. Проконтролировать, что сделано для того, чтобы отдельные лица, не уполномоченные школой, от ее имени не выступали».

Выходит, что тем, кто открыто отстаивал интересы партии, решения ноябрьского пленума ЦК КПЧ и политику партии, запрещалось при подписании статей указывать, что они являются преподавателями ВПШ ЦК КПЧ. Тем же, кто нападал на политику партии или извращал ее, например М. Гюбл в газете «Праца», М. Кубеш в журнале «Нова мысль» и, наконец, М. Крал, подписавший обращение «2000 слов», это делать разрешалось.

Не все имели одинаковые взгляды

В связи с указанной деятельностью отдельных сотрудников, особенно партийной организации и руководства школы, часто критиковалась и критикуется до сих пор школа в целом. С этим, однако, нельзя согласиться. В ВПШ ЦК КПЧ ни партийные организации, ни преподавательский состав не были едины. То же самое можно сказать и о курсах слушателей. Существовала и все более углублялась дифференциация во взглядах как среди сотрудников, так и среди слушателей школы. Здоровое ядро среди преподавателей, работников и слушателей постепенно консолидировалось и активно выступало против различных неправильных взглядов и тенденций, причем не только в школе. Об этом свидетельствует ряд конкретных фактов.

Многие работники школы выступали в защиту партийных решений и против различных ошибочных и враждебных взглядов и тенденций на собраниях в школе и вне школы, в печати. Они активно работали в Союзе чехословацко-советской дружбы и т. д.

О значительной дифференциации в школе и консолидации здоровых сил свидетельствует и письмо более 80 пре-

* См. «Руде право», 10 апреля 1969 г.

подавателей, работников и слушателей школы, направленное Центральному Комитету КПЧ 26 мая 1969 г. В этом документе критиковались антипартийные и антисоветские тенденции в школе, а в заключение говорилось: «Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что упомянутые позиции и взгляды разделяют не все коммунисты школы. Мы особенно ценим позиции, занимаемые коммунистами кафедры теории партии и партийного руководства социалистическим обществом, которые теоретические разработки отдельных вопросов, совпадающие с документами ЦК КПЧ, публикуют в печати. Положительные позиции занимают также большинство преподавателей кафедры народного хозяйства и некоторые преподаватели других кафедр, большинство технических сотрудников школы и слушателей старших курсов».

Первое открытое столкновение

Большую дискуссию и идейную борьбу вызвала встреча старых членов КПЧ с коммунистами младшего поколения в Праге-Либен в зале «Чехия». Это собрание, резолюцию которого отказалась публиковать и партийная печать, стало объектом нападков всех массовых средств информации. Атаки против этой встречи велись также и в ВПШ. Оценка этого собрания была одновременно первым открытым столкновением после августа 1968 г. в ВПШ ЦК КПЧ.

В резолюции III преподавательской организации КПЧ, например, подчеркивается, что первичная организация КПЧ должна «констатировать, что это собрание носило фракционный характер... Необоснованными и деструктивными являются, в частности, и их (участников либенского собрания.— *Прим. авторов*) нападки в адрес Пражского городского комитета КПЧ, который пользуется нашим полным доверием». Резолюция содержит ряд дальнейших инсинуаций и антисоветских выпадов. Участники либенской встречи обвиняются здесь в том, что они отрекаются «от патриотизма в отношении собственной страны», что «противоречит чувствам наших народов». Однако в заключение в резолюции признается, что *не все партийные группы этой первичной организации КПЧ согласны с этой резолюцией* и что партия кафедр теории партии приняла собственную резолюцию. Этого уже комитет указан-

ной организации скрыть не мог потому, что упомянутая партийная группа разослала резолюцию во все высшие партийные органы.

В ней, например, говорилось: «...по принципиальным соображениям мы не можем поддержать решение комитета в том, что касается отношения к встрече со старыми членами партии в Праге-Либени... В партии существуют различные мнения на положительные и отрицательные стороны доянварского и послеянварского развития. Дискуссия в партии по этим вопросам стала *фактом*. Беседа с основателями партии в Праге-Либень — не *изолированное* явление. Подобное имело место в Жилине, Роуднице, Яблонце, в районах Праги-6, Праги-10 и т. д. и т. п. В партии имеются значительные слои, которые чувствуют себя неуверенно в общественном отношении. Это является результатом как недостаточной информированности, так и акций, которые означали нападки на простых людей (см. манифест «2000 слов»)... При таких обстоятельствах можем ли мы обвинить в фракционности либенскую встречу, которая в конечном счете является частью более широкого движения?» Резолюция осуждает тот факт, что эти взгляды не нашли достойного простора для своего выражения ни в партии, ни в печати, осуждает стремление вузовского комитета КПЧ в Праге, который рекомендует «для объяснения чехословацко-советских отношений использовать только те материалы, которые имеют антисоветский характер, либо в которых содержится критика СССР».

Какова же была реакция вузовского комитета КПЧ и парткома ВПШ ЦК КПЧ? Партийная группа была вызвана на беседу в вузовский комитет КПЧ. Кроме представителей партийной группы в этой беседе приняли участие работники вузовского комитета Шах, Дурман и Плескот, от парткома ВПШ — Цага, а от комитета низовой парторганизации — Влашанек. На беседе были высказаны «интересные взгляды». Например, Шах, отвечая на критику материалов, рекомендуемых к изучению в школе, сказал, что наши люди, в том числе студенты, являются квалифицированными и сумеют разобраться в предлагаемой им информации. Он говорил также, что речь идет не о том, что нельзя критически относиться ко всем проблемам, в том числе и к проблемам отношений между социалистическими странами... что вузовский комитет только «критиковал» лишь на основе антисоветских и односторонне направлен-

ных материалов. О том, как ЦК КПЧ расценивал эти моменты, свидетельствует его решение от 3 сентября 1968 г., о котором мы уже говорили.

Член президиума вузовского комитета КПЧ Дурман заявил, что вузовский комитет КПЧ стоит на принципиальных позициях интересов партии, но это вовсе не означает, что он всегда должен быть согласен со взглядами ЦК КПЧ.

Дифференциация среди слушателей

В отчете чрезвычайной общешкольной партийной конференции ВПШ ЦК КПЧ подчеркивается, что поворотным пунктом в ее политической ориентации явился февральский (1968 г.) актив преподавателей. Этот актив оказал влияние и на активизацию так называемых прогрессивно настроенных групп слушателей.

Надо сказать, однако, что как на постоянных курсах, так и на краткосрочных курсах среди слушателей существовала значительная дифференциация. Конечно, правые силы в руководстве школы, партийных органах и организациях настолько овладели положением, что часто препарировали резолюции, которые были приняты слушателями. Конечно, не было единства и при принятии резолюций. Многие слушатели не боялись голосовать против, и многие резолюции, принятые большинством слушателей, шли в разрез со взглядами тогдашнего руководства школы во главе с М. Гюблом и со взглядами правоориентированных партийных органов в школе. Мало известна, например, резолюция курсов работников контрольно-ревизионных комиссий, которая была принята в конце января 1969 г. В ней говорилось: «...мы полностью и безоговорочно поддерживаем решения и резолюции ноябрьского и декабрьского пленумов ЦК КПЧ и заявление Президиума ЦК КПЧ от 3 января 1969 г. Мы будем стремиться последовательно проводить их в своей политической работе на местах, где мы работаем. ...Мы согласны с содержанием письма собрания членов народной милиции города Праги и Среднечешской области от 24 января 1969 г., которое полностью выражает и наше мнение. Мы осуждаем дискриминацию, которая была допущена при первом издании «Трибуны», еженедельника Бюро ЦК КПЧ по руководству пар-

тийной работой в чешских областях...» За эту резолюцию голосовало 5 слушателей, 2 слушателя голосовали против и 1 слушатель — воздержался.

Нажим на слушателей

Многие слушатели открыто выступали на собраниях в школе, отстаивали резолюцию ноябрьского пленума ЦК КПЧ. Они не соглашались с правыми и антисоветскими взглядами. В таких случаях часто применялся прямой или косвенный нажим. Например, преподаватели школы Фишель и Карнер призвали слушателей перед началом экзаменов почтить вставанием память Палаха и «идеалы», за которые он умер. Дело шло о явном нажиме, поскольку слушателям было известно высказывание доцента Фишеля на собраниях второй низовой организации КПЧ 27 ноября 1969 г., где он заявил: «Что касается положения среди слушателей, о котором уже шла речь, то это положение зависит и от нас. Следует подумать, кого из слушателей пустить дальше, а кого и нет...»

Январский актив 1969 г.

Актив преподавателей и сотрудников школы, состоявшийся в январе 1969 г., явился еще одним доказательством того, что в школе существует значительная дифференциация. Актив явился успехом здоровых сил в ВПШ ЦК КПЧ. В первой части актива выступил ряд ораторов с принципиальной критикой проекта решения, который имел правую ориентацию. Реакцию на эти выступления попытался ослабить тогдашний ректор школы М. Гюбл, ответивший на них пространными комментариями. Против «проекта решения» кроме ряда преподавателей высказались представители курсов работников контрольно-ревизионных комиссий (остальные слушатели на активе не присутствовали) и некоторые технические сотрудники (между прочим, из этой самой многочисленной организации были на актив приглашены только ее представители, тогда как от остальных организаций — все их члены).

Только во второй части собрания актива выступили защитники предложенного «проекта». Их аргументы и тон

привели к тому, что присутствующие начали постепенно покидать собрание, их не остановили даже угрозы, которые имели, например, место в выступлении И. Кржежа.

Под влиянием критических голосов редакционная комиссия отказалась в конце концов от первоначального «решения». Вместо него она предложила более короткий проект, в котором уже не было по крайней мере грубых формулировок.

О том, как организаторы этого актива осуществляли внутрипартийную демократию, свидетельствует запрещение членам парторганизации принимать участие в голосовании, если в ходе дискуссии они высказали несогласие с предложенным «решением» и открыто поддержали здоровые силы в школе. Поэтому число голосов, поданных против проекта решения, существенно снизилось.

Итоги общешкольной конференции КПЧ

Чрезвычайная общешкольная конференция КПЧ, проходившая в ВПШ ЦК КПЧ 15 января 1970 г. при участии делегации ЦК КПЧ во главе с секретарем ЦК КПЧ доктором Я. Фойтиком подробно анализировала и обсудила прошедший период и наметила дальнейшие задачи. *Она осудила все отрицательные явления и процессы, которые проявились в школе, и, подвергнув острой критике все ранее принятые неправильные решения партийных органов школы, отменила их.*

Работа, выводы и решения конференции полностью отвечают духу марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма и нынешней политики партии. Конференция вменила в обязанность всем партийным органам, организациям и коммунистам школы активно участвовать в разработке и осуществлении задач, вытекающих из политики партии, в период подготовки XIV съезда КПЧ; активной работой встретить 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, 25-ю годовщину освобождения Чехословакии Советской Армией, а также участвовать в подготовке празднования 50-й годовщины со дня основания Коммунистической партии Чехословакии. Конференция уделила большое внимание и новой концепции ВПШ ЦК КПЧ.

В новый партком школы были избраны товарищи, которые твердо стояли на позициях марксизма-ленинизма,

пролетарского интернационализма, которые последовательно боролись за нынешнюю политику партии. Вновь избран партком ВПШ во главе с тов. Л. Ногавицей, что является гарантией того, что партийные организации школы будут активно бороться за осуществление политики КПЧ.

Итак, чрезвычайная конференция ВПШ при ЦК КПЧ является важным шагом в решении вопроса о положении в школе, дальнейшим важным шагом к тому, чтобы Высшая политическая школа при ЦК КПЧ снова стала партийной школой, школой, которая будет опорой Центрального Комитета, которая будет отстаивать чистоту марксизма-ленинизма, принципы пролетарского интернационализма и которая будет последовательным борцом за осуществление политики партии. Конференция завершила в этом Центральный Комитет партии, направив ему соответствующее письмо. Участники конференции направили товарищеские приветствия всем высшим партийным школам братских социалистических стран.

* * *

Для достижения перелома в ВПШ ЦК КПЧ большое значение имела работа здоровых сил школы, которые боролись за линию партии. Большое значение имели также кадровые изменения, которые были проведены и которые проводятся в настоящее время. Свою роль сыграла также комиссия по руководству партийной работой, которая была создана по окончании деятельности бывшего парткома ВПШ. При ней были распущены партийные комитеты преподавательских организаций и созданы временные комиссии по руководству партийной работой в отдельных организациях; проводились беседы со всеми сотрудниками школы и т. д. Все это постепенно создавало условия для того, чтобы в школе победили наконец силы, последовательно проводящие политику партии.

«Трибуна», 18 февраля 1970 г.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАЛ ЭДУАРД ГОЛЬДШТЮККЕР

«В процессе возрождения» 1968 г. Э. Гольдштюккер не высказывался так определенно, как это делали его литературные друзья. По этой причине многие еще и теперь имеют о нем превратное представление: они видят в нем человека, который в тот период выступал с партийных позиций против экстремистского радикализма слева и справа. Поэтому Ярослав Шедивый на страницах «Трибуны» раскрыл и подтвердил документально, как Гольдштюккер содействовал идейному разложению рядов КПЧ и распространению антисоветских настроений. «Руде право» перепечатывает наиболее важный отрывок из его статьи «Судьба одного эмигранта», опубликованной в 9-м номере «Трибуны».

Очень трудно судить о поведении, позиции и деятельности Э. Гольдштюккера в 1968 г. Миф, созданный вокруг его личности, особенно среди молодежи и студенчества, требует тщательного анализа и оценки обстоятельств, и не только в период 1968 г., так как взгляды и позиция Э. Гольдштюккера формировались задолго до этого. Существует достаточно фактов, которые позволяют сделать вывод, что его отход от марксизма-ленинизма имеет свою давнюю историю.

Известно, что Э. Гольдштюккер интенсивно занимался изучением германистики и изучением творчества писателя Ф. Кафки. В этом нет еще ничего предосудительного.

Примечательно лишь то, что именно тогда Э. Гольдштюккер перенимал взгляды, которые принципиально расходились с марксизмом-ленинизмом в оценке исторической миссии социализма. В 1963 г. он был главным инициатором созыва конференции, посвященной Ф. Кафке. На этой конференции открыто пропагандировались взгляды, пороча-

щие партию и социалистическое общество. В противоположность марксистской концепции, исходящей из того, что отчуждение человека вытекает из существа капиталистической эксплуатации и оно устраняется установлением власти рабочего класса и развитием человеческой личности в условиях социалистической демократии, на конференции был одобрен тезис, что отчуждение человека якобы является одинаково характерным для капитализма и социализма. Эту точку зрения Э. Гольдштюккер полностью поддержал и активно пропагандировал.

И не случайно, что именно это высоко оценили там, где для тех, кто с марксистских позиций воспринимает идеи социализма, и особенно для коммунистов, существовали и существуют тяжелые и жестокие условия. В Федеративной Республике Германии Э. Гольдштюккера наградили золотой медалью.

Тем более не случайность, что в связи с итогами конференции о Ф. Кафке в капиталистическом мире начали писать о «пражской весне», о начале «возрождения» социализма и марксизма-ленинизма в Европе.

В партии и перед общественностью в то время Э. Гольдштюккер стремился играть роль умеренного реформатора, который добивается очищения партии, ее «возрождения». С усилением политического кризиса в партии и обществе и постоянным обострением положения он не перестает предостерегать правые силы и призывать их к большей терпеливости, чтобы они не действовали опрометчиво и не испортили «благоприятно развивающийся процесс возрождения». О чем тогда шла речь на самом деле и какова в этом деле роль Э. Гольдштюккера? Прежде всего необходимо сказать, с кем общался и сотрудничал в те времена Э. Гольдштюккер. Вообще его друзьями были люди, которые заняли явно правые позиции, люди, для которых реформизм был не главным и которые занимались контрреволюционной деятельностью.

Пост председателя Союза писателей был предложен Э. Гольдштюккеру в 1967 г. Он отказался от него. И лишь после январского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ, после беседы с первым секретарем ЦК КПЧ А. Дубчеком Э. Гольдштюккер дал свое согласие. Его первые усилия были направлены на восстановление в партии тех, кого ранее обоснованно исключили: А. Лима, Л. Вацулика и И. Клима. Он добивался также отмены партвысчисления, наложенного на

П. Когоута. Интересно, что еще в 1967 г. Э. Гольдштюккер отмежевывался от этих людей и их взглядов. Менее чем через год, когда их взгляды и действия открыто направлены против партии, он берет их под свою защиту и создает им наилучшие условия для разлагающей деятельности.

Союз писателей принципиально меняется под руководством Э. Гольдштюккера. Из добровольной творческой организации, функционирующей в целях создания оптимальных условий для развития творчества писателей в соответствии с культурной политикой партии, он превращается, нужно прямо это сказать, в явно оппозиционную политическую силу, которая чем дальше, тем больше действует как идейная и организационная база правых сил, оказывающая огромное воздействие на средства массовой информации. Правые силы в Союзе писателей становятся знаменосцем в борьбе за новую «модель социализма» и открытую плюралистическую систему.

Для деятельности Э. Гольдштюккера являются характерными некоторые моменты. Он начинал активно действовать всегда, когда обстановка обострялась и драматизировалась. С нарастанием кризиса в партии и обществе он выступал таким способом, который нельзя квалифицировать иначе, чем сознательное и преднамеренное провоцирование новых эмоциональных проявлений. Выступление Э. Гольдштюккера по чехословацкому телевидению в феврале 1968 г. можно привести в качестве примера, характеризующего отход средств массовой информации от линии партии и нужд социалистического общества.

Уже тогда в противоречии с действительностью Э. Гольдштюккер дезориентировал общественность утверждением, что разрешение политического кризиса больше связано с IV съездом писателей, чем с работой январского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ. Он критиковал исключение из партии писателей А. Лима, А. Вацулика и И. Клина и пытался защищать действия Л. Мнячко. Это выступление Э. Гольдштюккера, очевидно, не вредило тогдашнему партийному руководству. Но оно, однако, встретило отпор со стороны ряда коммунистов, особенно заводских коллективов.

Сегодня уже известно, по каким этапам и в каких взаимосвязях нарастало давление правых и антисоциалистических сил, как преднамеренно нарушался и дискредитировался союз с другими социалистическими странами. Яв-

ляется характерным, с какой поспешностью и «добросовестностью» включается Э. Гольдштюккер в эти усилия. 16 мая 1968 г. в «Литерарных листах» была опубликована его статья «Друзья, давайте договоримся». Это был период, когда шел процесс явного формирования правых сил, когда «места под солнцем» добивались К-231, КАН, когда предпринимались злобные нападки против народной милиции. И вот в этой обстановке Э. Гольдштюккер публикует статью, мотивируя ее своим стремлением защитить грубые, демагогические оскорбления Я. Прохазки в адрес Советского Союза...

6 июня 1968 г. в «Литерарных листах» публикуется новая статья Э. Гольдштюккера «Процессы и тридцатые годы». Содержание статьи полностью соответствует политике и планам правых сил и входит составной частью в их концепции. Таким образом, удалось расшатать и дезинформировать большую часть общественности, усилить неверие в возможности существовавшего до сих пор общественного строя у нас и в Советском Союзе.

«Своеобразны» и слова Э. Гольдштюккера, которыми он оскорбляет каждого чехословацкого гражданина, уверенного в победе социализма: «Любое политическое движение, которое хочет победить в борьбе, опирается на веру, нуждается в ней. Опыт нашей жизни нас, однако, также научил, в какой мере такая вера опасна. Например, у нацистов».

Серию изощренных атак завершает статья, опубликованная 23 июня в «Литерарных листах» под заголовком «Граждане, внимание!». Это был ответ на анонимное письмо, полученное Э. Гольдштюккером. Неизвестно, правда, существовало ли в действительности такое анонимное письмо, или речь шла о чем-то другом. Интересно, а главное, поучительно, как это письмо было мастерски использовано с точки зрения потребностей и намерений правых сил. Статья Э. Гольдштюккера была построена так, чтобы потрясти «самосознание» народа, увеличить недоверие в отношении тех, кто остался верным марксизму-ленинизму. Выпады «анонима» Гольдштюккер обобщает и переносит на социалистический строй и некоторых деятелей, занимающих руководящие посты. Одновременно он выражает несогласие с политическим развитием и заявляет: «Весьма опасно, что в момент, когда мы стараемся исправить прежние несправедливости, нанесенные тайной камариль-

ей, которая пыталась обмануть наш народ и весь мир, где-то в темных углах нашего общества действует еще более худшая банда преступников». Свое назначение статья выполнила. Она нашла отклик не только в ЧССР, но и за границей, где ее в полной мере использовали для очернения нашей партии. У нас в ЧССР эта статья способствовала усилению психоза против «консерваторов» и нападок против честных партийных работников.

*Из статьи в газете «Руде право»,
5 марта 1970 г.*

УСТАВ ПАРТИИ ДЕЙСТВУЕТ

**НАШИ КРЕСТЬЯНЕ НЕ ДАЛИ ОБМАНУТЬ СЕБЯ
ДЕШЕВОЙ ДЕМАГОГИЕЙ Й. БОРУВКИ**

Общественности Чехословакии известно, что бывший министр сельского хозяйства и продовольствия Й. Боровка принадлежал к группе людей, которые после января 1968 г. наиболее активно использовали любой случай для того, чтобы охаивать все, что было достигнуто в нашем обществе под руководством партии за прошедшие более чем двадцать лет. Манера его выступлений на собраниях, активах и в средствах массовой информации была настолько экспрессивной, что он быстро стал одним из наиболее популярных «трибунов народа».

В существующей тогда атмосфере большинство слушателей и читателей не замечали поверхностных, бессодержательных и нередко демагогических утверждений Боровки.

Но нельзя сказать, что Й. Боровка начал выступать с таким рвением только после января 1968 г. и что у него не было опыта общественной и политической деятельности. Ведь уже в 1932—1935 гг. он был членом молодежной организации аграрной партии. От этой партии его избрали в муниципалитет села Доланы, в 1943—1945 гг. он был старостой села.

В 1945 г. вступил в КПЧ и занимал ряд партийных должностей. С 1949 г. был кандидатом в члены ЦК КПЧ, а в 1954—1969 гг. даже членом ЦК КПЧ. В январе 1968 г. он избирается членом Президиума ЦК КПЧ, а в апреле того же года его освободили от обязанностей члена Президиума ЦК КПЧ и назначили министром сельского хозяйства и продовольствия. В течение 23 лет он был депутатом Национального собрания, в том числе 10 лет — председателем его сельскохозяйственной комиссии и 6 лет — членом Президиума Национального собрания.

Занимая эти должности, Боровка имел возможность

выступать в поддержку многих идей и целей, которые он «открыл» только после января 1968 г. И совершенной нелепостью звучит утверждение Й. Боровки о том, что он вступал в партию и считал ее своей матерью, а она отнеслась к нему и другим, как мачеха.

Й. Боровка предпочитал политику в общегосударственном масштабе, пренебрегал конкретной, повседневной, трудной, но заслуженной работой коммунистов и парторботников в районной и первичной партийной организации. Райком партии обратил внимание на эти его постоянные недостатки. По этим причинам еще в 1967 г. президиум райкома КПЧ не рекомендовал избирать его членом ЦК КПЧ и депутатом Национального собрания.

Но прежде чем эти рекомендации могли быть осуществлены, произошли известные события.

Возникает вопрос, как вообще мог Й. Боровка, обладая такими взглядами и личными качествами, так долго пользоваться доверием высших партийных органов?

В период коллективизации пужны были искусные ораторы и агитаторы. Й. Боровка был одним из таких и поэтому завоевал популярность не только среди членов КПЧ, но и среди беспартийных. Уже тогда он умел решительно ликвидировать противоположные взгляды, ловко используя свои связи с известными деятелями партии и правительства. После января 1968 г. он не пропускал ни одного случая, для того чтобы петь иную песню. Й. Боровка принадлежал к тем, кто сосредоточил внимание прежде всего на критике деятельности партии в 50-е годы, и недостатки тех лет приписывал периоду всей деятельности партии, используя их против партии, подрывая ее руководящую роль в обществе.

Й. Боровка был, пожалуй, также наиболее ярким «борцом» за восстановление «справедливости» в отношении чехословацких крестьян, которые якобы после февраля 1948 г. и в течение всего процесса коллективизации терпели несправедливости. Это было, вероятно, проявлением его «запоздалого сожаления». Известны также его «ультралевые» позиции и методы, которые он лично применял во время коллективизации и которые привели его даже к некоторым неклассовым выводам. Прикрываясь фразой «Лес рубят — щепки летят», он в тот период не пытался отличать крестьян — бедняков и середняков от действительных деревенских богатеев.

После избрания Боровки в Президиум ЦК КПЧ его самомнение еще более возросло, что выразилось в еще более решительных нападках на руководящую роль партии в обществе. Например, на районной конференции КПЧ в г. Находе он безапелляционно выступил против Устава партии и с помощью невероятной демагогии добивался осуществления таких методов на выборах членов райкома КПЧ, что в результате не были избраны опытные и преданные партии люди.

На критическое замечание по этому поводу он ответил так: «Товарищи, Устав будет нарушаться тысячи раз, потому что он является тормозом нового. Он уже устарел, и поэтому я хочу предупредить вас, что новое должно пробиться, даже если пришлось бы стиснуть зубы».

Что он подразумевал под «новым», за которое ратовал, Боровка разъяснил в своих выступлениях на различных активах. В них он субъективно и неправильно «толковал» смысл послеянварской политики, распространял слухи о готовящемся использовании армии и Народной милиции для защиты А. Новотного и т. д. Короче говоря, выступал с известным репертуаром, с которым в то время выступали все ярые правые и который значительно содействовал разжиганию самых разных и вредных эмоций.

И. Боровка занимался не только «теорией». Тайно переговариваясь с единомышленниками, советуя и консультируя при составлении различных клеветнических писем, выступая, а эти выступления пропагандировались областными средствами информации, он характеризовал работников Восточночешского обкома КПЧ как наиболее консервативных во всей республике и поддерживал требования об их замене. На партийных и общественных собраниях он подчеркивал, что вообще весь партийный аппарат на 90 процентов должен быть заменен, потому что январь 1968 г. означает больше, чем февраль 1948 г., и реализация его политики потребует «новых людей». Он имел при этом в виду людей по своему образу и подобию.

Такими же методами И. Боровка действовал после своего назначения министром сельского хозяйства. Его деятельность находилась в противоречии с решениями XIII съезда КПЧ, с решениями мартовского пленума ЦК КПЧ 1967 г. и с решениями VII съезда Единых сельскохозяйственных кооперативов. И здесь в полной мере проявились его самомнение, субъективизм и стремление поста-

вить некоторый односторонний практический опыт выше объективных потребностей социалистического общества.

При этом он часто вообще не знакомился с материалами, подготовленными для заседания правительства и экономического совета. Не зная действительного положения дел в сельском хозяйстве, он не испытывал угрызений совести от этого, решительно выступал в этих органах и добивался принятия своих предложений. Так он, например, «блеснул» своей «теорией» о грозящем «взрыве» в производстве мяса, которую он развивал повсюду, где только было можно. Последствия этой «теории» испытали в прошлом году на своем меню большинство наших семей!

И. Боровка решительно добивался также приятия нереальных требований о повышении зарплаты. Он заявлял, что государство не может вмешиваться в вопросы производства и продажи продукции сельского хозяйства, что крестьяне будут продавать эту продукцию тому, кто заплатит больше. Он даже потребовал, чтобы крестьяне взяли в свои руки внешнюю торговлю, ввозили и вывозили только то, что им выгодно...

В своей социальной демагогии И. Боровка пошел еще дальше. Он провозгласил необходимость реабилитации крестьян и их экономического равноправия. Работникам некоторых госхозов пытался подыгрывать, заявляя, что эти предприятия национализированы, но что крестьянам до сих пор никто не выплатил компенсацию.

Однако громадное большинство работников нашего сельского хозяйства не клюнуло на эту приманку...

Лучше всего это подтверждает полный крах его попыток создания оппозиционной политической организации по отношению к КПЧ. Такой организацией должен был стать Союз крестьян, пропаганда которого проходила под старым лозунгом аграрников «Деревня — одна семья». Над разработкой программы и организацией «Союза» с ведома И. Боровки работала газета «Земедельские новины».

И. Боровка принял участие в целом ряде районных сельскохозяйственных активов и совещаний, созданных для учреждения «Союза крестьян» (например, на активах в городах Градец-Кралове, Семилы, Смржице, Рыхнове-над-Кнежкой, Литомержице, Вышкове, Приерове, Брно и т. д.). В беседе, опубликованной 14 мая 1968 г. в журнале «Свет в образах», он по-бонапартистски заявил: «Союз крестьян нужно создать для того, чтобы он защищал и про-

водил интересы крестьян. Крестьяне уже не будут собирать крохи с общего стола. Союз крестьян сядет к столу вместе со всеми. Мы имеем на это право».

«Союз» должен был объединить не только кооперированных крестьян и работников государственных сельскохозяйственных предприятий, но и работников предприятий по обслуживанию населения, крестьян-единоличников и деревенскую интеллигенцию, которая «должна была вернуть деревне культурное и общественное положение».

И хотя намерения организаторов «Союза» потерпели крах, они все же не захотели так легко отказаться от этого дела. Еще осенью 1968 г. И. Боровка выступил с требованием ликвидации районных сельскохозяйственных управлений и передачи руководства сельским хозяйством из рук государства «Союзу кооперированных крестьян». Но это переполнило чашу терпения районов, особенно в Южночешской области, и поднялась целая волна требований прекратить, как тогда говорили, «дезинтеграционные» действия.

И. Боровка своей деятельностью нанес также определенный ущерб и министерству сельского хозяйства (которое он называл «крупным ЕСХК»). Авторитет министерства не мог быть укреплен, если сам министр в самых различных выступлениях высмеивал и неуважительно отзывался о его деятельности. Он руководил работой министерства, пренебрегая партийными принципами и принципами социалистического управления народным хозяйством, назначая на должности «прогрессивных» правых деятелей.

И. Боровка принял участие в так называемом «высочанском съезде» партии и был избран в состав «нового» ЦК КПЧ. Он присутствовал на обоих заседаниях ЦК этого съезда. Позже он не проявил никакой активности в борьбе за осуществление решений ноябрьского пленума ЦК КПЧ 1968 г. и апрельского пленума ЦК КПЧ 1969 г.

* * *

Центральная контрольно-ревизионная комиссия КПЧ после детального обсуждения результатов партийного расследования дела И. Боровки считает, что, несмотря на его активную помощь в реализации политики партии в области сельского хозяйства после 1945 г., его следует исключить из рядов КПЧ за допущенные им в 1968—1969 гг. серьезные ошибки.

«Руде право», 16 марта 1970 г.

Й. Ленарт, член Президиума ЦК КПЧ,
Первый секретарь ЦК КПС

ЭПОХА ПОБЕДОНОСНОГО ШЕСТВИЯ ЛЕНИНИЗМА

*Из доклада
на торжественном вечере в Братиславе,
посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина*

Исполнилось сто лет со дня рождения Владимира Ильича Ленина, великого вождя мирового пролетариата, ученого и государственного деятеля, основателя первого социалистического государства и создателя революционной партии нового типа. Мы собрались сегодня на нашем торжественном собрании, чтобы выразить восхищение, уважение и благодарность Ленину. Ленин и его дело имеют исключительное, эпохальное значение для исторических судеб нашего народа, так же как и для судеб всех угнетенных и эксплуатируемых...

С именем Ленина сотни миллионов людей всего мира борются против колониализма, капиталистического угнетения и эксплуатации. Имя Ленина стало символом мира во всем мире. Мы гордимся тем, что международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» был удостоен президент ЧССР т. Людвик Свобода...

В последние годы мы являемся свидетелями того, как закоренелые антикоммунисты стали «друзьями социализма» и нашего народа. Ежедневно несколько десятков радиостанций всего мира советуют и советуют нам, как «улучшить» социализм, как сделать его гуманным, демократичным, а главное, «нашим», чешским, словацким, национальным. Это проповедуют наши «друзья» типа Бжезинского, одного из главных идеологов антикоммунизма в Америке. И у нас в Праге в кругу известных «прогрессистов» он прочитал лекцию, названную «Конец ленинизма». Но все это закончилось год назад, на апрельском пленуме ЦК КПЧ, не лекцией, а решительным шагом, положившим конец антикоммунистическим иллюзиям в ЧССР...

...Правые оппортунисты и ревизионисты в ЧССР, особенно в 1968 г., нападали на ленинский принцип руководящей роли коммунистической партии... За истекшие годы они приложили немало усилий, чтобы доказать, что ленинизм не может иметь всеобщего значения и якобы неприемлем для такой развитой страны, как Чехословакия, что ленинизм — это специфическое явление отсталой в прошлом России...

...Марксизм-ленинизм — интернациональная революционная теория рабочего класса, общая для всех стран, несмотря на специфические особенности той или иной страны. Однако ревизионисты заботятся не об особенностях, они всегда стремились и стремятся к тому, чтобы выхолостить главную суть учения Маркса, Энгельса, Ленина, выхолостить его классовую сущность — диктатуру пролетариата, сорвать неизбежные социалистические преобразования...

...Празднование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина является подходящим поводом для того, чтобы задуматься над историческим опытом нашего революционного рабочего движения. Его судьбы неразрывно связаны с ленинизмом, как теорией и методом международного революционного движения пролетариата...

...Вскоре мы отметим 50-летие со дня основания Коммунистической партии Чехословакии. Мы помним, что исключительно большую роль в ее создании сыграл В. И. Ленин, который постоянно интересовался ее укреплением. Многочисленные труды Ленина, его выступления на конгрессах Коммунистического Интернационала, беседы с представителями нашей партии свидетельствуют о том, какое большое значение он придавал именно идейным основам Коммунистической партии Чехословакии. Ленин предвидел, что в стране с многочисленной прослойкой мелкой буржуазии, с сильным влиянием национализма, с глубокими традициями социал-демократии опасность правого оппортунизма после образования самостоятельного государства будет необычайно сильной...

...Провозглашение победы социализма в нашей стране в 1960 г. создавало иллюзии, что внутри страны уже больше не действует классовый враг, что он уже не опасен ни в идейном, ни в политическом отношении, что он не может оставить под угрозой социалистический характер нашего государства. Были недооценены и возможности зарубежных

империалистических сил воздействовать на сознание нашего населения. В самой партии постепенно ослаблялась борьба за сохранение ее ленинского характера, начали утрачиваться черты марксистско-ленинской партии нового типа. Очень сильно проявлялась опасность правого оппортунизма, терпимость к идейно враждебным взглядам, забывались классовые критерии. Усилия здоровых сил коммунистической партии, направленные на преодоление ошибок и деформаций 50-х годов, закономерно вылились в стремление по-ленински решить проблемы в январе 1968 г. Однако эти стремления использовали в своих интересах поддержанные из-за границы враждебные силы внутри страны для борьбы против партии, против ее руководящей роли в обществе, против основ социализма. Прикрываясь намерением преодолеть ошибки и недостатки, правая фракция в партии сдавала классовые позиции и фактически отступала от главных ленинских принципов строительства партии, вела к утере ею руководящей роли в обществе. После январского пленума ЦК КПЧ 1968 г. в партии нарастает кризис. Правые силы стремятся подорвать организационные основы партии, лишить ее возможности руководить обществом. В 1968 г. вследствие взаимодействия правых сил внутри коммунистической партии и антисоциалистических сил вне ее возникло очень опасное положение, характеризующееся наступлением контрреволюции.

Приход союзнических войск в августе 1968 г., интернациональная помощь, оказанная нам братскими социалистическими странами во главе с Советским Союзом, сорвали планы внутренних и зарубежных классово враждебных сил...

...События снова показали, куда ведет отход от принципиальных идейных позиций, куда ведет утрата ленинского характера партии. Наш опыт полностью подтвердил верность ленинского учения о том, что коммунистическая партия может сыграть свою историческую роль лишь в том случае, если она будет вести неослабную борьбу против разных уклонов, против правого и «левого» ревизионизма.

Глубоким революционным смыслом нынешних усилий коммунистической партии, направленных на нормализацию положения, является борьба за восстановление ее марксистско-ленинского характера, возврат к главным ленинским идеям об идеологических и организационных основах партии нового типа. Апрельский пленум ЦК КПЧ в

1969 г., приход т. Гусака к руководству партией положили начало решительной борьбе за преодоление глубокого политического кризиса в коммунистической партии, в обществе. Директивы майского пленума ЦК КПЧ являются документом большого исторического значения. Претворение решений пленума в жизнь способствует восстановлению руководящей роли партии в обществе...

Партия должна неизбежно размежеваться организационно с теми, кто уже давно разошелся с ней идейно. Очищение партии от правого оппортунизма является решающим условием стабилизации...

...Главным ленинским организационным принципом строительства партии является принцип демократического централизма. Именно этот принцип был предметом острых нападков правых и антисоциалистических сил. Под предлогом «демократизации» внутрипартийной жизни представители правых сил попытались весной 1968 г. отказаться от этого принципа в проекте нового Устава партии. В действительности за этим скрывались стремления превратить партию в дискуссионный клуб, который бы постоянно обсуждал идеологические проблемы, но не руководил, не принимал никаких решений...

...Любые попытки нарушить ленинские принципы социалистического строительства общества, чем бы они ни прикрывались — «демократическим социализмом» или «гуманным социализмом», — в действительности не укрепляют демократический характер нашего общества, а вызывают хаос, анархию и в конечном итоге открывают путь для контрреволюции.

Враждебная пропаганда клеветает, утверждая, что у нас царит террор, идут аресты, что готовятся политические судебные процессы. Зная, что это ложь, они пытаются вызвать у наших трудящихся чувство неуверенности, создать мрачную атмосферу, в которой могли бы действовать дмагоги и подрывные элементы...

...Развитие и последовательное осуществление принципов социалистического интернационализма выдвигается на передний план особенно в свете нашего опыта в 1968 г. Мы должны задуматься над тем, какое значение этот опыт представляет для современного международного коммунистического движения, и особенно для каждой социалистической страны и социалистического содружества в целом, задуматься над тем, что определяет действенность и силу

нашей совместной борьбы против империализма, что ослабляет нашу силу, основа которой — в единстве.

...Наш народ приступает к выполнению новых задач под руководством рабочего класса, возглавляемого возрожденной, единой в идейном и организационном отношении марксистско-ленинской партией, в нерушимом единстве с народами остальных социалистических стран во главе с Советским Союзом.

*«Правда» (Братислава),
23 апреля 1970 г.*

ПОЧЕМУ АЛЕКСАНДР ДУБЧЕК БЫЛ ИСКЛЮЧЕН ИЗ РЯДОВ КПЧ?

Итоги январского пленума ЦК КПЧ в 1968 г. не были каким-то случайным актом, а тем менее дворцовым переворотом, наоборот, они явились закономерным завершением длительного процесса, с помощью которого организм партии противостоял затяжной болезни — отступлению от ленинизма, все более явно проявлявшемуся в политике партийного руководства А. Новотного.

Уже до 1968 г. в нашей партии и во всем обществе проявлялись признаки опасного кризиса. В экономике они, возможно, были видны всем. Однако они появились и в идеологической области; ревизионистские и мелкобуржуазные взгляды получали широкий простор, а их носители часто имели в кармане партийный билет. Во внутрипартийной жизни ленинские нормы постепенно подменялись командованием, сознательная партийная дисциплина зачастую подменялась более удобной бюрократической системой подчиненности, государственный аппарат неустанно отдалялся от социалистического служения народу, и многие работники вносили в него методы буржуазного государственного аппарата. Нельзя было не видеть кризисные явления, но руководство партии скорее закрывало перед ними глаза, не устраняло их и вместо решения назревших проблем в целом ряде случаев прибегало к демонстративным, ничего не означающим жестам.

Недовольство в партии и обществе нарастало. Январь 1968 г. был необходим, неизбежен.

Между тем еще до января 1968 г. было ясно, что между людьми, подвергавшими критике новотновское руководство партии, существовало качественное различие: образовалось два течения, каждое из которых преследовало иные цели. Большинство коммунистов и вместе с ними подав-

ляющая часть граждан при критике ошибок и деформаций изыскивали одновременно путь к исправлению, к такому решению проблем, которое очистило бы, укрепило и ускорило социалистическое развитие в стране и укрепило бы руководящую роль коммунистической партии в обществе. С этой точки зрения они требовали также персональных изменений в руководстве партии: они рассматривали их как необходимое условие для восстановления и последовательного применения ленинских принципов в политике партии. Эти люди стояли на принципиальной марксистской позиции, они исходили из нее как при критике ошибок и недостатков, так и в своей деятельности. Они были теми, кто создал благодатную почву для января 1968 г.

Но помимо этого здорового течения постепенно усиливалось противоположное течение, которое умело маскировалось и для которого критика новотновского руководства партии, ошибок и деформаций, имевших место у нас, служила прежде всего для расшатывания ценностей, на которых построено социалистическое общество, для вызывания скепсиса и недоверия к самой идее социализма, для умаления и отрицания исторической миссии коммунистической партии. Развитие подтвердило, что в этом течении скрыто формировался блок правых оппортунистов, ревизионистов и явно антисоциалистических сил; действия газеты «Литерарни новины» или газеты «Литерарни листы», равно как и IV съезд писателей в 1967 г., разные «новые волны» в искусстве и общественных науках, которые, разумеется, поднимались из буржуазных источников, лишь подтверждают это.

Формирование этого реакционного блока облегчалось тем, что при новотновском руководстве партии идеологическая работа партии пришла в глубокий упадок и сам Новотный и другие руководящие работники проявляли оппортунистическую терпимость к распространению у нас буржуазных и ревизионистских взглядов; в этом ничего не меняет тот факт, что иногда они принимали административные и, следовательно, неэффективные меры в отношении носителей враждебных взглядов.

Каждое из обоих течений восприняло итоги январского пленума ЦК КПЧ в 1968 г. в аспекте своих целей. Марксистское течение видело в них основные предпосылки исправления ошибок и нарушений и последовательного применения ленинских принципов в дальнейшем развитии

социалистического общества. Блок правых оппортунистов, ревизионистов и антисоциалистических сил считал их трамплином для прямых выпадов против коммунистической партии и социализма в Чехословакии.

Рано или поздно оба течения совершенно закономерно должны были столкнуться.

В такой обстановке пленум ЦК КПЧ отзывает с поста первого секретаря Центрального Комитета Антонина Новотного и неожиданно избирает на высший партийный пост Александра Дубчека. Это — вынужденный выход из положения, компромиссное решение, к которому пришло еще старое руководство партии.

Сложное положение в партии и в стране требовало, чтобы партию возглавил по-марксистски закаленный, сознательный в классовом отношении, идейно стойкий и принципиальный человек, который был бы хорошим организатором. Александр Дубчек весьма слабо отвечал этим требованиям. Это было известно по его работе в Словакии и центральных органах. Если пленум Центрального Комитета счел А. Дубчека единственным кандидатом старого руководства партии, то это было проявлением компромисса, вызванного тогдашним положением. Если бы состоялась дискуссия о личности первого секретаря ЦК КПЧ и голосование, носящее боевой характер, то могло бы возникнуть критическое положение в партии и в стране; многие члены, однако, поддались убеждению, что необходимо сохранить единство Центрального Комитета, хотя это единство было уже нарушено формальностями. Поэтому как результат необходимости во главе партии оказался человек, не имеющий программы.

При этом выборе Центральный Комитет партии исходил из того, что Александр Дубчек за несколько месяцев до пленума ЦК выступил с критикой недопустимых методов Антонина Новотного. Кроме того, за него в то время выступали члены ЦК из Словакии. Так называемые положительные личные качества Дубчека, о которых начали говорить под влиянием пропаганды позднее, никому тогда не были известны.

Несмотря на это, возникла надежда, что он будет (несмотря на свои слабые стороны) использовать в деятельности высших партийных органов ленинские методы работы, которые требуют подлинной коллегиальности при принятии решений и последовательной личной ответствен-

ности. Свою роль сыграло и то, что А. Дубчек прожил юность в Советском Союзе: это вселяло надежду, что он будет действовать в соответствии с интернациональными традициями нашей партии и наших народов и будет защищать интересы содружества социалистических государств и международного коммунистического движения. Таковы главные причины, которыми руководствовался Центральный Комитет партии при выборе А. Дубчека на пост первого секретаря ЦК КПЧ.

Коммунисты и подавляющее большинство граждан с большой симпатией восприняли эту замену на руководящем посту партии. Уже сам факт, что А. Дубчек сменил Новотного, способствовал тому, что он снискал поддержку и доверие в партии и среди беспартийных. Люди связывали это изменение с началом проведения партией новой, последовательной ленинской политики, начатой январским пленумом ЦК КПЧ. С точки зрения внутренней и внешней политики для Дубчека были созданы условия, чтобы он проводил действительно принципиальную политику. Однако сам он не имел предпосылок для этого из-за своего характера, идейно-политической неподготовленности и отсутствия воли.

У нового первого секретаря была возможность проводить политику, которая отстояла бы дальнейшее развитие социализма в стране от стремлений блока правых оппортунистов и антисоциалистических сил, направленных на разложение страны и использование положения для наступления на социализм и КПЧ.

Следует сказать, что именно поэтому правые оппортунисты и антисоциалистические силы вначале холодно и сдержанно относились к избранию А. Дубчека. Но вскоре оказалось, что он не будет препятствием в осуществлении их планов. Вспомните о различных митингах и уличных демонстрациях, путем которых организаторы антипартийных инсценировок вызывали в зимней Праге «накаленную» атмосферу: к удивлению многих коммунистов, на них появились как «люди января» именно те, о ком было хорошо известно, что они раболепно прислуживали А. Новотному: Смрковский, Кригель, Шик, Боровка, Славик и др. Эти люди истолковывали смысл январского пленума ЦК КПЧ вразрез с тем, что сообщил партии Центральный Комитет; их демагогические выступления, при помощи которых они культивировали свою популярность, явно

положили начало периоду полного разрушения социализма в Чехословакии.

Однако, хотя речь шла о членах Центрального Комитета и в отдельных случаях о членах Президиума Центрального Комитета партии, первый секретарь ЦК КПЧ А. Дубчек молча взирает на их подрывную деятельность и не призвал их к ответственности, как обязывали к этому его функции.

Это было одно из первых разочарований, которое он вызвал у честных коммунистов и граждан. В личном архиве А. Дубчека есть тысячи писем, в которых коммунисты и беспартийные уже в первые месяцы 1968 г. информировали его о подрывных действиях реакционных сил.

Они указывали на то, что под напором правых распадаются партийные органы и организации. Они требовали, чтобы он использовал весь свой авторитет для мобилизации здоровых сил в партии и обществе против наступления реакции. А. Дубчек хранил, однако, молчание. Он не только не отвечал на письма честных людей, но в своих публичных выступлениях обходил молчанием реальную опасность, которая начала ставить под угрозу социалистические основы республики. Проявились и другие недостатки: А. Дубчек в период кризисного положения в течение трех недель не созывал Президиум Центрального Комитета. Несколько позже он отказался созвать Центральный Комитет, хотя этого требовали две крупные организации партии — Североморавская и Пражская, комитеты которых были сильно обеспокоены опасным развитием обстановки в стране.

Если социалистические силы испытывали первое разочарование работой нового первого секретаря ЦК КПЧ, то блок правых и антисоциалистических сил видел, что он может безнаказанно поднять руку на партию и на социализм в Чехословакии.

Календарь событий в первой половине 1968 г. показывает, что блок правых и антисоциалистических сил быстро изменил свое первоначальное холодное отношение к А. Дубчеку и заменил его полным восхищением этим «творцом января». Популяризация А. Дубчека достигла головокружительных высот, равных буквально культу личности, особенно после непродуманного политического решения, когда в феврале 1968 г. был отменен контроль за печатью, а руководство партии потеряло всякое влияние

на средства массовой информации и практически передало их в руки реакционного блока. При этом правые пошли даже так далеко, что совсем бескорыстно приписали Дубчеку авторство «шовой модели социализма, социализма демократического, гуманного», хотя общеизвестно, что этот отвар американской стратегии, направленный против социалистических стран, был состряпан еще до 1968 г. в редакции газеты «Литерарни новины» (Бетлемска улица, 1) и в клубе писателей на Народной улице. Дубчек отнюдь не возражал против этого...

Средства массовой информации воспевают каждый его шаг и каждое движение, прыгает ли он стремглав с вышки в бассейне или принимает различные делегации, которые приносили ему резолюции с антисоциалистическими требованиями. Общественность, по старому рецепту, опять узнает, как до поздней ночи светится окно, за которым работает великий вождь. Проводятся анкеты самого различного характера, по которым самой популярной личностью всегда выходит А. Дубчек. По примеру почитателей звезд создаются и «Дубчек-клубы». Восхваляется человечность А. Дубчека, его мудрость и смелость, но никогда не пишется о его коммунистической принципиальности, напротив, все эти дифирамбы направлены на то, чтобы изобразить Дубчека как коммуниста нового образца, который своими взглядами, идеологией, позицией удовлетворяет каждого, который для каждого приемлем: и для церкви, и для идеологического противника.

А. Дубчек не противился этой недостойной, панегирической кампании. Он не только не разгадал фальшивую игру, которую с ним вели правые и антисоциалистические силы под лозунгом «с Дубчеком против КПЧ», но, напротив, упоенный дифирамбами, он все более поддавался некоммунистическому представлению о своей особой миссии. Он дошел до того, что убеждал Президиум ЦК КПЧ в том, что в случае угрозы кризиса он своим личным авторитетом справится с положением.

В тот период, когда популярность Дубчека возросла до головокружительной высоты, блок правых и антисоциалистических сил начал «обстрел» партийных работников. Речь шла не только об отдельных лицах, которые при руководстве Новотного на самом деле скомпрометировали себя антиленинскими методами работы, хотя и в этих случаях имело место нарушение внутрипартийной демокра-

тии, ибо работники партии снимались с постов не на основе критического анализа их работы партийными органами, а под давлением подстрекательских кампаний в средствах массовой информации.

Речь шла прежде всего о товарищах, возглавлявших областные, районные и крупные первичные организации партии, о людях, которые были благодатной почвой для января 1968 г., но видели его смысл не в тотальном разрушении социализма, а в быстром исправлении ошибок и деформаций, в дальнейшем развитии социалистического общества. Средства массовой информации называли этих настоящих марксистов «консерваторами», «догматиками». Они стали мишенью клеветнических кампаний, где царили демагогия и ложь, против них разжигались страсти отсталых в политическом отношении граждан общества.

Даже на партийных конференциях правые прибегают к мошенническому манипулированию с выборами с целью «обстрела» честных коммунистов: в полном противоречии с Уставом партии группы правых навязывают новый порядок выборов, который в действительности дает право меньшинству правых избрать в новые партийные органы своих представителей; член тогдашнего Президиума ЦК КПЧ Боровка на партийной конференции в Находе заявляет даже, что «в революции Устав не имеет силы...». Кампания против марксистских кадров расширялась и вне партии — в хозяйственном аппарате и в государственных органах.

Правые использовали свои знания марксизма, избрав метод главного направления — атаковали партийный актив и аппарат. Поражая кого-то в сердце, не к чему рубить руку. Парализуя актив и аппарат, они умертвили всю партию. Травля приобрела такой характер, что некоторые товарищи нашли выход в самоубийстве. Александр Дубчек не выступил против тотального разложения партийного актива. В ряде выступлений он в общих и неопределенных словах указал на крайности, которые наносят вред партии, но в действительности же ничего не сделал для защиты товарищей и части близких сотрудников. Он предоставлял простор правым и антисоциалистическим силам. Он не выступил даже против тех членов руководства партии, которые поставляли реакционному блоку боеприпасы для «обстрела» принципиальных коммунистов. Известно, например, что И. Смирковский, член Президиума ЦК КПЧ,

избранный на апрельском пленуме Центрального Комитета в 1968 г., неоднократно выражал сомнение в правомочиях нынешнего ЦК КПЧ и сеял ненависть против его марксистского большинства.

Логичным в развитии Дубчека было то, что даже после августа 1968 г. он не выступил в защиту тех членов Президиума ЦК КПЧ, которым контрреволюционные силы уже открыто грозили смертью за «предательство».

Именно равнодушие Дубчека к ликвидации партийных кадров и разложению партии, которые блок правых и антисоциалистических сил начал осуществлять в начале своей «пражской весны», является доказательством не только отступления А. Дубчека перед реакцией, но и начала его перехода на правооппортунистическую платформу.

Это было, естественно, явное отступление от подлинного смысла января 1968 г. Оно проявилось, конечно, и во многих других случаях; приведем хотя бы самые важные из них.

После избрания первым секретарем ЦК КПЧ А. Дубчек обязался последовательно осуществлять решения январского пленума ЦК КПЧ. Одной из главных задач, которым придавалось значение в решениях, было оздоровление партии, преодоление остатков бюрократического руководства, укрепление идейного и организационного единства партии, повышение ее дееспособности и руководящей роли в обществе. Однако за время руководства Дубчека произошло обратное. Партия оказалась в сложной обстановке «пражской весны» без правильной ориентировки, под ударами правых она постепенно распадалась.

Этот процесс ускорялся немарксистским, оппортунистическим толкованием событий, с которым неоднократно выступал А. Дубчек. Если первый секретарь ЦК КПЧ отстаивает тезис, что все митинги, демонстрации, Гайдпарки, кампании по сбору подписей — это деструктивное движение, носящее явный антикоммунистический характер, якобы являются «выражением народной политической активности», если почти в каждом выступлении он подчеркивает, что речь идет о «здоровом прогрессивном развитии», хотя подрываются основные завоевания социализма, то понятно, что подавляющая часть коммунистов должна быть дезориентированной, а партийные кадры, прочно стоящие на позициях марксизма, вынуждены прибегать к

оборонительной тактике. И наоборот, самые широкие возможности для маневрирования предоставляются правым и антисоциалистическим силам.

Ко всему этому за время руководства Дубчека, за сравнительно короткий срок произошло следующее: основная гарантия социализма — коммунистическая партия попала под обстрел реакционных, контрреволюционных сил и могла лишь слабо защищаться. Тем более, что ее штаб — Президиум Центрального Комитета — раскололся, и правые оппортунисты в нем приобретали все более сильное влияние.

КПЧ оказалась на грани катастрофы: часть ее руководящих работников и некоторые партийные органы в областях и районах возглавили даже антикоммунистические кампании. Все это свидетельствовало о глубоком, остром кризисе партии. А. Дубчек знал об этом положении из многих сообщений, писем и документов, но не пытался остановить опасный процесс. Наоборот, в руководстве партии он ограничивал влияние честных товарищей, которые хотели подготовить партию к столкновению с контрреволюционными силами, и вынесение решений предоставил той части руководства, в которую входили носители правого оппортунизма, как, например, Кригель, Смирковский, Цисарж, Славик и др., т. е. те, кто льстил Дубчеку и целенаправленно использовал его самолюбие.

При таком критическом положении А. Дубчек умертвил также аппарат ЦК КПЧ, в котором работало много товарищей, прочно стоящих на марксистских позициях, он отдал их на произвол ожесточенной «травли аппаратчиков» и создал собственный аппарат из разных советников и групп ученых, состав которых, разумеется, определяли правые.

В критическое положение попали и честные коммунисты в общественных организациях и в хозяйственном и государственном аппарате; известно, что многие из них были просто выброшены с работы или же отстранены от работы потому, что они защищали партию. Прямо-таки отчаянное положение существовало в средствах массовой информации, редакциями которых завладели правые и контрреволюционные силы; в редакции, где еще у коммунистов-редакторов было кое-какое влияние и они стремились отстаивать новую политику партии — в редакции газеты «Руде право» развертывалось наступление правых сил.

Произошло нечто невероятное: Александр Дубчек, который после января был для коммунистов и большинства беспартийных определенным символом борьбы за подлинную ленинскую, коммунистическую политику, постепенно стал знаменем правых и контрреволюционных сил.

Правда, что этот факт — переход Дубчека на право-оппортунистическую платформу — не был тогда известен всем коммунистам, как чехословацким, так и зарубежным. Дифирамбы, воспеваемые средствами массовой информации, вызывали у общественности глубокие иллюзии о Дубчеке.

Но были такие моменты, когда как бы внезапно проявлялись беспринципность и оппортунистический подход Дубчека к обстановке. Это было в период, когда голос марксистских сил в партии проник через антикоммунистическую истерию средств массовой информации и мобилизовал социалистические силы против опасности, которая угрожала республике.

Особенно в мае 1968 г. удалось внешне заставить компромиссную часть руководства партии хотя бы на словах заявить об опасности антисоциалистических и контрреволюционных сил. Но ее не удалось уже заставить перейти к делу и энергично выступить против этих сил. В начале мая совещание секретарей областных и районных комитетов подвергло резкой критике деятельность руководства партии и на фактах доказало реальную опасность для партии и республики, вытекающую из действий правых и антисоциалистических сил. На пленуме ЦК КПЧ в мае 1968 г. марксистское большинство членов Центрального Комитета добилося принятия резолюции, в которой обоснованно указывалось на раскольническую деятельность правых. Аналогичный голос прозвучал и на совещании председателей общезаводских комитетов КПЧ на крупных предприятиях и на многих собраниях партийного актива. Были известны также доказательства того, что правые и антисоциалистические силы поддерживали контакты с империалистическими государствами и их разведками и что их подрывная деятельность слишком явно совпадает с планами и прогнозами западных «специалистов по коммунизму».

Неопровержимые факты антисоциалистической и антигосударственной деятельности контрреволюционных сил содержались в секретной информации министерства внут-

ренных дел от мая 1968 г., предназначенной для Президиума ЦК КПЧ; в ней разоблачалась как деятельность империалистических разведок на нашей территории, так и антигосударственные подрывные действия некоторых известных публицистов, представителей К-231, подготовительного комитета социал-демократии и других деятелей некоторых политических партий и общественных организаций.

А. Дубчек уже не мог молчать. На совещании секретарей районных и областных комитетов КПЧ, состоявшемся 12—13 мая, он выступил с докладом, который в значительной мере был отражением взглядов марксистской части Президиума ЦК КПЧ; он, в частности, сказал в докладе следующее:

«Что означало бы, если бы это необъективное течение политической критики и впредь применялось и нарастало? Это могло бы означать одно: борьбу против коммунистов и против всех, кто честно обеспечивал революционные преобразования — кооперирование и, наконец, национализацию или февраль, это ведет к формированию антикоммунистической, контрреволюционной платформы... Поддержка антикоммунистических тенденций может быть вполне реально оказана в нынешних условиях из-за границы — со стороны определенных кругов нашей послефевральской эмиграции или же прямо со стороны политических кругов империалистических государств. Пусть нас не вводят в заблуждение формы и методы, с помощью которых может оказываться такая поддержка. И международная буржуазия извлекла урок из того, с каким нетерпением и жесткостью вмешалась она в развитие событий в Венгрии в 1956 г.; она будет осуществлять свои антикоммунистические стремления намного тактичнее и при помощи совершенно иных методов».

А. Дубчек признал в этом докладе, что представители КПСС и других братских партий имеют обоснованные опасения по поводу того, что весь процесс у нас мог бы быть использован против социализма и что они обещали нашей партии всестороннюю поддержку. В связи с этим он сказал:

«Мы должны полностью сознавать нашу интернациональную ответственность, которая намного больше в силу того, что мы вступили на нынешний сложный путь в условиях, когда империализм в ряде областей переходит в

наступление. Тем более необходимо, чтобы мы не только в своих интересах, но и в интересах всего международного коммунистического движения, которое высказывает в отношении нас иногда критические замечания, уяснили свою ответственность».

Доклад Дубчека встретил благоприятные отклики среди секретарей партии. Его идеи дошли также до более широкого партийного актива и укрепили уверенность здорового ядра партии. Но недостатком в его докладе было то, что Дубчек отдал дань своему тезису, будто «основной характер современного положения определяется позитивным процессом», и не подчеркнул, что формирование антикоммунистического, контрреволюционного фронта стало уже реальной действительностью.

Вступление здорового ядра партии в борьбу с реакционным блоком проявилось наиболее ярко на общегосударственном собрании актива Народной милиции, на котором присутствовало 10 тысяч бойцов народной милиции. Еще живы воспоминания о том, как притихли правые силы под влиянием боевой решимости коммунистов. В эти дни поистине были все условия для быстрой мобилизации партии на столкновение с контрреволюционными силами. В первичных организациях и в районах проходило здоровое движение, вызванное главным образом постановлением майского пленума ЦК КПЧ.

Но руководство партии вновь упустило эту возможность. А. Дубчек поддался увещаниям правого крыла в Президиуме ЦК КПЧ и шумихе средств массовой информации, что опасность справа преувеличивается. Одновременно он был запуган намеками некоторых публицистов, что еще одно подобное выступление — и его популярности придет конец. Коммунисты напрасно ждали мероприятий и указаний, которые послужили бы директивой для предстоящего столкновения.

Эти оппортунистические колебания А. Дубчека использовал блок правых и антисоциалистических сил. Уже через восемь дней после актива бойцов Народной милиции «Литерарни новины», «Праце», «Земедельске новины» и «Млада фронта» опубликовали заявление «2000 слов», которое стало сигналом, призывающим контрреволюционные силы к наступлению.

В этот момент оппортунистическое противоречие между словами и делами, заметное в деятельности Дубчека с

начала 1968 г., проявилось в отчетливой форме. На дневном заседании Президиума ЦК КПЧ А. Дубчек вместе с рядом членов руководства осудил «2000 слов» как контрреволюционный призыв. Но уже несколько часов спустя он начал колебаться в своем отношении к данному антикоммунистическому памфлету; он стремился к тому, чтобы памфлет был публично подвергнут критике не Президиумом ЦК КПЧ, а... каким-нибудь другим органом. Почему? Здесь есть только единственное объяснение: он боялся за свою популярность среди правых и антисоциалистических сил и не хотел поставить свою подпись под партийным документом, который называет настоящим именем это контрреволюционное выступление. Свои оппортунистические позиции он закрепил на следующий день тем, что не выполнил постановления Президиума ЦК КПЧ и в выступлении по телевидению не отразил позиции Президиума ЦК КПЧ по отношению к «2000 слов».

В связи с этим следует еще раз подчеркнуть то обстоятельство, которое дорисовывает профиль Дубчека. При обсуждении «2000 слов» Президиумом ЦК КПЧ председательствующим на заседании был О. Черник, который в заключение заседания сформулировал решение Президиума ЦК КПЧ, в соответствии с которым секретарю ЦК КПЧ т. Алоису Индре было поручено от имени секретариата ЦК КПЧ направить областным и районным комитетам партии сообщение по телетайпу, содержащее соответствующее мнение о контрреволюционном призыве. Сообщение было написано почти дословно в соответствии с выводами, на основании которых Президиум пришел к соглашению. Известно, что это внутрипартийное сообщение моментально попало в редакции средств массовой информации, которые развернули ожесточенную кампанию против т. Индры. Единственной целью этой кампании было создание у общественности впечатления, что осуждение «2000 слов» Президиумом ЦК КПЧ является результатом нажима «консерваторов» на Дубчека. Телевизионное выступление Дубчека, в котором он ни словом не обмолвился о контрреволюционном призыве, послужило сигналом к этому.

«2000 слов» были адресованы чрезвычайным районным конференциям партии, которые начались на следующий день после опубликования. Конференции уделяли главное внимание выбору делегатов на чрезвычайные областные конференции и на чрезвычайный съезд партии. Режиссеры

контрреволюции хотели оказать влияние на этот выбор, и документы показывают, что им это в значительной степени удалось: в ряде случаев критерием для избрания или не-избрания кандидата в делегаты областной конференции или съезда являлось то, согласен ли он с «2000 слов» или отвергает их.

Чрезвычайные районные конференции, состоявшиеся в июне 1968 г., свидетельствовали о том, что партия переживает самый глубокий и самый опасный кризис в своей истории. Влияние КПЧ на политическую жизнь было минимальным, определяющую политическую роль все более и более явно играл контрреволюционный блок, овладевший значительной частью государственного и хозяйственного аппарата, средствами массовой информации, профсоюзами, молодежными организациями, К-231, КАН, общественными и политическими организациями. Во многих районах под его влияние попали и партийные органы. Если Дубчек, Смирковский, Цисарж и др. думали, что любовь, которую к ним проявляют КАН и весь блок, будет постоянной, то они должны были осознать, что пригрили змею на груди. Они должны были понять, что этот блок не пойдет с ними, если они будут срывать его планы. Они не распознали этого, и в этом заключалась их наивность. Все ссылки на активность в 1968 г. не соответствуют правде. Общеизвестно, что многие делегаты на районные конференции, где потом выбирались делегаты на областные конференции и на съезд, были избраны при участии менее 30 процентов избирателей. То, что такие «выборы» зачастую были недействительны, им не мешало. Хваленая активность в 1968 г. была активностью правых сил.

Правый оппортунизм Дубчека, который все более явно проявлялся в деятельности руководства партии, вызывал недоверие рабочего класса к партии. В начале года многие коллективы предприятий не только поддерживали последнюю январскую политику, но и предупреждали ЦК КПЧ об опасности справа в стране. К сожалению, А. Дубчек не принимал к сведению предупреждения рабочих коллективов, не мобилизовал внутренние силы, допустил разложение, при котором у союзников не было иного выхода, как вмешательство. Дубчек сосредоточил внимание на кабинетных переговорах с представителями различных организаций, творческих союзов и т. п. и не думал о защите интересов рабочего класса. Хитрая тактика контрреволю-

ционного блока, исходившая из все более явного отхода рабочего класса от партии, завершила потом то, что было беспрецедентной трагедией на протяжении 50-летней истории КПЧ: партия утратила влияние на заводах.

Это был самый страшный результат оппортунизма Дубчека.

В июне и июле было ясно, что контрреволюционные силы начали генеральное наступление против социализма в Чехословакии. И одновременно выявлялось, что внутренние здоровые, социалистические силы постоянно слабеют. Естественно, что это пагубное развитие должно было сильно обеспокоить союзников Чехословакии. Контрреволюционный блок, однако, также понимал, что единственным спасением социализма у нас является прямая помощь наших союзников, и стремился создать для нее непреодолимые препятствия. Средства массовой информации довели до апогея националистическую и антисоветскую кампанию.

Эта кампания развернулась с полной силой в дни 20—30 июня 1968 г., когда на нашей территории проходили союзнические командно-штабные учения армий Варшавского договора. Жители населенных пунктов, где проводились учения, встречали воинов братских армий по-дружески. Однако в печати смысл штабных учений у нас подвергался сомнению, и публицисты все более открыто указывали на то, что «союзники оказывают нажим на Дубчека и требуют изменения политического курса». Кампания достигает кульминационной точки нападками на союзников и националистическим беснованием, которое буквально изгоняло братских воинов из нашей страны.

А. Дубчек не реагировал на эту кампанию. Правительство удовлетворилось лишь успокоением общественности. Дубчек мог, однако, дать правдивое разъяснение того, почему штабные учения проводятся у нас, и большинство граждан приняло бы это разъяснение. Ведь именно А. Дубчек договорился с командованием Варшавского договора об организации командно-штабных учений в нашей стране.

В том случае, если бы руководство партии не допустило антисоветской кампании, то эти учения могли бы поддерживать социалистические силы в республике в предполагаемом столкновении с контрреволюционными силами. Вследствие беспринципной оппортунистической политики А. Дубчека столкновения не произошло; наоборот, реакционный блок постепенно завоевал решающие позиции, и

в то же время А. Дубчек бесстыдно позволял плевать вслед войнам союзных армий, которые пришли на помощь социалистическим силам у нас на основе его договоренности. И не только это: он молчал и в отношении клеветы контрреволюционеров по поводу того, что штабные учения являются не чем иным, как угрозой Дубчеку, нажимом на Дубчека, нечестным методом заставить Дубчека изменить курс. Он позволял очернять других, а сам наслаждался своей популярностью.

Разве существует более веское доказательство двуличия Дубчека?

Двуличие А. Дубчека в отношении СССР и других союзников проявлялось, разумеется, уже раньше. На Дрезденском совещании шести социалистических стран 23 марта 1968 г. представители братских партий впервые высказали опасения по поводу растущего у нас наступления правых и антисоциалистических сил.

Встреча в Дрездене была помощью Центральному Комитету нашей партии в борьбе за подлинную послеянварскую политику. По пути на родину А. Дубчек, равно как и другие члены делегации, высказал решимость навести у нас порядок. Но после возвращения в Чехословакию не только не было принято ни одной меры с целью «наведения порядка», а наоборот, Дубчек избрал более популярную тактику поддакивания группам нажима. Изменилось лишь то, что реакция стала более решительной.

Аналогично вел себя А. Дубчек и после московских переговоров 3—4 мая 1968 г. Советские руководители представили делегации КПЧ факты, которые подтверждали их предсказания в Дрездене, что блок правых и антисоциалистических сил поведет наступление более широким фронтом, если партия не будет решительно бороться против него. Они буквально просили Дубчека и других товарищей осознать, что граница ЧССР является одновременно границей социалистического лагеря и что события по ту сторону границы и на этой границе угрожают не только ЧССР, но и всему социалистическому лагерю.

Под таким углом Президиум ЦК КПЧ обсуждал вопросы после возвращения делегации из Москвы. Президиум проявил общность взглядов в том, что необходимо принять энергичные меры против правых и антисоциалистических сил. Это, собственно, был последний раз, когда руководство партии придерживалось общности взглядов.

Вскоре были созваны совещание секретарей райкомов и обкомов КПЧ и пленум ЦК КПЧ. Предполагалось наступление здорового ядра партии и всех социалистических сил в стране. Но, как об этом говорится выше, решимость партии довести до победного конца столкновение с контрреволюционными силами не была использована. Надежды наших, равно как и надежды советских коммунистов и товарищей из других братских партий не оправдались.

А. Дубчек и впоследствии ограничивался лишь словами и обещаниями в ответ на письма и телефонные разговоры с представителями братских партий и никогда ничего из этого не выполнял. На переговорах и встречах с нашими союзниками он всегда упорно скрывал возможность контрреволюционного переворота у нас: и только перед лицом неопровержимых фактов, подтверждающих раскольническую деятельность в стране, он допускал, что наряду со «здоровым развитием допускаются крайности».

Генеральный секретарь ЦК КПСС т. Л. И. Брежнев, письмо которого поступило в ЦК КПЧ 12 июня 1968 г., дружески настаивал на встрече с Дубчеком. Место встречи должен был предложить сам Дубчек. Однако первый секретарь ЦК КПЧ решил, что на встречу не следует ехать, ибо это время... отпусков и конференций (1). Он обосновал свое решение также тем, что поедет в СССР в отпуск и тогда можно будет обсудить проблемы. Но вскоре он добился принятия Президиумом ЦК КПЧ предложения о том, чтобы руководящие работники партии и государства не выезжали за границу.

По истечении нескольких недель последовало приглашение делегации КПЧ на встречу братских партий в Варшаве. Как известно, руководство нашей партии, а позднее и пленум ЦК КПЧ отклонили приглашение и не приняли участия во встрече. Это решение было принято под нажимом ожесточенной националистической и антисоветской кампании в средствах массовой информации и на различных уличных сборищах и демонстрациях. Было очевидно, что поддержкой им послужила позиция Дубчека в отношении письма Л. И. Брежнева, которая была известна в определенных кругах.

При обсуждении Президиумом ЦК КПЧ приглашения в Варшаву уже открыто антисоветски выступили носители правого оппортунизма в руководстве и те, кто был приглашен в большом числе на заседание. Работа пленума ЦК

КПЧ, на котором решался вопрос о нашем участии в Варшаве, проходила под нажимом десятков журналистов и операторов, которые присутствовали на нем вопреки всем обычаям. Одновременно на пленум ЦК КПЧ приходили различные делегации, как правило никем не уполномоченные, многие из которых прямо угрожали членам ЦК КПЧ, что в случае принятия приглашения в Варшаву народ будет считать их предателями родины. При этом Александр Дубчек скрыл от членов Президиума ЦК КПЧ и Центрального Комитета, что он своевременно знал о дате встречи в Варшаве. Согласия в Президиуме и на пленуме ЦК КПЧ он добился с помощью трюка. Он предложил двусторонние переговоры, которые сам раньше отвергал, и в сущности манипулировал Президиумом и всем Центральным Комитетом.

Националистическая и антисоветская истерия в эти дни уже полностью овладела улицами многих городов. Руководство партии было разделено на два лагеря и неспособно было найти выход из положения. Честные люди в руководстве партии были дискредитированы клеветой и травлей в глазах многих заблуждавшихся людей. А правых оппортунистов возносила неклассовая и в действительности антипатриотическая волна. Кригель, Смирковский, Цисарж, Славик и др. стали «любимцами толпы». А. Дубчек, конечно, не отставал. На глазах у миллионов телезрителей националисты вложили именно в его руки листы с подписями, содержащие требования, предъявляемые к партийной делегации, которая собиралась отбыть в г. Чиерна-над-Тисой на встречу с делегацией ЦК КПСС, и Дубчек обещает, что он будет руководствоваться националистическими требованиями. По этому случаю он, в частности, заявил:

«Сегодня мы можем уже с большей уверенностью сказать, что создается единство, которого не было здесь уже в течение многих лет, единство, которого долго ждали наши народы, единство, которое заслуживают наши социалистические усилия...»

Человек, который в то время говорил о себе, что он коммунист, человек, которому был вверен высший партийный пост, превыше всего ставит единство, возникшее на основе националистической истерии!.. Франтишек Кригель выступает в Президиуме с предложением, что следовало бы воспользоваться взвинченными настроениями и

превратить КПЧ в общенародную партию, и Александр Дубчек не отверг это контрреволюционное предложение.

На переговорах в Чиерне-над-Тисой и позднее на переговорах в Братиславе А. Дубчек действовал по проверенному уже рецепту: под нажимом фактов и аргументов он обещал, что примет меры и устранил «крайности». Но после возвращения при помощи разных намеков он опять создавал вокруг себя ореол героя, который противостоит «чужому нажиму». И не сдержал ни одного обещания.

Националистическая и антисоветская волна дала возможность контрреволюционным силам занять последние значительные позиции. Один из представителей этих сил, член Президиума ЦК КПЧ Франтишек Кригель, уже развивал теорию о том, как овладеть предстоящим съездом партии и использовать его в своих целях; по его мнению, для этого необходимо «держатъ массы в напряжении...». А. Дубчек знал о встрече Кригеля со Смрковским, Цисаржем, Гольдштюккером, Гейзларом, Ратингером, Беером, Млынаржем, Когоутом, Ганзелкой и другими представителями правых сил, на которой возникла эта «концепция», но он не оказывал сопротивления. Напротив, тем, что он и далее допускал, чтобы средства массовой информации кричали о «недопустимом чужом нажиме на Дубчека», он оказывал поддержку реализации концепции Кригеля.

В это время здравомыслящим людям было ясно, что над социализмом в Чехословакии нависла угроза. Контрреволюционные силы уже перестали притворяться. Они открыто говорят о выходе ЧССР из Варшавского договора, о нейтралитете, о расторжении союзнических уз с СССР. Они даже разработали планы аннулирования экономических соглашений с Советским Союзом. Руководство КПЧ отказалось от возможности мобилизовать здоровые силы, допустило разоружение партии, которая практически оказалась без руководящего органа, и у союзников не было иного выхода, как предоставить свою интернациональную помощь для защиты социализма в нашей стране.

Александр Дубчек остался верен своей беспринципности и двуличию также в напряженное время в ночь с 20 на 21 августа 1968 г. За день до этого он получил полное беспокойства письмо Политбюро ЦК КПСС о том, что у нас не выполняется даже Братиславское соглашение. Он мог снять телефонную трубку и информировать советских товарищей о положении и договориться с ними о принятии

эффективных мер. Он не сделал ничего. Важное письмо советских товарищей он представил Президиуму ЦК КПЧ лишь через час после того, как союзные войска перешли наши границы. И сразу же после этого он подает в отставку! Он хотел бежать от ответственности. И одновременно этим он способствовал бы разжиганию самых яростных антисоветских страстей.

А. Дубчек знал, что войны социалистических стран пришли не для того, чтобы оккупировать Чехословакию или ликвидировать социализм в нашей стране; по крайней мере, это он утверждал год спустя, в сентябре 1969 г., на пленуме ЦК КПЧ. Если ему было известно об этом в августе 1968 г., то почему он позволил Млынаржу и Смирковскому в ту августовскую ночь составить проект заявления Президиума ЦК КПЧ, которое является националистическим, неклассовым и полностью противоречит пролетарскому интернационализму? Почему он дал возможность правым оказать нажим на тех членов руководства партии, которые отказались голосовать за это заявление? Почему он вообще допустил, чтобы руководство партии обсуждало это?

А. Дубчек несет полную ответственность за то, что заявление Президиума ЦК КПЧ от 21 августа 1968 г. дало нашим классовым врагам оружие против социализма, против коммунистического движения, против СССР и других социалистических стран; что оно дезинформировало и ввело в заблуждение не только нашу партию и наших граждан, но одновременно и руководство, и членов некоторых коммунистических партий капиталистических стран. Заявление Президиума ЦК КПЧ от 21 августа 1968 г. дало возможность силам контрреволюции захватить под маской патриотической борьбы с внешними силами последние позиции. Но присутствие союзнических войск воспрепятствовало им совершить кровавую расправу над своими противниками.

В конце августа 1968 г. после возвращения с московских переговоров А. Дубчек выступил по радио с сообщением об их результатах. Он говорил трогательно, со слезами в голосе. Но ни одним словом не обмолвился о том, в какой катастрофический и опасный кризис попала наша республика накануне вступления союзных войск. Он не признал того, что социалистическое развитие в нашей стране находилось под угрозой, что угрожало контррево-

люциопное выступление и гражданская война. Он не говорил также о своей доле участия в создавшемся положении, а, наоборот, вновь выступал в роли непонятого мессии.

Впрочем, его деятельность после августа 1968 г. показывает, что он не извлек урока ни из чего. На второй день после своего возвращения из Москвы он вел переговоры с нелегальным центральным комитетом, избранным так называемым «высочанским съездом». Он принимает категорические требования этой антипартийной группировки. Из руководства партии, по ее желанию, должны уйти товарищи, которые «дискредитировали себя», т. е. люди, на протяжении многих месяцев стоявшие на марксистских позициях; следующим требованием было то, чтобы легальный Центральный Комитет был пополнен «людьми из Высочан»; в-третьих, должны быть сохранены кадры так называемого «высочанского съезда».

А. Дубчек выполнил эти требования. Несмотря на то что ему не удалось выгнать из руководства партии всех «дискредитировавших себя», второе и третье требования были им полностью выполнены: на пленуме ЦК КПЧ 30 августа 1968 г. в Центральный Комитет были кооптированы не 8 человек из Высочан, как первоначально требовала антипартийная группировка, а гораздо больше; в число 80 вновь кооптированных членов ЦК КПЧ были искусно вкраплены самые ярые крикуны с так называемого «высочанского съезда». В сотрудничестве с другими представителями правых сил А. Дубчек сохранил кадры так называемого «высочанского съезда» также в органах и аппарате партии, в редакциях, в научных учреждениях и т. п.

Даже после ноябрьского пленума ЦК КПЧ А. Дубчек не изменил свою позицию и остался на правооппортунистической, националистской и антисоветской платформе. Он молча одобрял то, что большая часть членов ЦК и работников партийного аппарата, равно как и подавляющее большинство средств массовой информации, умаляли значение ноябрьской резолюции ЦК, которая была исходным пунктом к восстановлению классового и интернационального характера партии и подчеркнула продолжающуюся опасность справа. Он знал также и не протестовал, что ряд партийных органов и организаций не выполняет постановления высших органов партии и нарушает принцип демократического централизма. Он должен был знать, получая

об этом ежедневно информацию, что продолжают в одних случаях скрытые, в других — открытые гонения на марксистские кадры, которые стремились правдиво информировать партию и общественность о причинах глубокого кризиса в стране. Он оставил также свободный простор для национализма и антисоветизма, который в части средств массовой информации приобрел необыкновенную силу и открытый характер. Политика А. Дубчека и после августа 1968 г. открывала простор для правых и антисоциалистических сил и позволяла им создавать кризисные положения такой же интенсивности, как и накануне августа 1968 г.

Однако положение в партии и обществе все же существенно изменилось. Несмотря на все препятствия, марксистское ядро партии после августа 1968 г. сформировалось и его сила была все более ощутимой. Это также оказало влияние на дальнейшее развитие в стране. Пленум ЦК КПЧ в апреле 1969 г. положил конец беспринципной, оппортунистической политике А. Дубчека и объявил принципиальную политическую борьбу правому оппортунизму в партии и контрреволюционному блоку вообще.

Миф, даже и тот, который возник случайно, может быть развеян лишь с помощью исторической правды. Миф об Александре Дубчеке умышленно создавал на протяжении многих месяцев мощный аппарат реакционных сил. Он глубоко проник в сознание части наших граждан и коммунистов. Он существовал и существует не только у нас, ему поддались и многие прогрессивные люди в капиталистических странах; впрочем, известно, что зарубежные средства массовой информации и различные пропагандистские учреждения на Западе в значительной мере способствовали его возникновению.

На июньском пленуме ЦК КПЧ в 1970 г. Александр Дубчек был исключен из партии.

Это не месть, не какой-либо субъективный акт нового руководства партии. Это только выражение объективной исторической правды о роли А. Дубчека в самый тяжелый период нашей партии и общества. Исключением из партии закономерно завершилось развитие А. Дубчека как беспринципного и нестойкого члена партии, идущего на компромиссы.

Так наша партия восприняла на активах и собраниях решение ЦК КПЧ. Так воспринимает его большинство наших граждан. Даже правые и антисоциалистические

силы в основном равнодушно отнеслись к исключению Дубчека из КПЧ.

Миф может продолжать существовать лишь там, где мало знают или вообще не знают фактов о развитии событий в Чехословакии в 1968 г. и весной 1969 г. Разумеется, неприятно, если миф сохраняют прогрессивные и близкие нам по взглядам люди, но тем не менее миф от этого не становится еще правдой. Факты неумолимы. В нашей статье мы выбрали из их огромного количества лишь часть, которая доказывает, в частности, какая терпеливая работа была проделана людьми, стремящимися воспрепятствовать переходу Александра Дубчека в лагерь реакции. Мы полагаем, что эти факты помогут и тем прогрессивным людям за границей, которых ослепило лишь сияние мифа; это важно не только для нас, но определенно и для них, это послужит уроком, который поможет им в зародыше развеять подобные мифы и не пережить того, что пережили мы в Чехословакии.

Естественно, что совершенно в иной плоскости мы рассматриваем буржуазную пропаганду, которая использует исключение Дубчека для усиленной античехословацкой кампании и изобилует сильными словами и устрашениями. Мы даже понимаем, что, если с нашей политической сцены уходит деятель, с которым были связаны многие надежды империалистических политических кругов на раскол социалистического лагеря и ликвидацию социализма в Чехословакии, стратеги империализма не могут радоваться.

Однако времена, когда политика руководства партии исходила из мелкобуржуазного взгляда: «что скажет об этом за граница», времена, когда реакционные силы у нас под вывеской хвастливого патриотизма по-рабски подражали дирижерам с Запада, окончательно ушли в прошлое. Исключение Дубчека из партии является завершением этих времен.

Новое руководство партии предоставило Александру Дубчеку полную возможность понять свои ошибки и, поскольку это было возможно, найти еще путь из болота ренегатства. В своих выступлениях перед партийными органами Дубчек не нашел этого пути; критерием событий и развития в Чехословакии для него всегда были его личность, его интересы, чувства, намерения.

Выступая на празднике дружбы народов в Девине, т. Гусак говорил о том, почему А. Дубчек был исключен из

рядов нашей партии: за то, что за довольно краткий период руководства ею он привел нашу партию к такому разложению, какого она не знала до этого времени. Он довел наше общество, общественные организации, профсоюзы, молодежь до такой степени разложения, а наше народное хозяйство — до такой инфляционной волны, до такой дезорганизации, что мы стояли на краю пропасти — краха. В области международных отношений он разорвал союзнические узы с Советским Союзом и другими союзными государствами, и Чехословакия изолированно стояла на грани огромного риска и опасности. Разве этого мало?

Дубчек явно пренебрег основными принципами марксизма и утратил остатки классового и интернационального сознания. Партия, социализм, интернациональное братство трудящихся в его выступлениях теряются за бесчисленными «я».

Он сам исключил себя из наших рядов. Он не справился с ответственностью, которую взял на себя, и поэтому вступил на более легкий путь поддакивания правым и контрреволюционным силам, вплоть до того, что скатился на их платформу. Они заплатили ему за это созданием «мифа о Дубчеке», которому он поверил и верит. Это, впрочем, свидетельствует о слабости Александра Дубчека.

Партия и после тяжелых кризисов осталась сплоченной.

Опубликовано в газете «Руде право», 16 июля 1970 г.

Печат. по тексту, опублик. в «Литературной газете», 22 июля 1970 г.

ПРОФЕССОР В. ЧЕРНЫЙ И ДРУГИЕ ¹

1. КОЛЕСО ЗАВЕРТЕЛОСЬ

Итак, этот человек предпочитал оставаться за кулисами. Но именно к нему приходили писатели Я. Прохазка, В. Гавел, А. Климент, философ И. Свитаk, журналист И. Черный, академик О. Вихтерле, студент Пинц и др., которые являлись или по крайней мере называли себя главными организаторами «процесса возрождения». Они приносили ему подробные сообщения о ситуации и о проделанной «работе», информировали о беседах с политическими деятелями вроде бывшего секретаря ЦК КПЧ Ч. Цисаржа или министра культуры и информации М. Галушки, обсуждали с профессором свои планы и получали от него «добро». Кроме того, им было известно, что Вацлав Черный поддерживает связи с чехословацкими эмигрантами, бежавшими за границу после Февраля 1948 г. И это также способствовало тому, что к его словам и советам правые деятели особенно внимательно прислушивались.

План подрывных действий

Сразу же после января 1968 г. главной темой разговоров становится тактика, которая позволила бы использовать сложившуюся ситуацию для перехода к прямой атаке на основы социализма в ЧССР. Однако Черный считает, что на этом пути стоят два серьезных препятствия — коммунистическая партия и рабочий класс. Он вновь и вновь возвращается к этому вопросу в своих беседах.

Ян Прохазка настроен более оптимистично. Он опирается на свою осведомленность о противоречиях в Цен-

¹ Печатается в изложении.

тральном Комитете КПЧ, кандидатом в члены которого был избран. По мнению Я. Прохазки, партия — «это уже не организация, а винегрет». Он считает, что Дубчек, Смирковский и прочие — всего лишь «временные фигуры», которые, конечно, «сыграют свою роль, но и сами не знают, какую именно; им придется сыграть ее — и уйти».

Что же касается рабочего класса, то, по утверждению Ивана Свитака, его нетрудно сбить с толку, запутать. Для этого надо только вести демагогическую кампанию в связи с начавшейся реабилитацией тех, кто пострадал во время судебных процессов 50-х годов, направляя острие кампании против партии и профсоюзов.

Однако Вацлав Черный считает это недостаточным и подчеркивает необходимость создания какой-то организованной и централизованной антикоммунистической силы. Характерен разговор с писателем Вацлавом Гавелом. Черный предполагает, что такой силой могла бы стать Народная партия — одна из партий Национального фронта. «Они поступают очень мудро, — говорил Черный. — Они представляют себя не как католическую партию, но как партию, которая объединяет вокруг себя всех верующих и всех людей, имеющих право на духовную жизнь. За нее будут голосовать даже раввины».

Гавел, напротив, скептически относится к Народной партии и предлагает создать социал-демократическую партию. (Как известно, социал-демократическая партия в Чехословакии прекратила свое существование в 1948 г.) Черный признает, что подобная акция принесла бы «выигрыш в международном плане». Он многозначительно замечает, что «они дали бы на это деньги». В свою очередь, он предлагает еще один вариант: вспомнить «масариковский реализм» и создать «какую-то партию интеллигенции». (Здесь имеется в виду основанная в 1900 г. народная партия «реалистов», во главе которой стоял будущий президент Чехословакии Масарик. Эта партия отражала интересы некоторых кругов чешской либеральной буржуазии и буржуазной интеллигенции.)

Разные варианты — цель одна: ликвидировать руководящую роль Коммунистической партии Чехословакии, расколоть народ.

Той же цели должен был послужить и «Клуб активных беспартийных (КАН)». В этой связи между собеседниками произошел диалог, который стоит привести целиком.

Гавел. Мы вместе с Вацуликом и Климентом присутствовали при основании одного такого клуба, и мне кажется, что подобные вещи могли бы принести пользу, если бы удалось выработать какую-то программу-минимум и если бы под ней подписалась элита чешской культуры — 100—200 подписей, — дабы люди видели, что это за клуб, что это за ангажированный беспартийный... Как вы думаете, было бы это правильно?

Черный. Почему бы неправильно? Если ситуация созреет для этого и это начнется, так будет ужасное движение среди интеллигенции. Повсюду: знаете ведь, сколько таких интеллигентов по деревням, которые ухватятся за это. Ухватятся за это, сожрут это и будут делать только это, а из этого всегда можно что-то выжать...

Так в уютном кабинете профессора с каждым днем все отчетливее вырисовывался план антикоммунистической кампании в Чехословакии.

«Дубчек должен работать на нас»

Разумеется, не нужно было ждать магнитофонных записей, чтобы разглядеть, какие реакционные силы примазались к процессу послеянварского развития и какие цели они преследовали. Многие коммунисты и честные граждане своевременно предупреждали об этом тогдашнее руководство партии. Но тщетно. Дубчек, Смирковский, Цисарж, Кригель и прочие не только не выступили против опасного течения, но косвенно, а подчас и сознательно поддерживали его.

Вацлав Черный и его собеседники быстро сориентировались в этой ситуации. Можно было бы цитировать длиннейшие отрывки из их разговоров, которые свидетельствуют, что эти люди в своих контрреволюционных планах учли и оппортунистическую политику тогдашнего руководства партии во главе с Дубчеком.

Так, журналисту И. Черному из газеты «Свободное слово», органа Чехословацкой социалистической партии, профессор сказал: «Обязанность Дубчека — выиграть, и он выиграет для нас... Пусть даже в этом нет полной уверенности и это будет стоить огромных усилий, но нам незачем взваливать все на свои плечи. Пусть они занимаются этой самой большой мерзостью, этой поистине изнурительнейшей работой. Это пока что их дело».

Но было бы ошибкой утверждать, что профессор Черный и др. видели в Дубчеке своего человека. Наоборот, они отзывались о нем презрительно. «Этот Дубчек вовсе не такой уж гений,— заявил Ян Прохазка,— это не гений, наоборот, это человек, который вылетел из того же гнезда, что и все они... Другое дело, что существуют большие иллюзии касательно Дубчека».

Что же должен был «выиграть» Дубчек для Черного и компании? В беседе с уже упоминавшимся журналистом из «Свободное слово» профессор заявил, что Дубчек должен допустить и затем усилить «давление». Собеседники пожимали друг друга без пояснений: речь шла о давлении реакционных сил на коммунистическую партию, о попытке поколебать основы социализма в Чехословакии. В. Черный добавил: «Нужно считаться с тем, что ему придется широко открыть шлюзы, причем на время, достаточное для того, чтобы давление стало широким, массовым, поистине всенародным, неодолимым, чтобы это стало для него всеобщим требованием, которое будет подталкивать его дальше, к дальнейшим уступкам, пока он сам и его победа в партии не станут переходным и быстро пройденным этапом. А тогда паверняка наступит час для чего-то нового».

Примерно ту же мысль он развивал и в беседе с академиком Отто Вихтерле: «Не забывайте, что Дубчек должен в известной мере работать на нас, если и он хочет выиграть».

...Вплоть до фонарей

В той же беседе с Вихтерле Черный указывал, что, «по его сведениям», министерство внутренних дел «полностью развалилось», «армия деморализована, запугана».

Разговоры в профессорском кабинете часто вращаются вокруг этой темы. «Нельзя останавливаться на полпути,— говорит Ян Прохазка.— Как только будут полностью разложены армия и госбезопасность, а затем и административный аппарат, так немедленно расчистится дорога».

Дорога куда? Многие люди до сего дня думают, что реакционный блок правых и антисоциалистических сил стремился вернуться к домюнхенской буржуазной республике или же воспользоваться наследством ее «золотой демократии». Но контрреволюция шла дальше; по мнению

профессора Черного, возврат к независимой буржуазной республике оказался бы сплошной глупостью.

Куда же все-таки должна была вести «расчищенная дорога»? В этой связи многозначительно одно место из беседы В. Черного со своим однофамильцем. Журналист И. Черный опасался «бешеного радикализма», боялся, «что дело может дойти до фонарей» (это образное выражение, ведущее свое начало со времен Великой французской революции, в пояснениях не нуждается).

Профессор Черный рассмеялся и ответил с нескрываемым цинизмом: «Да, уж с этим ничего не поделаешь. Но, знаете ли, нам не пришлось бы отвечать за эти фонари. Это ведь была бы не наша вина. Тут мы можем умыть руки...»

Итак, «социализм с человеческим лицом» должен был начаться с кровопролития...

II. «ПОДБОР И ПРОВЕРКА КАДРОВ»

Дословный пересказ всего, что зафиксировано на ленте, составил бы весьма солидный том, и каждая страница его свидетельствовала бы о той опасности, которой подвергались социалистическая республика и ее народ, если бы в двенадцатом часу не пришли к нам на помощь наши друзья и союзники.

В разговоре с И. Свитаком В. Черный прямо заявил: «Мы готовим дьявольски опасные вещи для всего нынешнего направления».

Пессимистически настроенного академика О. Вихтерле он убеждает: «Если мы не используем эту возможность, все так и останется без изменения еще пятьдесят лет. Вот причина, по которой это должно начаться».

Хотели использовать рабочих

Выше уже говорилось: для того чтобы приступить к прямым атакам на коммунистическую партию, правые намеревались ввести в заблуждение рабочих и при помощи обмана привлечь на свою сторону хотя бы часть рабочего класса. Причем главным экспертом по этим вопросам стал философ Иван Свитаков.

Примечательно, что сей «эксперт» впервые познакомился с жизнью чехословацких рабочих... лишь весной 1968 г. После этого знакомства он не без удивления сообщил: «Конечно, у меня были кое-какие представления о них: я знал, что это замученные работой люди. Оказалось, все не так. Это люди со сравнительно высоким жизненным уровнем. Само собой разумеется, они не соответствуют вкусу интеллигентного человека, но это люди, которые живут сравнительно хорошо и даже имеют автомобили...»

Он признал также, что рабочие умеют самостоятельно мыслить и не раз вступали с ним в дискуссию.

Тем не менее В. Черному он докладывает, что рабочих можно обмануть и прибрать к рукам: достаточно «подбросить» им вопрос о реабилитации, проблему профсоюзов и настроить их против партийного и профсоюзного аппарата. В. Черный с удовлетворением замечает: «Это правильно, это очень правильно».

Из других разговоров мы узнаем, как Черный и компания вообще смотрели на чехословацких трудящихся:

«Что правда, то правда — они глупы» — так отзывается студент Пинц о молодых рабочих.

«Для них важно только одно: кто им даст лишнюю крону, — вторит ему академик Вихтерле. — За таким они пойдут куда угодно. А все остальное их не трогает».

Таковы «дружья рабочих» без маски.

Искали слабости

В беседах, которые велись у В. Черного, уделялось большое внимание тем людям, которые занимали ответственные посты. Профессора особенно интересовали слабости политических руководителей и отличие их подлинной позиции от того, что они говорят общественности. Словом, нечто вроде кадровой проверки ведущих партийных и государственных деятелей — не только Дубчека, но и Смирковского, Цисаржа, Шпачека и других «прогрессистов».

Свою «кадровую реляцию» о «дубчековцах» подал Ян Прохазка: «Видите ли, эта группка людей, которая сегодня добилась власти, пользуется доверием, а это то, что ей нужно. Она, собственно, не делает политику, это же не по-

литика, они, по существу, лишь стараются завоевать расположение и сыграть на неудовлетворенности людей... У них нет даже программы. Для этого им нужно бы иметь голову на плечах... Они склеивают по кусочкам свою «программу действий», чтобы казалось, что будет делаться политика, но это на самом деле мешапина».

Его же отзыв о Смирковском, бывшем члене Президиума ЦК КПЧ и председателе Национального собрания, одном из «популярнейших» деятелей «чехословацкой весны»: «То, что говорит Смирковский, кажется откровением, ибо он использует разные громкие слова — «нация», «народ» и прочие, но это опять же не что иное, как заискивание перед людьми».

Столь же нелестны отзывы писателя Вацлава Гавела о Честмире Цисарже, бывшем секретаре ЦК КПЧ, «идеологе», «прославившемся» своими нападками на марксизм-ленинизм. Как известно, перед выборами нового президента республики в 1968 г. группы студентов ходили по Праге и скандировали имя своего «кандидата в президенты»: «Чест — мир — цисарж» («Честь — мир — царь»). В. Черный собирался использовать эту фигуру в своих целях, но В. Гавел разубил его, сказав, что то были лишь наэлектризованные Цисаржем молодые люди, а основная масса молодежи не пойдет за ним.

Подобные характеристики получили и остальные «прогрессисты». Поэтому «дубчековцы» интересовали Черного и компанию лишь постольку, поскольку они открывали простор для правых сил.

Между собой

«Проверка кадров», предпринятая Черным, касалась не только ведущих партийных и государственных деятелей, но и тех, кто окружал его самого. Весьма любопытно слышать, как эти «деятели возрождения», которые совместно выступали на собраниях, поддерживали друг друга в печати и называли себя посетителями идеалов гуманизма, обливали один другого помоями в разговорах с профессором. Ян Прохазка характеризует главного редактора «Репортера» (орган Союза журналистов, отличавшийся особенно злобными нападками на КПЧ) Адольфа Градецкого непечатным словом и утверждает, что он ему и руки бы

не подал. Вацлав Гавел «не может ручаться» за писателя Павла Когоута, поскольку тот ничего не умеет написать интеллигентно. Иван Свитак презрительно отзывается о выступлениях Яна Прохазки. Не более лестные отзывы выпали на долю идеолога «чехословацкой весны» писателя А. Лима, министра М. Галушки, председателя Союза писателей Э. Гольдштюккера. Профессор Черный все это выслушивал, брал на заметку и... тем охотнее привлекал к себе подобных людей. Журналисту И. Черному, который выразил сомнение в Лиме, профессор ответил: «Само собой разумеется, он старый плут и мошенник, в этом нет сомнения, но вы должны согласиться с одним: он был исключен из партии за преступления против партии. Тем самым он на свой лад подтолкнул лавину. Это большая заслуга, этим он очистил себя. Лим далеко не самый плохой».

Да, принцип у Черного был прост: пусть человек мошенник, но если у него есть заслуги в подталкивании антисоциалистической лавины — он годится.

Их объединяла ненависть

Как видим, грызня в лагере правых в 1968 г. была в самом разгаре. Что же тогда объединяло их? Записи бесед В. Черного со своими единомышленниками не оставляют на этот счет никаких сомнений: их объединяла ненависть к коммунистической партии и социализму вообще. Вот отрывок одного из разговоров:

В. Ч е р н ы й. Скажите, пожалуйста, пан Прохазка, вы за социализм?

Я. П р о х а з к а. Да, я за социализм, только социализм, о котором я мечтаю, весьма отличается от того, что мы имеем здесь. Это социализм, в котором было бы гораздо больше масариковских идей, нежели Карла Маркса.

И Прохазка охаивает все, что было сделано в Чехословакии за двадцать лет, после Февраля 1948 г.

III. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС

Вацлав Черный часто ездил в Париж, где находится один из основных центров чехословацкой эмиграции. Он был хорошо знаком со всеми ее главарями. Особенно часто

встречался Черный с Павлом Тигридом, редактором эмигрантского журнальчика «Сведецтви» («Свидетельства»). Тигрид, второсортный журналист, бежал после 1948 г. за границу, принял американское гражданство и быстро выдвинулся в первые ряды наиболее озлобленных и ожесточенных врагов социалистической Чехословакии. Каждому известно, что он работает на американскую разведывательную службу. С этим пропагандистом градуализма (теория «продвижения по ступенькам», т. е. использования любой возможности для осуществления своих целей) и одним из руководителей подрывной деятельности против Чехословакии Черного объединяла не только личная дружба, но идейное тождество. О Тигриде он говорит исключительно в превосходной степени и ссылается на его советы как на убедительнейшие аргументы.

Группа Тигрида и давала «основное направление» Вацлаву Черному, в том числе «внешнеполитическую ориентацию». Что это за «ориентация», В. Черный объяснил академику О. Вихтерле: «Мы не сдвинемся с места без иностранных займов. Сегодня совершенно очевидно, что Америка, Франция, Германия суют нам эти деньги. И нам следует получить их. Они это делают довольно ловко. Займы будут предоставлены банками, а не правительствами. Однако правительства выступают в качестве гарантов перед банками».

Итак, В. Черный готов был продать социализм, продать республику ради достижения своих целей.

«За все заплатят русские!»

На «внешнеполитическом пути» В. Черного и его единомышленников стояло серьезное препятствие — союз ЧССР с Советским Союзом и другими социалистическими странами, участие Чехословакии в Варшавском договоре и — не в последнюю очередь — искреннее, братское отношение чехов и словаков к народам Советского Союза и других социалистических стран.

Чтобы справиться с этой «проблемой», В. Черный и его друзья избрали вполне определенную тактику. В печати националистическая кампания стала сливаться с антисоветизмом. Для нападков на СССР спекулятивно использо-

вались и определенные экономические трудности. Черный и другие понимали, что оппортунизм и беспринципность «дубчековцев» приведут к тому, что «прогрессисты» в партии и сами попытаются свалить все трудности на кого-нибудь другого. Прохазка говорил Черному: «Ситуация ныне такова, что в один прекрасный день — а ждать его недолго — будет найден тот козел, который заплатит за все... Русские должны будут опять взвалить все на свои плечи».

Предсказание Прохазки сбылось в одном. Известно, что «дубчеховская» часть руководства партии не выступила даже против самых песуразных домыслов о том, будто «Чехословакия кормит Советский Союз». То, что антисоветизм развивался под покровительством Дубчека, весьма устраивало В. Черного и компанию. Националистический и антисоветский джинн был выпущен из бутылки и увеличивался в размерах не по дням, а по часам. Антисоветская клевета заполнила страницы газет.

Но до контрреволюционного переворота, до «фонарей», до перехода Чехословакии в капиталистический лагерь дело не дошло. Все усилия профессора Вацлава Черного и его единомышленников пропали даром: день 21 августа похоронил их надежды и планы.

В одной из своих литературоведческих работ В. Черный восторженно цитировал высказывание Ахима фон Арнима: «Каждый из нас заново начинает историю мира, каждый из нас ее заканчивает». Вацлав Черный попытался заново начать историю. Закончить ему не позволили...

Из статей в газете «Руде право», 15, 18, 19 августа 1970 г.

Печат. по тексту, опубли. в «Литературной газете» 28 октября 1970 г.

ЧТО В ЧЕХОСЛОВАКИИ БЫЛО ПОСТАВЛЕНО НА КАРТУ

КАК ЭТО ВИДЕЛИ С ДРУГОГО БЕРЕГА

Вместо вступления

Мы находимся в начале длительного, а не кратковременного процесса и были бы рады, чтобы в этом процессе не все сразу выкристаллизовалось. Мы были бы рады, чтобы этот процесс вышел за рамки своих возможностей. Мы с удовольствием оставили бы этот процесс открытым так надолго, как это вообще возможно. Мы не хотели бы уже сегодня определять рамки, как далеко может зайти этот процесс. Поэтому на ваш вопрос отвечаем вполне прагматически — посмотрим. Поживем — увидим! (Выступление Э. Гольдштюккера по баварскому радио, март, 1968 г.)

Что понравилось в Праге Збигневу Бжезинскому

Для общественного развития после января 1968 г. примечательно возникновение новых политических сил, которые сначала провозглашали лозунги. Эти лозунги касались наиболее легко достижимых целей политического процесса. Новые силы постепенно стали приобретать все большее влияние.

Все мы, кстати, были живыми свидетелями того, как проходило смещение политической власти в период между январем и августом 1968 г. Не каждому в одинаковой мере это было ясно. Средства массовой информации из всех сил пытались в то время отвлечь внимание от этих принципиальных вопросов 1968 г.

Однако на Западе, где с большим интересом следили за развитием событий в Чехословакии, после января 1968 г. говорили открыто, без оглядок. Например, англий-

ское радио уже 27 марта 1968 г. оценивает ситуацию в ЧССР более чем многозначительно:

«Пока что процесс либерализации в Чехословакии мы можем только приветствовать, усматривая в нем первый значительный шаг, начало того развития, которое с течением времени не должно остановиться и перед социалистической системой: да, по всей вероятности, оно и не остановится».

Не менее открыто высказал это в тот период Збигнев Бжезинский, один из ведущих антикоммунистических идеологов Запада.

Выступая в пражском Институте международной политики и экономики (ИМПЕ) 15 июня 1968 г. с лекцией на тему «Об одном американском взгляде на современный мир», он высказался, со слов тех, кто слышал, без щепетильности:

«Мы присматриваемся с симпатиями и интересом к тому, что у вас происходит. То, что мы видим из Нью-Йорка, мы очень приветствуем и полагаем, что это хорошо именно потому, что речь идет, по существу, о восстановлении в новой форме старых ценностей. Речь идет об определенном бракосочетании между историей и традициями и новейшими политическими формами, структурой и целью, являющимися результатом новейшей истории Чехословакии...

Следовательно, мы исходим из того, что недавние события в Восточной Европе являются результатом появления на поверхности тех политических сил, которые здесь уже были...»

Наверное, не составит труда расшифровать эти символы. Какие «политические силы», какие «старые ценности» здесь уже были? Здесь был капитализм!

Тактика изменилась, остались стратегические замыслы. Наш идейный и политический противник, однако, не только следил за развитием событий 1968 г. в Чехословакии, не только приветствовал это развитие, но и стремился изо всех сил и всевозможными способами подталкивать это развитие и оказывать на него влияние. Доказательств, подтверждающих это, было приведено немало, использовалось все: начиная с пропаганды по радио и в печати и кончая шпионажем и покупкой душ.

Империалистические державы уделяли и продолжают уделять огромное внимание социалистическим странам,

в том числе и Чехословакии. Для этого они создали целую науку. Многие десятки институтов рассматривают различные стороны жизни социалистических стран и разрабатывают различные формы проникновения в эти государства.

Эта кажущаяся раздробленной, а на деле скоординированная система антикоммунизма на протяжении многих лет изучала Чехословакию, с помощью различных форм оказывала влияние на ее внутреннее развитие с целью использования слабых мест и подготавливала почву для так называемой либерализации. За этим столь мило звучащим словом скрывались подлинные замыслы: добиться всеобщего ослабления дисциплины с тем, чтобы более эффективно добиваться постепенных изменений во внутренней и внешнеполитической ориентации.

После неудачной вооруженной атаки на позиции Венгерской Народной Республики в 1956 г. антикоммунизм извлек урок, изменил тактику (но отнюдь не стратегию). Мы знали об этом не только ныне. Об этом мы знали уже весной 1968 г.

Концепция нарастающих перемен

Попытаемся, однако, ближе присмотреться к антикоммунистической страпне, заглянуть в штаб империалистических идеологов, в их планы по отношению к социалистическим странам.

Одним из таких каналов антикоммунистической борьбы является эмиграция. А так как эта эмиграция более откровенна, нежели ее хозяева, посмотрим именно на ее идеи. Если проанализировать, например, журнал «Свидетви», который на американские деньги издает эмигрант Тигрид, то мы можем заметить, насколько явно и упорно на протяжении ряда лет в концепции этого журнала выдвигались требования так называемых нарастающих перемен. Эти требования можно свести к следующим пунктам.

Во-первых, продолжать пропагандировать политическую и идеологическую дифференциацию внутри социалистического общества и попытаться добиться постепенного отрыва малых социалистических стран от Советского Союза. В этой связи аргументируется необходимость проводить политику «национальных интересов» со стороны каждой социалистической страны.

Во-вторых, добиться таких изменений, которые постепенно привели бы к перестройке современных систем таким образом, чтобы они стали ближе к «демократии западного типа» и чтобы были созданы условия для осуществления тождественных целей с требованиями западноевропейской интеграции.

В-третьих, подобные тенденции проводить и во внутренней политике ЧССР. Прежде всего стремиться создать так называемую систему «демократических альтернатив» для «социалистической» или «внутрипартийной оппозиции», добиться возможности для осуществления отличных позиций внутренним путем и добиться перерождения партии и государства.

В-четвертых, отмечается, что необходимо избегать прямой пропаганды возвращения к старым, буржуазным условиям и опровергать «распространившееся мнение о том, что США в этом отношении стремятся к восстановлению экономической системы по западному образцу», и подчеркивать, что речь идет только «о перестройке мирным путем внутренних условий».

В-пятых, на основании этого развивать и расширять экономическое, культурное, а также идеологическое «сотрудничество». Все дальнейшее сотрудничество на этих участках время от времени обуславливать идеологическими уступками, оказывая давление на них.

Целеустремленная игра с распределенными ролями

Небезынтересная концепция западногерманского антикоммунизма, которую наиболее откровенно изложил Франц Йозеф Штраус в своей книге «Программа для Европы» (1968 г.). «Западногерманской политике нужны европейские рамки», — пишет Штраус, выдвигая таким образом требование о создании своего рода «западноевропейского сообщества», которое «полностью воспримет западногерманские требования и будет их представлять».

Далее Штраус отбрасывает любое признание статус-кво в Европе, т. е. признание послевоенных границ. В этом духе он проводит ныне кампанию против Договора между СССР и ФРГ, подписанного в Москве.

Штраус требует, чтобы ФРГ в подходящей форме приняла участие в создании европейских атомных войск, от-

брасывает признание той реальности, что существует второе германское государство, хочет разыграть в Восточной Европе целеустремленную игру с распределенными ролями», добиться «ослабления взаимных отношений» между европейскими социалистическими странами. В этом понятии восточной политики по Штраусу «США должны прикрывать (западным немцам) тылы» и т. д.

Эта «европейская» концепция Штрауса — не что иное, как современная экспансия на Восток, т. е. попытка проникновения в социалистические страны с целью помешать социалистическому развитию, с тем чтобы впоследствии его развалить, т. е. попытка нового устройства Европы по образцу современного западногерманского милитаризма. Сторонники этой концепции поэтому отбрасывают договор между СССР и ФРГ, так как из этого договора для Западной Германии вытекают обязанности уважать нынешнее состояние европейских дел.

НОВОЕ ОБЩЕСТВО

Заслуживают внимания американские «научные» концепции, среди которых ведущее место занимает прежде всего «творение» Збигнева Бжезинского. Бжезинский работает в США директором Института по изучению коммунизма при Колумбийском университете в Нью-Йорке (а с 1966 г. — советником Министерства иностранных дел США). Этот «специалист» в чехословацких делах проявлял такую активность, как никто иной. Уже в 1964 г. он выступал с лекцией в Праге на тему «Конец ленинизма» (?), год спустя он приехал в ЧССР с новой лекцией, а в 1968 г. был приглашен нашими «марксистами» в Институт международной политики и экономики (директором Шнейдареком, находящимся ныне в эмиграции), уже в третий раз.

Какое развитие событий в социалистических странах было бы желательным по Бжезинскому для Соединенных Штатов? В Праге в июне 1968 г. этот эмиссар американского антикоммунизма сформулировал это так:

«Наше мнение таково: необходимо, чтобы образовалось новое общество, общество, которое бы включало США, Западную Европу, Восточную Европу, Советский Союз и

Японию. Это значит, что образовалось бы общество развитого мира».

Легко убедиться, что Бжезинский в этой обтекаемой формулировке говорит не о чем ином, как о старой знакомой теории сближения (конвергенции), т. е. о теории слияния социализма и капитализма на основе, мол, научно-технической революции и ее социальных последствий.

Эта теория противоречит марксистско-ленинской оценке современной эпохи, которая исходит из той предпосылки, что характер, содержание и главное направление современной эпохи определяются переходом от капитализма к социализму. Главной силой этой тенденции является классовая борьба между социализмом и капитализмом во всемирном масштабе.

Восприятие теории конвергенции правыми силами в ЧССР, теории, которая недооценивает и игнорирует агрессивность империализма, вело к потере классового подхода в вопросах международных отношений и явилось идейным вооружением чехословацкого ревизионизма в области международных отношений.

Что признал Герман Кан

Планы и цели западных империалистов по отношению к Чехословакии наиболее конкретно сформировал профессор Герман Кан, теоретик явно жаждущего войны антикоммунизма. Вспомним, как в известном ноябрьском номере американского журнала «Форчун» в 1968 г. этот профессор с заслуживающей внимания откровенностью изложил планы подрывной деятельности против социалистических стран, прежде всего против Чехословакии.

Согласно его выводам, «если бы не было интервенции» в августе 1968 г. в Чехословакии, то произошло бы паряду с другим следующее:

«всеобщее ускорение» дезинтегрирующих явлений почти во всех странах Варшавского договора;

в самой Чехословакии /.../ — западногерманское влияние;

всеобщее ослабление влияния (коммунистической) партии;

возникновение оппозиционных партий и возникновение настоящей политической оппозиции;

государство опиралось бы «на гуманистическую версию социализма» (Как тут же уточняет: «Возможно, даже на социал-демократическую с капиталистическим подспудным тоном»);

последовал бы «вероятный выход одной или нескольких восточноевропейских стран из Варшавского договора» и т. д. и т. п.

ОПТОВАЯ РАСПРОДАЖА РЕСПУБЛИКИ

Вместо предисловия

Мы должны действовать безусловно очень осторожно, очень умно (...). Совершенно очевидно, что мы никогда не будем коммунистами, хотя мы и не можем открыто против них бороться. Наши действия — не капитуляция, а в любом случае дипломатическая борьба...

(Я. Бродский на собрании клуба К-231 на Славянском острове, 31 марта 1968 г.)

Туристы и «туристы»

В период после января 1968 г. кое-кто на Западе хвалил нас за «процесс возрождения». Хвалил тогдашний ход событий в Чехословакии и советовал, как мы должны улучшать нашу социалистическую систему. Более того, даже из Ватикана сообщали, что папа молится за здоровье Александра Дубчека...

Это была трогательная забота о судьбе «чехословацкой весны», о том, чтобы КПЧ возродилась, «демократизировалась» и т. д. Не один орган массовой пропаганды воспринимал в высшей степени серьезно эту заботу, эту заинтересованность. И с легкой иронией, как это сделал тогда в Парке культуры и отдыха на большом митинге человек, ставший впоследствии министром культуры, была взята под сомнение старая, по-прежнему действующая истина о том, что если тебя хвалит враг, то это значит, что ты сделал ошибку...

Чехословакия стала завлекательной приманкой для туристов. В 1968 г. к нам приехало с Запада более 850 тысяч иностранцев; среди них насчитывалось более 2000 жур-

налистов (в три раза больше, чем в 1967 г.). Этот интерес мог нас определенно радовать: наша республика принимала, принимает и всегда будет принимать иностранных гостей с распростертыми объятиями...

Однако все ли туристы в 1968 г. приехали как туристы?

Не будем наивными: политические намерения западных разведок не перестали существовать после января 1968 г.! Причины приезда многих «туристов» были, конечно, продиктованы интересом к процессу политического развития в Чехословакии, интересом разведок и задачами идеологической диверсии. Установлено, например, что в тот период в Чехословакии находилось более 200 специалистов из армии НАТО и более 300 человек из шпионских центров.

Отложено в долгий ящик

С секретной миссией чехословацкие границы пересекали не только работники секретных служб. Например, еще 18 июля 1968 г. газета «Штуттгартер Цайтунг» предупреждала, что «большинство якобы частных поездок» из Западной Германии в ЧССР «совершается с ведома и согласия (боннского) министерства иностранных дел» и что эти путешественники «даже часто специально подготавливаются министерством для выполнения определенных заданий». Газета пишет, что интересующиеся красотами Чехословакии в 1968 г. не испытывали нужды в средствах, так как Бонн «для таких информационных поездок располагает весьма значительными фондами».

Однако в то время «активным» в Чехословакии был не только Бонн; особенно упорно развивала свою деятельность американская и английская разведки. Органы госбезопасности в то время своевременно информировали об этом первого секретаря ЦК КПЧ...

Проф. Черный: «Я готовлюсь!»

Министр внутренних дел Павел предупреждал руководство КПЧ и о связях некоторых чехословацких граждан с антикоммунистическими центрами Запада. Так, например,

было известно о поездке проф. Вацлава Черного в марте 1968 г. во Францию, где Черный встретился, в частности, с Павлом Тигридом. После своего возвращения он развивает в высшей степени активную деятельность: сосредоточивает вокруг себя ряд лиц и в сугубо интимных беседах с ними *договаривается о тактике борьбы антикоммунистического подполья в различных фазах «процесса возрождения».*

Некоторые из этих заговорщических совещаний стали ныне широко известны. Именно на них определялась фактическая тактика наиболее радикальных представителей антисоциалистических сил у нас. Вспомним (из передачи Чехословацкого радио), как Черный тогда во время беседы с глазу на глаз сказал своему сообщнику Я. Прохазке:

«По моему мнению, нет ничего более неверного, как изображать именно меня каким-то духовным руководителем реакции, которая хочет скатиться к той домюнхенской республике или еще не знаю куда... Я ни от чего не отказываюсь, напротив, я готовлюсь! Но этот Дубчек должен это выиграть прежде всего для себя, а не для меня. Для себя! И как только он выиграет для себя, так будьте уверены, тогда появлюсь я — если нужно, то и против Дубчека...»

В следующей беседе проф. Черный уточнил свои намерения: Дубчек постепенно будет подталкиваться *«на дальнейшие уступки, так что он сам и его победа быстро станут преодолимыми и вскоре пройденным этапом, и тогда наступит время для кое-чего другого...»*

Такова была тактика совместных действий тигридов, черных и прохазек: после того, как коммунисты обессилият себя в «братоубийственной» войне, они завершат свое дело.

«Нейтрализация» Чехословакии

Одной из форм этой распродажи национальных ценностей продолжительное время были тайные усилия, направленные на то, чтобы Чехословакия вышла из Варшавского договора. Забрасывалась удочка насчет нейтралитета.

Позднее правые часто выдвигали аргумент относительно того, что якобы подобные требования возникли после 21 августа 1968 г. Но это — ложь. По вопросу о нейтралитете Чехословакии еще до августа даже подготавливались различные материалы, которые должны были его теорети-

чески обосновать. Известен, например, меморандум, разработанный в Военно-политической Академии в Праге в первой половине 1968 г., в котором помимо прочего говорилось следующее:

«...Наряду с коалиционной системой обеспечения безопасности социалистических государств оказывается теоретически возможны и другие системы безопасности (...); обеспечение безопасности государства в рамках нейтрализации страны или политики нейтралитета; (...) разработка возможности самообороны государства собственными средствами».

Значение этого меморандума, который своим требованием нейтралитета объективно явился изменой нашему социалистическому государству в мире, разделенном на классы, усилил своей одобрительной позицией министр иностранных дел И. Гаек...

Пока...

И еще один знаменательный «документ», о котором до августа 1968 г. не говорили: «Рабочая программа съезда», составленная летом 1968 г. одной внутренней группой непримиримых антикоммунистов, прикрывающихся маской сторонников социальной демократии.

Эта «рабочая программа» (которая должна была быть выполнена до 31 августа 1968 г.) предполагала разработку и опубликование нескольких заявлений:

1. Обратиться с призывом о политической, а главным образом экономической помощи к странам, в которых социал-демократы являются значительной политической силой, т. е. к Англии, ФРГ, а возможно, и к Швеции.

2. Выдвинуть требования о выходе из Варшавского договора и объявить ЧССР нейтральным государством — по образцу Австрии и Швейцарии. В связи с обстоятельствами потребовать всенародного референдума об объявлении нейтралитета.

3. Не обсуждать пока вопрос о возможном вступлении Чехословакии в Европейское Экономическое Сообщество, также как не дискутировать пока о ее вступлении в НАТО...

Итак, *пока!* Многозначительное пока. Таким образом, перед августом 1968 г. еще, очевидно, не было подходящего момента...

Одной из главных внутренних гарантий социалистического строя являются коммунистическая партия и органы социалистического государства. Поэтому правые и контрреволюционные силы в нашем обществе увидели в них в первую очередь мишени для своих нападок.

Стремлением этих сил было прежде всего подорвать авторитет партии в глазах народа, разбить ее единство и дееспособность, ликвидировать ее руководящую роль в обществе. Они злоупотребили критикой недостатков и ошибок, которую проводила партия; воспользовались для того, чтобы очернить всю историю КПЧ, историю строительства социализма в Чехословакии. Они преднамеренно раздували ошибки и подвергали сомнению успехи, которых достиг наш народ за прошедшие 20 лет во всех областях общественной жизни.

Нигилистской, односторонней, негативистской и тенденциозной оценкой они создавали психологическо-идеологическую почву для открытых нападок на КПЧ. Одновременно они начали пропагандировать так называемую плюралистическую систему, которая якобы допустит свободу конкуренции различных (и несоциалистических) концепций, допустит «свободную игру политических сил». Поэтому, мол, нужно основать новые оппозиционные политические партии и организации.

Газета «Студент» потребовала даже партию с «несоциалистической программой». «Для нас неважно,— писал ее автор А. Крамер,— будет демократия буржуазной или социалистической, для нас важна просто демократия. У нас существуют фетишизированные понятия. Святые, неприкосновенные принципы. Руководящая роль КПЧ. Дружба с Советским Союзом. Социалистический строй... А нужно ли вообще, чтобы КПЧ была узаконена конституцией? Почему бы у нас не могла быть партия с несоциалистическим содержанием?»

«Не жалеете их жизнью!»

Все эти нападки на коммунистическую партию сопровождались одновременно прямыми нападками на ее аппарат. В ряде мест был также на практике реализован ло-

зунг: «Профсоюзы без коммунистов!» В сто заводских профсоюзных комитетов не был избран ни один член КПЧ. В массовом масштабе проводился «отстрел» партийных кадров и работников национальных комитетов, профсоюзов и других общественных организаций. Против них разжигались страсти у отсталых слоев общества. Многие из них под давлением искусственно созданного психоза были сняты с должностей и уволены с работы. Некоторые в течение нескольких месяцев не могли найти какую-нибудь работу. *Свыше 40 самоубийств честных людей также являются фактическим, печальным эпизодом этого периода.* В десятках случаев дело дошло до физического насилия.

Хорошо известно, какую роль в этом контрреволюционном наступлении сыграло контрреволюционное воззвание «2000 слов» с призывом: «Используем все средства, такие, как демонстрации, забастовки, бойкот функционеров, с тем чтобы они были вынуждены уйти со своих должностей...» Один из главных идеологов Клуба беспартийных активистов Иван Свитак уже из эмиграции написал об авторах этой платформы в американском журнале «East Europe» (№ 10, 1968), что «их выступление в обращении, выраженном сейчас уже в пресловутых «2000 слов» Людвика Вацулика, было призывом к ликвидации руководящей роли партии...»

Как представлял себе Кригель «наведение порядка»

Одновременно с этим процессом в обществе в партии формировался «второй центр», идейное и организационное ядро оппортунистических сил, стремящийся к тому, чтобы овладеть ведущими позициями в партии и путем «легальных» форм превратить КПЧ из марксистско-ленинской партии в партию оппортунистическую. Вместо объединения коммунистов в борьбе против наступающих антисоциалистических сил оппортунисты намеренно разбивали их единство.

Они делили коммунистов на «прогрессивных» и «консервативных». Руководство партии во главе с Александром Дубчеком молча созерцало это, а некоторые его члены (Смрковский, Кригель и др.) этот процесс даже сознательно поощряли.

Вспомним, с какой тактикой «второй центр» начал подготовку объявленного съезда партии:

«На съезде мы наведем порядок, укрепим свои позиции в ЦК и в государственных органах, пересмотрим все имеющиеся сейчас договоры и обязательства, прежде всего с социалистическими странами, и укрепим наш суверенитет». Это уже известное высказывание Франтишека Кругеля на одном из фракционных совещаний в канцелярии Смрковского, проходившем накануне встречи в Чиерне-над-Тисой в июле 1968 г.

Правый «второй центр» в борьбе за власть в партии и государстве сдавал антисоциалистическим силам одну позицию за другой. Ситуация благоприятствовала организованному росту новых политических сил с ярко выраженным антисоциалистическим характером. Группы, вроде К-231 и так называемого Клуба активных беспартийных, возникшие в марте 1968 г., позднее и социал-демократическая партия уже в августе имели разветвленные, а часто и дееспособные организации.

Разрушение государственного аппарата

Медленно, но уверенно антисоциалистические силы готовились «нелегальным» путем захватить политическую власть в стране.

Но дальнейшей предпосылкой для реализации этих планов было разрушение государственного аппарата, в особенности таких органов власти, как армия, юстиция, органы безопасности, а затем и Народная милиция. *Речь шла о разложении этих органов, чтобы в день «икс» они не были способны к противодействию.*

Органы безопасности, стоящие на страже социалистической законности, для кое-кого, естественно, были как бельмо на глазу. Это отношение, впрочем, экстремисты Клуба активных беспартийных выражали открыто, выкрикивая лозунги уже на демонстрации 1 Мая 1968 г. в Праге. Далмил в своем комментарии в «Литерарни листах» от 4 июля 1968 г. с нервностью также напоминал, что «госбезопасность все еще не распущена».

Против органов безопасности особенно активную кампанию вел К-231. «После ликвидации органов госбезопас-

ности провести чистку в армии, и таким образом обеспечить захват власти мирным путем, без кровопролития».

Это изречение одного из руководящих представителей К-231 еще раз показывает действительные цели этих сил в нашем обществе: смена политической власти, смена политического строя, т. е. контрреволюция.

В соответствии с «Франкфуртер альгемейне»

За нападками на партийный аппарат последовали и нападки на вооруженную организацию рабочего класса — на Народную милицию. В этих нападках нашли общий язык эмигранты, антикоммунистические средства информации на Западе с представителями правых сил и антикоммунистами у нас дома. Так, например, западногерманская газета «Франкфуртер альгемейне цайтунг» 1 июля 1968 г. написала: «Народная милиция давно уже является устаревшей организацией. Сегодня ясно, какой бы было ошибкой оставить нераспущенной эту партийную армию...»

Вместе с «Франкфуртер альгемейне» на Народную милицию нападали и многие чехословацкие газеты и журналы — «Студент», «Свободное слово», «Прага», «Литературные листы» и др.

Против Народной милиции была организована и акция по сбору подписей в Праге. Нападки на Народную милицию имели место и на некоторых заводах. Против бойцов народной милиции велся моральный, а иногда и физический террор. Какие цели преследовали эти нападки, намеренно разжигаемые закулисным центром? В этом уже давно нет сомнений: разложение последней — боееспособной, морально несломленной вооруженной организации в Чехословакии.

И Дубчек был обеспокоен

Уже на майском пленуме ЦК КПЧ в 1968 г. эту опасность с беспокойством начинает сознавать Александр Дубчек, который говорит следующее:

«На современном этапе создается серьезная опасность, которая могла бы помешать этому (послеянварскому) процессу, опасность формирования антипартийных и антисо-

циалистических сил, которые могли бы выдвинуть вопрос борьбы за власть».

Но беззаботность, политическая наивность и беспомощность, характерные для руководства КПЧ в тот период, все решили в дальнейшем. Правое крыло в руководстве партии шаг за шагом освобождало путь антикоммунистическим силам. На базе «2000 слов» и так называемого «Послания перед Чёрной» обе эти силы объединяются наконец в один блок.

Не стреляли — в отличие от Венгрии. Наступление контрреволюции проводилось иначе — тихо и, если хотите, ползком. Перестановки в органах власти происходили незаметно, дымовая завеса средств информации делала «прикрытие». В атмосфере страны бочка наполнилась порохом.

А. Дубчек, однако, молчит. Ситуация контрреволюционного взрыва является еще более явной, чем в мае. Дубчек все же не хочет вмешиваться; наличие опасности он даже отрицает. Вальдека Роше, который приехал к нему в июле серьезно обеспокоенный, он заверяет, что «все в наших руках...»

ХВАТИЛО БЫ ОДНОГО ТРАМВАЯ...

Между тем сам Дубчек был уже списан. Пока еще тайно, на совещаниях заговорщиков, сгруппировавшихся вокруг профессора Чёрного, но дни его правительства уже были сочтены:

«Вы знаете, идет первый тур. Дубчеку нужно выиграть...»

«Большая волна общественного мнения, которая бы неустанно этого Дубчека, насколько это можно, гнала дальше и дальше...»

«Когда он выиграет для себя так, будьте тогда уверены. Появлюсь я — если нужно, то и против Дубчека!»

«...а потом наверняка будет время для чего-то следующего...»

Один из его сообщников — Ян Прохазка — ему с пониманием поддакивает:

«То есть, я думаю, что это действительно хорошо, если мы на это пойдем; мы, собственно, такой резерв, который последует, когда эти будут истощены — будет необходимо как-то это закончить и дотянуть, не так ли?»

«...сейчас говорят везде по радио и везде против госбезопасности... сейчас будет достаточно пройти первой реабилитации... и эта госбезопасность в основном станет бесполезной».

«Если эти (непопулярные) меры начнут проводиться, кроме того, людей заставят писать и говорить, то для этой закваски потом будет достаточно, если перевернется где-нибудь на Народной улице какой-нибудь трамвай. Произойдет какой-нибудь несчастный случай или еще что-нибудь. И готово! И пойдет!»

Магнитофонные документы этих заговорщических встреч периода перед августом 1968 г. не могли бы более достоверно и убедительно иллюстрировать это эпохальное закулисье.

Эти записи, широко передававшиеся по радио (перепечатанные, например, в «Свободе» и в «Ровности») дали новый актуальный материал для размышлений. Материал, являющийся подлинным и помогающий заглянуть на кухню, которая тогда была скрыта от взоров миллионов доверчивых людей.

Если бы...

Серьезный анализ связей снова и снова подтверждает: в данной ситуации, в данной конфронтации сил наступающих и отступающих, при данном руководстве и т. д. и т. п. в Чехословакии уже не существовало внутренней силы, которая могла бы остановить и разбить контрреволюционный процесс, парализующий всю государственную систему.

Социалистическая власть находилась под серьезной угрозой.

Пять союзников, которые умели видеть, слышать, считать, анализировать и взвешивать, хорошо знали это. Они знали, что потом наступит та «последняя фаза», с которой мы знакомы по Венгрии...

«Основания для их прихода, как ни говорите, были и есть...» После августа это признает сам Черный.

Самыми потрясающими были слова Ивана Свитака в американском журнале «East Europe» (№ 10, 1968): «Если бы процесс продолжался до полного падения, страна была бы свидетелем коренного политического переворота».

Таким образом, переворота...

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ — НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СТОРОНА ДОЛЖНОСТИ

ПОЧЕМУ О. ЧЕРНИК БЫЛ ИСКЛЮЧЕН ИЗ КПЧ

В июне 1970 г. Президиум ЦК КПЧ принял решение приостановить членство в КПЧ О. Черника и провести партийное расследование его деятельности. На основании результатов расследования Президиум ЦК КПЧ пришел к выводу, что О. Черник нарушил Устав партии и не может оставаться членом КПЧ. Декабрьский пленум ЦК КПЧ единогласно утвердил исключение О. Черника. .

Олдржих Черник в течение нескольких лет занимал важные партийные и государственные посты, поэтому члены КПЧ и общественность должны знать, какая оценка дана его деятельности и почему он исключен из партии. В связи с этим публикуются некоторые факты, которые должны полнее ознакомить читателей с деятельностью Олдржиха Черника особенно в период кризисного развития в партии и обществе в 1968 и 1969 гг...

О. Черник действовал в этот решающий период общественного развития, будучи опытным политическим деятелем.

О. Черник активно участвовал в подготовке январского пленума ЦК КПЧ 1968 г., он внес определенный вклад в положительные результаты его работы. Но как член партийного руководства, а с апреля 1968 г. как председатель правительства, он несет ответственность за то, что не сбылись те надежды, которые партия возлагала на реализацию решений январского пленума. Политика, в осуществлении которой он принял участие, привела партию и общество на грань катастрофы. Он несет свою долю вины за то, что тогдашнее руководство, как констатировал сентябрьский пленум ЦК КПЧ 1969 г., «сразу же после января не проявило достаточной политической инициативы, организовано не обеспечило проведение в жизнь решений январского пленума ЦК партии таким образом, чтобы пра-

вильно ориентировать партию и помешать использовать здоровое течение в антипартийных и антисоциалистических целях». Он знал, что после января 1968 г. в руководстве партии произошел раскол, что отсутствовало единое мнение в толковании решений январского пленума, «вследствии чего в партии возник хаос и люди вообще не знали, о чем речь шла в январе» (О. Черник, 16.VI.1970 г.), но ничего не сделал, чтобы поправить положение.

Оппортунистические взгляды привели на сторону правых

О. Черник не критиковал с принципиальных партийных позиций членов руководства, выступавших с неправильным толкованием решений январского пленума 1968 г. Наоборот, он терпимо относился к их действиям, способствовал тому, что они получали все больше возможностей для своей правооппортунистической деятельности. И если позже он примкнул к правым, то это было результатом его оппортунистических взглядов, проявившихся еще в самом начале послепленумского развития.

О. Черник не только не боролся против правооппортунистического толкования решений январского пленума 1968 г., но и сам выступал подобным образом.

Антипартийные и антисоциалистические выпады, распространявшиеся средствами массовой информации, он характеризовал как «серьезную дискуссию, полемику... создание препятствий для субъективизма и волюнтаризма, монополю выражающих взгляды только группы определенных лиц...». Его взгляды явно расходились с линией XIII съезда КПЧ и с решениями январского пленума 1968 г.

После апрельского пленума ЦК КПЧ 1968 г. правооппортунистические силы, которых не устраивала программа действий КПЧ, хотя она и содержала ревизионистские положения, стремились столкнуть О. Черника на еще более правые позиции. С этой целью они воспользовались его недостаточной идейной твердостью и склопностью к оппортунистическим взглядам. Опасаясь нападков со стороны средств массовой информации, О. Черник поддавался этому давлению, не воспрепятствовал ему, хотя, как председатель правительства, имел все возможности для этого. Он не оказал даже сопротивления замыслам правых, которые при помощи так называемых анкет создавали популяр-

ность политическим деятелям и способствовали тому, что выступая перед общественностью, эти деятели отходили от принципиальных позиций.

О. Черник не только сдавал позиции, но и старался поиграть силам, которые вели наступление на марксистско-ленинские кадры партии, вставал в ряды так называемых прогрессистов. Своими выступлениями он активно содействовал осуществлению замыслов правых сил, стремившихся разделить партию на так называемых прогрессистов и консерваторов. Так, например, на общегосударственном совещании секретарей обкомов и райкомов, состоявшемся 29 мая — 1 июня 1968 г., он отнюдь не с классовых позиций говорил о двух группировках, характерным для которых является дифференцированное отношение к послеянварскому развитию...

Отход от классовых позиций

У О. Черника отсутствовал классовый подход к оценке пути страны после освобождения и после Февраля 1948 г. Он односторонне подчеркивал негативные стороны периода строительства социализма. У него также не было классового подхода к оценке послеянварского развития...

Он не был последовательным и принципиальным в проведении, оценке контрреволюционного обращения «2000 слов». Президиум ЦК КПЧ принял решение, отвергающее и осуждающее это обращение. Но уже на заседании правительства О. Черник не осмелился противодействовать давлению правых сил, и поэтому точка зрения правительства была в известной мере смягчена. В заявлении правительства обращение «2000 слов» рассматривалось по существу как документ, преследующий безвредные, «прогрессивные» намерения, «кроме заключительной части», и утверждалось, будто опасность исходит слева. Его выступлениям на городских конференциях в Брно и Остраве, на общеодрейской конференции в Братиславе недоставало решительности.

О. Черник серьезно недооценил целенаправленное и координированное наступление антисоциалистических сил, преуменьшал отрицательные тенденции, считал их второстепенными и незначительными. Будучи одним из руководящих государственных и партийных деятелей, он относился к этим тенденциям безответственно, характеризовал их

как явления процесса «демократизации и возрождения» или как отражение специфических чехословацких условий, которые не представляют какой-либо серьезной опасности для социалистического строя. Таким образом, он постепенно скатывался на позиции правого оппортунизма, укреплялся в ревизионистских взглядах. Ему льстило, что его хвалят как «приверженца января», он скатился на платформу правой оппозиции в ЦК КПЧ.

Как член Президиума ЦК КПЧ и председатель правительства ЧССР, он несет ответственность за принятие неклассового, антисоветского, совершенно антимарксистского заявления Президиума ЦК КПЧ от 21 августа 1968 г., навязанного правым большинством.

Правый оппортунизм в кадровой политике

В апреле 1968 г. Олдржих Черник был утвержден Центральным Комитетом КПЧ на пост председателя правительства ЧССР. Как вскоре оказалось, его «тактика», направленная на то, чтобы с помощью новых людей, введенных в состав правительства, смягчить или прекратить кадровые изменения в центральных органах, принесла обратные результаты. Кадровые изменения не только не прекратились, но и приняли более интенсивный характер в результате активной или по меньшей мере пассивной кадровой политики новых членов правительства. Происходило «легальное» устранение кадров, стоящих на марксистско-ленинских позициях, с руководящих должностей, особенно в центральных органах. Одновременно с устранением марксистско-ленинских кадров из отдельных ведомств восстанавливались на работе те, кто прежде был уволен по политическим и другим важным соображениям. Более того, они начинали занимать ключевые позиции. Подобная практика осуществлялась не только в армии, органах безопасности и юстиции, но и в целом ряде других ведомств. Таким образом, постепенно разрушался механизм государства, построенный на классовой основе, он распадался точно так же, как распадались общественные организации, профсоюзы, Союз молодежи и др. С другой стороны, возникали К-231, КАН, организации социал-демократической партии и другие антисоциалистические, контрреволюционные организации.

Об этом не мог не знать Олдржих Черник. Своей беспринципной кадровой политикой и внедрением оппортунистической линии партийного руководства во главе с А. Дубчеком в деятельность правительства и министерств он объективно содействовал подрыву принципов демократического централизма, нарушению дружественных и союзнических отношений с СССР и другими социалистическими странами. Государство перестало осуществлять функции орудия диктатуры пролетариата в деле защиты революционных завоеваний трудящихся и в деле укрепления социалистической законности. Под прикрытием тезиса о «чистой демократии» государство распадалось, деятельность органов власти была парализована, они оказались не в состоянии решительно выступить против контрреволюции в защиту власти рабочего класса, против внешних и внутренних врагов.

Нет никакого сомнения в том, что личное поведение О. Черника, как председателя правительства и члена Президиума ЦК КПЧ, действовало разлагающе на работников государственных органов и всего государственного аппарата, что еще больше расширяло возможности для правых сил.

Фактом является и то, что Олдржих Черник не делал никаких выводов из того, что средства массовой информации, находившиеся в ведении правительства, охаивали органы власти социалистического государства, органы госбезопасности, суда и прокуратуры. Они перечеркивали все революционное прошлое партии и весь период строительства социализма, пропагандировали буржуазные и ревизионистские теории, выражали сомнения в правильности учения марксизма-ленинизма, в необходимости дружбы и союза с Советским Союзом.

Никто не снимет с Олдржиха Черника ответственности за правооппортунистическую политику, в результате которой создавалась обстановка, совершенно недопустимая для социалистической страны.

Знал ли он, в каком направлении идет развитие? Сам он сказал об этом так: «Да, я имел опасения по поводу того, куда пойдет развитие, я боялся того, что оно может пойти так, как это было в Венгрии... Я понимал, что оно может перерасти в открытое выступление против нас... Вооруженные силы нашей страны знали, что в руководстве отсут-

ствуется единство, они не знали, за кого им вести борьбу. Могло случиться, что они бы встали друг против друга».

Из этого вытекает, что О. Черник сознавал, что ликвидировать конфликт внутренними силами без кровопролития невозможно. Несмотря на это, на международных встречах он давал гарантии в том, что все будет сделано внутренними силами, и, как председатель правительства, заверял союзников в том, что, «если только основные революционные завоевания в ЧССР будут находиться под угрозой, я сниму телефонную трубку...».

Его нерешительная позиция и колебания в серьезной конфликтной обстановке, его фатальная авантюристическая выжидательная позиция проявилась и после переговоров в Чиерне-над-Тисой и Братиславе. О. Черник не оказал позитивного влияния на ускорение разработки и принятие решительных мер, которые преградили бы путь наступающим контрреволюционным силам. Оппортунизм, к которому он скатился, хотел ли он того или нет, привел к тому, что он отошел от классовых и интернационалистических позиций и поддался поднявшейся волне национализма и шовинизма.

Можно было помешать развалу экономики

О. Черник несет серьезную ответственность и за положение, создавшееся в области экономики и руководстве ею в 1968—1969 гг.

Следует сказать, что в течение длительного времени он вел спор с О. Шиком по вопросу новой экономической системы. Но позже, под влиянием ревизионистских положений, в особенности же под влиянием пропаганды, проводившейся средствами массовой информации, он принял некоторые неправильные положения Программы действий КПЧ и стал их пропагандировать.

Как председатель правительства, он несет ответственность за то, что в Государственной плановой комиссии проводилась ревизионистская практика, которая вела к ликвидации централизованного планового руководства народным хозяйством, что и в области финансовой политики одержали верх ревизионистские концепции «новой экономической модели», в которых основной упор делался на рыночные отношения, и что эти концепции проникли в банковскую и кредитную системы, что была ослаблена и нарушена монополия внешней торговли.

Как председатель правительства, он не выступал против нараставших тенденций, направленных на ослабление сотрудничества чехословацкой экономики с экономикой социалистического содружества, против стремлений отделить экономическое руководство от политического, лишить партию влияния на экономику. Он игнорировал тот факт, что под предлогом удовлетворения запросов потребителей восстанавливалось бесконтрольное частное предпринимательство.

Он решительно не пресекал социальную демагогию, которую проводили правые и антисоциалистические силы, для того чтобы обмануть и привлечь на свою сторону рабочий класс и остальные слои трудящихся, в результате чего множились требования о повышении зарплаты, которое, однако, не сопровождалось ростом производства и повышением производительности труда.

Двуличная политика заводит в тупик

О. Черник, с одной стороны, заявлял о своей приверженности принципам пролетарского интернационализма, дружбе и союзу с Советским Союзом и другими социалистическими странами, а с другой стороны, его связь с правооппортунистическим курсом приводила его на позиции национализма и антисоветизма. Он был участником проведения двуличной политики по отношению к нашим социалистическим союзникам. К предупреждению представителей союзных стран об опасном развитии обстановки в нашей стране, к их опасениям за судьбу социализма он относился недостаточно серьезно, с сомнением и не проявил необходимой инициативы, направленной на реализацию мер, необходимость которых он сам признал на совместных встречах.

При обсуждении в Президиуме ЦК КПЧ вопроса об участии во встрече братских партий в Варшаве он занял отрицательную позицию, которую мотивировал правооппортунистическими и националистическими аргументами. Своим выступлением по телевидению он усилил националистическую и антисоветскую волну, вызванную средствами массовой информации.

Хотя он знал, что точка зрения Президиума ЦК КПЧ относительно письма пяти братских партий противоречила интересам социалистической Чехословакии и была направ-

лена на полный разрыв с нашими союзниками, он настаивал на этой точке зрения.

«Да, мы могли выиграть решительный бой за политическую линию,— сказал О. Черник в своем объяснении комиссии,— так как нам должно было быть ясно, хотя бы после опубликования письма, что наша позиция противоречит не только интернациональным, но и национальным интересам Чехословакии. И все же мы не смогли оказать сопротивление национализму, имевшему здесь место. Человек дал бы отсечь себе руки за то, что мы сделали, решая вопрос об участии в Варшавской встрече. В этом причина всех ошибок, которые мы совершили потом». При этом следует сказать, что это уже было результатом правоопportunистической политики.

На пражском активе партийных работников 5 августа 1968 г. О. Черник рассказал о результатах переговоров в Чиерне-над-Тисой, охарактеризовав их как победу «нашей» точки зрения. Он отметил, что и с «внешнеполитической ориентацией все в порядке, особенно в экономической сфере, так как СЭВ является тесным для нашего высоко развитого экономического потенциала».

Кризис углубляется

После возвращения чехословацкой делегации из Москвы в августе 1968 г. кризис в партии и обществе в результате оппортунистической политики руководства во главе с А. Дубчеком продолжал углубляться и привел на грань катастрофы. И за это О. Черник несет свою долю ответственности. Его действия после августа 1968 г. были противоречивыми. Он исходил из оппортунистической теории «двух реальностей». Нужно объективно сказать, что О. Черник содействовал принятию Московского протокола, заключению Договора об условиях временного пребывания советских войск на нашей территории, а также одобрению этого Договора в Национальном собрании, несмотря на возражения представителей правых сил.

Но, с другой стороны, он сохранил свои правоопportunистические позиции, о чем свидетельствует тот факт, что он не выступил решительно против так называемого «высочанского съезда», не отмежевываясь от его антипартийной и антисоветской платформы.

Как член руководства, он несет свою долю вины за то,

что в противоречии с договоренностью три четверти так называемого состава «высочанского ЦК» были кооптированы в состав ЦК КПЧ, что из руководства партии вывели товарищей, которые стояли на интернационалистических позициях. Он не выступил также против их шельмования. Он не использовал свой авторитет для того, чтобы помочь осуществлению всего того, о чем была достигнута договоренность в Москве, а по ряду вопросов действовал вразрез с Московским протоколом, который подписал.

И в дальнейшем О. Черник не переставал балансировать. Он не сумел порвать с лидерами правых, продолжал политику лавирования и заискивания перед антисоциалистическими и ревизионистскими силами. Он не сказал правду о действительной обстановке в стране перед августом 1968 г., несмотря на то что еще тогда, как он сам заявил, он эту правду знал. Вступление союзных войск он характеризовал как «большое недоразумение». В своих выступлениях на пресс-конференциях, на совещаниях с представителями культуры и на разных собраниях он высказывал неясные и противоречивые точки зрения и намекал на несогласие с действиями союзников, чем фактически оказывал поддержку правым силам, которые использовали это для разжигания антисоветских настроений.

Терпимая, нечеткая и примиренческая позиция О. Черника по отношению к опасным действиям правых и антисоциалистических сил, к различным антипартийным и антисоветским кампаниям, свергавшим общество во все новые кризисы и обострявшим положение, проявлялась практически вплоть до апреля 1969 г. Об этом свидетельствует деятельность правительства, во главе которого он стоял, а также его точка зрения относительно внутриполитической обстановки, изложенная во время интервью по телевидению директору чехословацкого телевидения Й. Шмидмайеру. В интервью он преуменьшал опасные действия правых и антисоциалистических сил среди журналистов, студентов и т. д. «По нашему мнению, — сказал он, — политическая обстановка в конце прошлого года (1968) начала развиваться в некотором противоречии с резолюцией ноябрьского пленума ЦК КПЧ 1968 г. ...Проявляются определенные правые взгляды и настроения, но это всегда так. С этим мы должны считаться...»

Причина противоречивых взглядов О. Черника, его колебаний то в одну, то в другую сторону состоит в том, что

он не нашел в себе достаточно смелости и мужества своевременно и открыто признать свои ошибки, разойтись с правыми оппортунистами в руководстве партии, хотя и имел для этого ряд возможностей. Сознание вины за положение, которое создалось также в результате его позиции и деятельности как руководителя правительства, боязнь потерять влияние и оппортунистические взгляды удерживали его от перехода на марксистско-ленинские и интернационалистические позиции.

Судя по объяснению в комиссии О. Черник, в отличие от некоторых других политических деятелей, которые в 1968 г. и начале 1969 г. встали на ложный путь, признал свои ошибки, особенно свою непоследовательность и свой оппортунизм. Он признал, что развитие положения в стране убедило его в том, что он ошибался в оценке внутренней обстановки в ЧССР в 1968 г., что в период перед августом 1968 г. у нас не было уже внутренних сил, которые смогли бы противостоять наступающей контрреволюции. В этом смысле он считает неправильным и свои прежние точки зрения. Он подчеркнул, что дело не в каком-то злом умысле с его стороны, а в грубых политических ошибках.

Мы назвали эту статью «Ответственность — неотъемлемая сторона должности». Да, всякая должность связана с ответственностью. Когда коммунистическая партия поручает члену партии ответственную должность, она это делает потому, что считает его достойным, думает, что выбор ее является правильным, что она выдвинула на руководящий пост способного, честного, принципиального товарища, стоящего на позициях марксизма-ленинизма, глубоко преданного делу рабочего класса. Но Олдржих Черник обманул ее доверие. И хотя у него были предпосылки для успешного выполнения высоких партийных и государственных функций, он не выдержал испытания.

Своей деятельностью он грубо нарушил Устав партии, и поэтому решение Центрального Комитета КПЧ об исключении О. Черника из рядов партии является логическим и необходимым.

На занимаемых им должностях он был ответствен перед партией и всем обществом. Но эту ответственность он недостаточно сознавал, потому что, если бы это было не так, он не совершил бы всего того, что совершил.

ОНИ ШЛИ ПРОТИВ НАС

О ФОРМИРОВАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВЫХ ГРУППИРОВОК В ПАРТИИ

В январе 1971 г. «Руде право» опубликовала важный политический документ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», принятый декабрьским пленумом ЦК КПЧ 1970 г. Документ дает оценку важнейшим событиям последних лет и показывает причины и корни кризиса общества. И хотя в документе не приводятся все подробности, для перечисления которых потребовались бы сотни и тысячи страниц, все же каждый тезис документа, каждый его вывод содержит глубокий анализ основных и решающих явлений послеянварского процесса. Обширный материал был подготовлен также о правой группировке в партии, представлявшей фактически правую оппозицию в КПЧ, так называемый «второй центр». Центральная контрольно-ревизионная комиссия КПЧ систематизировала ряд фактов о деятельности так называемого «второго центра», об инициаторах и организаторах «высочанского съезда». Эти материалы использованы в серии статей, опубликованных в газете «Руде право».

ГЛАВА 1

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОЙ ОППОЗИЦИИ В ПАРТИИ

Смысл изменений, начатых Центральным Комитетом КПЧ в январе 1968 г., заключался в развитии всего положительного и хорошего, достигнутого в предыдущие годы, в устраниении ошибок и недостатков, преград и барьеров для того, чтобы можно было полностью использовать все объективные преимущества социалистического общественного строя в нашей стране и решить назревшие проблемы.

Однако в самом начале руководство партии допустило принципиальные ошибки: оно не развернуло политическую инициативу и недооценило значение организованности в обеспечении решений январского пленума. Это способствовало дезориентации партии и позволило правым и антисоциалистическим силам злоупотребить оздоровительными действиями.

Ряд членов Президиума ЦК и ЦК КПЧ отклонялись от линии XIII съезда партии и решений январского пленума, выступали с антипартийной, оппортунистической и ревизионистской платформы. Они фальшиво, субъективистски интерпретировали решения январского пленума, нарушали Устав партии. Эти люди проводили свою тактику постепенно и выступали против Центрального Комитета как коллективного руководящего партийного органа. Но оппортунизм не был рожден январем.

Корни оппортунизма уходят еще к доянварскому периоду

Проявление деятельности правооппортунистических сил в партии встречалось и раньше. Без малого 20 лет партия последовательно не очищала свои ряды от чуждых ей элементов; весьма благоприятные условия для роста оппортунизма и ревизионизма в партии создались в годы, когда во главе партии стоял А. Новотный. Часть членов партии, склонных к правому оппортунизму и ревизионизму, вносили в ряды КПЧ идейную расплывчатость и беспринципность или прямо враждебные взгляды, пассивность, формализм, недисциплинированность, нарушали линию и решения партии.

Многие годы в партии не велась принципиальная идеологическая борьба с чуждыми, оппортунистическими и ревизионистскими взглядами. Партийное руководство оставалось безучастным к росту нездоровых тенденций в области общественных наук, культуры, искусства и публицистики, или эти проблемы более или менее решались административными методами, без идейного воспитания и мобилизации всей партии.

В идеологической и психологической подготовке наступления оппозиционных сил свою роль, наряду с проявлениями ревизионизма в 1956 г., сыграла конференция

1963 г., посвященная Францу Кафке, на которой сформулировалось недоверие к социализму и политике коммунистической партии.

Конференция, посвященная Кафке, создавала пагубную волну особенно на нашем культурно-политическом фронте. Об этом свидетельствует IV съезд чехословацких писателей 1967 г. Он послужил серьезным сигналом для формирования правых и антисоциалистических сил. В его подготовке значительную роль сыграла «элита», сформировавшаяся вокруг газеты «Литерарни новины». В эту группу входили: И. Клима, К. Косик, А. Лим, Л. Вацулик, И. Ледерер, Л. Веселый, М. Юнгман и некоторые другие деятели Союза писателей. На IV съезде чехословацких писателей положение, существовавшее в то время в нашем обществе и культурной политике, характеризовалось как общее и ничем не сдерживаемое «разложение всех культур». Общественная социалистическая система, благодаря которой уже в то время было достигнуто невиданное развитие республики и ликвидирована эксплуатация, с точки зрения большинства присутствующих на съезде, была «уже по существу своему антигуманна» (Л. Вацулик).

«Элита» хочет править

Сформировавшаяся вокруг газеты «Литерарни листы» группа, которая объединяла ряд журналов, поддерживавших связи со своими сторонниками в пражских и брнненских высших учебных заведениях и других институтах, особенно в творческих союзах и научных учреждениях, и органы Союза писателей защищали различные оппозиционные, антипартийные и антисоциалистические взгляды и тенденции. Они уже выступали не только в защиту «творческой свободы» работников искусства, в защиту всей «духовной элиты» перед «произволом государственно-бюрократической машины партии и государства», речь уже шла о том, чтобы «элита» правила обществом.

Известно ли было об этих стремлениях «элиты»? Конечно, да. Однако некоторые деятели, находившиеся в руководстве партии, уже в то время подходили к оценке этих явлений с оппортунистических позиций. Блок правых сил начал формироваться в первые месяцы 1968 г., когда представители правых в Центральном Комитете партии

стали по-своему интерпретировать результаты январского пленума ЦК КПЧ.

Антисоциалистические силы и их центры внутри страны и за рубежом воспользовались отсутствием единства в руководстве партии, его нерешительностью, а также оппортунизмом некоторых членов этого руководства и начали прилагать все усилия для того, чтобы лишить руководство деспособности, деморализовать его. В разложении партии, ее руководства они видели для себя огромные возможности. «Литерарни листы» и «элита», объединившаяся вокруг них, активизировали деятельность своих сторонников в наиболее важных средствах информации, в центральных газетах, на радио, телевидении и в кино. С помощью основных средств информации правые очень быстро овладели всей печатью, в том числе областными и районными газетами. Уже во второй половине февраля 1968 г. по инициативе пражских журналистов была развязана кампания за так называемую свободу печати, которая завершилась тем, что 4 марта 1968 г. Президиум ЦК КПЧ отменил цензуру, не обеспечив при этом своего влияния на деятельность печати, радио и телевидения.

Этим практически были устранены последние препятствия: средства информации смогли выйти из-под контроля партии и государства и стали полностью служить блоку правых сил.

Печать — ничем не контролируемое средство власти

За «восстановление свободы печати» правые оппортунисты в руководстве партии были «вознаграждены» своими сторонниками. Средства массовой информации хвалили, поддерживали так называемых прогрессистов и обрушивали волну клеветы на партию, органы власти и представителей «консерваторов». Способствовал подчинению средств массовой информации правым и антисоциалистическим силам Союз журналистов. В ходе расследования установлено, что главными представителями правых в Союзе журналистов были Владо Кашпар — председатель Союза чешских журналистов, Станислав Малечек — секретарь Союза чешских журналистов, Франтишек Кауцкий — секретарь чехословацкого центра журналистов и другие члены Союза чеш-

ских журналистов, особенно Иржи Румл, Иржи Ледерер, Иван Климеш, Здепек Форшт.

Важным центром, формировавшим требования и определявшим тактику антисоциалистических сил, был Союз работников кино и телевидения (ФИТЕС) и редакция журнала «Кино и телевизионные новости».

Руководство этой организации, и особенно председатель Антонин Лим, Людвик Пацовский, Ладислав Хелге, Антонин Новак и др., фактически властвовали над создателями кинофильмов и телевизионных передач. Правые для организационного подчинения всей политической деятельности средств массовых информаций использовали разные методы дискредитации и изоляции своих идейных противников. Путем самого грубого психологического и административного давления они добились идейного единства и единства действий среди работников средств информации. Ряд главных редакторов и их заместителей (Я. Фойтик, Я. Зеленка, О. Швестка, Я. Колар, В. Дивиш, А. Зазворка и др.) в 1968 г. были отстранены от занимаемых должностей, так как не хотели подчиниться политической линии правых.

Распространение иллюзий, угодничество, заискивание, заигрывание с отсталыми мелкобуржуазными настроениями, взглядами и привычками некоторых слоев общества, поддержка популярных требований отдельных групп населения дали возможность правым очень быстро оказать влияние на общественное мнение и использовать его для достижения своих целей.

Ответственность А. Дубчека и части бывшего руководства партии состоит прежде всего в том, что они практически отдали в руки правых и антисоциалистических сил один из важных инструментов власти, каким являются средства информации. Без решительных мер эту вырвавшуюся на волю разрушительную силу нельзя было укротить. Оппортунистическое крыло в Центральном Комитете и его представители в руководстве КПЧ вследствие политики уступок перед давлением и требованиями антисоциалистических и правых сил приобретали поддержку со стороны средств массовой информации. Эта поддержка была выражением разветвленной связи правых в партии с антисоциалистическими силами в средствах массовой информации.

Прочной ли была эта связь? Правые в руководстве партии и государства не строили на этот счет каких-либо больших иллюзий. Как эту связь понимал блок правых и антисоциалистических сил, можно прочесть в статье «Наш урожай мудрости», опубликованной 12 июня 1968 г. в журнале «Кино и телевизионные новины»: «...пока еще мы не применили насилия в отношении кого-либо, еще не довели ситуацию до кульминации, еще сохраняем между собой джентльменские соглашения, отодвинули некоторые свои споры, а свою враждебность оставляем при себе. Коммунистическая партия, начавшая так называемый процесс возрождения, устами своих ведущих деятелей постоянно повторяет, что начала его сама и начала добровольно. Мы по этому поводу лучше будем сохранять молчание, главное то, что она пока не приостанавливает этот процесс. Подобным образом звучат для нас слова, что коммунистическая партия полна решимости поддерживать руководящую роль в государстве уже, разумеется, не путем принуждения, а путем завоевания доверия со стороны остальных; а те, остальные, смотрят на такие заявления без стопроцентного доверия, но сомнения свои оставляют при себе, потому что так для них лучше, могло бы быть хуже. Возникающие критические клубы и общества в самом начале своих программ заверяют, что они исходят из «реальности социализма», ибо неизменность наших более ранних решений в пользу социализма является молчаливой предпосылкой каждого предполагаемого выступления. А что будет, если окажется, что большинство народа не хочет социализма? Можно ли считать это социализмом, если его кто-то навязывает? Но об этом лучше не говорить, ведь мы не хотим кого-либо дразнить, нам необходимо сохранить свободу слова... Так день ото дня будем проявлять сдержанность. Наша добродетель получает международное признание...

Когда наши политики совершают заграничные поездки, нас охватывает беспокойство, потому что они всегда говорят об этих поездках очень мало. Нам начинает казаться, что там произошло что-то более значительное. Мы испытываем желание дать им ясно почувствовать, что они несут ответственность прежде всего здесь, дома. А что если бы на нас прикрикнули? Из этого неизбежно вытекал вывод, что таких политиков мы должны свергнуть...»

Это классический пример демагогии запугивания, лицемерия. Он не требует каких-либо комментариев, поскольку еще живы в нашей памяти события того периода. Фактом является то, что правая оппозиция и ее представители в руководстве партии вследствие своих неклассовых и немарксистских позиций, в страхе перед средствами информации, ставшими независимыми от партии, постепенно вступали в блок с антисоциалистическими силами.

ГЛАВА 2.

ТАКТИКА БЛОКА ПРАВЫХ И АНТИСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СИЛ ПОСЛЕ ЯНВАРЯ 1968 г.

Согласованность между антисоциалистическими силами в обществе, особенно в средствах информации, с правооппортунистическими силами в партии проявлялась в самых различных кампаниях давления, проводившихся в 1968 г.

Эти кампании были составной частью тактики правых и антисоциалистических сил; они развивались с определенно продуманной и разработанной последовательностью, постепенно нарастая, взаимосвязанные, немедленно подхватывались средствами информации и систематически ими разрабатывались. В сущности, они стремились перечеркнуть двадцатилетний период социалистического развития и умалить основные его принципы и ценности. Они подчеркивали необходимость «возрождения» этих принципов, причем это «возрождение» означало ревизию социалистического классового содержания.

Смысл кампаний сводился к тому, чтобы под лозунгами «ликвидации системы личной власти», «новой политики с новыми людьми» и т. д. отстранить тех коммунистов, которые боролись за правильное толкование января и ответственную политику. Правые силы монополизировали объяснение смысла январского пленума ЦК КПЧ и создавали у трудящихся иллюзии, что они поддерживают политику нового руководства. Нападки на социализм проводились под ширмой, что «прогрессивные коммунисты» ведут борьбу против консервативного понятия социализма, против старых методов, за «улучшение», «усовершенствование», «модернизацию» развития социалистического общества, за «новую модель» социализма.

Это создавало в сознании людей ложную картину, затуманивало классовую сущность борьбы. Естественно, что разные кампании были направлены прежде всего против партии и государственных органов власти, против внешнеполитической ориентации ЧССР.

Кампания за кампанией

Все они еще живы у нас в памяти, не было ни одной недели, чтобы газеты, телевидение, радио не принесли новую сенсацию. Одной из первых была кампания вокруг так называемых страговских событий, развернувшаяся уже в декабре 1967 и январе 1968 г. как раз в период работы пленума ЦК КПЧ. Хотя внешне и казалось, что все акции организовывали студенты, в действительности они были инспирированы и поддерживались ректоратом Карлова университета и министерством образования. Затем телевидение и газета «Млада фронта» создавали общественное мнение, особенно против органов государственной безопасности и прокуратуры. Таким образом, готовилась почва для очередной серии серьезнейших атак с целью парализовать деятельность органов безопасности и дискредитировать партию.

Почти параллельно начали выдвигаться требования о проведении всеобщей реабилитации. В ходе этой кампании был сделан вывод о «праве» на существование различных, по существу контрреволюционных организаций, таких, как К-231, КАН, Лига по защите прав человека и др. В результате появилось требование «очистить» и возместить материальный ущерб классовым врагам социалистического строя.

Так были созданы условия для легального участия этих сил в контрреволюционной деятельности. В конце февраля и в марте 1968 г. была развернута кампания против армии, связанная с бегством генерала Шейны в США, скрывшегося от уголовного наказания. Широкое место в печати нашли также мнимые попытки вмешательства вооруженных сил в решение политического кризиса.

В развязанной атмосфере гонений дело дошло до вынужденных отставок ряда партийных работников, особенно первых секретарей обкомов и райкомов КПЧ, руководящих работников массовых организаций, министерств и других

руководящих работников государственного аппарата. Вскоре после отставки А. Новотного от поста президента республики 6 апреля 1968 г. подает в отставку правительство.

В относительно короткий период блоку правых и антикоммунистических сил удалось навязать осуществление важных кадровых изменений, что поощрило его на дальнейшую интенсивную деятельность. В Словакии, кроме того, проводилась кампания, связанная с делом генерала М. Р. Штефаника, а также в связи с Проектом подвесной железной дороги в Высоких Татрах (АЛВЕГУ) и т. д., имевшие антикоммунистическую направленность, поощрявшие националистические и клерикально-фашистские элементы.

Правые предложили своих кандидатов, прежде всего Смирковского и Цисаржа, на пост президента республики. Но здесь они не добились успеха. 3 апреля 1968 г. открытым письмом И. Свитака, опубликованного в еженедельнике «Студент», развернулась кампания по поводу вопроса о смерти Яна Масарика. Ее сразу же активно поддержало чехословацкое телевидение серией передач, подготовленных редактором Ваврой, — «В помощь Генеральной прокуратуре», следственный отдел Генеральной прокуратуры, представленный его заведующим доктором Й. Котларжем, а также редактор «Репортера» Й. Гохман. Кампания преследовала цель дискредитировать не только партию и органы государственной безопасности, но и руководство того времени, особенно Клемента Готвальда, а также способствовала разжиганию антисоветских настроений.

За три дня до проведения районных конференций «Литературни листы», «Праце», «Земедельске новины» и «Млада фронта» опубликовали контрреволюционное воззвание «2000 слов». Инициаторами и авторами его были профессор Я. Брод, Л. Вацулик, А. Лим, О. Вихтерле, Й. Шкворецкий и др. Среди подписавших это воззвание были и некоторые бывшие или в августе 1968 г. кооптированные члены и кандидаты в члены ЦК КПЧ, такие, как Карел Косик, Одржих Старый, Иржи Гочар, Карел Павлиштик, Франтишек Павличек. Кроме того, дополнение к «2000 слов» — «Только несколько слов», опубликованных позже, подписал Мартин Вацулик, бывший член ЦК КПЧ.

А. Дубчек, О. Черник, Й. Смирковский вначале формально отвергли это воззвание вместе с остальными членами Президиума Центрального Комитета, но вскоре они отнеслись к возванию примиренчески, оппортунистически.

Эта контрреволюционная платформа оказала сильное влияние на ход районных и областных конференций, активизировала правые и антисоциалистические силы.

Кампания против советских военных частей, принимавших участие в командно-штабных учениях в Чехословакии, продолжалась непрерывно с конца апреля (после визита маршала Якубовского в Прагу) до начала августа 1968 г.

Вся эта кампания, раздуванию которой способствовало выступление бывшего заведующего отделом ЦК КПЧ В. Прхлика на пресс-конференции 17 июля, а также некоторые выступления на общеармейской конференции в Братиславе, практически была направлена против Варшавского договора, подвергала сомнению участие ЧССР и ее роль в договоре, подыгрывала «нейтралистским» тенденциям, вызывала недоверие к находящимся военным частям и разжигала антисоветские настроения.

Кампания против Народной милиции была составной частью атак против партии и органов власти.

Она началась с распространения сомнений относительно необходимости Народной милиции, а закончилась открытыми нападками, вылившимися в требования ее роспуска. Атмосфера националистических и антисоциалистических страстей, созданная рядом кампаний, накаляется вокруг обсуждения ответа на письмо братских партий из Варшавы и не нормализуется даже в ходе и после переговоров делегаций КПЧ и КПСС в Чиерне-над-Тисой и встречи делегаций шести коммунистических и рабочих партий социалистических стран в Братиславе.

Эти страсти получают «благословение» самого первого секретаря партии А. Дубчека, который перед встречей в Чиерне принимает на глазах у миллионов телезрителей пакет с резолюциями, таким образом, якобы 14 миллионов граждан Чехословакии вручили делегации мандат для защиты «социализма с человеческим лицом» и суверенитета.

30 июля 1968 г. во время переговоров в Чиерне-над-Тисой Ч. Цисарж на собрании, состоявшемся в здании ЦК

КПЧ, в присутствии 100 видных деятелей культуры делает сообщение о ходе переговоров. Участники собрания направили Президиуму ЦК КПЧ «выражение солидарности», предназначенное прежде всего для дальнейшей массовой дезориентации общественности и надлежащим образом использованное средствами информации под лозунгом «Мы думаем о вас, думайте о нас».

Цели были одни

Что касается целей, которые преследовали эти и другие кампании, то между ними наблюдалось относительное сходство. Антисоциалистические силы воспринимали события как переходный этап, во время которого подрывалась власть рабочего класса, КПЧ лишалась руководящего положения в обществе, Чехословакия отрывалась от социалистического содружества. Правые силы в партии усматривали в развязываемых кампаниях средство (в них) для изоляции и отстранения своих идейных противников — марксистско-ленинского ядра партии, средство для полного захвата власти в партии, для превращения партии в партию такого типа, которая отвечала бы их мелкобуржуазным, правооппортунистическим и ревизионистским представлениям. Это должно было способствовать реализации ревизионистской «модели социализма», в которой так называемая интеллектуальная «элита» заменила бы рабочий класс, установлению плюралистической системы и более «свободных отношений» со странами — участницами Варшавского договора, прежде всего с Советским Союзом. Таким образом, правые и антисоциалистические силы на данном этапе объективно преследовали одни цели. Кампании служили для дезориентации и обработки общественного мнения, для создания давления самых широких слоев на партию, государственные органы и массовые общественные организации с целью осуществления замыслов блока правых и антисоциалистических сил.

Они вели к созданию атмосферы ненависти в отношении партии, органов социалистической государственной власти, особенно государственной безопасности, суда и прокуратуры, коммунистов и беспартийных, активно участвовавших в борьбе за проведение социалистических преобразований. Из числа членов партии и партийных работников в этих кампаниях принимали особенно активное участие

Франтишек Кригель, Йозеф Шпачек, Людвик Пацовский, Зденек Млынарж, Камил Винтер, Иржи Ледерер, Ярослав Шабата, Эдуард Гольдштюккер, Иржи Ганзелка, Иржи Пеликан, Йозеф Смрковский, Вацлав Славик, Ота Шик, Карел Каплан, Йозеф Павел, Вацлав Прхлик, Оскар Бизик, Вилиам Ганзел, Душан Гамшик, Иван Клина, Павел Когоут, Милан Юнгман, Людвик Вацулик, Эуген Лёбл, Юлиус Стринка, Доминик Татарка, Эдо Фриш, Рихард Сланский, Йозеф Боровка, Честмир Цисарж, Ян Прохазка и многие другие.

Отход от классовых позиций вел на другой берег

Общим знаменателем и основой для их, по существу, единых действий вместе с врагами социализма, которые вели атаки против партии и социализма, был отход от классовых позиций. В такой обстановке и часть членов партии была обманута, верила тому, что публиковалось в печати, передавалось по радио и телевидению или распространялось по другим различным каналам.

Они поддавались иллюзиям о так называемом «демократическом социализме» и т. д., сами распространяли эти идеи. Разложение партии «делением» на «прогрессивистов» и «консерваторов» вело к тому, что часть членов партии все более утрачивала классовый подход и шла на поводу у антисоциалистических сил, становилась их инструментом. В общественном движении главной силой становился пробудившийся мелкий буржуа, неистовый радикал и антикоммунист. Первыми пришли в движение часть гуманитарной интеллигенции и молодежь, особенно студенчество.

Характерной чертой тактики правых была дезинтеграция структуры общества. Они постепенно ориентировались на отдельные социальные группы населения, стремились использовать интеллигенцию, студентов, молодежь, опереться на людей, которые чувствовали себя ущемленными в прошлом без причин. Затем правые хотели привлечь на свою сторону крестьянство и рабочий класс. Но, несмотря на все эти стремления, правые не смогли завоевать абсолютное большинство рабочего класса. Классовое сознание части рабочих было поколеблено уже позже, после того как правые силы овладели профсоюзами, а также под на-

пором националистической, антисоциалистической и анти-советской пропаганды средств массовой информации.

На это были последствия прежде всего идейного и организационного разложения партии, которая перестала выполнять роль сознательного революционного авангарда рабочего класса. Правые в партии, провозглашая псевдodemократические лозунги, постепенно оказывались на одной политической платформе с явно антисоциалистическими и контрреволюционными силами. Вместе с ними они стремились провести выборы, ввести систему плюрализма. Таким образом, правые организаторы сознательно приносили в жертву результаты исторических завоеваний политической власти рабочего класса, возглавляемого КПЧ. Об этом ясно свидетельствует, например, решение Пражской городской конференции КПЧ, где говорится: «Будущая избирательная система должна предоставлять гражданам не только список кандидатов, но и возможность выбора того или другого кандидата и той или иной программы».

В Программе Чехословацкой народной партии отмечается:

«...Избирательный закон поэтому должен давать возможность избирателям решать вопрос по отдельным программам или кандидатам...» А в манифесте КАНа прямо заявлялось: «Главной проблемой будущих месяцев считаем демократические выборы, которые мы не можем представить иначе, как тайные выборы с бюллетенями нескольких политических партий и с бюллетенями независимых депутатов...»

Речь шла о захвате политической власти

Поэтому очернение прошлого стало главной тактикой правых и контрреволюционных сил, стремившихся принизить значение КПЧ в глазах народа, подорвать ее роль и влияние.

Значительную роль в координации и руководстве антипартийными и антисоциалистическими кампаниями в организации давления на руководство партии имел Координационный комитет творческих союзов, во главе которого стоял Людвиг Пацовский — секретарь ФИТЕС. Состав Координационного комитета позволял осуществлять связь не только с творческими союзами, научными и культурными

учреждениями, но и со средствами массовой информации. Принятые заявления и решения Координационного комитета немедленно публиковались в печати и передавались по радио и телевидению.

В борьбе за власть, которая развернулась с января 1968 г., тактика правой оппозиции в Центральном Комитете КПЧ постепенно смыкалась с тактикой контрреволюционных сил. Эти группы принимали участие в дискредитации партии и органов государственной власти, способствовали их разложению и ликвидации. Правые оппортунисты своим лавированием и отступлениями перед различными давлениями освобождали все больший простор контрреволюционным силам, усиливали их дерзость. Сосредоточение в руках правых ключевых постов в партии не позволяло принять государственно-политические меры, столь необходимые после майского пленума ЦК КПЧ 1968 г. При таких обстоятельствах развитие в обществе имело характерные признаки ползучей контрреволюции. Правая оппозиция постепенно вставала на путь ренегатства и переходила в лагерь врагов социализма.

ГЛАВА 3.

ОЧАГИ ИДЕЙНОГО РАЗЛОЖЕНИЯ ПАРТИИ И ОБЩЕСТВА

В 1968 г. блок правых и антисоциалистических сил оказывал влияние на научные учреждения, которые он полностью использовал для ревизии марксизма-ленинизма.

Одним из самых важных центров, где марксизм-ленинизм подвергался ревизии, источником оппортунистических и ревизионистских теорий среди партийного актива стала Высшая политическая школа ЦК КПЧ.

Бывший ректор Высшей политической школы, в то время член ЦК КПЧ и городского комитета КПЧ М. Гюбл поддерживал связь с вузовским комитетом КПЧ и другими институтами. Ряд преподавателей школы стояли на правых позициях, что сильно отражалось на их деятельности. Некоторые работники Института политических наук при ЦК КПЧ, руководимого Вацлавом Славиком, бывшего в тот период членом ЦК КПЧ, координировали различные акции правых.

Правые группировки в Институте истории социализма при ЦК КПЧ, директором которого был Милош Гаек, стали

центром ревизии марксизма-ленинизма, главным образом в области истории. Ревизионистские и оппортунистические тенденции вносили в трактовку истории партии и истории общества также некоторые руководящие работники Музея В. И. Ленина и других партийных музеев.

Теоретический орган партии — журнал «Новая мысль» — не смог до конца отмежеваться в программном отношении от идеологического балласта так называемого «процесса возрождения». Журнал предоставил свои страницы пропагандистам «демократического социализма», «социализма с человеческим лицом», многопартийной политической системы, пропагандистам ревизионистских взглядов в области философских, исторических, экономических, государственно-правовых и других наук. Социалистическая академия уже раньше меняла свою общественную роль, содержание своей просветительской деятельности; в 1968 г. это происходило наиболее наглядно.

Правооппортунистические силы практически полностью овладели этой организацией. Ответственный секретарь академии Роберт Горак, бывший секретарь Цисаржа и Шлачека, связанный с вузовским комитетом КПЧ в Праге, закулисно руководил и направлял эту деятельность. Правая группировка в Военно-политической академии им. К. Готвальда поддерживала тесные контакты с представителями активной части правых политиков в различных органах и институтах. 2 июля 1968 г. в журнале «Народная армия» № 3 был опубликован ревизионистский, антипартийный и антисоциалистический документ — «Меморандум ВПА» (Военно-политической академии), создателями которого были Милан Ждимал, Борживой Шварц и Владимир Ржегак. К меморандуму затем присоединились Войтех Менцл — ректор Военно-политической академии и еще 12 сотрудников академии и 5 — Военной академии им. А. Запотоцкого в Брно.

В меморандуме содержалось требование изменить нынешнюю военно-политическую ориентацию ЧССР. Правая группировка ВПА разработала и другие ревизионистские документы. Речь идет прежде всего о материале к «Программе действий Чехословацкой народной армии», где проводилась ревизия политической системы в армии. Предусматривалось лишить партию решающего влияния в армии. В 1968—1969 гг. ревизионистские деформации имели яркое проявление также и в Военно-историческом институте.

Концепция «чехословацкого демократического социализма»

Правые группировки в научных учреждениях и высших учебных заведениях теоретически и практически завершали разработку концепции «чехословацкого демократического социализма», которую поддержал Честмир Цисарж и привел ее в своем докладе по случаю 150-летия со дня рождения К. Маркса.

Одним из многих документов, в котором отражена эта концепция, является статья, озаглавленная «Перед решением. За новую чехословацкую модель социализма», опубликованная в июне 1968 г. с продолжением в трех номерах газеты «Руде право». Связь правых сил в высших учебных заведениях с городским комитетом КПЧ в Праге возникла на мартовской конференции вузовских комитетов КПЧ, когда в горком КПЧ были направлены П. Махонин, Л. Когоут, В. Шилган и когда руководство вузовским комитетом взяли в свои руки А. Шах, Франтишек Шамалик, Карел Дурмац. Через вузовский комитет КПЧ была установлена связь Пражского горкома КПЧ с остальными вузовскими центрами и отдельными пражскими заводами.

Правые в высших учебных заведениях в сотрудничестве с другими контрреволюционными силами и с так называемым «вторым центром» после августа 1968 г. создали антипартийные координационные комитеты студентов, журналистов и рабочих, которые под вывеской тесной связи интеллигенции с рабочими ловко манипулировали рабочим классом, притупляли его революционность и различными демагогическими лозунгами еще больше усиливали влияние правых сил. Из пражских высших учебных заведений исходила не одна инициатива по организации на заводах акций давления. Это делалось разными методами, углублявшими и обострявшими кризисную обстановку и напряженность в обществе, например принимались совместные резолюции, выражалась солидарность со студенческими забастовками и т. д.

Концентрированную научную силу, на овладение которой правооппортунистические и антисоциалистические элементы длительное время и в значительной степени с успехом ориентировались, представляла Чехословацкая академия наук (ЧСАН). Позиция ЧСАН оказала решающее влияние на обстановку среди научной интеллигенции в так

называемом «процессе возрождения». Конкретно это касалось деятельности бывшего президиума ЧСАН, возглавляемого Ф. Шормом, некоторых научных учреждений Академии, особенно обществоведческих (например, Социологического и Исторического институтов, Института государства и права, Институтов философии, экономики, а также Института языковедения и литературы, Института чешской литературы, Института востоковедения). Сюда же относится институт в Ржежи и др.

Далее речь шла о деятельности объединенного комитета первичных организаций КПЧ научной базы ЧСАН, объединенного профсоюзного комитета, Союза научных работников, которые стали важной составной частью «мозгового треста» так называемого второго центра.

Весь материал, собранный к положению в высших учебных заведениях и научных учреждениях, свидетельствует, что правая оппозиция в Центральном Комитете под лозунгом исправления деформаций прошлого ликвидировала руководящую роль партии в области науки, отдала в руки ревизионистов партийные, обществоведческие и педагогические учебные заведения, Чехословацкую академию наук, ее научную базу и институты.

Они превратились в очаг по идейному разложению партии и общества, базу для создания ревизионистской теоретической платформы, которую принимала и проводила в жизнь правая оппозиция в партии... Носители этих теорий выдвигались на руководящие посты в партийные органы, особенно на идеологический участок. Их связь со средствами массовой информации и научными учреждениями помогала овладевать общественным мнением. Центральный Комитет КПЧ практически был отстранен как идеологический центр общества.

Ревизионистские концепции были направлены на ликвидацию руководящей роли партии в экономике, на превращение всенародной собственности в групповую, на отмену планирования, отрыв чехословацкой экономики от социалистической экономической системы и вовлечение ее в сферу влияния империализма. Теория плюрализма при свободной игре политических сил должна была содействовать ликвидации руководящего положения рабочего класса в обществе, а вместе с этим и руководящей роли марксистско-ленинской КПЧ, возрождению буржуазных политических партий и их взаимной борьбы за политическую власть.

Практически речь шла о возвращении к дофевральским (1948 г.) отношениям.

В международной сфере и вопросе военно-политической ориентации Чехословакии при помощи ревизионистской и оппортунистической концепции, осуществлявшейся под лозунгом «собственное лицо чехословацкой внешней политики» и т. д., правые стремились к отрыву ЧССР от содружества социалистических стран и оборонительного союза стран — участниц Варшавского договора.

В области построения партии деятельность правых была направлена на ликвидацию ленинских принципов, прежде всего демократического централизма. Идейная платформа правой оппозиции была враждебна партии и социализму, несовместима с идейными принципами марксистско-ленинской партии...

ГЛАВА 4.

ФОРМИРОВАНИЕ РУКОВОДЯЩЕЙ ГРУППИРОВКИ ПРАВОЙ ОППОЗИЦИИ

Представители правых сил в прежнем руководстве оппортунистически проявляли себя еще до 1968 г. Не случайно, что именно в период руководства А. Новотного на ответственные посты были выдвинуты Ота Шик, Франтишек Кругель, Ян Прохазка и другие представители ревизионистского курса в партии.

Как говорится в сообщении Центральной контрольно-ревизионной комиссии КПЧ, результаты расследования подтверждают, что руководящий состав представителей правой оппозиции в партии после января 1968 г. формировался из следующих наиболее влиятельных правых группировок:

- 1) из членов руководства партии и даже членов Центрального Комитета, которые уже раньше придерживались ревизионистских взглядов, распространяли их и постепенно переходили на платформу правых оппортунистов;
- 2) из главных представителей Городского комитета КПЧ в Праге, избранного в апреле 1968 г., которые присвоили этому органу права Центрального Комитета и с согласия представителей правых в руководстве партии созвали так называемый «высочанский съезд»;

3) из представителей так называемого культурного актива ЦК КПЧ, возглавляемого Эдуардом Гольдштюккером, принимавшего участие в подготовке чрезвычайного XIV съезда, используя некоторые права Центрального Комитета;

4) из представителей правых в Братиславском городском комитете КПС и некоторых других партийных работников Словакии, которые по примеру правых в Пражском городском комитете присвоили права ЦК КПС и созвали съезд Компартии Словакии.

Представители этой группировки вошли в число руководящих деятелей правой оппозиции в партии. Руководящие работники Братиславского городского комитета КПС уже в марте 1968 года на городской партийной конференции предъявили свои претензии на особое положение городского комитета. Бывший первый секретарь горкома Йозеф Зрак формулировал эту позицию следующим образом: Из структуры (городской организации) вытекает, что уровень и направленность политических действий и идеологической работы городской организации таковы, что не могут оставаться только ее достоянием; с помощью печати, радио и телевидения, а также лекций, совещаний и деловых контактов они распространяются на всю Словакию и за ее пределы.

Это нас обязывает к тому, чтобы научный, идейный и политический уровень движения, а также политическая практика и в дальнейшем были па высоте в нашем городе, чтобы наш вклад в формирование сознания народа и общественного мнения находился в полном соответствии с прогрессивными тенденциями.

В июне 1968 года чрезвычайная городская конференция констатировала отставание процесса «демократизации в Словакии», а потому требовала ускорения созыва съезда КПС, с тем чтобы избрать новый Центральный Комитет Компартии Словакии, который пользовался бы поддержкой и доверием всех словацких коммунистов и всего словацкого народа. Иными словами, это означало выражение недоверия к существующему руководству и Центральному Комитету КПС.

Правые в Братиславском горкоме КПС по примеру руководства пражской городской организации КПЧ стали потом инициаторами кампании за ускорение созыва съезда КПС, дискредитацию честных партийных работников. Эту

кампанию поддерживали все основные средства массовой информации.

В письме июньской городской конференции, адресованном делегатам чрезвычайного XIV съезда КПЧ, в частности, отмечается:

«Мы должны бороться за качественно новую систему социалистической демократии, которая бы эффективно гарантировала все гражданские права и свободы и в которой правомерным политическим субъектом был каждый гражданин, каждое добровольное общество, любая общественная организация, политическая партия. В связи с этим необходимо использовать все положительные аспекты концепции социалистического общества, как многопартийного общества, а также позитивные аспекты социалистического общества как внутренне полярно целого, в котором бы столкновение различных взглядов являлось позитивным фактором поисков и выработки политических решений и контроля власти».

Как и в вопросе плюрализма, Братиславский городской комитет в других вопросах также придерживался ревизионистской платформы правых. Деятельность представителей правых в городской партийной организации — Йозефа Зрака, Милана Стргана, Карла Минарика, Микулаша Фодора, Ярослава Данише и других находилась в соответствии с политическими замыслами представителей правых в ЦК КПС и областях.

В руководстве ЦК КПС к числу правых относился прежде всего Виктор Павленда — бывший секретарь ЦК КПС, Самуэл Фалтян, Богуслав Граца, Роберт Гаренчар.

На этой же идейной и политической платформе оказались и проводили тактику правых также некоторые руководящие работники областных и районных комитетов партии, особенно Антон Тяжкий — первый секретарь Среднесловацкого обкома КПС, Ян Косцеланский — первый секретарь Восточнословацкого обкома КПС, Юлиус Турчек — первый секретарь райкома КПС в Тренчине и другие. Правые в Братиславском горкоме КПС в вопросе созыва съезда Компартии Словакии действовали по существу так же, как и правые в Пражском горкоме КПЧ.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕВИЗИОНИСТСКОЙ И ОПОРТУНИСТИЧЕСКОЙ
ИДЕЙНОЙ ПЛАТФОРМЫ В ПОСЛЕЯНВАРСКУЮ ПОЛИТИКУ**

Формирование «второго центра» в партии проходило одновременно с трансформацией оппортунистической и ревизионистской идейной платформы, выработанной главным образом в паучных учреждениях и высших учебных заведениях, в практическую деятельность партии. Теоретическую платформу правых на практике воплощали различные группы и комиссии, работавшие над проектами партийных документов.

В эти группы наряду с товарищами, стоящими на марксистско-ленинских позициях, включались представители различных научных заведений и партийных органов с правой ориентацией. Они вносили в партийные документы элементы ревизионизма и оппортунизма. Под прикрытием «нового», «недогматического» подхода добивались принятия таких проектов документов, которые не подкреплялись убедительными материалами. Причем эти документы, как и проект «Программы действий», готовились в обстановке нарастающей политической напряженности, давления ревизионистских идей и буржуазной пропаганды, в атмосфере огульной критики прошлого, очернения и дискредитации партийных кадров.

Еще в «Программе действий», утвержденной апрельским пленумом ЦК КПЧ, нашла свое отражение активизация подрывной деятельности правых сил в партии. В ней содержатся немарксистские формулировки о роли партии, государства и социалистического общества, формулировки о так называемом принципе партнерства в отношении Национального фронта, об управлении экономикой и руководстве культурой, а также другие тезисы оппортунистического и ревизионистского характера.

««Программа действий» — это документ, который в теоретическом, политическом и организационном отношении является значительным шагом назад по сравнению с аналогичными партийными документами программного характера, принятыми партией ранее». Так характеризуется эта программа в «Уроках кризисного развития в Компартии и обществе после XIII съезда КПЧ», где в заключение указывается: «Поэтому Центральный Комитет считает

«Программу действий» неправильным и недействительным документом, из которого нельзя исходить в теоретической и практической деятельности партии».

Ревизионизм проникал во все поры

«Программа действий», принятая на апрельском пленуме ЦК КПЧ 1968 г., явилась результатом компромисса между наступающими оппортунистическими и ревизионистскими силами в Центральном Комитете и левыми силами, подвергавшимися грубому давлению, очернению и дискредитации за любую попытку защитить принципиальное марксистско-ленинское решение. Документ содержал ряд правильных, жизнью и практикой проверенных положений. Однако положительные моменты в «Программе действий» правые игнорировали, на практике осуществляли только ревизионистские положения. Некоторые разделы толковали по-своему. Поэтому «Программа действий», разработанная и одобренная на различных партийных уровнях, включая центральные органы, способствовала на практике прощипыванию элементов ревизионизма в деятельность партии.

Позднее, в обострившейся обстановке, «Программа действий» перестала удовлетворять правых. Правые пошли дальше и отбросили «Программу действий», которую считали мертворожденным ребенком. Только после августа 1968 г. правые вновь вспомнили о ней, так как она нужна была им как противовес решениям ноябрьского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ.

Правые силы готовили к XIV съезду КПЧ ревизию ленинских принципов партийной жизни и партийного строительства. Они считали, что ленинское учение о партии как о прочном организационном целом, спаянном дисциплиной, изжило себя в сегодняшних условиях. Речь шла прежде всего о ликвидации демократического централизма и о признании права фракций.

Кампания по поводу проекта Устава партии, организованная средствами массовой информации, означала атаку на основные принципы партийной жизни, вела к массовой дезориентации партийного актива, к различного рода шатаниям и несоблюдению действующего Устава. Уже в начале мая 1968 г. президиум Пражского горкома КПЧ выдвинул идею создания Чешской коммунистической пар-

тии, реализация которой преследовала цель парализовать деятельность Центрального Комитета, устранить его как руководящий орган партии. После майского пленума ЦК КПЧ в 1968 г. в эту тактику были внесены коррективы, чрезвычайный XIV съезд было намечено созвать 9 сентября 1968 г., правые пытались взять в свои руки политико-организационную и кадровую подготовку к XIV съезду. Правые оппортунисты и ревизионисты проникли в комиссию ЦК КПЧ по реабилитации, и в ее специальную группу, которая была создана в период наступления антисоциалистических и правооппортунистических сил. Как затем стало известно, их цель заключалась не в составлении объективной информации для партийных органов, а, наоборот, в дискредитации партии, ее истории, всего того положительного, чего добились трудящиеся Чехословакии за прошедшие 20 лет под руководством партии. В распоряжение группы Каплана были переданы архивные материалы и не был установлен необходимый контроль; в результате доступ к архивам имели лица, которым не было дано на это разрешение соответствующими партийными органами. С важными партийными документами обращались антинаучными методами, их интерпретировали субъективистски, ими злоупотребляли и средства массовой информации. Некоторые из этих материалов разными путями оказались в западных капиталистических странах.

Важную роль в претворении ревизионистской идейной платформы на практике играли некоторые отделы ЦК КПЧ, ответственность за деятельность которых несли прежде всего А. Дубчек, Й. Шпачек, Ч. Цисарж, З. Млынарж, В. Славик. Деятели правой ориентации, особенно в организационно-политическом и идеологическом отделах, отделе культуры, науки и др., активно содействовали реализации тактической линии руководящей правой группировки не только в центре, но и в областях и районах.

Имеется много данных о том, как подрывалась руководящая роль партии в государственных органах и учреждениях, как формировалась правая группировка в Национальном собрании, в правительстве и отдельных министерствах. Правые постепенно овладели решающими позициями на важных участках государственного аппарата и в государственных органах. Они создавали правые группировки в центральных органах массовых общественных организаций.

**ПРАВЫЕ ОППОРТУНИСТЫ
ИСПОЛЬЗУЮТ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ (НФ) В СВОИХ ИНТЕРЕСАХ**

Деятельность правых вела к ослаблению и в конечном итоге к ликвидации руководящей роли партии в центральных органах Национального фронта и общественных организациях. Главным организатором правых сил в Национальном фронте и общественных организациях стал Ф. Кригель, после того как его избрали на пост председателя Национального фронта, а также часть руководства Национального фронта. Ф. Кригель поддерживал тесные связи с руководящими деятелями средств массовой информации, с работниками Пражского горкома КПЧ, а также обкомов и райкомов.

Связь с координационным комитетом творческих союзов осуществлялась через члена ЦК НФ Л. Пацовского, с молодежными организациями — через З. Вокроуглицкого, с Союзом чехословацких женщин — через М. Фишерову. Такую же связь правооппортунистические силы поддерживали с остальными общественными организациями и другими политическими партиями, входящими в Национальный фронт.

Ф. Кригель тормозил работу Национального фронта. Например, на заседаниях НФ с января до августа 1968 г. только один раз обсуждалась создававшаяся ситуация в стране. В июне 1968 г. НФ одобрил «Заявление» политических партий, где говорилось: «С помощью плюралистической системы, воплощенной в Национальном фронте, вся общественность будет убеждена в необходимости последовательного устранения монополии политической власти». Национальный фронт не занял никакой позиции в отношении вновь возникающих организаций. В начале марта 1968 г. был учрежден подготовительный комитет КАН, в том же месяце был учрежден подготовительный комитет К-231.

Вскоре после апрельского пленума ЦК КПЧ был создан подготовительный комитет социал-демократической партии. По инициативе отдела ЦК КПЧ и здоровых сил в Национальном фронте была предпринята попытка воспрепятствовать деятельности реакционных организаций посредством принятия закона о Национальном фронте.

Проект закона был одобрен Президиумом ЦК КПЧ в июне 1968 г. и должен был быть вынесен на обсуждение пленарного заседания Национального собрания 24—28 июня. Но по договоренности между А. Дубчеком, Ф. Кригелем и Й. Смирковским проект закона был снят с повестки дня Национального собрания.

Постепенно в большинстве общественных организаций возникают правые группировки. 2 апреля 1968 г. на пленуме ЦК Чехословацкого комитета защитников мира выдвигались требования об отделении чехословацкого движения за мир от государства, от политики партии и выработки независимой политической линии.

Через профсоюзы к рабочему классу

Реализация планов правых и антисоциалистических сил, направленных на реставрацию прежних порядков, зависела у нас от позиции рабочего класса и его массовой организации — революционного профсоюзного движения. Наученные историческим опытом 1945—1948 гг., когда рабочий класс, организованный в профсоюзы и руководимый партией, был решающей силой в осуществлении социалистических изменений, реакционные силы действовали в нынешней обстановке по отношению к рабочему классу в высшей степени осторожно. Они понимали, что цель, формы и методы борьбы (очернение, анархия, хаос и т. д.), которые они использовали, неприемлемы для рабочего класса. С другой стороны, они учитывали определенное ослабление классового сознания рабочего класса в результате слияния с сильной группой мелкобуржуазных элементов и прихода молодого поколения с недостаточным классовым сознанием; в такой же мере они учитывали и техническую интеллигенцию, численность которой постепенно возрастала, а с ней и влияние на рабочий класс. С учетом всего этого творческие союзы, например, проводили совещание в Брно, где договорились о том, что необходимо идти на предприятия, к рабочему классу, и что путь туда лежит через профсоюзы. К лозунгам так называемого процесса возрождения (демократия, гуманизм, неограниченная свобода) рабочий класс относился вначале сдержанно, даже с подозрением. Однако борьба с бюрократизмом, недостатками в управлении производством, не-

достаточным пониманием общественных и личных интересов трудящихся была для них очень близка. Именно с помощью социальной демагогии, играя на правомерных требованиях рабочих, правые стремились втереться к ним в доверие. Эта тактика наглядно проявляется в деятельности высших профсоюзных органов. Стараясь заполучить поддержку рабочего класса в своей оппортунистической политике, правое крыло в партии пыталось ввести рабочий класс в заблуждение или хотя бы пейтрализовать его. Йозеф Смирковский начал борьбу за привлечение рабочего класса фактически еще в январе 1968 г. В программной передовой статьи газеты «Праце» он впервые открыто разделил общество на прогрессивную и непрогрессивную часть. Редакция «Праце» вскоре отказалась от классовых позиций. В целой серии статей она повела яростную атаку на партию, профсоюзы, руководство государства и т. д. Эта кампания, проводимая, кстати, всеми остальными средствами информации, вызвала депрессию у честных руководителей предприятий, но импонировала всем сохранившимся классово чуждым элементам, карьеристам и «обиженным», подстраивавшимся под рабочий класс. Она давала плоды потому, что бывшее профсоюзное руководство вело себя пассивно, не выступало против неправильных взглядов, не разоблачало их приверженцев. На пятом пленарном заседании профсоюзов в марте 1968 г. заметно проявились тенденции отрицания руководящей роли партии, прежде всего в вопросах кадровой политики, проведения «независимой профсоюзной политики». Профсоюзы должны были быть превращены в узкопрофессиональную организацию рабочего класса, что вело к превращению их из революционной организации в тред-юнионистскую. Характерным является то, что на этом пленуме было заменено все бывшее профсоюзное руководство.

Новое руководство заняло оппортунистическую позицию в отношении роли профсоюзов. Таким образом, деятельность высших профсоюзных органов вплоть до второй половины 1969 г. отражала ту борьбу между правыми и честными, преданными партии и социализму членами профсоюза, которых дезориентировали. Они выступали неорганизованно и под непрерывным давлением правых находились в обороне, а в некоторых случаях даже отступали.

Постепенно свертывалась воспитательная работа, были распущены лекторские группы общепрофсоюзных орга-

нов. Дело дошло до ликвидации районных профсоюзных советов; создавались новые союзы (их количество увеличилось с 13 до 32), а внутри союзов — секции. Во многих профсоюзах организовывали подготовительные комитеты к съезду, фактически взявшие руководство в свои руки. Так называемая федерация железнодорожников открыто выступила с требованием на самостоятельное существование вне профсоюзов. В этот период выдвигается лозунг «Профсоюзы без коммунистов», к которому высшие профсоюзные органы хотя официально и не присоединились, однако не препятствовали правым в его пропаганде и реализации на предприятиях. В тот момент, когда, вопреки решениям профсоюзных органов и желанию некоторых профсоюзных работников, развитие событий начинает вести к расколу профсоюзов и злоупотреблению ими правыми силами в своих интересах, пришла интернациональная помощь братских социалистических стран. Имеющиеся сегодня материалы не оставляют сомнений в том, что правое руководство профсоюзами отошло от классовых, интернациональных позиций и оказалось в плену национального шовинизма. Последующие заявления этого руководства играли на руку оппортунистам и врагам социализма у нас и нанесли серьезный ущерб международному рабочему движению.

Деятельность профсоюзов осенью 1968 г. характеризуется широким наступлением антисоциалистических сил против партии на предприятиях. Лозунг «Профсоюзы без коммунистов» претворяется в жизнь на отчетно-выборных собраниях заводских профсоюзных организаций, где составы заводских профкомов заменялись на 70—80 процентов. В результате этого 10 процентов профсоюзных организаций, прежде всего на крупных предприятиях, не имели в своем составе ни одного коммуниста. Правым силам удалось полностью овладеть пятью ведущими отраслевыми профсоюзами, а в других захватить ключевые позиции. Аналогичное положение сложилось и в остальных организациях Национального фронта, например в подготовительном комитете Союза сельскохозяйственных работников, Чехословацком союзе молодежи, Чехословацком союзе женщин, Союзе антифашистов, Чехословацком комитете защитников мира; правые развернули также свою работу в Союзе чехословацко-советской дружбы, в Чехословацком красном кресте, Центральном совете кооперативов и в

Чехословацком союзе физкультуры и спорта. Приведенные факты свидетельствуют о серьезном разложении всего Национального фронта в результате деятельности блока правых и антисоциалистических сил. Руководящая роль партии в массовых общественных организациях была ликвидирована. Возник ряд организаций вне рамок Национального фронта, по существу стоявших на антисоциалистических позициях. Руководящие деятели других политических партий выступали с особыми программами, выходившими за рамки программы Национального фронта. Руководство массовыми общественными организациями оказалось под контролем правых сил, и в них активизировались антисоциалистические элементы. Профсоюзы перестали выполнять свою классовую роль, а в послеавгустовский период они стали орудием борьбы против партии. Политический плюрализм стал реальностью.

ГЛАВА 7.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ О СВЯЗЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРАВЫХ С АНТИСОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ ЭЛЕМЕНТАМИ И ЗАРУБЕЖНЫМИ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИМИ ЦЕНТРАМИ

Некоторые руководящие деятели правых, стремясь укрепить свои позиции, устанавливали контакты с организациями и лицами, которые по служебной линии или по другим каналам поддерживали связи с зарубежными организациями, включая и явно контрреволюционные.

Франтишек Водслонь, перефразируя, охарактеризовал эту тактику в известном высказывании: «В борьбе против консерваторов в партии мы будем сотрудничать даже с самим чертом». Деятельность правых была связана с политическим подпольем, включая ту его часть, которая тяготела к зарубежным информационным и разведывательным центрам.

Можно с уверенностью назвать главные центры в капиталистических странах, которые поддерживали контрреволюционные силы в ЧССР. Более того, эти факты раскрывают каналы, по которым враждебная идеология проникала в Чехословакию. Этими каналами являются: сионизм, ревизионистские группировки в некоторых коммунистических партиях, троцкистские и радикалистские группы, пра-

вая социал-демократия и религиозно-политические организации с центром в Ватикане. Деятельность идеологических центров, нацеленная на многолетнюю перспективу, которая была всесторонне подготовлена, оказалась весьма изощренной. Тактика силового давления, постоянной инфильтрации, «ползучего» проникновения буржуазной идеологии, искусное использование противоречий в социалистическом лагере и в отдельных странах, поиски и использование слабых звеньев, тактика так называемой эрозии социализма, либерализации режимов и так называемая гуманизация социализма — иначе говоря, в основу взята вся система разработанных теорий Бжезинского и ему подобных, которая нашла своих приверженцев и исполнителей.

Факты неопровержимо говорят о том, что идеологи ревизионизма в Чехословакии не только ездили за получением инструкций в США и западные страны, но что и ведущие идеологи антикоммунизма выступали со своими доктринами непосредственно в Праге.

Известный теоретик антикоммунизма Бжезинский в 1964 г., 1965 г. и в июне 1968 г. выступал с лекциями в Праге, в Институте международной политики и экономики. На территории социалистического государства ему была предоставлена возможность прочитать лекции на тему «Конец ленинизма». Подобные Бжезинскому деятели вели работу и в других местах (в институтах Чехословацкой академии наук, высших учебных заведениях, ВПП ЦК КПЧ, в международных редакциях газет). Директор Института международной политики и экономики Шнейдарек в августе 1968 г. утверждал: «Силы, которые будут формировать внешнюю политику Чехословакии, не будут тождественны силам, которые формировали ее в прошлом, а влиятельные силы, которые поддерживают нас на международной арене, не будут тождественны силам, которые поддерживали Чехословакию в прошлом». Культурные и научные связи, которые развивали различные организации и учреждения, утрачивали свой прежний характер и постепенно, как правило, стали противоречить кровным интересам социалистической Чехословакии. В 1968—1969 гг. на Западе чехословацким гражданам было предоставлено стипендий значительно больше, чем представителям всех европейских социалистических стран, вместе взятых.

Из 800 поездок научных работников за границу, которые в 1967 г. санкционировал международный отдел ЦК КПЧ, более 400 было осуществлено в ФРГ, а 150 — в другие капиталистические страны. Важный рубеж в деятельности правых сил на внешнеполитическом участке определился в период возникновения кризиса на Среднем Востоке, особенно в связи с арабско-израильским военным конфликтом. С этого момента сионизм повел открытую атаку на страны — участницы Варшавского договора, которые, руководствуясь интернационалистскими принципами, поддерживали справедливые цели национально-освободительной борьбы арабских стран. С этого времени под давлением правых происходит заметная дифференциация в чехословацких заграничных представительских организациях, которые затем, в августе 1968 г., по существу, обанкротились. В Министерстве иностранных дел ЧССР решающие позиции оказались также в руках правых сил.

Наряду с бывшим министром иностранных дел Й. Гаеком негативную роль сыграл его заместитель О. Кличка. В 54 чехословацких заграничных представительствах были проведены акции, которые находились в вопиющем противоречии с позицией Президента республики и интересами государства. Из послов ЧССР, влиявших и на других послов, крайне отрицательную роль сыграли В. Питгарт в Париже, П. Новотный в Вене, Эд. Урбан в Хельсинки, Ф. Поспишил в Гааге, Й. Пучик в Будапеште и Л. Шимович в Белграде.

Различные группы легально и нелегально подрывали внешнюю политику социалистического государства, наносили вред существующим отношениям социалистического лагеря, и прежде всего стремились изолировать Советский Союз. В Институте международной политики и экономики такую линию проводили особенно А. Шнейдарек, Й. Шедивый, Й. Штепановский, А. Орт и В. Котык. В комиссии по иностранным делам бывшего Национального собрания — Ф. Кригель, Гертруда Секанинова-Чакртова, В. Прхлик, Фр. Водслонь, Й. Мацек, Й. Шубрт (народный социалист), А. Жиак (Партия словацкого возрождения) и др., а в «Обществе по защите прав человека» — В. Черный, Э. Гольдштюкер, Я. Прохазка, К. Нигрин, д-р Э. Людвик, Вл. Шкутина, Мил. Маховец, Й. Чех.

Имеющиеся факты свидетельствуют о том, как с помощью профессора Вацлава Черного и его ближайшего окружения создавались нелегальные базы, как они действовали, как формировалась их организационная сеть, как вслед за фронтом правых создавался «белый фронт», опиравшийся на зарубежные силы, как враждебными элементами использовались научные и культурные командировки неискушенных политически людей, ездивших за рубеж. Установлена связь представителей этой группы со средствами массовой информации, с руководителями Союза писателей, Академией наук, высшими учебными заведениями и с самыми воинствующими журналистами.

Деятели этой группы, такие, как Ян Прохазка, Вацлав Гавел, А. Климент, делали ставку на писателей и публицистов; Иван Свитак — на КАН, высшие учебные заведения, студенческое движение, социал-демократическую партию; Отто Вихтерле — на координационный комитет творческих союзов.

Эта организационная сеть распространялась вплоть до постепенно формирующегося руководства социал-демократической партии и затем выходила на связь с ведущими партиями Социалистического интернационала. На этом участке работали в первую очередь П. Яныр, Й. Мунзар, И. Свитак, Зд. Бехине, Й. Веверка, И. Шишка, Л. Когут.

И наконец, здесь осуществлялись «внешнеполитические» связи через представителей К-231, в частности через американского шпиона О. Рамбоусека, Рад. Прохазку, Йоз. Черного, В. Роубика, далее через известного фашиста Я. Бродского, бывшего генерала В. Палечека и профессора К. Нигрина.

«Мы преследовали весьма определенные цели»

В апреле 1969 г. мозговой трест послеавгустовской эмиграции собрался в Лондоне, который подвел итоги выполнения первоначально разработанного плана и проанализировал причины поражения. Его видные представители поделились о том, где они учились ревизионизму и ренегатству, где начали свою деятельность в этом направлении. Они заявили, что они стремились не к проведению

каких-либо экономических реформ, а к решению вопроса о политической власти, к контрреволюционному перевороту.

Указанные сбежавшие лидеры заявили в лондонском бюллетене № 9 за апрель 1969 г., который издается за счет фонда Рассела: «Мы искали теорию, с помощью которой мы могли бы обосновать нашу борьбу. Мы хотели не только устранить руководителей партии, но прежде всего мы хотели создать новые формы, новую теорию, новые идеи, новую структуру».

«XIV съезд КПЧ должен был стать качественно новым этапом, ведущим к коренным переменам, опасным для всех консерваторов, для всего аппарата и политической основы бюрократии». «Мы боролись за экономические реформы, однако не раскрыли свои политические цели».

«Мы преследовали весьма определенные революционные цели». «Мы говорили рабочим: пока у вас есть такие министерства, у вас не будет политической свободы. Для того чтобы устранить централизованный контроль, нам необходима поддержка для проведения политических изменений. Это единственный путь завоевания политической свободы». «Перед нами были революционные цели, и мы стремились к революционным изменениям». «Мы полагали, что мы ведем свою последнюю и самую большую битву, которая завершит десятилетнюю борьбу». «Пресображенский, Троцкий и Джилас, как критики всеобщей бюрократии, были у нас на вооружении».

Заключение

Прежде чем закончить серию наших статей, освежим в памяти всех граждан республики образ человека на телевизионном экране — Камила Винтера. Этот факт, о котором мы не должны забывать, показывает, как многие внедрились в ряды нашей партии и, прикрываясь партийным билетом, обеспечивали себе карьеру, готовясь к дню «икс». Этот день «икс» наступил для них в 1968 г.

Они постепенно раскрывали свое истинное лицо, однако маску окончательно сбросили только в эмиграции.

13 апреля 1969 г. в студию телевидения в Торонто был приглашен «коммунист» Винтер. Прочитайте выдержку из «исповеди» бывшего шефа телевизионных передач, человека, который с огромным рвением разглагольствовал в

свое время у нас о социализме, о «процессе возрождения» и о демократии. Почитайте егоopus, ибо на сей раз он говорит правду.

Вопрос журналиста. Учитывая, что в Чехословакии вы занимали высокое служебное положение, вы были, очевидно, коммунистом...

Ответ Камилы Винтера. В зависимости от того, что вы подразумеваете под словом «коммунист»...

Вопрос. Вы состояли в коммунистической партии?

Ответ Камилы Винтера. В партии состоял, но по убеждениям я никогда не был коммунистом.

Вопрос. Значит, вы не верите, что коммунистическая партия отстаивает самые высокие идеи, отвечающие интересам вашего народа и остальных народов?

Ответ Камилы Винтера. Я этому никогда не верил.

*Из редакционных статей в газете «Руде право»,
30 января, 1, 2, 3, 4 февраля 1971 г.*

Введение	3
УРОКИ КРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ В КОМПАРТИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ И ОБЩЕСТВЕ ПОСЛЕ XIII СЪЕЗДА КПЧ Документ, принятый на пленуме ЦК КПЧ в декабре 1970 г., «Руде право», 10 сентября 1969 г.	11
Г. Гусак , Генеральный секретарь ЦК КПЧ. ГЛАВНЫЕ ЗАДАЧИ КПЧ ПОСЛЕ ОБМЕНА ПАРТИЙНЫХ БИЛЕТОВ Из доклада на пленуме ЦК КПЧ 10 декабря 1970 г., «Руде право», 15 декабря 1970 г.	73
Л. Свобода , член Президиума ЦК КПЧ, Президент ЧССР. ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОМ АКТИВЕ КПЧ В ПРАГЕ 19 АВГУСТА 1969 г. «Руде право», 20 августа 1969 г.	94
МЫ ОТВЕРГАЕМ ПОЛИТИКУ АВАНТЮРИЗМА. ПОЧЕМУ Ф. КРИГЕЛЮ НЕ МЕСТО В ПАРТИИ. «Руде право», 7 июня 1969 г.	100
А. Кроужил , Генеральный секретарь ЦК Союза чехословацко-советской дружбы. КОМУ МЕШАЕТ НАШ СОЮЗ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ. «Руде право», 24 июля 1969 г.	105
О. Швестка , секретарь ЦК КПЧ. ЧТО ПРОИЗОШЛО В НОЧЬ С 20 НА 21 АВГУСТА 1968 г. «Руде право», 21 августа 1969 г.	112
В. Биляк , член Президиума, секретарь ЦК КПЧ. ОТ ДРЕЗДЕНА ДО БРАТИСЛАВЫ. Ответы на вопросы еженедельника «Трибуна» и газеты «Руде право». «Руде право», 3 сентября 1969 г.	132
Д. Кольдер , член ЦК КПЧ, председатель Комитета народного контроля ЧССР. ФАКТЫ НЕЛЬЗЯ ЗАМОЛЧАТЬ. Ответы на вопросы еженедельника «Трибуна» и газеты «Руде право». «Руде право», 10 сентября 1969 г.	151
И. Смирчина. ДИКТАТУРА ПРАЖСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ. Из статьи в газете «Руде право», 16 сентября 1969 г.	170
А. Индра , член Президиума, секретарь ЦК КПЧ. ПРАВДОЙ ПРОТИВ МИФОВ. Ответы на вопросы еженедельника «Трибуна». «Руде право», 24 сентября 1969 г.	179

Ян Гумл.

ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОГО ЛИЦА. О кампании, развернувшейся по поводу письма 99 работников завода «Авто-Прага». «Руде право», 26 сентября 1969 г. 194

МАСКА СБРОШЕНА. И. ПЕЛИКАН ИСКЛЮЧЕН ИЗ КПЧ. «Руде право», 3 октября 1969 г. 202

А. Сваровска, Я. Роус.

ПРОТОКОЛ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ. О Пражской городской конференции КПЧ, июль 1968 г. Из статей в еженедельнике «Трибуна», октябрь 1969 г. 206

ТЕНЕВЫЕ СТОРОНЫ МОЛОДОГО БРОЖЕНИЯ. Почему З. Вокроуглицкий сошел с политической арены. «Руде право», 22 октября 1969 г. 223

ПОПЫТКИ ПРАВОГО ЦЕНТРА ОСУЩЕСТВИТЬ ПЕРЕВОРОТ В ПАРТИИ. ИЗ ПРОТОКОЛЬНЫХ ЗАПИСЕЙ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ВЫСОЧАНСКОМ СЪЕЗДЕ». «Руде право», 6 ноября 1969 г. 232

СВИДЕТЕЛЬСТВА УЧАСТНИКОВ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «ВЫСОЧАНСКОГО СЪЕЗДА», СОСТОЯВШЕГОСЯ В АВГУСТЕ 1968 г. Встреча в редакции газеты «Руде право», 2 декабря 1969 г. 260

Я. Фойтик, секретарь ЦК КПЧ.

О «ТЕОРИИ» ЛЕБЛА «ВЛАСТЬ ЧЕЛОВЕКА». ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ОПОРТУНИЗМЕ. Из выступления на конференции, посвященной ленинизму. Прага, 19—21 ноября 1969 г. «Руде право», 5 декабря 1969 г. 272

И. Малик.

КАК ФОРМИРОВАЛСЯ ПРАВООПОРТУНИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР В БРНО. «Руде право», 29 декабря 1969 г. 277

И. Гечко.

НАУЧНАЯ ГИПОТЕЗА ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СПЕКУЛЯЦИЯ. «Руде право», 8 января 1970 г. 285

К. Ванек, Ф. Рыба.

КАРТА, КОТОРАЯ БЫЛА И БУДЕТ БИТА. «Руде право», 14 января 1970 г. 295

*К. Сршень, главный редактор еженедельника «Трибуна»,
З. Горжени, зам. главного редактора газеты «Руде право».*

ЧЕСТЬ ТРУДУ, ТОВАРИЩ РИГО! Из статьи в газете «Руде право», 12 февраля 1970 г. 309

М. Шольц, Б. Шваха.

КАК ЭТО БЫЛО В ВЫСШЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ ЦК КПЧ в 1968—1969 гг. «Трибуна», 18 февраля 1970 г. 318

Я. Шедивый.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАЛ ЭДУАРД ГОЛЬДШТЮККЕР. Из статьи в газете «Руде право», 5 марта 1970 г. 330

И. Гечко.

УСТАВ ПАРТИИ ДЕЙСТВУЕТ. Наши крестьяне не дали обмануть себя дешевой демагогией И. Боровки. «Руде право», 16 марта 1970 г. 335

И. Ленарт, член Президиума ЦК КПЧ, Первый секретарь ЦК КПС.

ЭПОХА ПОБЕДОНОСНОГО ШЕСТВИЯ ЛЕНИНИЗМА. Из доклада на торжественном вечере в Братиславе, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. «Правда» (Братислава), 23 апреля 1970 г. 340

ПОЧЕМУ АЛЕКСАНДР ДУБЧЕК БЫЛ ИСКЛЮЧЕН ИЗ РЯДОВ КПЧ? «Руде право», 16 июля 1970 г. 345

С. Оборский.

ПРОФЕССОР В. ЧЕРНЫЙ И ДРУГИЕ. Из статей в газете «Руде право», 15, 18, 19 августа 1970 г. 369

М. Шольц.

ЧТО В ЧЕХОСЛОВАКИИ БЫЛО ПОСТАВЛЕНО НА КАРТУ. Из статей «Руде право», 25, 26, 27 августа 1970 г. 379

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ — НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СТОРОНА ДОЛЖНОСТИ. Почему О. Черник был исключен из КПЧ. «Руде право», 19 декабря 1970 г. 395

ОНИ ШЛИ ПРОТИВ НАС. О формировании и деятельности правых группировок в партии. Из редакционных статей в газете «Руде право», 30 января, 1, 2, 3, 4 февраля 1971 г. 405

ПРАВДА ПОБЕЖДАЕТ

Материалы чехословацкой печати, разоблачающие подрывную деятельность антисоциалистических и правооппортунистических сил в ЧССР в 1968 году — начале 1969 года

Заведующий редакцией *К. Н. Сванидзе*

Редактор *Т. Г. Климова*

Младший редактор *Т. К. Сперанская*

Художник *Н. П. Пешков*

Художественный редактор *Н. Н. Симагин*

Технический редактор *Н. П. Межеричук*

Сдано в набор 14 мая 1971 г. Подписано в печать 5 августа 1971 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 23,1. Учетно-изд. л. 22,31. Тираж 67 тыс. экз. Заказ № 488. Цена 89 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

89 коп.

1941

Правда побеждает